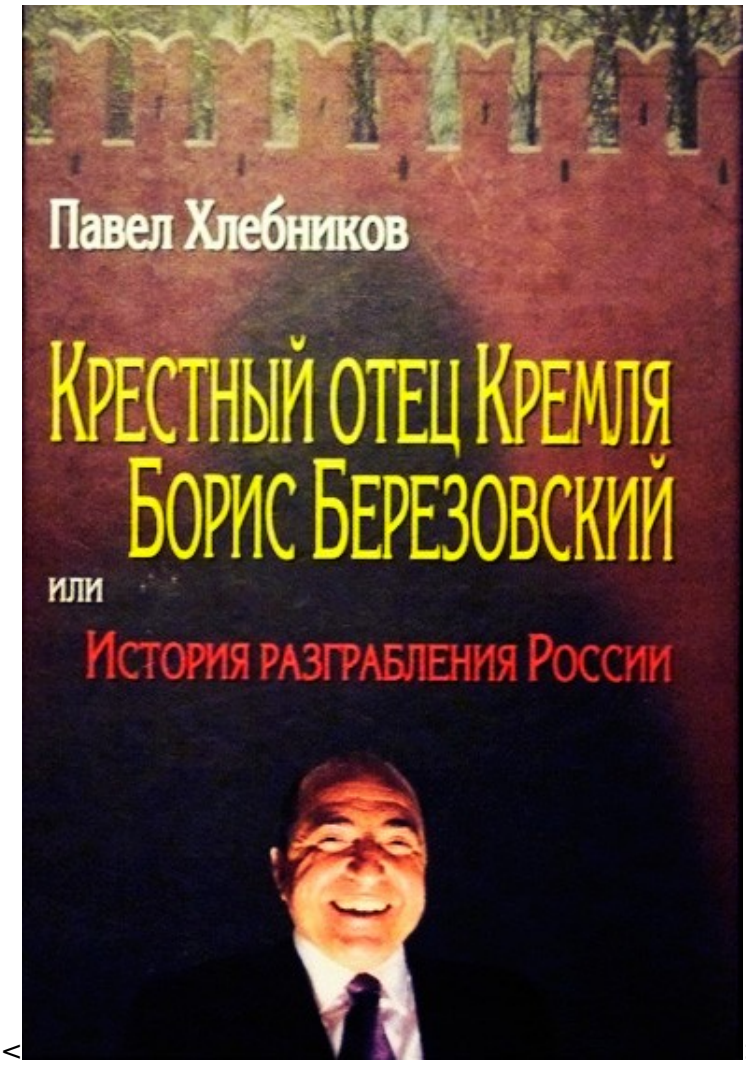
Хлебников Павел

Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или история разграбления России

Москва, 2001



Аннотация----2
Предисловие автора----2
Введение----3
Глава 1. Великая бандитская война----7
Перестрелка у кинотеатра «Казахстан»----7
Чеченцы----8
Воры в законе----9
Война начинается----12
Казино «Черри»----13
Сверхдержава преступности----16
Взрыв у «ЛогоВАЗа»----20
Вторжение в Чечню----21
Конец старых авторитетов----23
Глава 2. Падение старого режима----24
Реформы Горбачёва----24
Водка----25

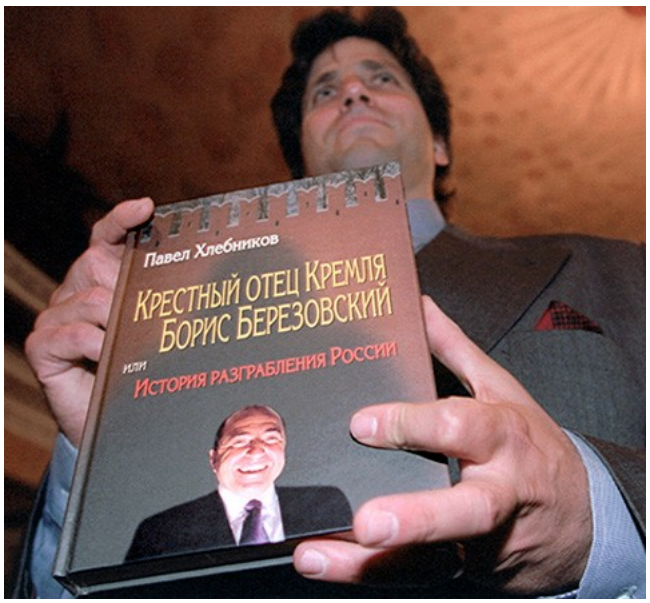
Рублёвый навес----26
Первые шаги Бориса Березовского в бизнесе----27
Новая миссия КГБ----29
Связь с Лозанной----35
Путч----37
Смерть во внутреннем дворе----39
Глава 3. Рай для трейдеров----39
Решение о ликвидации Советского Союза----39
Гайдаровские реформы----40
«Алиса»----42
«Жигули» на продажу----45
«Мы демонтировали всё»----49
«Придётся затягивать пояса»----52
Смерть нации----53
Глава 4. Распродажа страны за ваучеры----56
Друг семьи----56
Огонь по парламенту----61
Анатолий Чубайс приватизирует Россию----64
«Никаких законов мы не нарушили»----67
Народный автомобиль----69
Глава 5. Убийство Листьева----73
«Самое яркое проявление коррупции в России»----73
Противник----75
«Мордой в снег!»----78
Покушение----81
«Москвой управляет мразь»----82
Березовский становится медиа-магнатом----85
Глава 6. Приватизация прибылей Аэрофлота----86
«Наш интерес здесь очевиден»----86
«Andava»----88
Зять Ельцина----91
Загадочная компания в Дублине----92
Глава 7. В погоне за нефтью----95
«Смысл жизни - в экспансии»----95
Российский Рокфеллер----96
Тело в реке----99
Залоговые аукционы----100
Аукцион по продаже акций «Сибнефти»----104
«Власть должна выражать интересы бизнеса»----106
Глава 8. «Чёрная касса» президентской кампании Ельцина----108
Давос----108
«Власть мы не отдадим»----109
Собрание в доме приёмов «ЛогоВАЗа»----110
Татьяна----111
«Несерьёзная сумма»----112
«Из их мозгов сделали пюре»----114
Монеты народу----116
Национальный фонд спорта----117
Тактика устрашения----119
Вербовка генерала Лебедя----120
Коробка с деньгами----121
Фёдоров остаётся в живых----122
«Либо они затыкаются, либо посажу»----124
Глава 9. Олигархия----126
Весёлый город----126
Березовский получает место в правительстве----128
Торговля заложниками----131
«Это комедия, и она комедией остаётся»----135
Новые правила игры----137
«Юкси»----140
Кризис----141
Глава 10. Владимир Путин приходит к власти----144
Подслушиваем президента----144
Ордер на арест----145
Триумф Березовского----148
Вторая чеченская война----152
Алюминиевые магнаты----156

Иммунитет----------159
Эпилог----------161

Аннотация

Вниманию читателей предлагается перевод книги Павла (Пола) Хлебникова, ставшей бестселлером в Америке в августе прошлого года. Автор - старший редактор журнала «Форбс», много лет изучал политическую и экономическую обстановку в новой России. Проводя своё расследование, он встречался с людьми, стоявшими у власти, с журналистами, сотрудниками спецслужб. Герои повествования не только Борис Березовский, но и другие знакомые фигуры последнего десятилетия нашей страны. Прочитав эту книгу, вы узнаете тайны Семьи, подоплёку чеченской войны, загадки многих экономических скандалов. Журналистское расследование Павла Хлебникова - попытка дать ответ на вопрос, кто же виноват во всех бедах России. Книга рассчитана на массового читателя.

Предисловие автора



Джиму Майклсу - за то, что сделал из меня журналиста
Журналу «Форбс» - за несгибаемость
Музе - за поддержку

Всё рушится, основы расшатались,
Мир захлестнули волны беззаконья:
Кровавый ширится прилив и топит
Стыдливости священные обряды.
У добрых сила правоты иссякла
А злые будто бы остервенились.
Уильям Батлер Йитс

Среди моих источников - бывшие члены Службы безопасности Президента - СБП. В 1996 году эта структура была распущена, но до того времени была одной из наиболее могущественных в стране. В ней работало около 500 специалистов - от спецназовцев до разведчиков-аналитиков, оснащённых по последнему слову разведтехники. Задача СБП заключалась не только в охране Ельцина, но и в расследовании обвинений в коррупции или шпионаже в коридорах власти.

В эпоху Ельцина стала частым явлением утечка информации из правоохранительных структур. Чёткой политики по поводу того, какую

информацию можно предать гласности, не было. Решение поделиться со мной теми или иными документами: видеозаписями, аудиокассетами, распечатками и т.д. многие лица принимали сами. В большинстве случаев эти люди руководствовались тем, что российская правовая система не способна обуздать преступников. Им казалось: раз судебная машина не работает - эпидемии преступности может противостоять гласность.

Многие из тех, кто согласился говорить со мной о событиях, описанных в этой книге, поставили одно условие: я не должен их называть. Тогда их информация использовалась только как второстепенная. Если я и говорю о событиях на основе этих анонимных источников, это значит, что у меня есть подтверждение из источников официальных. В тех редких случаях, когда аноним был единственным источником, приходилось цитировать и его. Наиболее важным из этой серии был «источник РУОПа». Этот человек - в прошлом высокопоставленный сотрудник московского РУОПа - Управления по борьбе с организованной преступностью. Я не сомневаюсь в достоверности его информации, потому что занимаемая им должность позволяла ему знать то, о чём он говорит. Более того, я знаком с этим человеком с 1993 года, и всё это время он поставлял мне информацию, которая подтверждалась дальнейшими событиями. Например, если он говорил, что тот-то и тот-то - главари преступных группировок, впоследствии это оказывалось правдой, потому что эти люди становились участниками бандитских разборок либо их арестовывали и приговаривали к заключению западные правоохранительные органы.

Я старался не полагаться на газетные материалы, не брать их за основу для моего повествования. Если я и ссылаюсь на газеты, то только потому, что они вели ежедневную летопись событий или печатали интервью с кем-то из моих героев. В большинстве случаев, когда я решал воспользоваться интервью, взятым другим журналистом, последний не давал мне магнитофонную запись разговора со своим собеседником. Так или иначе, я считаю, что эти опубликованные интервью верны: во-первых, они напечатаны в газетах с солидной репутацией, во-вторых, герои интервью не раз давали этой же газете другое интервью несколько лет спустя. Другими словами, я предполагаю, что, если слова человека в газете исказили, он в эту газету с новой публикацией не придёт.

Наиболее достоверные источники книги - её герои. Я кропотливо работал над документальной и устной историей эры Ельцина, но, вне всякого сомнения, многое осталось вне поля моего зрения. Наверняка появятся книги, в которых жизни моих героев будут раскрыты более подробно. Но у меня была возможность общаться с этими людьми в начале 90-х годов, в их «век невинности», когда они делились со мной откровенно - часто хвалясь своими преступными подвигами, - и столь же откровенно лгали.

Введение

В феврале 1997 года на журнал «Форбс» подал в суд Борис Березовский. Этот человек появился внезапно, став богатейшим бизнесменом и одним из самых могущественных людей России. В декабре 1996 года я написал о Березовском статью «Крёстный отец Кремля?». Он нанял английских адвокатов и подал в Лондонский Высокий суд правосудия за клевету. На момент публикации этой книги дело не прекращено. «Форбс» не испугался перспективы суда и продолжал печатать мои статьи о Березовском.

Я заметил, что его тень падает на многие важные события, потрясавшие Россию в прошедшем десятилетии. Я начал прослушивать записи своих бесед со всевозможными расхитителями в эпоху новой России, чьи карьеры пересекались с Березовским: товарно-сырьевые магнаты, ненадолго захватившие российскую экономику; директора заводов, получившие в наследство промышленные империи; молодые банкиры, жёсткие и беспринципные, сколотившие состояния на политических связях. Все эти люди были наверху, когда о Березовском ещё никто не слышал. Они были в свете юпитеров, а Березовский ждал своего часа за кулисами.

Многие магнаты российского бизнеса унаследовали своё богатство от старого Советского Союза, стали уполномоченными миллионерами, но Березовский построил свою империю сам, с нуля. Свой вклад в распад России в начале 90-х вносили многие, но Березовский воплощал дух эпохи. Никому больше не удавалось так тонко улавливать быстро меняющиеся обстоятельства; стоило России на своём мучительном пути к рыночной экономике сделать новый поворот, Березовский был тут как тут и изобретал новые способы наживы. А войдя в политику, он обогнал всех и здесь. Приватизировав огромные просторы российской промышленности, Березовский приватизировал само государство.

Превращение России из мировой сверхдержавы в нищую страну - одно из самых любопытных событий в истории человечества. Это крушение произошло в мирное время всего за несколько лет. По темпам и масштабу этот крах не имеет в мировой истории прецедента.

Когда Михаил Горбачёв начал перестройку и когда Борис Ельцин стал первым демократическим президентом России, я ожидал, что Россию охватит тот же всплеск энергии, который испытал Китай во времена реформ Дэн Сяопина. Я ожидал экономического подъёма, какой последовал за деколлективизацией сельского хозяйства, проведённой Петром Столыпиным почти век назад. Но вскоре я понял - всё в России рушится. Правительство Ельцина отпустило цены, и вслед за гиперинфляцией в мгновение ока обеднело большинство населения страны. Появился свободный рынок, но экономика не стала работать эффективнее, наоборот, началось неумолимое сползание в пропасть. В результате приватизации обогатилась лишь небольшая группа «своих». Страну разграбили и развалили новые собственники.

Как могло случиться такое? Всё указывает на российскую организованную преступность. Я писал статьи о гротескном образе жизни и жутких злодействах новых бандитов. Занимаясь российской мафией, я не раз получал совет: хотите писать о российской организованной преступности, не уделяйте много внимания живописным королям мафии, сосредоточьтесь на правительстве. Россия - это бандитское государство, говорили мне, её политическая система - не что иное, как власть организованной преступности.

ФБР даёт следующее определение организованной преступности: «Преступный сговор на постоянной основе, который питается страхом и коррупцией, а мотивировкой является жадность». В определении есть и такой абзац: «Они совершают или угрожают совершить акты насилия или запугивания; их действия методичны, последовательны, отличаются дисциплиной и секретностью; они изолируют своих руководителей от прямого участия в незаконных действиях с помощью бюрократических прослоек; они пытаются оказать воздействие на правительство, политику и торговлю посредством коррупции, подкупа и законных средств; их главная цель - экономическая нажива,

не только за счёт очевидно незаконных предприятий… но и путём отмывания нечестных денег и инвестирования в законный бизнес».

Написать внятную историю преступных деяний в эпоху Ельцина - задача не из лёгких. Почти ни одно громкое убийство не было раскрыто. Трудно выявить даже преступное прошлое многих персонажей - проблема, с которой столкнулись правоохранительные органы, заключалась в том, что некоторым бывшим уголовникам с хорошими связями удавалось похитить свои досье, уничтожив следы своих преступлений. Российский уголовный кодекс содержал много двусмысленностей и дыр. Многие финансовые операции, которые на Западе расценили бы как преступные (некоторые типы взяток, мошенничество, казнокрадство, вымогательство), в России зачастую преступлением не являются.

Российские бандиты не особенно боятся и милиции, потому что у них есть защитники наверху. На самом низком уровне типичного преступного сообщества в России находятся «уличные качки», которые вымогают деньги у палаточных торговцев, владельцев ресторанов и так далее; эти люди отчитываются перед главарями, действующими на общегородском уровне; последние, в свою очередь, подчиняются боссам на общенациональном уровне. На каждом уровне у бандитов свои люди в государственных органах - начиная с местного отделения милиции или налоговой инспекции вплоть до мэров и губернаторов. И так до самого верха, до окружения президента.

Обычно любому удачливому российскому бизнесмену приходилось иметь дело с обеими сторонами. Российская структура власти представляла собой трёхгранную пирамиду: бандиты, бизнесмены и государственные чиновники.

За каждым историческим процессом стоят конкретные личности. Мне хотелось узнать: кто же в действительности правит Россией? Кто довёл страну до такого состояния? Кто находится на верху пирамиды?

Летом 1996 года я стал знакомиться с деятельностью Бориса Березовского. Не было другого человека, стоявшего столь близко ко всем трём ветвям власти: преступность, бизнес и правительство. Нет другого человека, которому сползание России в пропасть принесло бы такие грандиозные доходы.

Впервые я услышал о нём во время поездки в город Тольятти, на Волге, где находится крупнейшая в России автомобильная компания «АвтоВАЗ». Я писал статью об автомобильной промышленности в России и услышал, что «АвтоВАЗ» каким-то образом связан с предпринимателем по фамилии Березовский (на самом деле этот магнат заработал свои первые миллионы именно на этом автозаводе).

Когда я спросил президента «АвтоВАЗа» Алексея Николаева о холдинге Березовского «ЛогоВАЗ», автомобильный босс и его помощники нервно переглянулись. В глазах людей, сидевших напротив меня, мелькнул испуг. «Мы больше никаких прямых связей не имеем с «ЛогоВАЗом», - пробормотал Николаев. - У них там (в Москве) другой какой-то бизнес».

Кем же был этот бизнесмен, одно имя которого заставляло всех умолкнуть? Я стал изучать этапы молниеносной карьеры Березовского и обнаружил, что она полна обанкротившихся компаний и загадочных смертей. Масштаб разрушений был колоссален, даже по современным российским стандартам. Он вцеплялся в крупную компанию, высасывал из неё деньги, превращая в банкрота, державшегося на плаву только благодаря щедрым государственным субсидиям. Его, словно магнитом, тянуло к наиболее кровавым точкам России: бизнес по продаже автомобилей, алюминиевая промышленность, выкуп заложников в Чечне.

Многие из его деловых начинаний - от захвата ОРТ до перекупки Омского нефтеперерабатывающего комбината - были омрачены убийством или случайной смертью ключевых фигур. Вскоре после его вмешательства в деятельность Национального фонда спорта была предпринята попытка убить бывшего президента фонда. Свидетельств того, что Березовский виновен в этих смертях, нет. Правда, в 1995 году он недолго числился в списке подозреваемых по одному из самых крупных убийств в эпоху Ельцина, но его никогда не обвиняли в совершении преступления в связи с этими событиями.

Я встретился с Березовским в Москве в 1996 году. Высокий интеллект этого человека не вызывал ни малейших сомнений - он доктор математических наук. Говорил он нервно, мысли формулировал чётко, то и дело взмахивая рукой, на которой остался след от совершённого на него покушения в 1994 году. Насилие в русском бизнесе он принимал спокойно, но при этом занимал высоконравственную позицию. «В огромной степени проблема криминализации в России - проблема надуманная, - заявил он. - Надуманная в том смысле, что русский бизнес на Западе сегодня представляется как криминальный бизнес. Но это, безусловно, не так… По существу, российский бизнес не отождествляется со словом «мафия».

Я спросил: почему же государство не может привлечь бандитов к ответственности? «Потому что в самой власти есть много криминальных людей, - ответил он. - Власть сама не заинтересована в том, чтобы эти преступления были раскрыты».

Через месяц Березовского назначили на ключевой пост в государстве: он стал заместителем секретаря Совета безопасности.

Распад России предоставил Березовскому уникальную возможность воплотить в жизнь свои планы в гигантском масштабе. Он становился всё крепче, а Россия всё слабела.

Как это ни странно, но основой для экономического и демографического спада России стали действия «молодых реформаторов» и «демократов» - группы, во главе которой стояли Егор Гайдар и Анатолий Чубайс.

Во-первых, в 1992 году демократы отпустили цены до проведения приватизации и тем самым вызвали гиперинфляцию. За несколько недель сбережения подавляющего большинства граждан страны превратились в прах, уничтожив надежду построить новую Россию на фундаменте сильного внутреннего рынка.

Во-вторых, демократы субсидировали коммерсантов - молодых людей со связями, которые сколотили состояния, взяв на себя роль торговых государственных монополий и нажившись на огромной разнице между старыми внутренними ценами на российские товары и ценами мирового рынка.

В-третьих, вслед за гиперинфляцией, уничтожившей сбережения россиян, ваучерная приватизация Чубайса в 1993-1994 годах была проведена некомпетентно. В большинстве случаев граждане просто продали свои ваучеры за несколько долларов брокерам, либо бездумно вложили их в пирамиды, вскоре рухнувшие. Мог возникнуть мощный класс акционеров, но этого не произошло: промышленные активы России вследствие приватизации Чубайса оказались в руках коррумпированных директоров предприятий либо в руках новых московских банков.

В-четвёртых, Чубайс и его сподвижники субсидировали эти новые банки,

давая им ссуды Центрального банка по отрицательным (для государства) процентным ставкам, передавая им счета государственных учреждений и организуя рынок государственных ценных бумаг в угоду этим банкам.

Наконец, при проведении в 1995-1997 годах залоговых аукционов оставшиеся сокровища российской промышленности Чубайс распродал по номинальным ценам группке своих.

Коррумпированный капитализм ельцинской России пришёл не случайно. Правительство намеренно обогатило Березовского и группку приближённых - в обмен на их политическую поддержку. Клан Ельцина и друзья-бизнесмены сохранили власть, но властвовали они над обанкротившимся государством и обедневшим населением. Предполагалось, что молодые демократы наведут в России порядок, разработают соответствующую правовую систему и дадут зелёный свет рыночной экономике. Вместо этого они возглавили режим, который оказался одним из самых коррумпированных в истории человечества.

Больше всех в сложившейся ситуации выиграл Березовский. Ему нравилось хвастать своими достижениями. Однажды он рассказал газете «Файнэншл таймс», что он и ещё шесть финансистов контролируют 50 процетов российской экономики, что именно благодаря им удалось переизбрать Ельцина на второй срок.

«Крёстный отец Кремля» - не биография Бориса Березовского. Здесь нет материалов о его детстве, отрочестве, взглядах, личной жизни. Эту книгу нельзя назвать ни политическим анализом, ни рассуждениями о меняющейся роли России в мире. Это, скорее, исследование карьеры, которую Березовский сделал в бизнесе и политике. В книге проходят две параллельные темы - возвышение Березовского и ослабление России. Много здесь сказано и о злоупотреблениях принципами западной демократии: личные свободы, свобода слова, выборные органы власти, защита прав меньшинства, рыночная экономика, личная самостоятельность, честный труд. В начале 90-х годов доброжелатели из-за рубежа считали, что если демонтировать коммунизм и исповедовать упомянутые выше принципы, россияне преобразуют свою страну в демократическое государство на западный манер. Миллиарды долларов в виде экономической помощи и огромное количество времени ушли на то, чтобы способствовать этому переходу. Западному миру трудно понять, как демократические принципы могли до такой степени отравить российское общество, и в этом смысле карьера Березовского позволяет ответить на этот вопрос.

Уинстон Черчилль дал знаменитое описание интриг сталинской России: «схватка бульдогов под ковром». В России Ельцина происходило то же самое. В этой книге рассказывается о коррупции настолько глубокой, что читателям будет трудно в это поверить. Тем не менее, зачастую Березовский и другие российские бизнесмены даже и не пытались замаскировать свои грабительские действия. Генерал Александр Лебедь точно охарактеризовал их позицию: «Березовский - апофеоз мерзости на государственном уровне: этому представителю небольшой клики, оказавшейся у власти, мало просто воровать - ему надо, чтобы все видели, что он ворует совершенно безнаказанно».

Глава 1. Великая бандитская война

Перестрелка у кинотеатра «Казахстан»

Похороны проходили в субботу, в полдень. В Москве стоял типичный июльский день: высокие облака, шум автомобилей, над городом - желтоватая дымка из выхлопных газов и пыли. К церкви Михаила Архангела на проспекте Вернадского съезжались машины, они парковались прямо на тротуаре и на газонах - не только привычные глазу российские модели, но и изящные БМВ, «мерседесы» и «вольво». В церкви были в основном крупные парни в чёрных пиджаках, расстёгнутых рубашках или тренировочных костюмах - они появлялись группками по трое или четверо. Они пришли проститься с Игорем Овчинниковым, в прошлом - борцом, последнее время исполнявшим обязанности казначея и главного помощника крупной московской преступной семьи, связанной, по информации московских милиционеров, с Солнцевской братвой. В церкви стоял открытый гроб, и все проходившие мимо уважительно кивали боссу Овчинникова, Циклопу - бывшему боксёру, который получил эту кличку, потому что лишился глаза в схватке с чеченскими бандитами.

Овчинникова убили в перестрелке с чеченцами у автосалона, принадлежавшего Борису Березовскому. Сорокасемилетний Березовский почти всю свою профессиональную карьеру занимался разработкой компьютерных программ, и трудно было предположить, что такой человек преуспеет в мире бандитов; тем не менее, за четыре года Березовскому удалось раскрутить незаметное совместное предприятие до гигантских масштабов и превратить в крупнейшую процветающую фирму по продаже автомашин, а этот бизнес - один из самых криминализованных в российской экономике. По сведениям российских правоохранительных органов, Березовский развивал свою структуру, «ЛогоВАЗ», под покровительством преступных группировок из Чечни. Бесстрашных чеченцев он использовал для охраны; они были его «крышей» на автомобильном рынке. Доходы Березовского сделали его мишенью для организованной преступности. Он бы не выжил, не сумей защитить свои капиталы физически. При бессилии правительства России самой эффективной «службой безопасности» для бизнесменов были бандиты.

В июле 1993 года банда Овчинникова стала вторгаться на территорию Березовского. Сотрудник московской милиции, разрабатывавший Овчинникова, рассказывал: когда люди Овчинникова предложили «ЛогоВАЗу» партнёрство, Березовский отказался, сказав, что «крыша» у него уже есть и им следует поговорить с чеченцами. Решительный «разговор» состоялся на Ленинском проспекте, около кинотеатра «Казахстан», где и находился автосалон «ЛогоВАЗа». Овчинников и его бандиты подъехали на трёх машинах и открыли стрельбу. Люди «ЛогоВАЗа» ответили огнём. Результат недолгой перестрелки: трое убитых (включая Овчинникова) и шестеро раненых. Это была одна из самых кровавых бандитских разборок в Москве 1993 года.

Я спрашивал об этом случае тогдашнего главу Московского РУОПа, генерала Владимира Рушайло (ныне он возглавляет МВД), и получил обтекаемый ответ. «Многие наши представители коммерческих структур считают, что тех или иных представителей коммерческих структур убивают именно за то, что они являются представителями коммерческих структур. Отнюдь нет. Расследования всех уголовных дел, связанных с совершением убийств, в том числе и заказных убийств, свидетельствуют о том, что люди, в отношении которых совершались преступления, сами были в каких-то не совсем понятных, мягко говоря, отношениях с теми лицами, которые в отношении их заказали или совершили это убийство. Законопослушных граждан, которые не нарушают закон, которые платят налоги, - никто не убивает… По поводу того же «Казахстана». Поводом для

этой перестрелки послужило то, что у этой структуры («ЛогоВАЗ») своя охрана, а приехала другая группировка, которая хотела с них тоже получать деньги. Вот вам и результат».

Березовский сказал мне, что эту перестрелку помнит, но о причинах ничего не знает. Потом добавил: «Сегодня в России идёт небывалый в истории процесс перераспределения собственности, где нет ни одного довольного: ни те, кто в один день стал миллионером, потому что считают, что мало миллионов заработали, ни те, кто не получили ничего и, естественно, недовольны. Поэтому я не считаю, что масштабы преступности превышают масштабы процесса преобразования».

Чеченцы

Чеченские бандиты появились в Москве в конце 80-х, и внезапно рестораны, гостиницы, банки и новые частные предприятия (кооперативы) стали жертвами чеченских вымогателей. На первый раз не желавших платить предупреждали; если они упорствовали - их убивали. Московские банды, чьи главари в конце 80-х ещё сидели в тюрьмах, оказались отодвинутыми в сторону. Чеченцы терроризировали конкурентов - их месть была страшной, их безжалостность ужасала. Москва была в шоке, и многие нераскрытые преступления списывались на чеченцев. Имена лидеров чеченских бандитов: Руслан Атлангериев, Хоза Нухаев, Лечи Бородатый, Лечи Лысый, братья Таларовы, Султан Даудов, Хожа Сулейманов - произносились в московском преступном мире с трепетом. Меньше были известны имена будущих чеченских полевых командиров, таких, как Шамиль Басаев: эти зарабатывали в Москве деньги как «бизнесмены». По самым щедрым оценкам, число чеченских бандитов в Москве тогда не превышало 1000 человек. Тем не менее, за несколько лет им удалось завоевать столицу России.

Как действует чеченская община, как бандиты держат связь друг с другом - этого не знал никто. У россиян о чеченцах были сведения, скорее, исторического порядка: горный народ, кровная месть, прирождённые воины, неукротимый боевой дух. Одним из сильных мест чеченской общины в Москве была её клановость - даже самые яростные внутренние конфликты никогда не выходили за пределы общины. Московская милиция признавала - справиться с чеченцами не можем; как только удавалось выйти на какого-то крупного бандита-чеченца, он мгновенно уезжал в Чечню.

Будучи формально частью Российской Федерации, Чечня всегда стремилась к независимости. Администрация Ельцина не очень сопротивлялась; мало того, когда в 1991 году российские войска ушли из Чечни, большой арсенал оружия остался местным властям. Первые три года правления Ельцина Чечня существовала как узаконенная серая зона. Она оставалась частью России, пользовалась российскими правительственными субсидиями и продолжала входить в российскую финансовую систему. При этом таможенные и правоохранительные органы России до неё добраться не могли.

Первое, что сделали чеченские власти после распада Советского Союза, - открыли двери тюрем, и на свободе оказалось около 4000 профессиональных преступников. Многие главари преступных групп вошли в состав чеченского правительства и поддерживали контакты с чеченскими группировками в Москве и других российских городах. Немалая доля средств, которые эти группировки получали от рэкета, переправлялась в Чечню. Аэропорт в Грозном стал перевалочным пунктом для контрабандных операций. Чечня превратилась в

международный центр торговли героином. Один из контрабандных маршрутов начинался в «Золотом треугольнике» (Бирма, Таиланд и Лаос). Опиум и героин поступали на российскую морскую базу во вьетнамской бухте Камрань, там их перегружали местные наркодельцы, далее товар попадал в Находку (где им занимались чеченские и российские бандиты), переправлялся в Грозный, а затем через Россию, Украину и Турцию поступал на рынки Европы и США. Другой маршрут брал начало в «Золотом полумесяце» (Афганистан, Пакистан и Иран); в данном случае наркотики шли через республики Средней Азии либо через Иран и Азербайджан, привозились в Чечню, а уже потом - на Запад. Если товар везли через Россию, пунктом назначения обычно была Германия; контрабанду доставляли военным транспортом на российские базы в Восточной Германии, а там продавали местным наркошайкам.

В Москве чеченские бандиты быстро взяли под контроль сеть государственных магазинов «Берёзка» - роскошные по понятиям советской эры супермаркеты, где обслуживались иностранцы и советская элита. Организовали рэкет магазинов, ресторанов и других коммерческих структур по всему городу. Внедрились они и в оптовую торговлю - особенно мощная чеченская банда во главе с Хозой Сулеймановым контролировала Южный порт, крупнейший речной терминал Москвы и огромный рынок под открытым небом, где продавались автомобили, автозапчасти и другие дефицитные товары. В итоге чеченцы закрепились на одном из важнейших рынков России, где крутятся наличные: продажа автомобилей (новых и подержанных). Они подмяли под себя и посреднические торговые структуры, и автосервисы, особенно те, что занимались иномарками. Другая чеченская группировка вытеснила азербайджанцев, которые держали торговлю наркотиками.

В 1992-1993 годах открываются казино, и чеченцы незамедлительно прибрали к рукам лучшие из них. На прицеле были и гостиницы, захват которых осуществлялся обычно по одной схеме: контроль над проституцией в гостинице, потом - над местными магазинами и ресторанами, а затем и денежными потоками всей гостиницы. Позже чеченцы вышли на финансовые рынки, установив контроль над многими банками.

В начале 90-х годов в Москве орудовало семь крупных чеченских банд («Центральная», «Белград», «Украина», «Лазанья», «Останкино», «Салют» и «Южный порт»), насчитывающих около 500 боевиков. Многие из представителей «центральной» группы (под командованием Лечи-Бородатого) жили возле Кремля, в гостинице «Россия». Из этой гостиницы, которую держали чеченцы, было легко попасть в любую точку центра столицы и нанести нужный удар. Вскоре империя так разрослась, что управлять напрямую стало сложно, и чеченцы начали действовать через доверенных лиц, призывать под знамёна бандитов из Грузии, Дагестана, Ингушетии и самой России.

Воры в законе

Внедряясь в Москву и другие российские города, чеченцы ступали отнюдь не на девственную землю. У советского преступного мира были устоявшиеся традиции, которые десятилетиями складывались в тюрьмах и лагерях. На языке колоний свод законов, которым руководствовались профессиональные преступники, назывался «воровской мир». Правили таким преступным миром «воры в законе» - российский эквивалент крёстных отцов сицилийской и американской мафии. Как правило, «вор в законе» - закоренелый преступник,

которого «коронуют» другие воры в законе во время тюремной воровской сходки. Обязанности этого человека - посредничать между конкурирующими группировками. В бывшем Советском Союзе таких воров в законе было несколько сотен. Многие из них - представители российских национальных меньшинств. К примеру, в Москве в 1993 году из шестидесяти с лишним воров в законе более половины было из Грузии, республики, где в советские времена ценилась красивая жизнь и процветал чёрный рынок. Ещё десяток-другой были выходцами из других районов Кавказа.

Главным эмиссаром Березовского по связям с традиционным преступным миром был его партнёр Бадри Патаркацишвили, один из основателей «ЛогоВАЗа». Всякий раз, когда деловая карьера Березовского заводила его в опасные дебри, он обращался за помощью к партнёру. У Бадри были налаженные связи со многими высокопоставленными московскими грузинами. По сведениям Службы безопасности Президента, ФСБ и разных частных охранных агентств, у Бадри были тесные контакты с преступными группировками с Кавказа.

«Официальная должность Бадри в то время (1993-1994) - заместитель председателя совета директоров «ЛогоВАЗа», - вспоминает Александр Коржаков, бывший глава Службы безопасности Президента. - На самом же деле он занимался возвратом долгов, защищал от бандитов. В советские времена Бадри Шалвович был одним из руководителей системы автосервиса в Грузии. Один его брат, Мераб, - вор в законе; другой, Леван, - «авторитет» грузинской организованной преступной группировки. У Бадри есть кличка, как у любого бандита. В криминальной среде его называют Бадар.

В 70-е годы наиболее знаменитым вором в законе был бывший российский зек Вячеслав Иваньков по кличке «Япончик». Он получил титул «вора в законе» во время недолгой отсидки в начале 70-х, после чего создал мощную структуру, которая вымогала деньги у подпольных предпринимателей и коррумпированных чиновников; также он занимался контрабандой наркотиков, ювелирных изделий, икон и антиквариата. У него была репутация безжалостного дикаря, который часто увозил в лес непокорных торговцев и подвергал их пыткам. Существует легенда: когда его рассердил директор одного из московских ресторанов, он похоронил этого человека заживо и сверху положил асфальт. «Убить - что закурить», - якобы любил говаривать он. От Риги до Свердловска, от Казани до Москвы он оставил страшный след. Но, несмотря на громкую преступную карьеру, сидел Япончик всего два раза, и то недолго: один раз за то, что пользовался фальшивыми документами, другой - за незаконное ношение оружия. Только в 1981 году в результате совместной операции КГБ и МВД удалось поймать его с поличным. Его осудили за бандитизм и приговорили к четырнадцати годам тюрьмы.

У этого мафиозо было много высокопоставленных друзей. В ноябре 1991 года, когда происходил развал Советского Союза, Верховный суд Российской Федерации освободил Япончика, официальная версия - пошатнувшееся здоровье. Среди тех, кто якобы просил за него, были знаменитый певец Иосиф Кобзон, всемирно известный офтальмолог Святослав Фёдоров и неутомимый борец за права человека (и старый друг Андрея Сахарова) Сергей Ковалёв.

«Ко мне обратилась с просьбой жена Япончика, - лаконично вспоминал Фёдоров. - У Япончика были нелады со здоровьем, и ещё четыре года он мог не просидеть».

Возможно, у Фёдорова были более веские причины вмешиваться в подобные

дела. Помимо знаменитой московской больницы и клиники за рубежом, он владел акциями двух больших московских гостиниц и казино «Ройял» (конкурент казино «Черри», контролируемое чеченцами). По одной из версий, Япончика выпустили до срока, потому что российские правоохранительные органы, включая бывший КГБ, хотели оказать противодействие чеченским бандитам, которые в 1991 году подчинили себе улицы российских городов.

Япончик пробыл в России недолго. В 1992 году он уехал в Нью-Йорк, чтобы развернуться там: грабить новую российскую эмиграцию. Но у него сохранились прочные связи и с Россией, главным образом через торговлю наркотиками по всему миру.

Одним из тех, кто блюл интересы Япончика в России, был Отари Квантришвили (Отарик). Этот приземистый человек не был вором в законе, скорее, ему подходило другое милицейское определение - «преступный авторитет». «Вячеслав Кириллович Иваньков (Япончик) - один из честнейших людей, - убеждал меня Отарик в 1993 году. - Не в пример теперешним мерзавцам, по крайней мере, он не грабил страну и не был государственным преступником. Если он был преступником, то он был уголовным преступником, а уголовные преступники теперь ничто перед государственными преступниками, которые разорили Россию и строят себе дома во Флориде».

В молодости Отарик был талантливым борцом, имел неплохие шансы попасть в олимпийскую сборную. Однако в 1966 году, когда ему было восемнадцать лет, он оказался участником группового изнасилования. Власти отнеслись к нему мягко. После четырёх лет тюрьмы ему поставили диагноз «шизофрения», перевели в психиатрическую лечебницу и вскоре освободили. В начале 80-х он стал работать тренером по борьбе в престижном московском спорткомплексе «Динамо». Он готовил боксёров, борцов, специалистов по боевым единоборствам, тяжелоатлетов, многие из которых позднее пополнили ряды московских криминальных структур.

К началу 90-х годов Отари стал заметным предпринимателем и филантропом. Официально он являлся председателем Благотворительного фонда имени Льва Яшина, занимавшегося социальной реабилитацией спортсменов. Этот фонд, имея серьёзные таможенные и налоговые льготы, помогал российским спортсменам получить профессиональную подготовку и трудоустроиться. Отарик утверждал, что своих спортсменов он направляет на безупречную работу. «Я их не пускаю грабить и убивать», - заявлял он.

Фонд занимал несколько номеров на верхнем этаже гостиницы «Интурист», где раньше находились помещения КГБ. В августе 1993 года мне удалось поговорить с Отариком. Своих связей с преступной средой он не скрывал. «У меня мафиозные структуры ничего не берут, - сказал он. - Наоборот, они мне дают».

Отарик возглавлял несколько коммерческих структур. Главная его фирма называлась «XXI век», её совладельцем был предприниматель и певец Иосиф Кобзон. Через эту и другие компании Отарик владел акциями ряда сомнительных предприятий, включая казино «Габриэлла» и дискотеку «У Лис’са» (основанную рекламным магнатом Сергеем Лисовским). Считалось, что у него были интересы и в авто- и нефтеторговых фирмах, таких, как «Гермес». Газеты писали, что он имел отношение к кровавой битве за нефтеперерабатывающий комбинат в Самаре.

Отарик утверждал, что прибыль от его коммерческих операций шла на строительство стадионов и тренировочных комплексов, на проведение спортивных

программ. «Очень много у нас развелось педерастов и наркоманов, - заявлял он. - А спорт - единственное средство сохранить нацию. Вот я строю детские спортивные школы и прививаю любовь к спорту, для того чтобы отвлечь от наркомании и е..и в ж..у. Вот моя основная задача - сохранить генофонд нации».

По мнению московской милиции, Отарик более всего походил на крёстного отца мафии, он налаживал связи между разными преступными группами, получал долю от их доходов, разрешал междоусобные конфликты. «У меня множество друзей и товарищей, одни сильные, а другие слабые, - сказал он мне. - Я сильных равномерно загружаю слабыми».

Он решительно выступал против политических лидеров, называл их «государственными преступниками»; политиканы обогащаются, но не дают ни гроша на то, чтобы помочь детям или пенсионерам, бушевал он. С другой стороны, бандиты всегда готовы дать деньги на благотворительные цели. «Это для вас они мафиозные структуры, - говорил он. - Для меня это добропорядочные люди».

Отарик и Япончик были полны решимости выкурить чеченцев из Москвы. Однако ни они, ни другие главари известных бандитских групп не имели серьёзного авторитета у чеченцев, которые презирали правила российского преступного мира, среди воров в законе чеченцев практически не было. Когда чеченские бандиты хлынули в Москву, местные авторитеты пытались поставить их на место. Первая стычка произошла в 1988 году: полдюжины воров в законе вызвали чеченских лидеров для разговора в кафе «Аист». Чеченцев было меньше, но они набросились на москвичей с оружием; двое воров получили серьёзные ножевые ранения (тогда в Москве было мало огнестрельного оружия), остальные спаслись бегством. В конечном итоге московские воры разделились: одни примкнули к чеченцам, другие перешли сторону их конкурентов.

Ведущую роль в этом нарождавшейся античеченской коалиции взяла на себя совершенно новая организация: солнцевская группировка. Названная в честь мрачноватого московского пригорода, солнцевская группировка возникла в середине 80-х. Поначалу это была сеть «спортивных клубов», которые открыл бывший официант, деятель чёрного рынка и картёжник Сергей Михайлов (Михась). В годы перестройки Михайлов, по утверждениям московской милиции, превратил свои спортклубы в мощную преступную империю и стал контролировать рэкет, проституцию, торговлю наркотиками и бригады по угону автомашин. Михась представлял уже новое поколение и вором в законе не был. Себя он называл бизнесменом. В 1989 году Михася и других солнцевских боссов арестовали по обвинению в «бандитизме» и отправили в тюрьму. Несколько чеченских групп воспользовались их отсутствием и частично захватили сферы влияния солнцевских. Но вскоре после распада Советского Союза Михась оказался на свободе и засучив рукава взялся за восстановление своей власти в городе.

Источники из московской милиции утверждают, что в 1992 году Березовский обратился к Михасю с предложением купить «Орбиту», магазин на Смоленской площади неподалёку от Министерства иностранных дел, находившийся под контролем солнцевских. Он хотел использовать эту престижную площадку для одного из своих автомагазинов. Михась якобы назначил цену в 1 миллион долларов. Березовскому сумма показалась завышенной и тогда, то ли по совету своего компаньона Бадри, то ли по собственной инициативе, он объединился с врагами солнцевской группировки - чеченцами. Тем временем конкуренты Березовского на рынке автомобилей, входившие в другие преступные группировки, с завистью наблюдали за его успехами. Им не нравилась сделка,

которую он заключил с крупнейшей в России автомобильной компанией «АвтоВАЗ», не нравилось и то, как он успешно лоббирует в Министерстве внешних экономических связей вопрос о повышении таможенных пошлин на иномарки.

Так получилось, что Березовский оказался в эпицентре войны между крупнейшими преступными кланами. Перестрелка у кинотеатра «Казахстан» - это было начало. Весь следующий год «ЛогоВАЗ» не раз подвергался яростным нападкам конкурентов. В двух шагах от смерти оказался и сам Березовский.

Война начинается

Бандиты отстреливали друг друга все годы правления Горбачёва и Ельцина, но кровавая бойня, развязанная в 1993-1994 годах, - это было нечто особенное. «Великая бандитская война» велась главным образом в Москве, но эхо её доносилось и до Владивостока, Красноярска, Свердловска, Самары, Санкт-Петербурга, Тбилиси, Грозного, Лондона и Нью-Йорка. В основе конфликта лежали экономические интересы. После падения коммунизма из тюрем вышли многие главари бандитских шаек и поняли, что ситуация позволяет захватить огромные и лакомые куски государственной собственности. Началась приватизация гигантских промышленных компаний, шахт, нефтедобывающих комплексов. Любой человек с безжалостной хваткой мог в течение дня разбогатеть до неслыханных размеров. Происходившее в России в те времена сравнивали с катастрофой автомобиля, набитого пачками долларовых банкнот - деньги высыпались на землю, и пешеходы, расталкивая друг друга, пытаются ухватить побольше. Старшее поколение уголовников (воры в законе) и младшее (бандиты-бизнесмены) вступили в яростную схватку друг с другом, дабы застолбить выгодные участоки.

В этой бандитской войне каждый был за себя, но основные преступные группировки брали сторону одного из двух главных конкурентов. С одной стороны - чеченцы и примкнувшие к ним воры в законе. С другой, говоря условно, братья-славяне - солнцевская братва со своими союзниками. Япончик из Нью-Йорка поддерживал античеченскую группу, как и Отарик. Ещё одним серьёзным союзником солнцевских стал молодой бандит, недавно вышедший из тюрьмы, Сергей Тимофеев по кличке «Сильвестр» (за сходство со Сталлоне).

Война началась с убийства преступника по кличке «Глобус». Подлинное имя - Валерий Длугач. Это был вор в законе, контролировавший бауманскую преступную группировку и представлявший в Москве интересы казанской преступной группировки. За что убили Глобуса - неясно. Глобус внедрялся на рынки по продаже наркотиков и автомашин. Под его крышей сидела самая большая (после «ЛогоВАЗа») фирма по продаже иномарок: Тринити Моторс. В начале 1993 г. Глобус «противопоставил своё имя» чеченцам. Ответ чеченцев не заставил себя долго ждать.

10 апреля 1993 года Глобус пошёл на дискотеку «У Лис’са». Это заведение якобы принадлежало рекламному магнату и одному из организаторов будущей предвыборной кампании Ельцина Сергею Лисовскому. Фактическими её владельцами, по крайней мере, частичными, были Отарик и солнцевская братва. Когда Глобус вышел из дискотеки и направлялся к своему «шевроле», он был сражён пулей снайпера.

Ещё через два дня возле своего дома был убит главный громила бауманской группировки по кличке «Рэмбо». На следующий день в центре Москвы в своей машине изрешетили пулями ещё одного главаря этой группы - Виктора Когана.

Через девять месяцев погиб и новый лидер бауманских - Владислав Ваннер.

В ответ на уничтожение бауманской группы солнцевская коалиция начала вторгаться на важную чеченскую территорию - «ЛогоВАЗ» Березовского. За перестрелкой у «Казахстана» последовали другие вылазки. По крайней мере, дважды на торговые площадки с машинами ЛогоВАЗа нападали люди, вооружённые гранатами. Сотрудничать со следователями из милиции «ЛогоВАЗ» отказывался. Один из следователей сказал в прессе, что эти нападения - «продолжение войны московских преступных группировок за контроль над автобизнесом».

Большую часть той зимы Березовский провёл на Западе. В ноябре он уехал в Израиль и получил израильское гражданство; он жил в пригороде Тель-Авива с женой Галиной и двумя детьми.

«В 1993 году я испытывал сильнейшее давление со стороны людей, имена которых называть я не хочу, - говорил Березовский позднее в интервью по телевидению. - И не только я, на многих давили. И тогда я уехал в Израиль на несколько дней... и просил предоставить мне гражданство. Оно было мне предоставлено».

Кто именно оказывал на него давление и почему - осталось неясным. По некоторым российским источникам, Березовский в то же время ездил в США и получил там «грин-кард».

В швейцарском городе Лозанна партнёр Березовского по бизнесу, крупная торговая фирма «Andre & Cie.», была крайне обеспокоена бандитскими разборками в Москве и муками, выпавшими на долю Березовского. Когда «Andre & Cie.» объединилась с Березовским, она вовсе не рассчитывала на участие в череде взрывов и убийств. Но Аллену Мэйру, занимавшемуся в компании Россией, удалось успокоить коллег.

«Это же происходит в России, а не в Швейцарии, - объяснял он. - Мы проверили все факты, мои боссы в компании эти факты приняли. Вот и всё. Другого варианта просто не было. То есть вариант был, мы могли сказать: наши отношения мы прерываем. Но этого не произошло. В автомобильном мире в Москве тогда шла жестокая конкуренция, - продолжал он. - Методы использовались самые суровые. Конечно, это не прибавляло настроения. Наоборот, всякий новый случай отзывался в душе болью».

«Andre & Cie.» решила не бросать Березовского.

Летом 1993 года я приехал в Россию, чтобы подготовить статью об организованной преступности в Москве, и оказался в эпицентре бандитской войны. Практически каждый день городские газеты сообщали об убийствах. Однажды «Независимая газета» поместила фотографию неизвестного, висевшего на фонарном столбе, а снизу на него взирали поражённые горожане.

Несколько раз случалось так, что моих героев убивали прежде, чем я успевал с ними встретиться. Я пытался пообщаться с Валерием Власовым, главарём преступной группы, связанную с солнцевской организацией. Базой ему служило казино «Валери», довольно мрачное заведение на юго-западе Москвы. Я позвонил и представился.

«Я американский журналист, пишу статью о новых российских предпринимателях, хотел бы взять интервью у господина Власова».

«Его нет. Будет завтра после обеда. Перезвоните».

На следующий день я позвонил и снова спросил Власова.

«Кто вы?» - спросили меня. Я снова представился: американский журналист, готовлю материал о новых предпринимателях, мне обещали встречу и так далее. На том конце провода зашептались. Потом трубку взял другой человек:

«Извините, господин Власов не сможет дать вам интервью. Вчера вечером он погиб».

Потом я узнал, что Власова застрелил снайпер, когда он выходил из собственного казино.

Нечто похожее произошло у меня и с Отариком. На августовский день мы договорились об интервью, но уголовный авторитет не смог встретиться. Он занимался похоронами старшего брата, погибшего в перестрелке с чеченцами. Через месяц я спросил Отарика - кто виновен в этой смерти? «Не надо вам касаться этого! - закричал он. - Никогда не задавайте таких вопросов родственникам!»

Старший брат Отарика, Амиран, отправился на переговоры с чеченцами в представительство торговой компании в пяти минутах ходьбы от Кремля. Его сопровождал бандитский авторитет Фёдор Ишин (Федя Бешеный) и три члена люберецкой группировки. Когда Амиран уходил, раздались выстрелы. Все пятеро были убиты.

Казино «Черри»

Для российских бандитов наступила золотая пора. О них вовсю писали газеты, они фотографировались вместе с мэрами крупных городов и министрами. Граждане России начали покупать словари тюремного жаргона, серьёзные аналитические труды о преступном мире, дешёвые романы о подвигах героев-уголовников. Россияне с любопытством взирали на новую власть, вошедшую в их жизни. Сотни кафе на западный манер, дорогущие рестораны, сияющие ночные клубы открывались по всей Москве. Представители нового правящего класса - с часами «роллекс», в итальянской обуви, с золотыми браслетами, с мобильными телефонами, жёнами и подружками, в нарядах от Версаче - с угрюмым видом потягивали благородные напитки. Провинциальные русские красавицы были доступны почти задаром - лучшие из них становились подружками бандитов.

Первой и самой главной покупкой для любого преступника был автомобиль. Улицы Москвы заполонили впечатляющие иномарки. В 1993 году самой солидной маркой считался шестисотый «мерседес» (розничная цена в США около 100 000 долларов, в России вдвое больше); чеченцы и грузины отдавали предпочтение БМВ и таким большим американским машинам, как «линкольн» и «бьюик». Через несколько лет в моду вошли хищные вездеходы: «тойота ленд крузер», джип «чероки», «ленд ровер», «мицубиси монтеро», «исузу трупер». Бандиты гоняли машины быстро и жёстко, часто ехали против потока, не обращая внимания на сигналы светофора и милиционеров. Типичный бандитский выезд того времени - чёрный «мерседес» с затемнёнными окнами и «ленд крузер» в виде охраны-сопровождения. Многие дорогие иномарки носились по улицам столицы без номерных знаков. Милиция их не останавливала.

Наиболее примечательным символом новой России стали казино. С момента падения коммунизма прошло всего два года, а по Москве открылись десятки

казино; российская столица стала напоминать аляповатую версию Лас-Вегаса. В одних случаях казино были слепящими роскошью игорными дворцами, в других - за неоновой рекламой скрывались весьма жалкие заведения.

Как-то летом 1993 года я посетил казино «Черри» на Новом Арбате. Оно открылось в июле и было самым популярным местом в городе; здесь обретались молодые российские бизнесмены, американцы и европейцы, десятки проституток высокого пошиба, стаи профессиональных преступников. Бандитские главари, люди средних лет, были в чёрном - у одного из них пиджак был щегольски перекинут через плечо, - за каждым ходило по полдюжины «шестёрок». Все они были выходцами с Кавказа - их внешность свидетельствовала об этом непреложно.

Вокруг столов толпился народ, перед игроками весело громоздились горки фишек. Многие за один ход рулетки небрежно ставили по тысяче долларов. Этим людям доставляло удовольствие показывать, что такие огромные суммы для них - ничто. Объясняя это странное явление, местный менеджер, англичанин Дейв Сейер сказал мне: «Почти все эти люди не знают, что их ждёт завтра, и просаживают всё, что у них есть».

У самого казино дела шли прекрасно. «Прибыли - страшно сказать, - тихо радовался Сейер. - Если так пойдёт и дальше, мы вернём вложенные деньги (5 миллионов долларов) через четыре месяца».

Наверху гремела дискотека и мелькали стробоскопические огни. Роскошные женщины двигались в такт музыке, их лица раскраснелись от танцев и наркотиков. Чуть в стороне я заметил в окружении головорезов хрупкого мужчину лет тридцати. Его волосы были выкрашены в рыжий цвет, бросался в глаза оранжевый пиджак - он походил на Алекса, героя «Заводного апельсина». Я заметил, что он знает здесь многих: бандиты подходили к нему бесконечной чередой и что-то уважительно шептали на ухо. Позже, когда он вернулся к своему столику в сопровождении двух помощников, я подошёл и представился.

Он сказал, что его зовут Сергей, он доктор-невропатолог. Но ведь среди обедневшей российской образованной элиты доктора - самая мало оплачиваемая группа? Откуда же деньги на клуб, в котором берут 30 долларов за вход, а выпить стоит 10 долларов? «У меня свой бизнес, - последовал ответ. - В таком месте встречаешь много друзей».

Может, бизнесмену вроде Сергея это и по карману, но откуда такие деньги у амбалов в кожаных пиджаках? «Воруют», - пояснил Сергей, осклабившись.

Сергей презрительно отозвался о новых российских банках: они созданы на фонды компартии, а потом оказались замешаны в афере с фальшивыми авизо. Это был знаменитый скандал. В 1992-1993 годах, подкупив кучу чиновников в Российском центральном банке, несколько преступных групп и связанных с ними банков провернули крупнейшую в истории России банковскую аферу. В отделе выплат Центрального банка царил такой хаос, а работники банка оказались так охочи до взяток, что преступникам удалось здорово нажиться.

Типичная схема работала так: открывались две компании, обычно банки. Используя коды, полученные от Центрального банка, первый банк посылал второму фальшивое авизо на перевод денег. Второй банк шёл с этим авизо в один из 1400 отделов выплат Центрального банка и получал наличные. Пока власти разбирались, что происходит, оба банка исчезали с деньгами Центрального банка.

Эта банковская афера была одной из самых больших катастроф

«реформистского» правительства, которое возглавлял Егор Гайдар. По сведениям из российского правительства, в 1992-1993 году размер хищений составил 500 миллионов долларов (треть кредитной линии, открытой в том году для России Международным валютным фондом). Многие аналитики утверждали, что потери исчисляются в миллиардах. Большую роль в афере играли чеченские группы, которые действовали частично для себя, а частично - для казны жаждавшей самоопределения Чеченской республики. На этой операции они неплохо заработали (Чечня была идеальным местом для регистрации ложных банков). В этой афере наверняка участвовали многие ведущие коммерческие банки и торговые компании России, иначе провернуть такую операцию не удалось бы.

Я спросил своего нового знакомого, Сергея из казино «Черри»: как насчёт иностранных преступников? Ходят слухи, что в Россию потянулись гангстеры из-за рубежа? «Итальянская мафия была, разнюхивала, но потом они уехали, - сказал Сергей. - Наши ребята для них уж больно крутые. Колумбийцы - дело другое».

По утверждению Сергея, в Москве крутилось много колумбийских наркодолларов, их вкладывали в недвижимость и всевозможные предприятия. Россияне, которые продвигали такие сделки, получали на Западе щедрое вознаграждение. «Тут за счёт этих дивидендов живут многие», - гордо заявил Сергей.

А кому принадлежит казино «Черри»? «Чеченцам», - не раздумывая, ответил Сергей. Позже сотрудник РУОПа подтвердил, что большая доля доходов из этого казино поступает в одну из чеченских мафиозных групп. Когда же я спросил Дейва Сэйера, он назвал четырёх владельцев-акционеров: правительство Москвы, закрытая шведская компания, специализирующаяся на казино, российская фирма по продаже иномарок «Тринити моторс» и частная российская холдинговая компания «Олби».

У «Тринити моторс», торговавшей «крайслерами» и другими иномарками, была весьма сомнительная репутация. Основной автосалон «Тринити» находился в одной из лучших точек Москвы: напротив Большого театра. Одним из официальных основателей этого бизнеса, нередко появлявшимся в «Черри», был Владислав Ваннер, он заменил Глобуса на посту главаря бауманской преступной группировки, которую разгромили чеченцы.

Связь «Тринити моторс» с казино «Черри» можно было предугадать, а вот «Олби» оказался совладельцем неожиданным. Эта компания принадлежала тридцатилетнему предпринимателю Олегу Бойко, отсюда и название «Олби». Он был одним из самых знаменитых новых русских миллионеров. Ему принадлежала сеть магазинов по продаже электроники «Олби-дипломат» и один из крупнейших российских банков, «Национальный кредит». Он был одним из основных внешних инвесторов ведущей российской газеты «Известия», а также главным спонсором политической партии своего друга Егора Гайдара, бывшего премьер-министра, любимца западных средств массовой информации и лидера «молодых реформаторов». Бойко был председателем исполкома партии Гайдара «Выбор России».

Несколько лет спустя я спросил Гайдара: почему он решил сотрудничать с предпринимателем, который, в числе прочего, был крупнейшим акционером казино, которое держали чеченцы.

«О его бизнесе я что-то знал, - ответил Гайдар. - В те времена он был крупным бизнесменом и считался человеком солидным».

«А о его связях с преступным миром знали?»

«Нет».

«Сейчас вы бы согласились, чтобы он помогал вашей партии?»

«Нет, конечно. Это было ещё в то время, когда у нас было гораздо больше иллюзий о новом российском бизнесе, о социальной ответственности этих людей».

Сверхдержава преступности

Года через два после начала демократического эксперимента большинство россиян поняли: страна попала в руки преступников. Для характеристики новой власти взяли иностранное слово «мафия». В народе бытовало мнение, что Россией правят убийцы и мошенники, а каждый член правительства - сообщник. Весной 1993 года президент России Борис Ельцин заявил в своём выступлении, что две трети всех коммерческих структур в России связаны с организованной преступностью, каковая представляет угрозу национальной безопасности России. Ещё через год Ельцин снова выразил по этому поводу обеспокоенность, заявив, что Россия превращается в «сверхдержаву преступности». МВД дало следующие конкретные цифры: 40 процентов всего частного бизнеса, 60 процентов всех государственных компаний и до 85 процентов всех банков имеют связи с организованной преступностью.

В 1993 году МВД выявило в стране около 3000 организованных преступных группировок. Через год на специальном совещании в ООН по вопросам международной преступности была названа цифра 5700, эти группы якобы насчитывали 3 миллиона членов. Но пугал не столько быстрый рост российских преступных групп, сколько масштабы захвата российской экономики.

По идее, либерализация экономики должна была привести к тому, что всевозможные теневые операции перерастут в законный бизнес, но произошло обратное: чёрный рынок засосал новые предприятия. Новый российский бизнес был загнан в мир организованной преступности. Этому способствовали коррумпированные чиновники из государственного аппарата; получалось, что для коммерческого успеха нужны политические связи. Успешному бизнесу мешал обременительный и запутанный налоговый кодекс, и приходилось вести двойную бухгалтерию. Не было эффективной правовой системы, в итоге контракты не имели силы, а получить долги было невозможно без помощи бандитов.

На заре ельцинской России появились тысячи новых банков. Иногда эти учреждения блистали мраморной отделкой, иногда напоминали дешёвые лавки с вооружённой охраной. В первые годы ельцинского правления банковское дело было наиболее заманчивым бизнесом. Привлекала лёгкость доступа к государственным фондам. Если у банкиров были нужные связи, они могли получать огромные прибыли, даже не имея особого представления о финансах и кредитной политике. Крупнейшим источником дохода для российских банков были ссуды Центрального банка с отрицательной процентной ставкой. Например, в феврале 1993 года коммерческий банк с хорошими связями мог получить в Центральном банке ссуду под 7 процентов в месяц. Но в тот же месяц индекс цен на потребительские товары возрастал на 25 процентов. Банк просто превращал рубли Центрального банка во что-то, что не потеряет стоимость (скажем, в товары, имеющие лёгкий сбыт, или доллары), и снова реконвертировал активы в рубли в конце месяца, в итоге - чистая прибыль в 15 процентов всего за несколько недель. Банки с хорошими связями отлично зарабатывали и на том, что держали у

себя депозитные вклады центральных министерств, местных властных структур, больших государственных нефтяных компаний и экспортёров оружия. Опять-таки эти банки выплачивали государству процент, который был куда ниже темпов инфляции, и государственные фонды позволяли им получать огромные прибыли на торговых операциях либо просто на обменном курсе.

Неудивительно, что банки часто становились объектами нападок преступных групп. Жертвами пали десятки банкиров. Третий по величине в России государственный «Россельхозбанк» был крупнейшим из тех, где предстояли перемены; в декабре 1993 года его председатель был убит.

В 1993 году я нанёс визит одному из молодых российских банкиров на Новом Арбате. Широкоплечий человек с глазами ящерицы, Владимир Сипачёв возглавлял банк «Аэрофлот» (40 процентов принадлежало авиакомпании, 60 процентов - шести физическим лицам). Тридцатипятилетний Сипачёв рассказал мне, что сделал карьеру, начав «финансовым менеджером» в промышленной фирме «Атоммаш» в Ростове-на-Дону. В 1989 году начал строить промышленную империю. К 1993 году в его собственности оказались банк «Аэрофлот», карьер по добыче мрамора, небольшая компания по строительству самолётов, металлоторговая компания, несколько радиостанций. Сипачёв хвастался своим финансовым гением и утверждал, что в этом году доходы от бизнеса превысят 100 миллионов долларов. Я подкинул ему несколько стандартных вопросов.

«Что вы думаете о политике жёсткой зкономии МВФ, недавно принятой Россией?»

«МВФ? - искренне удивился он. - А что это такое?»

Я задал второй вопрос.

«Вас, как заметного российского банкира, не беспокоит, что банкиров часто убивают?»

«Почему меня это должно беспокоить? - спросил он. - Что тут необычного? На Западе банкиров убивают постоянно».

В декабре 1991 года одного из его партнёров по бизнесу, директора московского «Профбанка», Александра Петрова, убили у дверей его квартиры. Но самоуверенность Сипачёва, судя по всему, была беспредельной. Один британский бизнесмен рассказывал, как Сипачев подвёз его на шестисотом «мерседесе» без номерных знаков. Вместо того чтобы ехать по проезжей части - оживлённый Новый Арбат, - шофёр погнал машину прямо по тротуару, разгоняя пешеходов и уличных торговцев.

Экспортные отрасли промышленности тоже были лакомым куском для организованной преступности. В 1993 директоров госпредприятий, где проходила приватизация - нефтеперерабатывающие комбинаты, алюминиевые заводы, компании по лесозаготовкам - отстреливали одного за другим. Один из наиболее уважаемых российских бизнесменов, Иван Кивелиди, крупный промышленник, занимавшийся химической продукцией, председатель «Росбизнесбанка», основатель «круглого стола Бизнес России», был уничтожен особо изощрённым образом. В телефонную трубку в его кабинете втёрли ядовитый токсин; с пеной у рта Кивелиди рухнул на пол и через три дня скончался.

Убийство стало основным способом борьбы с конкурентами. «Вместо того чтобы употреблять рыночные способы конкуренции и улаживать свои разногласия путём переговоров или в суде, бизнесмены нанимают профессиональных убийц и

решают вопросы с помощью оружия», - жаловался Георгий Хаценков, бывший сотрудник агентства новостей ТАСС, открывший несколько ювелирных магазинов.

Перестрелки в Москве исчислялись сотнями, часто происходили средь бела дня. Стреляли из пистолетов, автоматов, под машины подкладывали бомбы, иногда в ход шли даже гранатомёты. «Современное оружие (на нас) потоком идёт», - замечал генерал Рушайло.

В 1993 году число убийств в России по официальным данным составляло 29 200 - то есть на душу населения вдвое больше, чем в США, где в том году был свой всплеск убийств. За период с 1989 по 1993 год количество убийств в Москве выросло в восемь раз. Эти цифры ужасают, но они - лишь доля от действительного числа этих преступлений в России. Ведь у многих убитых в графе «причина смерти» стояло: «самоубийство», «несчастный случай», «исчезновение». Категория «исчезновение» была по масштабам особенно пугающей. Представитель Московского РУОПа по связи с прессой Андрей Пашкевич сообщал: помимо 30 000 убитых ежегодно ещё 40 000 «исчезает». Большинство из этих пропавших без вести, говорил он, наверняка - жертвы убийств. Отсюда выходит: по официальной статистике уровень убийств в России составляет 20 на 100 000 жителей, что вдвое выше, чем в США, но в действительности этот уровень превышает американский в три или даже четыре раза. Жертвами убийц становились известные и занимавшие важные посты люди, а поймать злодеев работникам правоохранительных органов никак не удавалось.

Хотя милиция была не в состоянии остановить волну насилия, многие милиционеры пытались это сделать и гибли в борьбе с преступниками. В 1994 году в перестрелках с бандитами были убиты 185 милиционеров и 572 ранены. Милиции не хватало мощного следственного подразделения, чтобы дать преступникам достойный отпор. Основная структура - РУОП - была недоукомплектована, плохо оснащена и не вполне свободна от политического влияния.

С правовой системой дело обстояло ещё хуже. В России никогда не было судей - специалистов по организованной преступности; положений, позволявших заключать с обвиняемыми соглашения о признании вины, в законе не существовало; отсутствовала программа защиты свидетелей. Более того, у российских судей была репутация податливых - они привыкли следовать требованиям властей, к ним можно было подобраться с помощью взяток или угроз. Милиция жаловалась: даже если удавалось арестовать самых отъявленных злодеев, главные свидетели обычно снимали свои показания, а судьям ничего не оставалось, как закрыть дело.

Законы против вымогательства и бандитизма, конечно, были, но они работали, только если преступника брали с поличным. Не было закона, запрещавшего заниматься организованной преступностью, входить в состав преступной группы. Взятки, расхищение средств, отмывание денег, мошенничество - для борьбы с этими явлениями правовых инструментов было явно недостаточно. Например, чтобы вынести приговор по обвинению в мошенничестве, прокурор должен доказать: обвиняемый знал, что совершает мошенничество (другими словами, незнание закона является оправдательной причиной). В России не было законодательства, хотя бы отдалённо напоминавшего американский РИКО (закон о борьбе с организованной преступностью), с помощью которого Америке удалось сломить хребет мафии. В 1995-1996 годах Дума, наконец, приняла закон о борьбе с организованной преступностью, но его забаллотировал Совет Федерации, где

заседали региональные лидеры и люди президента Ельцина; закон этот был принят и подписан президентом только в 1997 году. Закон об отмывании денег прошёл через парламент летом 1999 года, но президент Ельцин наложил на него вето.

В 1996 году директор ЦРУ Джон Дейч сообщил Конгрессу США, что в России существуют тесные связи между организованной преступностью и многими членами Думы. По мнению председателя комитета Конгресса Бенджамена Гилмена, именно эти связи тормозили принятие эффективных законов, направленных на борьбу с преступностью. Но основное сопротивление оказывала даже не Дума, а сам Кремль - окружение Бориса Ельцина.

«Будто сидишь в куче дерьма, связанный по рукам и ногам - все запахи чувствуешь, всё видишь, а сделать ничего не можешь», - ворчал один из московских сыщиков.

На московских улицах люди со шрамами на лицах, перебитыми носами, бычачьими шеями и могучими бицепсами бросались в глаза. Это были охранники, в прошлом советские спортсмены, потерявшие работу сотрудники КГБ или спецназовцы - затраты на оборону резко сократили, и этим профессионалам, обученным убивать, было просто некуда деваться. В их число входили подготовленные штангисты, гимнасты, борцы, хоккеисты, боксёры, каратисты, снайперы, взрывники; кое-кто мог похвастать тем, что в советские времена защищал честь страны в олимпийской сборной. Увы, социалистическая слава рассеялась, олимпийские медали потускнели. У этих бойцов и спортсменов просто не оставалось выбора: либо в охранную структуру, либо защищать бандитов (часто одно не исключало другое). Общее число «частных охранников» в России, по оценкам, составляло 800 000 человек, и это были отнюдь не пенсионеры, охранявшие автостоянку, а прекрасно подготовленные профессионалы.

Особенно плодородной почвой для вербовки в бандиты стала армия. Когда российские воинские подразделения вернулись из Восточной Европы, без крыши над головой оказались более 100 000 офицеров; их семьям часто приходилось жить в палатках и прочих временных жилищах. Весьма скромные зарплаты офицерам, как правило, выплачивали с опозданием в несколько месяцев. Российская армия сокращалась, и около миллиона воинов были отправлены домой безо всякого пособия. «Когда-то звание армейского офицера было престижно, - жаловался мне Григорий Иванченко, недавно демобилизованный подполковник. - А теперь нам куда - в швейцары или ночные сторожа?»

Стоит ли удивляться, что многие профессиональные военные нашли работу в сфере организованной преступности? Вот как описывал этот процесс генерал десантных войск Александр Лебедь, ставший одним из ведущих российских политиков: «Демобилизованный офицер говорит: «Я двадцать лет служил, я потратил лучшие годы, я там потерял здоровье, воевал там, куда посылала меня Родина. Почему меня просто, как мусор, взяли и выбросили?» Он идёт в преступную организацию, а его там встречают с распростёртыми объятьями: «Дорогой ты наш бывший товарищ подполковник, ты же вот такой спецназ! Смотри, на тебе орденов скоро на спину надо вешать. Кто же тебя, такую сироту, выбросил? С пенсией 900 000 (150 долларов)? Вот тебе получка три тысячи долларов - и поехали».

Чтобы заручиться поддержкой военных и обезопасить себя от возможного переворота, президент Ельцин закрывал глаза на коррупцию в высших эшелонах

армии. «Паркетный генералитет коррумпирован, - утверждал генерал Лебедь. - Им Грачёв выдал колоссальные кредиты. Потом выдал по гектару земли, кое-кому - побольше, разрешил пользоваться любыми материалами и любой техникой, и они отстроили себе замки. А потом сказали: ребята, хорошо помните за что? Поэтому будете служить».

По мере распространения коррупции и анархии под угрозой оказались и гигантские ядерные запасы России. За четыре десятилетия Советский Союз произвёл более 50 000 ядерных боеголовок. Даже после того как большая часть ядерного вооружения СССР была выведена из эксплуатации, ключевые компоненты - контейнеры с плутонием или обогащённым ураном - остались. Один западный инспектор видел 23 000 таких плутониевых контейнеров, они хранились в двух сараях на территории бывшего засекреченного города. Сараи по периметру были огорожены колючей проволокой, на дверях висели самые обыкновенные замки. Вскоре элементы российского ядерного арсенала стали появляться на международном чёрном рынке. Только в 1993-1994 годах немецкая и чешская полиция минимум пять раз задерживала российских преступников, пытавшихся вывезти на Запад компоненты ядерного оружия.

Даже бывший КГБ был не в состоянии помешать проникновению организованной преступности в наиболее чувствительные узлы военно-промышленного комплекса. Коррупция поразила и самое российскую службу безопасности. В 1993 году начальник охраны президента Ельцина Александр Коржаков инспектировал элитное подразделение КГБ «Альфа» и обнаружил, что эта структура стала работать независимо. «Дисциплины в группе уже никакой не было, - отметил Коржаков. - Офицеры подрабатывали на стороне, иногда и рэкетом. Случалось, к одному лавочнику приходили «альфисты» из разных подразделений и требовали дань за охрану. От кого?! От своих же товарищей. Одни утром угрожали, а другие вечером обещали защиту».

В ответ на мой вопрос о том, как охарактеризовать мафию, председатель российской товарно-сырьевой биржи Константин Боровой сказал: «Мафия - это попытка имитировать государство. Значит, это собственная система налогов, собственная система безопасности, собственный способ управления. И как только возникает любая форма мафии, она оказывается сильнее, чем государство. Любой предприниматель помимо официальных налогов должен платить налоги этому криминальному государству: подкупать санинспекцию, местную милицию, налоговую службу, арендодателей и, разумеется, платить бандитам за гарантию безопасности, поскольку государство нерыночно, ненадёжно, любой нормальный предприниматель, который считает деньги, выбирает мафию».

«Власть правительства рухнула, но отдельные чиновники сохранили контроль над государственными ресурсами, - объяснял Георгий Хаценков, глава небольшого издательства и фирмы по торговле драгоценными камнями. - И они хотят использовать занимаемое положение, но чтобы наживаться по-крупному, им нужна целая организация - союзники в администрации, коммерческие структуры, чтобы пропускать деньги, головорезы, чтобы заставить людей выполнять обязательства. Вот они и объединяются с преступными группами».

Другими словами, основная причина скачка организованной преступности в России крылась не в обнищании, не в безработице. Корнями она уходит в первые дни коммунистического режима. У Ленина и его наследников была психология бандитов, и их тайная полиция пользовалась бандитскими методами, чтобы запугать или устранить правдоискателей и политических противников. После

приватизации в руках российских крупных политиков и директоров промышленных предприятий оказались самые ценные промышленные предприятия страны. И, чтобы управлять этими компаниями с выгодой для себя (а не для партии или государства), им требовалась защита.

«При старой системе чиновников и административно-командную систему защищала структура власти - КГБ и МВД, - говорил Боровой. - Когда люди, особенно в провинции, обнаруживали какую-то коррупцию и пытались бороться с этим, против них начинала тут же бороться система КГБ. В сегодняшних условиях, когда у административно-командной системы нет защиты, их ставка - криминальные структуры. Они как бы сами их создают сегодня... Сначала мафию экономическую, потом криминальную».

Я спросил лидера парламентских либералов Григория Явлинского, почему практически весь малый бизнес в России должен платить бандитам. «Потому что власть задействована в этом, - ответил он. - Они вместе работают. Это олигархия. В России есть два слоя людей, которые особенно презирают законы: самый верх и самый низ. Когда самый верх и самый низ смыкаются, тогда появляется такое покрывало, которое покрывает всё общество».

Когда об эпидемии преступности в России я спросил Березовского, он тоже указал на союз между высшими правительственными чинами и бандитами.

Через два года после того, как установился режим Ельцина, преступность проникла на самый высокий уровень государственного аппарата. Глава отдела по борьбе с организованной преступностью в ФБР, Джеймс Муди, заметил: самый главный фактор, который позволяет процветать организованной преступности, - это коррумпированное правительство. «Организованная преступность всегда пытается пробраться на самый верх, - сказал Муди. - И если в правительстве коррупция, кто же остановит организованную преступность?»

Взрыв у «ЛогоВАЗа»

В этой свободной от закона среде Березовский и строил свою империю. Один из крупных бизнесменов, которые впоследствии стали известны как «олигархи», Березовский оказался втянут в войну между чеченскими и славянскими бандами. После того как на его фирму по продаже автомобилей трижды нападали вооружённые преступники, зиму 1993-1994 года он предпочёл отсидеться за границей. Вернувшись в Москву в бодром состоянии духа, он выяснил, что бандитская война идёт полным ходом. Почти сразу же на него организовали покушение: под дверь квартиры подложили гранату. К счастью, она не взорвалась.

Тем временем российским бандам здорово доставалось. 5 апреля 1994 года Отарик вышел из Краснопресненских бань, неподалёку от дома Российского правительства. Он уже был готов сесть в машину, как из дома напротив раздались выстрелы. Снайпер поразил его трижды. Через несколько минут Отарик скончался.

Со своего насеста в Нью-Йорке за бандитскими разборками в России с растущей тревогой наблюдал Япончик. Убили Отарика - одного из его лучших друзей и одного из лидеров войны с чеченцами. Россия превращалась в хаотическое поле битвы, преступные авторитеты отстреливали друг друга, а средства массовой информации выставляли бандитские сообщества в чрезвычайно невыгодном свете. Предположительно, после смерти Отарика Япончик созвал на слёт несколько главарей российской мафии - обсудить вопрос о том, кто возглавит борьбу с чеченцами. Встреча состоялась в Вене. Выбор пал на Сильвестра.

Под вечер 7 июня 1994 года Березовский вышел из новой штаб-квартиры «ЛогоВАЗа» в центре Москвы и сел на заднее сиденье своего «мерседеса». Охранник сел рядом с шофёром. Как только машина тронулась с места, прогремел взрыв. В узком переулке стоял начинённый взрывчаткой «опель», и когда машина Березовского проезжала мимо, с помощью дистанционного управления «опель» взорвали. На глазах у Березовского его шофёру оторвало голову. Охранник получил тяжёлые ранения - в итоге он лишился глаза. Пострадало несколько случайных прохожих. Березовский, пошатываясь, вышел из машины, одежда на нём дымилась; он сильно обгорел, потребовались месяцы лечения в швейцарской клинике. Через несколько дней взрыв раздался и в штаб-квартире «Объединённого» банка Березовского.

Как и прочие громкие заказные убийства тех лет, покушение на Березовского осталось нераскрытым. Сам он говорил, что это дело рук конкурентов-автодилеров. Один из его коллег по ЛогоВАЗу сказал «Коммерсанту», что покушение на Березовского было связано с агрессивной ценовой политикой, которую проводил «ЛогоВАЗ». Несколько месяцев спустя в частных беседах с Ельциным, Коржаковым и другими представителями власти в Кремле Березовский высказал обвинение в адрес телевизионного магната Владимира Гусинского (и его покровителя, мэра Москвы Юрия Лужкова). Когда в конце 1996 года я спросил Березовского, кто же всё-таки стоит за этим взрывом, он ответил: «Эта организация действует и сегодня».

А он не боится, что покушение могут повторить?

«Нет, - ответил он. - Они подозревают, что я знаю, кто стоял за этим. Я думаю, что это их остановило. - После зловещей паузы он добавил: - Я не отношусь к числу мстителей».

Расследуя взрыв у «ЛогоВАЗа», московская милиция вышла на Сильвестра. Оказалось, что у него с Березовским были какие-то «непонятные отношения», как сказал за год до этих событий генерал Рушайло. В марте 1994 года возглавляемый Березовским инвестиционный фонд «АВВА» поместил деньги в «Мосторг-банк» и купил два краткосрочных векселя на 500 миллионов рублей каждый. «Мосторг-банк» находился под контролем Сильвестра; банк по своим обязательствам вовремя не расплатился, перечислив средства куда-то за рубеж.

Именно после этого покушения имя Березовского стало известно всей стране. Милиция сообщала, что в том году это был «самый громкий взрыв в Москве». Президент Ельцин отдал приказ своей Службе безопасности очистить страну от «уголовной грязи». Через несколько дней «Мосторг-банк» наконец выплатил (с процентами) «АВВА» долги по векселям. Березовский улетел в Швейцарию, а разбираться с бандитами оставил своего старого соратника по «ЛогоВАЗу» Бадри Патаркацишвили.

Бандитская война продолжалась. В августе славяне нанесли роковой удар одной из самых сильных чеченских банд - «Лазанье». Они подкараулили и убили Геннадия Лобжанидзе. В течение года ещё одного из лидеров лазанской группировки арестовала милиция, а третий сбежал в Турцию.

Но победу славяне праздновали недолго. Ранним вечером 13 сентября неподалёку от Тверской прогремел взрыв. Милиция нашла исковерканный шестисотый «мерседес» - бомба была укреплена под днищем машины и приведена в действие дистанционно. Из-под обломков вытащили обгоревший труп. Это был Сильвестр.

К тому времени Березовский уже вернулся из Швейцарии и на какое-то время попал в список подозреваемых. Но у Сильвестра было много врагов, и раскрыть это преступление так и не удалось.

После гибели Сильвестра бандитские наезды на «ЛогоВАЗ» прекратились.

Вторжение в Чечню

Той осенью бандитские разборки в Москве отошли на второй план - в мятежной Чечне разгорелся кровавый конфликт. Оба конфликта были взаимосвязаны, ведь в Чечне бандиты тоже делили пирог, но там делёж привёл к настоящей войне.

Чеченские преступные группировки в Москве и других российских городах не теряли связей с родным краем. Чечня была главным перевалочным пунктом для российских торговцев наркотиками, и бандиты, осевшие в Москве, посылали немалую часть своих доходов домой. Российские чиновники и офицеры служб безопасности, которые опекали чеченские преступные группы в Москве, опекали и чеченское правительство Джохара Дудаева - этому правительству позволялось присваивать миллионы тонн российской нефти задёшево, а то и вовсе бесплатно. Чечня была важным звеном российских нефтепроводов, через неё текла каспийская нефть из Баку, через неё же западносибирская нефть доставлялась в Новороссийск. Нефть эта по большей части, сырая или переработанная, шла на экспорт.

«Как она экспортировалась? Кто её экспортировал? Куда эта нефть пропадала? Никто никогда не пытался это выяснить, - вспоминает бывший министр внешних экономических связей Олег Давыдов. - Во всяком случае, в мою бытность ни одного обращения от чеченцев не было, ни одного распоряжения по Чечне не было, чтобы выделить им определённую квоту, определённый объём нефти для прокачки, ничего такого не было. Чеченцы действовали через подставные лица, через каких-то влиятельных людей, которые им помогали, и которым они платили за все эти услуги».

Президент Дудаев, боевики и бандиты, державшие под контролем чеченское правительство, продавали российскую нефть на мировых рынках и зарабатывали сотни миллионов долларов и для казны своей республики, и для себя. А тем временем чеченские бойцы получали оружие от продажных российских командиров со всей страны, даже с Дальнего Востока. Российские службы безопасности тоже внесли вклад в создание чеченской армии. Когда в 1993 году Абхазия решила отделиться от Грузии и ненадолго развязала гражданскую войну, российские спецслужбы тайно помогали абхазским сепаратистам. На помощь абхазцам пришли чеченцы, получившие у России оружие и прошедшие в России военную подготовку. Самые оголтелые чеченские боевики, такие, как Шамиль Басаев, набирались боевого опыта именно в Абхазии.

«А потом Дудаев решил, что стал большой и сильный, и перестал делиться с московскими покровителями, - говорит генерал Лебедь. - И тогда (Москва) решила воспитать его армией».

Лебедь приводит и другую причину, по которой было решено ввести в Чечню войска: скрыть коррупцию, разъевшую армейскую верхушку. Когда в 1991-1994 годах Россия выводила свои войска из Германии, командование Западной группы войск распродавало военную технику на чёрном рынке. Лебедь утверждает: на чёрном рынке было продано более 1000 бронетранспортёров, главным образом в

Сербию и Хорватию, где в то время шла гражданская война. Разграбление армейских складов Западной группы войск происходило, если верить Лебедю, при попустительстве главнокомандующего группой генерала Бурлакова и министра обороны генерала Павла Грачёва. Журналист Дмитрий Холодов из «Московского комсомольца» начал расследовать эти обвинения. В октябре 1994 года Холодову передали чемоданчик, якобы содержавший важную информацию по этому делу. Но в чемоданчике оказалась бомба, и Холодов погиб от взрыва прямо у себя на работе. В любом случае, считает Лебедь, скандал с Западной группой войск явился дополнительным стимулом к тому, чтобы начать чеченскую войну. «Для этих с позволения сказать генералов возникла необходимость, чтобы где-то образовалась большая война, где бы сгорело большое количество бронетехники, чтобы можно было списать на эту войну».

Хотя о масштабах коррупции в Западной группе войск было хорошо известно и российские газеты нередко намекали на нечистоплотность министра обороны Грачёва (ему дали прозвище «Паша-мерседес»), мне так и не удалось получить достоверную информацию о том, что вторжение в Чечню было продиктовано желанием скрыть контрабандную торговлю оружием. Но одно очевидно: точно так же, как бизнесмены, становившиеся объектом бандитских нападений, почти всегда являлись жертвами собственных «непонятных отношений» с этими же бандитами, вторжение России в Чечню было следствием такого же рода двойной игры. Преступные организации, захватившие власть в Чечне, были связаны и с видными московскими бизнесменами вроде Березовского, и с многочисленными кремлёвскими чиновниками.

Российская армия вошла в Чечню 11 декабря 1994 года. Решение приняли Ельцин и его ближайшее окружение: Грачёв, Сосковец, Лобов, Ерин, Степашин - так называемая «партия войны». «Это была не партия войны, - рычит генерал Лебедь. - Это была партия бизнеса».

Незадолго до вторжения министр обороны Грачёв хвастался, что он может взять Грозный «одним десантным полком за два часа». Но на это ушло два месяца, сопровождавшихся беспрецедентным кровопролитием. Бои вели отнюдь не элитные десантные войска, а армейские подразделения, находившиеся поблизости, - недоукомплектованные, состоящие из необученных восемнадцатилетних мальчишек из российской провинции. В центр Грозного вошла длинная колонна бронетехники, без пехотной или авиационной поддержки. Видимо, российские генералы ничего не извлекли из уроков Второй мировой войны - ведь и Сталинградская битва, и битва за Берлин показали, что танки в большом городе - вещь бесполезная. «Танк в городе - это слон в яме, - замечает генерал Лебедь. - Любой мальчишка с балкона выливает на него ведро бензина, бросает окурок - и всё загорится».

Из окон и с балконов жилых домов чеченцы обстреливали из гранатомётов российские танковые колонны. Тактика была проста: сначала вывести из строя первый танк, потом последний, а уже потом - те, что в середине. Российские солдаты сгорали в танках заживо, либо их отстреливали снайперы, когда они пытались выбраться. Позже русские возвращались и вышибали чеченцев из домов.

К концу 1995 года Грозный был взят и боевые действия перешли в горные районы на юге. Но в Российской армии царил беспорядок. Одни командиры отказывались выполнять приказ к наступлению, другие отказывались соблюдать приказ о прекращении огня. Одни брали взятки, чтобы дать уйти окружённым чеченским подразделениям, другие продавали чеченцам оружие. Чеченцы тоже

устроили кровавый разгул: есть видеозаписи, на которых запечатлены издевательства над российскими солдатами - им публично перерезали горло.

14 июня 1995 года чеченцы добились знаменательной победы. Шамиль Басаев, бывший московский «бизнесмен», ставший одним из ведущих полевых командиров, провёл террористическую операцию в одном из российских городов. Он провёз несколько десятков элитных бойцов в Камазах, укрытых брезентом, на семьдесят километров вглубь российской территории; группа прошла сквозь многочисленные контрольные пункты: чтобы охрана не досматривала машины, давались взятки. Наконец, Басаев и его боевики добрались до казачьего города Будённовска, захватили здание городского совета и отделение милиции, взяли 1500 заложников и окопались в городской больнице. Вскоре здание окружили российские милиционеры и подразделения спецназа; несколько попыток взять дом штурмом окончились плачевно. В российских газетах прошла фотография: один из людей Басаева стоит с автоматом у окна, прикрывшись живым щитом - перепуганной русской женщиной. Люди Басаева убили нескольких пленных и выбросили их тела из окна.

После пятидневного противостояния российским телезрителям показали видеозапись: премьер Виктор Черномырдин робко беседует с Басаевым, соглашаясь отпустить последнего. Ему дали автобусы и топливо, чтобы он смог добраться до Чечни. Ему также разрешили взять с собой несколько десятков российских заложников. Кровопролитие в Будённовске унесло около 120 жизней, и российское правительство согласилось на прекращение огня. Прошло полгода, и война возобновилась.

Конец старых авторитетов

К тому времени бандитская война в Москве потихоньку сошла на нет. Ни русские, ни чеченцы победителями в ней не стали. Скорее, они перестреляли друг друга. Были убиты десятки воров в законе. Оставшиеся в живых чеченские главари деликатно ушли в тень. Многие российские «авторитеты» уехали за границу. Япончик попал в нью-йоркскую тюрьму, получил девять с половиной лет за вымогательство. Михась, главарь солнцевской группировки, был взят под стражу в Швейцарии и просидел в тюрьме два года, но потом был оправдан за отсутствием доказательств. Оказавшись в центре всеобщего внимания в первые годы Ельцина, главари преступных групп потихоньку укрылись за кулисами.

Победителями вышли новые российские бизнесмены. Многие из них работали в тесном контакте с чеченцами, солнцевскими, ворами в законе. Они платили бандитам дань, пользовались их услугами для устранения конкурентов, даже допускали представителей мафии в свои правления директоров. Но теперь бизнесмены обрели реальную силу, и бандиты стали им не нужны.

«Период мафиозных разборок наши олигархи прошли достаточно быстро, - заметил в 1998 году в интервью «Коммерсанту» Анатолий Чубайс, тогдашний первый заместитель премьер-министра. - Бизнесмены сыграли серьёзную роль в том, что бандитским разборкам пришёл конец». Чубайс ссылался на случай в 1994 году, когда Березовский и другие ведущие бизнесмены, собрались, чтобы выработать «некоторые принципы делового сосуществования», в том числе и «отказ от заказных убийств».

Березовский, в то время (1998 год) - яростный политический оппонент Чубайса, счёл необходимым дать ответ в той же газете. Он не стал напрямую

отрицать выдвинутые обвинения. «Помните тот пассаж, где он (Чубайс) говорит, что мы собрались в 1994 году и договорились между собой отказаться от заказных убийств? - спрашивал Березовский. - Это уже не просто лицемерие, ведь Чубайс подставляет в первую очередь себя. Значит, он всё это время имел дело с бандитами, нося в себе это опасение. А президент Ельцин, так уж получается, покрывал бандитов. Это запредел».

Чубайс был удивительно откровенен, говоря о своём решении взаимодействовать с бандитами. «Выбор в России был не между некриминализованным переходом (к рыночной экономике) и криминализованным переходом, - сказал он мне в начале 1998 года. - А выбор был между криминализованным переходом и гражданской войной».

Гражданская война всё-таки состоялась - в Чечне. Но в Москве, по крайней мере, страсти улеглись. В конце декабря 1994 года был убит один из самых могущественных чеченских бандитов, главарь южнопортовой группировки Хоза Сулейманов. Это было последнее громкое убийство в великой бандитской войне.

Это были поразительные два года. Взрывы бомб, заказные убийства, богатые бизнесмены устраняют конкурентов, главари бандитских групп сражаются за право владеть лучшими промышленными предприятиями страны, правительственные чиновники заключают сделки с закоренелыми преступниками - редкая страна проходит через подобную анархию в мирное время. Почему путь России оказался таким? По иронии судьбы, путь для российских бандитов был открыт либеральными реформами Михаила Горбачёва. Вместе с политическими заключёнными, вышедшими из тюрем, свободу обрели и тысячи профессиональных преступников. Ещё важнее другое - при Горбачёве началось сращение преступного мира с миром бизнеса. Многие из этих новых империй финансировались такими столпами советского общества, как КГБ и ЦК КПСС.

Глава 2. Падение старого режима

Реформы Горбачёва

В 1986 году с группой итальянских коммунистов я был в Москве в день празднования Октябрьской революции. Это ещё был Советский Союз. 7 ноября - главный праздник советской власти. Нам выделили место перед гостиницей «Националь» - оттуда удобно смотреть парад. Утро выдалось очень холодным. Вдоль улицы Горького стояли бронемашины: танки, бронетранспортёры, колёсная техника, амфибии - на броне поблёскивала свежая краска. Водители танков в кожаных шлемах ёжились и подпрыгивали, стараясь согреться на ветру. Войсковые подразделения привезли к месту дислокации задолго до нужного времени.

Парады Советской армии в честь революции проходили на Красной площади каждый год, с тех пор как в 1917 году большевики захватили власть в стране. Самый знаменитый парад, как известно, состоялся в 1941 году, в снегопад, когда гитлеровские полчища стояли на подступах к Москве и советские воины шли на фронт прямо с Красной площади.

Сорок пять лет спустя парад всё равно выглядел впечатляюще. В назначенный час войска выстроились. Зрители умолкли. На площадь Революции вырулил лимузин с увешанным орденами маршалом. Машина останавливалась перед каждым подразделением, и зычный голос маршала гремел через громкую связь:

«Товарищи! Поздравляю вас с праздником Великой Октябрьской социалистической революции!»

В ответ гремело молодецкое «Ур-ра!».

Маршал уехал в сторону кремлёвских башен, и раздался оглушительный рёв - водители бронемашин завели моторы. Волна за волной мимо нас с грохотом поползли танки, сотрясая мостовую и обдавая выхлопными газами старые сталинские здания. Следом - пехота, солдаты маршировали в широких колоннах, лица застывшие, каждый шаг выверен, блестят прихваченные лёгким морозцем сапоги.

Итальянцы взирали с восхищением.

Но Советский Союз уже не был таким могущественным, как могло показаться. В тот год к власти в стране пришёл руководитель нового типа. Михаил Горбачёв был первым лидером из послевоенного поколения и начал реформировать советскую систему с неслыханной дотоле энергией. Он отказался от коммунистической агрессивности во внешней политике и вместе с президентом США Рональдом Рейганом сумел положить конец «холодной войне». Дома он открыл ворота лагерей и запустил серию реформ, призванных вдохнуть в страну новую жизнь.

Я встретился с Горбачёвым в мае 1992 года - смещённый советский президент поразил меня своей бодростью и прямотой. У него был глубокий и красивый голос, смачный южный говорок. В карих глазах читалась теплота, и ты сразу верил, что перед тобой человек достойный и положительный.

«В то время всё бродило уже - и в партии, и в стране, и в обществе, - вспоминал Горбачёв. - Сначала мы пошли, как и все предшествовавшие нам реформаторы: начали с идеи социально-экономического ускорения. Мы сделали ставку на модернизацию нашего производственного потенциала и технологий, большие капиталовложения двинули в микроэлектронику и отечественное машиностроение».

Но тут же всё пошло наперекосяк. В декабре 1985 года саудовский нефтяной министр, шейх Ахмед Ямани, ведущая фигура в нефтяной картели ОПЕК, объявил: Саудовская Аравия больше не будет поддерживать цены на нефть за счёт сокращения производства. И за восемь месяцев мировые цены на нефть упали на 69 процентов. Между тем промышленность Советского Союза переживала нелёгкий период, и жизнь страны во многом зависела от гигантских ресурсов нефти и газа. Экономика Советского Союза зиждилась на топливном сырье - почти 50 процентов экспортной выручки страна получала от продажи нефти и газа.

Тяжелейшей ношей для страны была и бесконечная афганская война. Поражение Советской армии в Афганистане дало эффект домино: десять лет спустя солдатам пришлось сражаться с хорошо обученными исламскими боевиками, и не где-то в горах Афганистана, а на территории бывшего Советского Союза - в Таджикистане, Дагестане и Чечне. В 1986 году режиму Горбачёва был нанесён ещё один удар: катастрофа на атомной станции в Чернобыле. Становилось ясно, что Советский Союз, эта громоздкая и мускулистая структура, вооружённая самыми опасными в мире технологиями, начинает давать сбои. А советские потребители тем временем не ощущали на себе положительные результаты горбачёвских реформ. Жилищное строительство велось так же плохо, как всегда. Товары длительного пользования, от холодильников и телевизоров до автомобилей, были плохого качества и в дефиците. Темпы роста экономики

продолжали снижаться, и в 1988 году этот рост прекратился вовсе.

Надежды на экономическое возрождение быстро гасли, и Горбачёв решил перенести акцент на политические реформы. Он запустил гласность и перестройку. Впервые за семь десятилетий была разрешена свобода слова. Пресса, учебные заведения, правительственные структуры стали ареной страстных публичных дискуссий. Компартия отказалась от официальной монополии на власть и позволила провести всенародные выборы в парламент. Если считать, что в России сегодня установилась демократия, характеризующие этот термин свободы сформировались именно в период гласности и перестройки.

Но результаты реформ были далеки от тех, что ожидал Горбачёв. Как только контроль центра ослаб, чиновники и директора предприятий на местах, отведав свободы, разгулялись вовсю. И первым делом начали обогащаться.

Водка

Антиалкогольная кампания - яркий пример того, как реформы Горбачёва неожиданно привели к болезненным последствиям. Придя к власти, Горбачёв почти сразу взялся за самую трудноразрешимую социальную проблему России: водку. Попытка ввести сухой закон была предпринята в России лишь однажды, при Николае Втором. Он запретил водку в годы Первой мировой войны. Кончилось тем, что правительство обанкротилось, а монархия стала крайне непопулярной. Этот введённый царём запрет остаётся одной из самых недооценённых причин революции 1917 года.

Горбачёвская антиалкогольная политика не имела в виду полное искоренение водки - водка лишь стала труднодоступной и резко выросла в цене. Советского президента проклинали на перекрёстках и за кухонными столами по всей стране. В провинциальных городах зримым символом правления Горбачёва стала именно антиалкогольная кампания. Вместо того чтобы разрешить алкогольную проблему, новый запрет выплеснул её на улицы - в форме жутких очередей и скандалов, которые закатывали опустившиеся пьяницы.

Производство водки тем временем перебралось в тень. «Левые» перегонные заводы возникли по всей стране. Контрабандную водку гнали в колхозах, на пищевых комбинатах - почти повсеместно - при попустительстве местной политической элиты, а потом продавали на улицах или из-под прилавка в государственных магазинах. Кое-кто гнал водку из дешёвого одеколона, стеклоочистителя, крема для обуви. Ежегодно десятки тысяч россиян умирали от отравления, отведав ядовитого коктейля.

Антиалкогольная компания пропитала ядом и советскую экономику. Государственная монополия на алкоголь всегда была столпом советской финансовой системы, обычно она приносила в бюджет до 25 процентов всего дохода. После запрета прибыли от продажи водки потекли не в казну, а в карманы самогонщиков - так закладывался фундамент первого преступного капитала России.

Доходы от «левой» водки часто инвестировали в «кооперативы» - разрешённый реформами новый частный бизнес (торговые компании, банки, рестораны, магазины). Водочная мафия опутала всю страну и стала смело подкупать чиновников - от местной милиции, до судов и секретарей обкомов компартии. И вскоре правительство - единственный орган, способный противостоять организованной преступности, - начало гнить от коррупции.

Через несколько лет от антиалкогольной кампании пришлось отказаться. Но было уже поздно. Государственной казне, популярности Горбачёва, борьбе с организованной преступностью - всему этому был нанесён серьёзный урон.

Рублёвый навес

Через несколько лет после прихода Горбачёва сторожевые псы режима (КГБ, первичные парторганизации) с тревогой заметили, что в народе растёт недовольство. «Ожидания народа куда выше, чем наши реальные возможности», - признавал в 1990 году премьер-министр Николай Рыжков.

Пытаясь это недовольство как-то обуздать, Горбачёв разрешил резко повысить заработную плату. К примеру, в 1989 году средний доход возрос на 12 процентов, хотя экономика оставалась в застое. Государственные доходы упали - снизились мировые цены на нефть и исчезла прибыль от водки, а затраты на социальные нужды росли. Чтобы покрыть денежный дефицит, правительство включило печатный станок. Очевидной инфляции тогда ещё не было, потому что цены на большинство товаров жёстко контролировались. Инфляция проявлялась в растущей нехватке товаров широкого потребления и длинных очередях.

На руках у населения быстро скопилось много денег, а потребительских товаров становилось всё меньше - это явление получило название «рублёвый навес». Размер этого «навеса» оценивался в 460-500 миллиардов рублей (по официальному обменному курсу - около 800 миллиардов долларов) - половина внутреннего валового продукта СССР. Люди держали деньги либо на счетах в банке, либо у себя дома. В идеале такие деньги могли бы стать долгосрочными сбережениями, но фактически это были сбережения «не от хорошей жизни» - люди просто ждали, когда появится возможность что-то купить. Один из способов избавиться от этого переизбытка - отпустить цены и превратить скрытую инфляцию в самую что ни есть реальную. Но этот путь вёл к гиперинфляции, к социальной катастрофе. К счастью, решить проблему можно было иначе.

В октябре 1989 года председатель Федерального резерва США Алан Гринспен посетил Москву и встретился с Горбачёвым и другими советскими высокопоставленными лицами. Он уверял, что освобождать цены не следует до того, пока не окрепнет рубль. «Я думаю, что Советы уже отказались от идеи о том, что первым делом надо реформировать цены, - сказал мне Гринспен вскоре после возвращения. - Они понимают, что сначала что-то нужно изменить в финансовой структуре. Рублёвый навес нужно убрать с рынка, а уже потом отпускать цены. Возможно, самый простой способ погасить избыточную денежную массу - выпустить облигации, в рублях, так чтобы вся основная сумма и даже часть процентов гарантировалась валютой или золотом».

Гринспен также говорил о необходимости приватизации, как средстве борьбы с рублёвым навесом и дефицитом госбюджета. Только после этих двух шагов - выпустить государственные облигации и провести приватизацию - можно отпускать цены.

Лучшие советские экономисты пришли к тому же выводу. В 1990 году консультант Горбачёва Станислав Шаталин и молодой экономист Григорий Явлинский разработали программу неотложных мер и назвали её «500 дней». В соответствии с этим планом предполагалось нейтрализовать рублёвый навес, стабилизировать рубль, освободить цены и поставить страну на рельсы рыночной экономики. Ядром плана «500 дней» была приватизация. Поскольку у государства

была вся собственность, а у народа - все деньги, план «500 дней» предусматривал обмен одного на другое. Программа приватизации должна была начаться с незначительных активов - квартиры, земельные участки, магазины, грузовой транспорт, небольшие цеха - и постепенно перейти к крупным фабрикам, шахтам и нефтяным месторождениям.

Отчасти из-за оппозиции консервативного крыла компартии, отчасти из-за собственных марксистских предрассудков Горбачёв так и не воплотил в жизнь план «500 дней». И, судя по всему, совершил роковую ошибку.

Требовалась помощь, и Горбачёв с коллегами обратились к Западу. Они хотели занять 30 миллиардов долларов с тем, чтобы купить на Западе же товары широкого потребления и перепродать их советским потребителям в десять раз дороже. Таким путём, считали они, удастся избавиться от рублёвого навеса, стабилизировать рубль, запустить механизм рыночных реформ. Несколько месяцев западные политики обсуждали вопрос: нужен ли новый «план Маршалла», чтобы помочь Советскому Союзу перейти к демократии, свободному рынку, процветанию. Материального воплощения такая помощь не нашла. Правительства западных стран, возможно обеспокоенные другими международными проблемами, как-то: вторжением Ирака в Кувейт, - послали в Советский Союз экономистов, юристов, консультантов - но не деньги.

«Так или иначе, правительство США решило не оказывать помощь Советскому Союзу банковскими ссудами либо реструктуризацией долгов, - позже заметил Горбачёв с горечью в голосе. - Оно сделало шаг навстречу только тогда, когда и страна и рубль рухнули».

Первые шаги Бориса Березовского в бизнесе

Борис Березовский произвёл свой первый набег, когда положение в Советском Союзе стало кризисным. До 1989 года он входил в советскую научную элиту (в 1991 году даже был избран членом-корреспондентом Академии наук). Будучи удачливым советским учёным, Березовский получал зарплату около 500 рублей в месяц (примерно 800 долларов по тогдашнему официальному курсу). Но сегодня он говорит, что в бизнес его толкнул отнюдь не материальный стимул. «Я для бизнеса больше приспособлен генетически, чем для науки, - говорит он. - То есть я был очень счастлив, когда занимался наукой, но наука менее динамична, чем бизнес».

Березовский родился в Москве 23 января 1946 года в еврейской семье. Он вырос в столице и получил одно из лучших образований, каким располагал Советский Союз: факультет электроники и компьютерной техники Лесотехнического института. Этот факультет был одним из засекреченных научных учреждений Советского Союза, здесь занимались не лесным хозяйством, а разработкой космических программ. Далее он учился на знаменитом мехмате МГУ. Потом попал в Академию наук, где и проработал двадцать пять лет, исследуя теорию принятия решений.

Видимо, он был хорошим учёным. В 70-е годы защитил кандидатскую диссертацию по прикладной математике, а в 1983 году - докторскую. В Академии наук он возглавил одну из лабораторий Института управления, который специализировался на внедрении автоматических и компьютерных систем в промышленность.

Подобно многим, Березовский видел: горбачёвские реформы проваливаются.

Они вовсе не оживляли Советский Союз, наоборот - ускоряли его распад. Антиалкогольная кампания высосала из государства прибыли и породила поколение миллионеров-контрабандистов. Чёрный рынок цвёл пышным цветом, резко возросла преступность. Рублёвый навес увеличивался от месяца к месяцу. Очереди становились всё длиннее, а прилавки магазинов - всё безрадостнее.

Представитель научно-промышленной элиты, Березовский не пошёл по пути большинства других преуспевших предпринимателей того времени и не стал заводить своё маленькое дело: магазин, ресторан, строительная компания. Ему требовалось что-то крупное, какое-то надёжное советское промышленное предприятие, за которое можно было уцепиться. Желаемое он нашёл в тысяче километров к востоку от Москвы, в провинциальном Тольятти, где находился крупнейший в России автопроизводитель - «АвтоВАЗ». В Институте управления Березовский уже работал с этим гигантом - поставлял туда автоматизированные системы. Теперь к руководству «АвтоВАЗа» он явился с коммерческим предложением.

«АвтоВАЗ» возник в середине 60-х годов как образцовое предприятие - Леонид Брежнев хотел обеспечить советских граждан такими же товарами, какие пользовались спросом на Западе. Для первых моделей оборудование и чертежи предоставил итальянский «Фиат». Я побывал на «АвтоВАЗе» летом 1996 года и обнаружил, что по сравнению с первоначальным итальянским проектом завод мало изменился. Город Тольятти, названный в честь лидера итальянских коммунистов, ничего особенного собой не представлял - разбитые дороги, малопривлекательные жилые корпуса. До горизонта тянулись колышущиеся поля. Плавно и достойно, приближаясь к устью Каспия, несла свои воды Волга.

Завод находился на окраине города. Это был автомобильный монстр: огромный, интегрированный по вертикали, управляли им бездарно. Технология безнадёжно устарела. Завод производил 2000 автомобилей в день, но сами модели - в основном «Жигули» и «Нивы» - были довольно примитивными (по большей части, «фиаты» эры 60-х). На средненькую машину «АвтоВАЗ» расходовал в тридцать раз больше человеко-часов, чем американцы или японцы на хорошую.

К тому времени крупнейшие автопромышленники мира отдавали предпочтение небольшим сборочным цехам, использовали гибкую методику производства; много готовых узлов приобретали на других заводах и применяли модульную сборку. Но сборочный конвейер «АвтоВАЗа» выглядел совершенно иначе. Он тянулся на пару километров, одно рабочее место за другим; никаких модулей со стороны не было - машины собирались по мелким частям. Видимо, эти части не всегда подходили. Кругом стучали молотки: сальники вбивали молотком, двери подгоняли молотком, бамперы - молотком. На участке сборки двигателя я видел, как человек вручную закручивал поршни, а потом вколачивал их молотком. Если на конвейере и работали роботы, мне они не попались.

Именно в этом динозавре Борис Березовский узрел для себя коммерческую выгоду. В 1989 году он обратился к руководству «АвтоВАЗа» с предложением: частная компания готова поставить заводу программное обеспечение. Частные компании в Советском Союзе были в основном либо кооперативами, либо совместными предприятиями с иностранными партнёрами. Березовский разбирался в тонкостях современной советской торговли и знал, что совместное предприятие - путь наиболее простой и выгодный, потому что предполагает существенные налоговые льготы и даёт право переводить половину прибылей за рубеж. Хотя Березовский делал лишь первые шаги в бизнесе, у него были планы

сотрудничества с иностранными компаниями - он хотел зарабатывать деньги в России и держать по крайней мере часть доходов за рубежом. В качестве партнёра по совместному предприятию Владимир Каданников - директор «АвтоВАЗа» - предложил итальянскую фирму «Лого систем», занимавшуюся автоматизацией производства. Эта туринская фирма работала с «АвтоВАЗом» не один год и обещала стать послушным и понятливым партнёром.

В мае 1989 года был создан «ЛогоВАЗ». В компанию вошли несколько физических лиц - Березовский, Каданников, управляющие «АвтоВАЗа» с коммерческой жилкой. Президентом новой компании стал Каданников, генеральным директором - Березовский. Официально задача «ЛогоВАЗа» заключалась в том, чтобы автоматизировать процесс сборки на «АвтоВАЗе». Повысить производительности труда на таком важном производственном объекте - это соответствовало намерениям Горбачёва модернизировать советскую промышленность. Но обновлять промышленные компьютерные системы «ЛогоВАЗ» не стал - новая фирма почти сразу же занялась продажей автовазовских автомобилей.

Новая миссия КГБ

В том, что преуспевший советский учёный занялся продажей автомобилей, не было ничего необычного. Даже учреждения, далёкие от коммерции, например Центральный Комитет КПСС, ударялись в бизнес. Комплекс в стиле «арт нуво» на Старой площади, где располагался ЦК, был традиционным средоточием власти в СССР. Стоянка перед ним всегда была запружена чёрными и серыми «Волгами» в идеальном состоянии, водители послушно дежурили рядом. В зданиях Центрального Комитета было около тысячи кабинетов. Здания соединялись пешеходными пролётами и тоннелями.

Об интригах в этих коридорах власти, выложенных красными коврами, ходят легенды. Человеку постороннему всегда было трудно понять, какие именно фракции состоят в оппозиции друг к другу. Но результаты этой таинственной борьбы определяли судьбу всей страны. Именно на заседаниях Центрального Комитета в 20-е годы победу одержал Сталин - и тут же принялся истреблять конкурентов. Именно здесь в 1953 году Никите Хрущёву удалось взять под стражу шефа сталинской охранки Лаврентия Берия и казнить его. А в 1964 году благодаря интригам Центрального Комитета уже Хрущёв был смещён со своего поста и уступил место Леониду Брежневу. В 1985 году Центральный Комитет КПСС избрал руководителем страны Михаила Горбачёва.

Международный отдел ЦК отвечал за финансирование иностранных компартий. Офшорные предприятия, налоговый рай, фирмы-пустышки, отмывание денег - во всём этом сотрудники международного отдела изрядно поднаторели. Реализацией таких проектов обычно занимался КГБ. В 80-е годы КГБ открыл много фиктивных банков и торговых предприятий в офшорных зонах - Греция, Кипр, Италия и Португалия. Миллиарды долларов были переведены на счета этих учреждений через «Внешэкономбанк». Механизм, как правило, был следующий: партия нефти, металла или леса продавалась предприятию, которое КГБ открыл за границей, по цене, во много раз ниже цен мирового рынка. Далее это предприятие перепродавало полученный товар уже по рыночной цене, а прибыль от продажи оставляло себе. Теперь же, когда крах Советского Союза стал неизбежен, международный отдел ЦК и КГБ решили применить ту же схему уже в интересах коммунистической номенклатуры.

Помимо нескольких отделов Центрального Комитета, КГБ был единственным советским учреждением, которое в этих тяжёлых обстоятельствах предприняло решительные шаги. КГБ получил задание: сохранить власть правящей советской касты, номенклатуры, даже если сам коммунизм падёт. КГБ вместе с международным отделом ЦК разработал операцию по переводу миллиардов долларов на счета частных компаний в Советском Союзе и за рубежом. Это была поразительная операция.

Полиция в России всегда относилась к своей работе творчески. В царские времена тайная полиция отнюдь не была сборищем любопытных пронырь, это была чрезвычайно изобретательная организация, которая вынашивала и воплощала в жизнь удивительные и масштабные проекты. К примеру, чтобы отвлечь рабочий класс от революционных идей, царская тайная полиция создала монархистские профсоюзы. Эти организации действовали весьма успешно, но в какой-то момент ушли из-под опеки и ускорили то самое событие, которого власти пытались избежать: революцию.

Советская охранка действовала с ещё большим рвением. До 1991 года КГБ занимался промышленностью, транспортом, телекоммуникациями, армией, милицией, культурой. С давних времён он научился проникать в ряды оппозиции. Термины «агент-провокатор» и «провокация» в Советском Союзе были известны повсеместно (да и в других странах по всему миру, куда дотянулся своими щупальцами КГБ). Классическая провокация сводилась к следующему: агент проникал в группу оппозиционеров и выводил её на дорогу, которая вела к самоуничтожению. Подобные операции были фирменным блюдом КГБ, чьи агенты тайно внедрялись в потенциально опасные структуры: монархические общества, группы диссидентов, церкви, сионистские организации, группы из мира искусства, группы этнических сепаратистов.

Осенью 1990 года я познакомился с Олегом Калугиным, генерал-майором КГБ и бывшим главой контрразведки ПГУ. Своё ведомство Калугин охарактеризовал так: «КГБ просто отличался большей гибкостью. Скажем, партийные органы считали, что рок-музыку нужно было запрещать и не допускать. А КГБ считал, что надо было разрешать, но держать под контролем».

Когда я спросил, проник ли КГБ в нарождающееся демократическое движение, генерал Калугин, который обычно предпочитал обтекаемые ответы, отреагировал внятно и чётко. «Ничего подобного, - отрезал он. - Такой политики не было».

Через девять лет мы с Калугиным встретились в Вашингтоне, где он оказался в комфортабельной ссылке. Он раскрыл мне истинную роль КГБ в становлении «демократической» России.

В ходе эпохальных выборов 1990 года - первых свободных выборов в национальный парламент, а также в парламенты республиканские и региональные - КГБ оказал поддержку нескольким тысячам кандидатов; в большинстве случаев их избрали. По утверждению Калугина, КГБ помог создать первую некоммунистическую политическую партию: партию Владимира Жириновского с неуместным названием «Либерально-демократическая». Задача Жириновского сводилась к следующему: много кричать, воспламенять национальные чувства, но не предпринимать никаких радикальных действий. Калугин также утверждает, что националистическая группа «Память», чьи экстремистские лозунги вызвали тревогу на Западе в конце 80-х, образовалась при помощи КГБ. Некоторые

сотрудники КГБ стали играть заметную роль в демократическом движении; например, Владимир Путин оказался главным помощником наиболее красноречивого сторонника демократических свобод, Анатолия Собчака.

Человеком, отвечавшим в КГБ за состояние внутриполитической арены, был генерал Филипп Бобков. Этому ветерану службы к началу перестройки было уже под шестьдесят, он возглавлял Пятое управление КГБ. «Функция Пятого управления была очень широкая, - вспоминает генерал Калугин. - Это наблюдение за политической чистотой советского режима. Это значит держать под контролем прежде всего интеллигенцию, как самую заразную часть населения. Это значит держать под контролем церковь, потому что церковь была представителем враждебной идеологии. Это контроль за культурой, искусством, наукой, спортом, образованием и так далее».

Пятое управление Бобкова занималось также преследованием советских диссидентов, от Солженицина до Сахарова. Искусство засылать шпионов и осведомителей в потенциально опасные гражданские группы, ставить туда на руководящие посты агентов КГБ было доведено в отделе до совершенства. Но с приходом Горбачёва советское правительство отказалось от политической слежки. Вскоре люди из главка Бобкова начали просачиваться в растущее демократическое движение, в новые частные предприятия. Самого Бобкова повысили - он стал заместителем председателя КГБ. Пятое управление продолжало оставаться в его ведении, но теперь он вёл и Шестое, в прошлом это подразделение занималось экономическими преступлениями, а теперь пристально следило за новыми кооперативами.

В 1990 году некий полковник Леонид Веселовский из Первого главного управления КГБ подготовил секретную записку на имя крупного партийного функционера Николая Кручины, где изложил новую стратегию. Кручина в ЦК отвечал за собственность компартии. В документе из КГБ предлагалось создать сеть банков и торговых компаний, в России и за рубежом, перевести туда на «чрезвычайный период» миллиарды долларов правительственных фондов и держать там для коммунистической номенклатуры, пока не наступит более благоприятное время.

«Средства, поступавшие в виде доходов в партийную кассу и не отражаемые в финансовых документах, могут быть использованы для приобретения анонимных акций фондов отдельных компаний, предприятий, банков, что, с одной стороны, обеспечит стабильный доход, независимо от дальнейшего положения партии, а с другой стороны, эти акции могут быть в любой момент реализованы на фондовых биржах с размещением капитала в иных сферах с целью обезличивания партийного участия, но с сохранением контроля, - говорилось в записке Веселовского. - Для исключения возможных помех при проведении таковых операций в условиях чрезвычайного периода необходимо создать как на территории СССР, так и за его пределами, специальные группы быстрого реагирования на изменение ситуации, укомплектованные профессионально подготовленными инструкторами из действующего резерва КГБ СССР или из особо доверенных лиц, привлечённых к сотрудничеству как на добровольной основе, так и из лиц, по тем или иным причинам увольняемых из КГБ СССР».

Эта стратегия была реализована. Правящая компартия пришла к решению: раз чёрный рынок не по зубам, надо в него влиться. Новые предприниматели, выбранные ЦК и КГБ на роль хранителей коммунистической «чёрной кассы», состояли из тайных агентов и бизнесменов-бандитов, поднявшихся на водке и

кооперативах. Именно так получили свой первый капитал многие будущие российские миллиардеры.

Березовский, видимо, не входил в число тех, кому перепало из тайных фондов КГБ. Он не был миллионером, санкционированным компартией. Почему? Свою роль мог сыграть и возраст: предприниматели, на которых компартия делала ставку, в основном были выходцами из комсомола, им было где-то под тридцать, а Березовскому - уже за сорок. Но он не мог не заметить, что коммерческий успех в России зависит от официальной опеки.

«Уходя со сцены, КГБ не просто исчез, он оставил блоки, финансовые и политические, опираясь на людей, которые КГБ помогали, - позднее вспоминал генерал Калугин. - Не забывайте, что партия сохранила немалое состояние и огромную собственность. У самого КГБ денег не было - но он их распределял. Как только началась приватизация, эти фонды стали исчезать. Их поглотило не правительство - с юридической точки зрения эти деньги принадлежали не правительству, а партии. Эти деньги попали на чёрный рынок.

Крупные суммы из средств, распределённых через КГБ, легли на счета в иностранные банки. Сам генерал Калугин, возглавляя в управлении контрразведку, помогал переправлять эти деньги. В 1978 году Первое главное управление открыло агентство экономического шпионажа, так называемый Восьмой отдел, чтобы вести операции с иностранными банками. «Мы внедрили наших людей, кагэбэшных людей, специалистов, в наши банки, советские и совместные, например, в Сингапуре и Лондоне, - вспоминает Калугин. - На этой основе мы смогли заниматься манипуляцией на золотых рынках». (Советский Союз, второй по величине производитель золота в мире, мог влиять на цену на золото.)

Западные разведки знали, что КГБ запустил программу по отмыванию денег, но решили не вмешиваться, даже когда стало ясно: эти деньги в большой степени расхищаются агентами, бесчестными бизнесменами и просто бандитами. Когда ЦРУ, например, в 1992 году получило от российского правительства косвенную просьбу помочь отыскать пропавшие миллиарды, оно отказалось, боясь раскрыть собственную агентурную сеть.

Конечно, держать такую масштабную финансовую операцию в полной тайне было невозможно. В феврале 1991 года (последний год правления Горбачёва) в газетах появилась любопытная история. Геннадий Фильшин, заместитель министра внешней торговли в новом Российском правительстве Бориса Ельцина (в отличие от советского правительства Михаила Горбачёва) якобы работал над сделкой, цель которой - приобрести 7,5 миллиарда долларов в обмен на 150 миллиардов рублей. Партнёром по сделке была неизвестная британская компания «Дав трейдинг интернэшнл». Во главе её стоял англичанин, перебравшийся в Южную Африку. По условиям сделки «Дав трейдинг» продавала российскому правительству 7,5 миллиарда долларов, а на вырученные рубли приобретала российские товары и работающие на экспорт предприятия. Останутся ли доллары, полученные Российским правительством, в офшорной зоне или будут переведены в Россию, было неясно. Неясно было и другое: где такая малозначительная компания, как «Дав трейдинг», могла взять столько долларов? Позднее европейские правоохранительные агентства выдвинули версию - британская фирма, возможно, действовала в интересах колумбийского картеля по торговле наркотиками. Но прежде чем сделка состоялась, сведения о ней просочились в советскую прессу. Российский парламент начал разбираться, и сделку запретили.

Фильшину пришлось уйти в отставку, само же расследование было прекращено.

Аналогичная операция состоялась в ноябре 1990 года в офшорной зоне на британском острове Джерси, между советским Центральным банком и парижской финансовой структурой, к услугам которой нередко прибегал КГБ. Эта компания называлась «Financial Management Co» или «Fimaco». За пять лет в 90-е годы «Fimaco» скрыто проводила для российского Центрального банка операции на огромные суммы (по оценке бывшего на тот момент Генеральным прокурором Скуратова - 50 миллиардов долларов), а прибыли - сотни миллионов, а то и миллиарды долларов - оседали в офшорной зоне. Свидетельств того, что эти прибыли вернулись в Россию, нет; они были распределены между частными банками, консультационными фирмами, некоммерческими фондами.

Огромные средства ЦК и КГБ, спрятанные за границей, редко пересылались обычным банковским переводом. Ведь сначала их требовалось отмыть. Самый простой способ скрыть перемещение крупной суммы в офшорную зону - заключить фиктивный контракт с иностранной фирмой. К концу эры Горбачёва операции в сфере советской внешней торговли стали приобретать чрезвычайно нешаблонный характер.

Растущую тенденцию вести внешнюю торговлю через сомнительных посредников олицетворял Марк Рич, печально известный международный торговый магнат. Прослывший вундеркиндом ещё в 70-е годы за ловкую торговлю нефтью, Рич в 1983 году сбежал из США - его обвинили в преступном заговоре, мошенничестве, уклонении от уплаты налогов и торговле с противником (Иран). Теперь этот пятидесятилетний миллиардер жил в Швейцарии, где совмещал шикарную жизнь крупного международного дилера с необходимостью всё время оглядываться по сторонам. Выдавать его Швейцария отказывалась, но у США были подписаны серьёзные соглашения об экстрадиции почти со всеми другими странами Европы.

Марк Рич относился к разряду бизнесменов, которые наживаются на несчастьях других. В 1990 году он оказался в сложном положении. Цены на металл упали. Два его основных нефтеторговых партнёра - Ирак и Кувейт - из международной торговой системы выпали. Рынки, где он чувствовал себя уверенно, переживали не лучшие времена. Когда я спросил конкурентов Рича о его бизнесе, они нарисовали чрезвычайно мрачную картину.

«Когда на торговлю с Южной Африкой наложили эмбарго, Рич поставлял им нефть, и ему щедро платили, - говорил Дитер Бетчер, директор лондонского филиала компании по продаже металла «Метальгезельшафт А.Г.». - Теперь эмбарго сняли, навар уже не тот».

Латинская Америка? «Лет двадцать назад в таких латиноамериканских странах, как Чили и Венесуэла, посредникам было раздолье, - сказал Джонатан Платт-Миллс, директор британского конгломерата «Лонро». - Но теперь там поумнели, имеют дело с клиентами и поставщиками напрямую».

Ближний Восток? «Дни безудержной торговли и безумных товарных сделок, когда какой-нибудь ближневосточный шейх мог по дружбе уступить тебе нефть по 4 доллара за баррель, давно прошли», - сказал Свенанг Медаас, глава московской компании «Фибро энерджи», филиала финансовой компании «Саломон».

Итак, традиционные источники почти высохли, и Рич нашёл новый способ делать деньги: надувать некомпетентных советских чиновников. Весь бывший Советский Союз бурлил - прибыль от продаж нефти и металла вдвое, а то и втрое

превышала прибыль от продаж в других странах мира. Именно на советском бизнесе Рич преумножил своё состояние и довёл мировой объём продаж до 30 миллиардов долларов.

Хотя Рич поддерживал довольно тесные отношения со многими вождями КПСС, его роль в программе КГБ по отмыванию денег неясна. Безусловно, бегству капитала из СССР он способствовал. Пользуясь его опытом, бывшие сотрудники КГБ уходили в «независимые» и присваивали себе прибыль за посредничество.

Рич торговал с Советским Союзом всем, чем можно: зерно, сахар, цинковый концентрат, глинозём; ему платили нефтью и алюминием, никелем, медью и другими металлами. Благодаря этой торговле Рич приобрёл колоссальный вес на товарно-сырьевых рынках мира, ежегодно пропуская через свою фирму 2 миллиона тонн алюминия во многом за счёт своих советских покупок и контролируя треть мирового спотового рынка этого металла.

«Мы обеспечиваем российские компании инвестициями, ноу-хау, помогаем входить на мировой рынок во времена, когда другие западные фирмы либо отворачиваются от России, либо предъявляют завышенные торговые требования», - заявлял Рич в российской прессе несколько лет спустя, когда его деятельность подверглась пристальному изучению.

Фактически же Рич высасывал из России деньги - он приобретал товары по внутренним ценам, продавал за рубежом, а свою прибыль регистрировал в Швейцарии, в зоне налогового рая. В 90-е годы российские трейдеры уже успешно делали это сами, но Рич был первым и действовал масштабно. Строго говоря, по советским законам его деятельность была противоправной, но его пособники в Союзе отнюдь не были дураками. Его сделки обычно включали в себя тайные соглашения с директорами нефтяных и алюминиевых заводов, сложные схемы проплаты, охватывавшие весь земной шар.

Одним из главных партнёров Рича был сорокалетний предприниматель Артём Тарасов, ставший одним из пионеров российского грабительского капитализма. Тарасов, наполовину грузин, вырос на побережье Чёрного моря, учился в Горном институте и Высшей школе экономики при Госплане СССР, работал в Московском правительстве. Как только в 1987 году разрешили открывать частные предприятия, он основал кооператив «Техника» - экспортировал сырьё и ввозил персональные компьютеры. Ему удалось кое-что заработать. Следующей его компанией был «Исток», который разросся в экспортную империю - в частности, в аренду сдавались железнодорожные составы, депо, портовые мощности, суда и складские помещения.

Летом 90-го года Тарасов сыграл важную роль в финансировании правительственной программы «Урожай-90». У Российского правительства не хватало наличности, и суть разработанной им программы заключалась в следующем: заплатить колхозам векселями, которые впоследствии можно будет обменять на импортные товары народного потребления. Тарасову предложили погасить 10 процентов векселей по программе «Урожай-90». Республиканское правительство Бориса Ельцина дало ему лицензию на экспорт мазута и разрешило держать доходы за рубежом - беспрецедентная привилегия для частного торговца, - имея в виду, что прибыль он использует для погашения векселей. Топливо за рубеж он продал, но импортные товары советские колхозники так и не получили. Это был знаменитый скандал.

«Да, Тарасов был нашим учителем, - позднее с горечью признавался Олег

Давыдов, ветеран Министерства внешних экономических связей. - Он купил мазут на внутреннем рынке по 36 долларов за тонну, а продал за рубежом по 80. И всё это время выступал по телевизору и учил нас, что такие сделки необходимы, какие на этом можно заработать деньги, что Министерство внешних экономических связей - плохая организация, потому что не позволяет людям нормально зарабатывать. Министерство внешних экономических связей всё время только этим и занималось, только разница шла не в карман Тарасова, а в государственный бюджет».

Свидетельств того, что Березовский вёл дела с Ричем или хотя бы встречался с ним, нет, хотя их интересы ненадолго пересеклись на рынке по экспорту алюминия. Но Березовский, несомненно, во многом перенял у Рича стратегию вывоза капитала из России. В этом смысле швейцарский коммерсант был учителем Березовского, да и многих других российских бизнесменов и финансистов.

В 1991 году достоянием гласности стала ещё одна сомнительная сделка в сфере международной торговли. На сей раз «засветилась» компания АНТ, закрытое акционерное общество, основанное несколькими представителями военно-промышленного комплекса с помощью советского премьера Николая Рыжкова и нескольких его министров. Компанию возглавил генерал КГБ. В 1990-1991 годах компания тайно проводила крупные экспортные сделки, не ставя в известность Министерство внешних экономических связей. Цены продаж были намного ниже цен мирового рынка, разница попадала к неизвестным партнёрам за рубежом. АНТ в конце концов «прокололась» при попытке вывезти большую партию танков, артиллерии и прочего военного оборудования для каких-то покупателей за рубежом. Расследование толком не провели, но Рыжкову пришлось уйти в отставку.

Позже о бегстве капитала в последние годы Советского Союза я говорил с Егором Гайдаром, первым постсоветским премьер-министром. «В структуре внешних экономических сделок Советского Союза была масса загадок, - сказал Гайдар. - Мы закупали оборудование по многим видам изделий по аномально высоким ценам и с предоплатой, а много из своей продукции поставляем по очень низким ценам».

Какой бы ни была природа этих подпольных операций - «Fimaco», АНТ, дело Фильшина, - но примерно в 1990 году золотовалютные резервы Советского Союза испарились. Я спросил Гайдара: что произошло? Коммунистические боссы и КГБ вывезли богатство из страны? «По статистике внешней торговли это проверить нельзя, - ответил Гайдар. - Разумеется, всё пошло на обслуживание импортных контрактов или финансовые операции. Другое дело, были ли эти импортные контракты нужны и по каким ценам закупались эти импортные товары. Вот это по статистике не проверить».

В начале 80-х советский золотой запас составлял 1300 тонн (в те дни около 30 миллиардов долларов). Всего за два года, с 1989-го по 1991-й, большая часть этого золотого запаса (около 1000 тонн) была продана. В то же время валютные резервы Советского Союза упали с 15 миллиардов долларов в начале правления Горбачёва до 1 миллиарда в 1991 году. Хотя выяснить истинное состояние платёжного баланса СССР на то время практически невозможно, можно утверждать, что в 1990-1991 годах Советский Союз за счёт бегства капитала потерял около 20 миллиардов долларов.

Опустевшая казна не могла не привести к тому, что статус Советского Союза

на мировой арене снизился. В конце 1989 года пала Берлинская стена, и страны бывшего социалистического лагеря обрели свободу. Полгода спустя Ирак (традиционный союзник СССР) вторгся в Кувейт. США стали готовиться к войне, и Горбачёв поддержал союз с Западом против Саддама Хусейна. Власть Горбачёва в собственной стране неуклонно ослабевала.

В ноябре 1990 года я снова оказался в Москве в день празднования Октябрьской революции. На сей раз в число приглашённых на церемонию я не попал. Начало парада смотрел по телевизору, остальное слушал по громкоговорителю, каких ещё было много в центре Москвы. Потом решил пойти на Красную площадь.

Ведущие к Кремлю улицы были пусты, стояло солидное оцепление. Я попытался зайти с другого конца, от гостиницы «Россия». Там пускали только по специальным пропускам, но я предъявил своё журналистское удостоверение, поупрашивал как следует и проник на Красную площадь со стороны храма Василия Блаженного. Официальные лица и активные коммунисты шли мимо меня с площади с напряжёнными и даже ошарашенными лицами (оказалось, какой-то человек, проходя по Красной площади мимо трибуны, где стоял Горбачёв, выстрелил в советского президента и был тут же арестован).

У стен храма Василия Блаженного стояла небольшая группа активистов среднего возраста и выкрикивала лозунги. «ГОРБАЧЁВ И ЯКОВЛЕВ - АГЕНТЫ СИОНИЗМА!» - прочитал я на одном транспаранте со звездой Давида. «ХВАТИТ ПРОДАВАТЬ ОТЕЧЕСТВО!» - гласил другой. Это была «Память» - антисемитская группа, довольно громко заявившая о себе в последние годы правления Горбачёва. Впоследствии оказалось, что «Память» зарождалась при помощи КГБ. Идея заключалась в том, чтобы как-то структурировать национальные чувства русского народа и придать им политический оттенок, напугать тем самым общественное мнение Запада и заставить помочь умеренному Горбачёву, как «единственной альтернативе» силам экстремизма.

Услышав, что демократы готовят свою демонстрацию, возглавляемую Борисом Ельциным и мэром Москвы Гавриилом Поповым, я прошёл мимо Кремля на площадь Революции. Там собралось несколько тысяч человек, в основном молодёжь, но пожилых интеллигентов тоже хватало. Вообще, толпа была пёстрая: анархисты, бабушки, молодые очкастые интеллектуалы, студенты, тут же сновали невзрачные человечки, они втирались в каждую группку и каждый разговор - провокаторы КГБ. В первых рядах был Ельцин, боевитый, под белой рубашкой чувствовался мощный торс, а рядом - Попов, приземистый и смугловатый, нервно поглядывавший по сторонам.

Милиция не пускала колонну на Красную площадь. Из рядов демократов выдвинулись оборотистые бабушки. «Сынок, не обижай старуху, дай нам пройти», - упрашивали они милиционеров. «Мы имеем право пройти на площадь! - кричали мужчины. - С нами Ельцин и Попов!»

В конце концов, милиция разомкнула кордон, и демократы с шумом высыпали на булыжную мостовую Красной площади, двинулись к Мавзолею и храму Василия Блаженного.

«В отставку! В отставку!» - скандировала толпа, обращаясь к мраморной трибуне Мавзолея Ленина, на которой час назад стояло всё Политбюро. «Демократия!» - кричали люди кремлёвским стенам и правительственным зданиям за ними.

Участники официальной коммунистической демонстрации давно ушли с площади, остались только уборщики да гвардия плечистых парней - защитников коммунизма. Эти крепыши стояли спиной к Кремлёвской стене и метали свирепые взгляды, как и положено всем хорошим коммунистам. Это были либо сотрудники КГБ в штатском, либо обученные боевым единоборствам комсомольцы. Несколько лет спустя я видел те же лица среди московских преступников. Но в тот день они охраняли от Ельцина старый порядок. Переминаясь с ноги на ногу, они смотрели исподлобья, полные желания намять бока этой богеме и интеллигентам, несущим знамёна демократии. Демократы прошли мимо и скрылись за памятником Минину и Пожарскому.

Связь с Лозанной

Березовский в то время неплохо зарабатывал, продавая автомобили «АвтоВАЗа», но, наблюдая со стороны за Марком Ричем и другими торговцами, он решил, что экспорт российского сырья - бизнес весьма привлекательный, им стоит заняться. Для этого требовался партнёр, у которого есть опыт международной торговли сырьём и который умеет направлять финансовые потоки, не оставляя много следов. В начале 1991 года в сопровождении Николая Глушкова, главного финансиста АвтоВАЗа и одного из основателей ЛогоВАЗа, Березовский отправился в Швейцарию - в Лозанну.

Лозанну считают одной из финансовых столиц Швейцарии - она не так велика, как Женева (если говорить о частных банках) или как Цюрих (корпоративные банки), зато удобно расположена и известна низкими уровнями налогов и нежёсткими законами. Это один из процветающих швейцарских городов - деревушка, которая обзавелась собственными небоскрёбами. Её булыжные мостовые украшены дорогими ресторанами, бутиками, торговыми центрами. Наиболее известным корпоративным резидентом считается Международный олимпийский комитет. Каждые четыре года он заставляет замирать от волнения народы всего мира - проходят выборы места для зимних и летних олимпийских игр. Менее заметным обитателем Лозанны, но мало уступающим Олимпийскому комитету по географии своей деятельности является крупная торговая фирма «Andre & Cie.».

Основанная в 1877 году и по сей день принадлежащая членам семьи Andre, эта корпорация торгует главным образом зерном и сахаром, но продаёт по всему миру и другие товары и услуги. Штаб-квартира компании расположена в центре Лозанны: большое стеклянное здание в окружении зелёных лужаек и сосен, с видом на Женевское озеро. В мраморном вестибюле, как положено, сидит сотрудник службы безопасности; на стене напротив - картины и схемы нефтяных танкеров и других судов для перевозки насыпных и наливных грузов. На ярко освещённых пяти или шести этажах честолюбивые молодые коммерсанты сидят за компьютерами или названивают по телефонам.

Компания «Andre» начала заниматься бизнесом с Россией ещё в 1978 году - был период разрядки, и несколько крупных западных корпораций пытались это использовать. К моменту появления Березовского, в 1991 году, «Andre» продавала России зерно и сахар, а также швейцарскую промышленную технику и имела желание увеличить объём операций.

Одной из ключевых фигур в компании был Аллен Мэйр, бизнесмен средних лет, он вёл российские проекты с 1981 года. Он возглавлял в Лозанне российский отдел компании «Финко» (финансовая компенсация), полуавтономной дочерней

фирмы «Andre». Она занималась финансовыми расчётами со странами, где не было конвертируемой валюты. «Финко» специализировалась на товарообменных сделках, бартерных соглашениях и сложных схемах, позволявших обменивать валюту в особо тёмных уголках мирового рынка. «Отдел компенсаций в «Andre» - структура чрезвычайно предприимчивая, если сделка возможна, она делает всё, чтобы сделка состоялась, - говорит Мэйр. - Чтобы сделать структуру действенной, необходимо найти партнёра, с которым возможны общие интересы».

Аллен Мэйр быстро понял, что таят в себе перемены, начатые горбачёвской перестройкой. В советскую эпоху вести бизнес в России западным компаниям было достаточно просто. Конечно, нужные контакты и знакомства требовались и тогда, но, в общем, советские государственные коммерсанты исходили из чётких экономических принципов. Обычно Госплан СССР давал чиновникам-коммерсантам указание: требуется такой-то товар в таком-то количестве; дальше следовало определить, какая западная фирма предлагает наиболее выгодные условия в смысле цены, качества и сроков поставки. У Советского Союза, как у торгового партнёра, была прекрасная репутация: советское торговое ведомство отличалось честностью и прямотой, не пыталось уклониться от уплаты по счетам. В конце 80-х, когда центральное правительство стало терять власть и бизнесом занялись полунезависимые коммерческие организации, рынок стал коррумпированным - сделки заключались среди своих.

«Я понял, что для успешной работы в России нужен российский компаньон, - говорит Мэйр. - Раньше так вопрос не стоял. Но с 1990 года иметь своего человека на рынке стало просто необходимо. Будущие события показали: бизнес привлекателен и интересен, когда к нему, если можно так выразиться, можно подойти изнутри».

Компаньоном, которого искал Мэйр, оказался Борис Березовский - он мог ввести «Andre» в «интересные» зоны российского рынка. «Впервые мы встретились в Лозанне, - вспоминает Мэйр. - Он попросил о встрече. Я сказал: если у вас есть предложение - я готов. В то время я очень хотел найти компаньона в России. Он рассказал о себе, о том, чем занимается ЛогоВАЗ. Подробностей разговора я не помню, но этот человек показался мне интересным и приятным в общении. Они (Березовский и Глушков) предложили: «Давайте будем работать вместе». Мы просто ответили: «Почему же нет?»

Одним из сотрудников «Andre», участвовавшим в переговорах с Березовским на раннем этапе, оказался Кристиан Маре, который позже возглавил московское отделение швейцарской фирмы по торговле зерном. Березовский Маре понравился. «Он выгодно отличался от типичного российского бизнесмена - в нём было много западного, - вспоминает Маре. - Идеи так и сыпались из него, но их ещё нужно было реализовать, воплотить в жизнь. Глушков же был ближе к земле».

Российская «золотая лихорадка» манила коммерсантов из «Andre & Cie.». «Нас интересовала покупка автомобилей, - говорит Мэйр. - Мы знали, что реэкспорт машин с «АвтоВАЗа» уже имел место. Нам казалось, что подключиться к этой сфере интересно - ничем подобным раньше мы не занимались».

Аллен Мэйр убедил «Andre & Cie.» установить деловые отношения с Березовским не просто как с компаньоном, но и на основе долевого участия в нескольких компаниях, начиная с самого «ЛогоВАЗа». Почему торговый дом, созданный сто с лишним лет назад и пекущийся о своей репутации, согласился

спутаться с малоизвестным предпринимателем на рынке, уже прославившемся и коррупцией, и преступностью? «В то время выбор в России был не так велик, - сказал Мэйр. - В России 1991 года было непросто найти человека с прекрасной репутацией, с потрясающим прошлым. Когда определяешь качества потенциального компаньона, многое решает интуиция. Встречаешься с человеком, вы что-то начинаете вместе - а потом смотришь, что будет дальше».

Со своей стороны Березовский хотел перерегистрировать «ЛогоВАЗ» и стать совладельцем компании, зарегистрированной за рубежом, но партнёрство с итальянской фирмой «Logosystem» его больше не устраивало. Системы автоматического управления более не представляли для него интереса, ему требовалась чисто торговая фирма. Ему хотелось, чтобы совладельцем «ЛогоВАЗа» стала швейцарская компания, но чтобы управляли ей только россияне. С этой идеей он обратился к «Andre».

В «Andre» для «ЛогоВАЗа» подобрали подходящую структуру - швейцарскую компанию «Anros S.A.». Она была основана «Andre» в 1977 году для совершения операций в Юго-Восточной Азии. Основа владения - предъявительские акции, то есть владельцы не зарегистрированы, это просто физические лица, на руках у которых акционерные сертификаты. Такая практика была в ходу в США до краха фондовой биржи в 1929 году, после чего она вышла из моды из-за того, что поощряла коррупцию. Когда «Anros» была основана в 1977 году, все 100 процентов предъявительских акций были у «Andre». 28 мая 1991 года «ЛогоВАЗ» был перерегистрирован, тогда же перерегистрировали и «Anros», и 99 процентов акций этой компании в конечном итоге оказались у российских компаньонов.

С формальной точки зрения «ЛогоВАЗ» продолжал оставаться совместным российско-швейцарским предприятием с долями 50 на 50, компания имела право на различные налоговые льготы и на то, чтобы часть прибылей держать за рубежом, фактически же, за исключением небольшой доли, компания принадлежала Березовскому и его российским компаньонам.

Осенью 1996 года я спросил Березовского: кому же принадлежит «ЛогоВАЗ»? «Главные акционеры - частные лица, - ответил он. - Число акционеров исчисляется пальцами на одной руке. Это люди, которые создавали эту компанию. Двое из них не имеют никакого бизнеса, кроме «ЛогоВАЗа», и они - основные мои партнёры». Он добавил, что, по сути, «ЛогоВАЗом» владеют те же люди, которые занимают в этой компании ведущие управленческие посты.

Если учесть роль «ЛогоВАЗа» в последующем разграблении «АвтоВАЗа», весьма удивителен следующий факт: основными акционерами «ЛогоВАЗа» являлись руководители «АвтоВАЗа» - президент Владимир Каданников, финансовый директор Николай Глушков, коммерческий директор Александр Зибарев и помощник Каданникова по финансовым вопросам Самат Жабоев.

«Безусловно, кто-то представлял обе стороны, и «ЛогоВАЗ», и «АвтоВАЗ», - признавал позже Ив Кенде, директор «Andre». Другими словами, «АвтоВАЗ» продавал свои машины на особых условиях независимой торговой фирме «ЛогоВАЗ» и одновременно поручал «ЛогоВАЗу» вести свои финансовые дела - в итоге руководители «АвтоВАЗа», являясь акционерами «ЛогоВАЗа», имели возможность обогащаться лично.

Для Березовского перерегистрация «ЛогоВАЗа» была заметным достижением. Советский Союз ещё не рухнул, однако некий российский бизнесмен, безо всякой оглядки на КГБ или другую внешнеторговую структуру советского истэблишмента,

организовал сложную международную финансовую структуру - в неё входили солидные иностранные фирмы и компании-прикрытия; она пользовалась налоговыми льготами. Совместное предприятие с «Andre & Cie.» утвердило Березовского в роли одного из пионеров российской версии капитализма. Этот автокоммерсант разработал и воплотил в жизнь два ключевых элемента стратегии, принёсшей ему неслыханное богатство. Во-первых, личные связи с руководством крупнейшего российского предприятия, во-вторых, наличие международной финансовой системы, позволявшей выкачивать из этого предприятия все деньги.

Путч

Между тем по всему Советскому Союзу росло недовольство. Из-за отсутствия сигарет по стране прокатились табачные бунты - толпы недовольных курильщиков громили магазины, киоски, автостанции.

Прогнозы на урожай 1991 годы были неутешительными - ниже прошлогоднего на 23 процента. С отчаяния советские колхозники начали резать скот. На прилавках магазинов было пусто, как никогда. Сообщалось о налётах обнищавших крестьян на грузовые составы на Транссибирской магистрали. Дефицит государственного бюджета нарастал, и Горбачёв был вынужден снизить расходы на социальные нужды. Впервые в истории Советского Союза прошли забастовки шахтёров и массовые волнения трудящихся. «Горбачёву осталось править несколько месяцев», - сказал мне в начале 1991 года Олег Воронин, один из лидеров горняков.

Если пытаться покрыть дефицит с помощью печатного станка - финансовый взрыв неминуем. Необходимо было срочно что-то предпринять. Но правительство Горбачёва словно парализовало, оно ни на что не могло решиться.

Мои друзья говорили: грядёт военный переворот. Советская армия недовольна, она лишилась младших братьев в Восточной Европе, сократила затраты, отправила в отставку полмиллиона офицеров. В нескольких городах: Вильнюсе, Баку, Тбилиси - армия применяла оружие против вышедшего на улицы населения. Две советские республики - Армения и Азербайджан - вели открытую войну за Нагорный Карабах. Генерал Громов, бывший командующий советскими войсками в Афганистане, часто упоминался как кандидат на роль Наполеона, дабы совершить военный переворот.

19 августа 1991 года всему миру предстало поразительное зрелище. По CNN были переданы жёлтые, размытые, снятые ночью кадры: танки на улицах Москвы. Столицу захватили танкисты и десантники. Горбачёв был изолирован на своей вилле на Чёрном море. К власти пришла структура под названием ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению). Недовольные офицеры и раздражённые лидеры компартии организовали путч против Горбачёва и его реформ.

Однако новый парламент Российской Федерации, размещавшийся в Белом доме на берегу Москвы-реки, не сдавался. Избранный президент Российской Федерации Борис Ельцин поначалу беспомощно ждал развития событий на загородной даче. Проявив отвагу и ловкость, шеф его личной охраны Александр Коржаков умудрился привезти Ельцина в Белый дом. По пути Коржаков с Ельциным преодолели кордон спецвойск КГБ, которым, видимо, было предписано остановить российского президента любой ценой; но войска КГБ не произвели ни

единого выстрела.

Армейские подразделения, на которые опирались путчисты, окружили Белый дом, но активисты-демократы простояли перед ними стеной всю ночь, подвергаясь серьёзной опасности. Противостояние длилось двое суток. Несколько военных подразделений, включая тульских десантников генерала Павла Грачева и Александра Лебедя, отказались выполнить приказ о штурме демократического бастиона. Вместо этого десантники организовали кордон из бронетехники, чтобы защитить Белый дом от «беспорядков и вандализма». Это событие стало ключевым моментом осады (Грачёв и Лебедь впоследствии получили высокие посты в правительстве Ельцина: Грачёв стал министром обороны, Лебедь - секретарём Совета безопасности).

На третий день армейские подразделения отступили. Организаторы путча бежали и вскоре были арестованы. Борис Ельцин произнёс пламенную речь с балкона Белого дома, и сотни тысяч ликующих граждан праздновали победу демократии на Красной площади, размахивая гигантским российским (не советским) флагом. На Лубянке, перед зданием КГБ, был демонтирован памятник Феликсу Дзержинскому, основателю советской охранки.

Во время попытки переворота большинство населения вело себя нейтрально. Их судьбу решала на диво немногочисленная группа политиков, военных и активистов-демократов.

После того как августовский путч провалился, распался и КГБ, этот «щит и меч» компартии. Его подразделения были распределены как минимум среди четырёх разных правительственных структур. Огромное количество сотрудников КГБ, часто не самых глупых, вообще оставило службу и создало «мини-КГБ» в частных компаниях. Гигантская структура агентов и осведомителей КГБ оказалась распылённой. Кто-то из этих людей превратился в новых бизнесменов, начавших свой бизнес с фондов КПСС.

Не прочь поживиться были и многие предприниматели, назначенные КГБ. В течение нескольких лет по российскому деловому миру катилась волна громких убийств - следствие борьбы за деньги партии. Поскольку КГБ был структурой не правительства, а Коммунистической партии, его сотрудники не подчинялись ни правительству Ельцина, ни осиротевшей компартии России. Последняя исходила желчью от ненависти к поднявшимся с помощью КГБ предпринимателям и постоянно твердила, что эти предприниматели, в числе прочих достижений, украли деньги компартии.

Распихать коммунистические деньги по коммерческим структурам - это был далеко не единственный проект времён перестройки, которым руководил КГБ и который в конечном счёте нанёс России серьёзный ущерб. КГБ также проник в некоторые преступные группировки и спонсировал их деятельность. ФБР, например, давно заметило, что советские секретные службы помогли встать на ноги многим известным российским преступникам. В их число входили Япончик, Отарик, главари солнцевской преступной группировки, несколько чеченских банд. И вскоре «агенты» вышли из-под неусыпного ока «хозяев» и стали кроить страну на свой манер.

Вот где корни крушения России: КГБ и КПСС были не способны действовать напрямую. Они постоянно вели двойную игру. И совершили ту же ошибку, которую за сто лет до них совершила царская охранка - царской тайной полиции казалось, что она проникает в революционное движение и контролирует его, на самом же

деле она подпитывала революцию. Точно так же и КГБ породил бандитов и капиталистов, которые в конечном счёте разрушили страну. Такого исхода не желали ни настоящие коммунисты, ни российские патриоты. Теперь, оглядываясь назад, можно сказать: план ЦК-КГБ оказался колоссальной ошибкой. Доктор Франкенштейн создал монстра, а тот разорвал цепи и пошёл куролесить.

Для Березовского падение коммунизма было доброй вестью. Он никогда не был связан с боссами компартии, зато был в хороших отношениях с новыми лидерами - с Егором Гайдаром, Анатолием Собчаком, Анатолием Чубайсом и другими «молодыми реформаторами», которые составляли ельцинский «кухонный» кабинет. Кто-то из них, например Пётр Авен, молодой экономист и новый министр внешних экономических связей, был старым другом его семьи; кто-то, как Михаил Ходорковский, заместитель министра топлива и энергетики, вскоре стал близким партнёром по бизнесу; с кем-то знакомство состоялось на ниве общественной жизни в 80-х годах. 6 сентября 1991 года, три недели спустя после августовского путча, «ЛогоВАЗ» получил от Министерства внешних экономических связей специальную экспортную лицензию. По этому документу автодилер Березовский получал право экспортировать нефть, алюминий и другое стратегическое сырьё. Теперь у Березовского был доступ к главным российским источникам твёрдой валюты.

Смерть во внутреннем дворе

Падение советского режима произошло в основном бескровно. В ходе путча по официальной статистике погибло три человека: три демократа, раздавленные танками. Но была и ещё одна жертва: Николай Кручина, человек, ведавший собственностью партии в ЦК. Через несколько дней после путча Кручина упал из окна своего кабинета. С этой смертью новые российские предприниматели вздохнули свободнее. Человек, знавший, куда рассованы деньги ЦК и КГБ, уже ни с кем не сможет поделиться своими тайнами.

Глава 3. Рай для трейдеров

Решение о ликвидации Советского Союза

Из августовского путча 1991 года Ельцин вышел победителем, и теперь его первостепенная задача заключалась в том, чтобы избавиться от конкурента, претендовавшего на руководство страной: президента Михаила Горбачёва. Но Горбачёв занимал свой пост на законных основаниях, в соответствии с Конституцией страны. И тогда в начале декабря Ельцин прилетел в Белоруссию, в охотничий заповедник Беловежская пуща, где встретился с лидерами двух крупных славянских республик - президентом Украины Леонидом Кравчуком и президентом Белоруссии Станиславом Шушкевичем. 8 декабря они решили упразднить Советский Союз и объявить о независимости своих стран. Это решение, принятое через 9 месяцев после национального референдума, в ходе которого 76 процентов граждан проголосовали за целостность Союза, было неконституционным и антидемократичным.

В итоге Советский Союз - жёсткая централизованная структура - распался на 15 республик, их возглавили правительства националистического и во многом антикапиталистического толка. Например, в Грузии президентом стал бывший диссидент Звиад Гамсахурдия. Придя к власти, Гамсахурдия проявил себя

старомодным тираном, тут же натравив милицию на политических противников; в конечном счёте, произошёл переворот, его низвергли и убили в перестрелке с правительственными войсками в горной деревушке. На Украине к власти пришли бывшие лидеры компартии, чей крайний национализм сочетался с категорическим отказом менять социальное и экономическое устройство. В Казахстане, крупнейшем экспортёре зерна среди бывших советских республик, правительство запретило казахским крестьянам продавать урожай за пределы республики. Всюду в бывшей советской империи появились новые пограничные столбы, а корыстолюбивые таможенники придирчиво взимали обременительные пошлины. Жители соседних деревень и родственники вдруг оказались по разные стороны государственной границы.

Для России географические перемены оказались катастрофическими. Её границы съёжились до границ 1613 года. Одним росчерком пера были списаны примерно 50 миллионов человек, считавших русский язык родным. Эта акция привела в состояние крайнего негодования писателя-диссидента Александра Солженицына.

«Представьте себе, что в один прекрасный день два или три (ваших) штата на юго-западе в 24 часа объявили себя совершенно независимыми от США, суверенным государством, где единственным языком утверждается испанский, - бушевал Солженицын. - Все англоязычные жители, хотя их роды жили там уже двести лет, в течение года-двух должны сдать экзамен по испанскому языку и присягнуть новому государству. Иначе не получат гражданства и будут стеснены в гражданских, имущественных и служебных правах. Какова бы была реакция Соединённых Штатов? Не сомневаюсь, что немедленное военное вмешательство».

Валовой внутренний продукт во всех бывших советских республиках (исключая крохотные государства Прибалтики) резко пошёл вниз. Через несколько лет либеральный парламентарий Григорий Явлинский заметил: «То, что Советский Союз был политически обречён, не вызывало сомнений. Но совершенно было необходимо, сохранить (единый) свободный рынок и рынок сбыта. Они (министры Ельцина) этого не сделали. Более того, главным тезисом было оттолкнуть все республики».

Гайдаровские реформы

Тридцатитрехлетний экономист Егор Гайдар отвечал на вопросы мягким тенорком; говорил он быстро, будто его ответы были всем очевидны. Он понравился Борису Ельцину, и тот доверил ему вершить судьбы России.

«Социалистическая экономическая система – очень целостная система, - объяснял Гайдар. - Нельзя из неё вытащить один элемент, скажем, несвободные цены, и полагать, что она будет работать. Для того чтобы она работала, необходим… эффективный Госплан, система приказов, которые выполняются; жёсткие санкции, возможность посадить директора завода, который не отгружает продукцию туда, куда нужно, снять главу местной администрации, который не отгружает зерно по заказам, изъять зерно у колхоза, который не хочет тебе его отдавать. Вот тогда эта система хуже-лучше может работать.

Эта система в 1989-1990 годах быстро разваливалась. К осени 1991 года, когда формировалось наше правительство, она уже не работала вовсе. В Госплане работали, но раз перестали сажать за неисполнение директив, так перестали исполнять.

Представьте себе, что вы - директор совхоза. Вам предлагают сдать ваше зерно, за ничего не стоящие деньги, которые ничего не могут купить. Раньше вы знали, что если вы не сдадите, то в лучшем случае вас снимут с работы, а в худшем посадят в тюрьму. А сегодня вы знаете, что по закону вас нельзя ни уволить, ни посадить. Будете вы сдавать зерно? Конечно, нет.

Эта ситуация очень похожа на ту, которая была в России в 1918 году. Есть только два выхода. Либо ты начнёшь стрелять реквизировать зерно, а если не соглашаются - сажать в тюрьму. Либо немедленно и без раздумья создать предпосылки, при которых деньги работают».

Зимой 1991-1992 годов в магазинах было шаром покати. Люди делали запасы. «Я знал, что у меня происходит с хлебоснабжением, - говорит Гайдар. - Знал, сколько у меня вагонов с зерном, сколько запаса. Знал, что при оптимальном варианте, - что можно свободно им маневрировать - нам хватает зерна при сниженных нормах потребления до середины февраля».

Умереть с голода и замёрзнуть от холода - вот два великих фантома российского воображения. Возможно, Гайдара не следует винить в том, что его охватила паника. «Рассуждать некогда, - вспоминает он свои тогдашние мысли. - Люди начнут умирать с голода».

Гайдар знал: если освободить цены, не решив при этом проблему рублёвого навеса, начнётся гиперинфляция. Но 2 января 1992 года цены на все товары, кроме стратегических, были освобождены - и сразу взлетели до неба. Директора магазинов приписывали к ценникам нули. Покупатели таращили глаза. Вот рост цен к концу года: яйца - 1900 процентов, мыло - 3100 процентов, табак - 3600 процентов, хлеб - 4300 процентов, молоко - 4800 процентов. Между тем ставка на вклады в банках составляла несколько процентов, зарплаты росли незначительно. И сбережения россиян, копившиеся десятилетиями, вылетели в трубу.

«Шоковая терапия» Гайдара - это, как говорили шутники, «сплошной шок и никакой терапии». Валовой внутренний продукт России в 1992 году снизился на 19 процентов, ещё на 9 процентов в 1993 году, ещё на 13 процентов в 1994-м - и так далее почти все 90-е годы. К концу десятилетия великая сверхдержава обрела статус обнищавшей страны третьего мира.

Довольно внятным показателем того, как драматично проходил переход России к рынку, является неумолимое падение рубля по отношению к доллару. Дни, когда один рубль в горбачёвской России примерно был равен одному доллару, канули в прошлое - к концу 1992 года один доллар стоил 415 рублей. А к концу эры Ельцина за один доллар уже давали около 28 000 (старых) рублей. Правительство Ельцина не захотело вводить временный валютный контроль, как это успешно сделал Китай в годы экономического бума в 80-е и 90-е годы. Американский экономист и бывший советник Рональда Рейгана Джуд Ванниски в то время замечал: «Деньги - это беспроцентный долг государства перед своими гражданами, и к этому долгу государство должно относиться с уважением».

По мнению Григория Явлинского, правительство Гайдара совершило колоссальную ошибку, освободив цены в одночасье. Насущной нужды капитулировать перед инфляцией не было, замечает Явлинский. «Да, была определённая истерия, но, с моей точки зрения, угрозы голода тогда не было, - говорит он. - Полки были пусты, но они были пусты все последние годы».

Мер по защите пожилых, малоимущих и больных от растущих цен принято не было, и гиперинфляция 1992 года решительным образом сказалась на средней

продолжительности жизни россиян, но альтернативе своей политике Гайдар не видел. Позднее он сказал мне, что не мог приватизировать квартиры и садовые участки за наличные, потому что против этого был коммунистический парламент; не имело смысла приватизировать и магазины, утверждал он, до освобождения цен; не помогли бы и государственные облигации, потому что в гарантии правительства население не верило.

Итак, ценовая реформа несла страшные разрушения, при этом не воплощались в жизнь другие аспекты демократических реформ. «Они абсолютно игнорировали всю социальную сферу, всё, что касается государственного строительства, всё, что касается конституционности, законности, парламента, - говорит Явлинский. - Иначе говоря, они абсолютно игнорировали вопросы гражданского общества, чтобы на его основе вести экономическую деятельность. Даже вопросы экономической политики, напрямую не связанные с необходимостью отпустить цены были отодвинуты далеко в сторону: промышленная политика, институциональные изменения, демонополизация, все вопросы, связанные с конкуренцией с рынками, с введением ясных правил игры».

Отсутствие институциональной реформы внесло свой вклад в крах гайдаровской программы. Советская промышленность строилась на «рациональной» основе, среди промышленных предприятий не было почти никакой конкуренции или дублирования. Когда все предприятия принадлежали государству и подчинялись диктату Госплана, конкурентные структуры, возможно, и не требовались. По многим группам товаров: автомобили, тампоны, авиационные двигатели, стиральные порошки - весь советский рынок обслуживали один или два больших завода. Стоило этим предприятиям освободиться от контроля правительства, они превратились в хищнические монополии, теперь они диктовали условия и клиентам, и поставщикам.

«Ключевой вопрос 1992 года заключался в том, какой путь выбрать: освободить старые советские монополии или освободить общество от старых советских монополий? - говорит Явлинский. - Надо ли полностью освободить коммунистическую номенклатуру от всякого контроля, сказать директорам-коммунистам и коммунистической номенклатуре: вы свободны, делайте, что хотите?»

«Алиса»

Когда Егор Гайдар разрушил плановую экономику, отпустил цены и отменил Госплан, следствием стал хаос. Промышленные предприятия не знали, куда отправлять продукцию, как за неё получать деньги, где брать поставки. В этом хаосе важную роль на российском рынке оптовых и экспортных продаж взяли на себя торговые компании, подобные «ЛогоВАЗу» Березовского.

В марте 1992 года я оказался в «Алисе», одной из ведущих новых торговых компаний. Она находилась в неприметном большом здании на Ленинском проспекте, дом 45. «Алиса» скрывалась за бесхитростной стальной дверью в углу здания. Внутри два вооружённых хмурых человека в камуфляжной одежде проверили мои документы. Куда-то позвонив, один из охранников повёл меня в подвальное помещение. Мы прошли мимо нескольких комнатёнок, это был подземный лабиринт с тускло освещёнными коридорами и линолеумными полами.

Наконец мы вошли в какую-то каморку без окон. Над круглым столом, окружённым старыми креслами и диванами, висела лампа с зелёным абажуром. На

столе - полная окурков пепельница. В углу стояло охотничье ружьё. Скорее, эта была комната для игры в покер, а не для проведения переговоров.

Вскоре появился хозяин: Герман Стерлигов, двадцатипятилетний худосочный парень с нечёсаными волосами и грязными ногтями. Как соучредитель «Алисы», он был одним из самых богатых людей в России. Он хвастался своими подвигами и наслаждался своей скандальной репутацией. Он показал на две дырки в стене, объяснив, что это следы от пуль - пару месяцев назад по ним стреляли.

«Потом мы их достали, - сказал Стерлигов. - У нас сейчас, как Чикаго в 20-е годы. - Он закурил и надел широкополую шляпу - пародия на Джеймса Кэгни. - Показать, как работает моя служба безопасности?»

Он нажал под столом кнопку. Тишина. Потом по коридору раздался топот ног, послышались крики. Тягостная секунда ожидания - и в комнату, грохнув дверью, ворвались три молодца в камуфляжной одежде. Закричав что-то невразумительное, они направили на меня дула пистолетов. Я замер. Они огляделись по сторонам. «Всё в порядке?» - спросил один.

Стерлигов кивнул, и парни ушли, хлопнув за собой дверью. «Будь это боевая тревога, вас бы швырнули на землю, а уж потом стали спрашивать, кто и что, - пояснил Стерлигов. - Вдруг у вас под столом пистолет?»

Стерлигов рассказал, что его охранное агентство называется «Алиса Х» и насчитывает шестьдесят человек, включая бойцов КГБ, которые участвовали в нападении на президентский дворец в начале афганской войны.

«Алиса» встроилась в новый рынок, продавая стратегическое сырьё - спецметаллы, которые Советский Союз держал про запас на случай ядерной войны. От других московских коммерсантов мне было известно, что два номинальных владельца «Алисы», Герман Стерлигов и его старший брат Дмитрий, были племянниками Александра Стерлигова, генерал-майора КГБ, недавно прославившегося своими гневными просталинскими декларациями. Я спросил Германа Стерлигова о родственных связях. «Брехня и сплетни», - буркнул он (целый год он постоянно отрицал какую бы то ни было связь с генералом КГБ, но в итоге признался, что всё это время работал на своего дядю).

Стерлигов даже не доучился в школе, он отслужил в армии и годы перестройки прошатался по стране. Работал на московском автозаводе, это ему надоело, он отправился на Дальний Восток, на БАМ, потом его занесло в Казахстан, где он был конюхом у какого-то чеченского предпринимателя. В 1989 году съездил в Никарагуа, побывал на Кубе и в Доминиканской республике (где, по его утверждению, он за одну ночь в казино Санто-Доминго выиграл и тут же просадил 28 000 долларов).

Когда в начале 1990 года Стерлигов вернулся в Москву, он с некоторыми из своих старых друзей пошёл работать к Артёму Тарасову, советскому предпринимателю, сколотившему состояние на торговле сырьём и импорте персональных компьютеров; у Тарасова также были партнёрские отношения с беглым американским коммерсантом Марком Ричем.

Я познакомился с Тарасовым и Стерлиговым в маленькой конторе, которую «Алиса» арендовала в Нью-Йорке, на углу Бродвея и Уолл-стрит. Никакого официального положения в «Алисе» Тарасов не занимал; он утверждал, что этой компанией владеют исключительно братья Стерлиговы, но было ясно - старший здесь он. Он контролировал ход беседы, как мудрый дядюшка, на трудные

вопросы отвечал сам и мягко поправлял Стерлигова, когда тот делал чересчур импульсивные заявления.

Тарасов рассказал, что познакомился с братьями Стерлиговыми летом 1990 года, когда они обратились к нему с предложением: создать торговую компанию для продажи строительных материалов. Новая компания «Алиса», названная в честь овчарки Германа Стерлигова, была зарегистрирована в ноябре 1990 года, кредит в 3 миллиона долларов дал недавно открывшийся коммерческий банк «Столичный». «Моя роль здесь очень маленькая - я порекомендовал банку выделить этот кредит, - скромно сказал Тарасов. - Александр Смоленский (президент банка «Столичный») давно работал с «Истоком» (торговая компания Тарасова), он «Истоку» доверял, открывал для нас кредитные линии».

Банк «Столичный», по словам Тарасова «получастный, полугосударственный», был учреждён в феврале 1990 года тридцатишестилетним Александром Смоленским, в будущем одним из главных деловых сподвижников Березовского. В 70-е и 80-е годы Смоленский, как и многие будущие российские миллионеры, промышлял на чёрном рынке. Из источников российских правоохранительных структур следует, что он несколько раз был осуждён за экономические преступления, за кражу и незаконную коммерческую деятельность, и какое-то время провёл в тюрьме. В 1988 году, в разгар перестройки, Смоленский открыл в Москве кооператив строительных материалов и быстро преуспел. В 1990 году он создал свой банк, который вырос в мощную финансовую структуру и сыграл ведущую роль в залоговых аукционах 1995 года и ельцинской избирательной кампании 1996 года. Банк «Столичный» остался закрытым акционерным обществом и не баловал мир информацией о своей деятельности. Но в какой-то момент Березовский приобрёл крупный пакет акций этого банка - по некоторым правительственным источникам, 25 процентов.

Три миллиона долларов, инвестированных в «Алису» - одна из первых ссуд, выданных банком «Столичный». Кредитовать компанию, за которой стоял Артём Тарасов, - это казалось вполне резонным. Он был человеком интеллигентным, деловым, полным идей. С распадом Советского Союза Россия лишилась многих портов, и Тарасов пытался получить кредит в 200 миллионов долларов на строительство трёх коммерческих портов: на Чёрном море, на Тихом океане и в Мурманске. Он также планировал создать новую частную авиационную компанию - на развалинах государственного гиганта «Аэрофлот». Был и ещё один проект - открыть в Швейцарии новый российский экспортно-импортный банк, зарегистрированный на Каймановых островах. Тарасов также предлагал следующую схему: выкупить старые ангольские долги Советскому Союзу, а потом вновь продать их правительству Анголы в обмен на туристическую инфраструктуру вдоль берегов Африки. Всё это были здравые идеи, почти все они были воплощены в жизнь через несколько лет другими людьми.

Наиболее важным компаньоном Тарасова за рубежом оставался Марк Рич. С 1990 года через Рича проходили довольно большие объёмы российского экспорта нефти, алюминия и другого сырья. Но на первом же году правления Ельцина за свои успехи Ричу пришлось нести политическую ответственность. Российское правительство наконец-то всерьёз заинтересовалось набранными мелким шрифтом торговыми контрактами, которые Рич подписал с российскими экспортёрами. Когда в 1992 году я спросил старого друга Березовского Петра Авена, министра внешней торговли, правда ли, что Рич для продвижения своих сделок подкупал директоров предприятий и правительственных чиновников, Авен

ответил, что это не исключено.

«У нас немало примеров того, что такие долгосрочные отношения приводят к неформальным и часто коррумпированным связям, и это не всегда хорошо, - уклончиво отвечал Авен. - Эти компании знают, кому и что платить, кому и что дарить и в результате потом они покупают продукцию дешевле себестоимости. Это не секрет. Мы к таким компаниям относимся осторожно».

Хотя было ясно, что реальный босс «Алисы» - Тарасов, первым лицом представлялся Герман Стерлигов. Этому молодому человеку была по душе роль нового русского: в Москве он открыл «Клуб миллионеров», часто давал интервью в газетах. Хвастался, что его богатство невозможно сосчитать. «Алиса» держала деньги в одной из своих пяти офшорных компаний (остров Мэн, Панама, британские Виргинские острова и другие места), кроме того Стерлигов утверждал, что приобрёл тысячи тонн стратегических металлов, 30 000 гектаров земли в центре России, служебные площади в разных городах страны, даже ценную коллекцию живописи, включая картины Кандинского, Малевича и Шагала.

Но его богатство быстро испарилось. Когда я разговаривал со Стерлиговым летом 1992 года, он был мрачен, неразговорчив, нервничал. Только однажды он вдруг воспрянул духом - похвастался, что продал покупателю из Ирана оборудование для ядерной установки. «Что за оборудование - не знаю. Я не специалист. В названии - 12 букв и 17 цифр. - Всю остальную часть разговора он был мрачен. - Всё стоит. Рублей ни у кого нет. Никто ничего не покупает и не продаёт. Товарооборот нулевой. Это же катастрофа для всей страны!»

Но истинная причина беспокойства Стерлигова крылась в другом: власти всерьёз занялись его гигантскими коммерческими прибылями. Я спросил Стерлигова: какое правительственное учреждение может рассказать мне о его делах? «Идите в КГБ, - ответил он. - В Шестое управление (управление по борьбе с организованной преступностью и незаконной экономической деятельностью). У них о наших делах - самая лучшая информация».

Через несколько месяцев «Алиса» прекратила существование, её отделение на Уолл-стрит закрыли. Герман Стерлигов ушёл в небытие. Артём Тарасов отказался от своих честолюбивых проектов по строительству коммерческих портов и созданию инвестиционных банков. Российская пресса (на основе информации из правительственных источников) обвинила Марка Рича в даче взяток, незаконном экспорте сырья, содействии утечке капитала и даже в отмывании наркотических долларов. Началось парламентское расследование, и все амбициозные планы Рича «провисли». Тарасова к суду никто не привлекал - ни за «Урожай-90», ни за другие якобы расхитительские акции; в декабре 1993 года он был избран в российский парламент и получил юридическую неприкосновенность.

Кое-кому из известных коммерсантов начала эпохи Ельцина повезло меньше. Многих убили. На Константина Борового, основателя Российской товарно-сырьевой биржи, было совершено как минимум два покушения (взорвали бомбу у дверей его квартиры, обстреляли из засады машину на загородной дороге), после чего он расстался с бизнесом и занялся политикой; его также избрали в парламент.

«Если термин «предприниматель» толковать честно и нормально, таковых сегодня в России просто нет, - заявил торговец ювелирными изделиями Георгий Хаценков. - Я бы сравнил нашу экономику с нигерийской: ею правит государственная мафия, государственные учреждения сливаются с преступными группами, нормальных законов нет. Рынка нет. Есть только коррумпированные

чиновники, взятки, полная анархия».

Все сделки, которые торговые фирмы заключали с правительством где-то в 1990 году, рухнули с падением Советского Союза. В Кремле к власти пришли новые люди - одна часть коммунистического истэблишмента (круг Ельцина) выпихивала с тёплого места другую (старое советское правительство). В конечном счёте, первые коммерсанты (Марк Рич, Тарасов, братья Стерлиговы и другие) оказались за бортом, но не потому, что их пригвоздил закон. Их просто вышибли с рынка конкуренты. Одним из предприятий, устоявших в эпоху «кто смел, тот и съел» - так можно охарактеризовать первые годы в посткоммунистической России, - оказался «ЛогоВАЗ».

«Жигули» на продажу

Вскоре после того, как к власти пришёл Ельцин, в Россию приехал американский предприниматель Пейдж Томпсон - завязать деловые отношения с российскими автопромышленниками. Томпсон в прошлом был казначеем американской нефтяной компании «Атлантик Ричфилд» («Арко»). Человек инициативный, он начал новую карьеру - стал продавать автомобильные запчасти на территории бывшего Советского Союза. Успех пришёл быстро. Он заключил контракт на 4 миллиона долларов с «АвтоВАЗом» - дойной коровой Березовского. Речь шла о продаже шин «Гудиэр». В ходе переговоров Томпсон попросил «АвтоВАЗ» открыть аккредитив под гарантию какого-нибудь западного банка. Ему сказали: такую гарантию даст французский банк «Кредит Лионнэ». Позже этот банк чуть не рухнул, пав жертвой знаменитого скандала с мошенничеством и присвоением средств, но тогда он казался структурой мощной и респектабельной. Томпсона такая гарантия устроила.

Потом начались странности. Томпсону сказали, что взять аккредитив нужно не в Париже (где находится «Кредит Лионнэ»), а в Лозанне, в Швейцарии, где нужно связаться со структурой «Форус сервисиз С.А.». Он прибыл в «Форус» в Лозанне и обнаружил в конторе двух русских, праздно сидевших в креслах. «В конторе не было абсолютно ничего, это была прекрасная контора, но абсолютно пустая, если не считать мебели - просто пустые столы и стулья, - вспоминает Томпсон. - Комнат было три или четыре, на столе стояла большая бутылка виски, кроме этих двух мужчин и секретарши, не говорившей ни на одном из известных мне языков, в помещении не было никого».

Аккредитив ещё не доставили. Но через два дня Томпсон его получил. В нём фигурировали «Кредит Лионнэ», «АвтоВАЗ» и компания Томпсона, но «Форус сервисиз» не упоминался.

«Я был слегка ошарашен, - говорит Томпсон. - Вместо того чтобы финансовый директор «АвтоВАЗа» позвонил в «Кредит Лионнэ» или «Чейз Манхэттен банк» или «Дойче банк» и сказал: «Мы хотели бы аккредитив на несколько миллионов» - они пропускают этот аккредитив через «Форус». Когда я был казначеем в «Атлантик Ричфилд» и нам требовалось занять деньги, я поднимал трубку, звонил в «Чейз» и говорил: «Нас интересует кредит на несколько сот миллионов долларов», а они отвечали: «Нас эта операция интересует, мы к вам приедем и всё обсудим». Мне не требовалось звонить Джо, Майку или Мо из какой-нибудь неизвестной финансовой компании, чтобы одолжить деньги у «Чейза» через них».

Вывод Томпсона был прост: в этой «странной и безлюдной» фирме прокручивались какие-то махинации. «Эту компанию создали некие влиятельные

люди с «АвтоВАЗа», чтобы вести финансовые операции, взимать с «АвтоВАЗа» плату, а потом эту плату делить между собой. Кто были эти люди, я так и не узнал... но, в принципе, «Форус» была прикрытием для кого-то с «АвтоВАЗа».

На самом деле компания «Форус сервисиз» была учреждена 13 февраля 1992 года Борисом Березовским (представляющим «ЛогоВАЗ»), Николаем Глушковым (представляющим «АвтоВАЗ») и швейцарской торговой фирмой «Andre & Cie.». Хотя нет сомнений, что все три отца-основателя владели большим пакетом акций компании, реальная структура владения от посторонних глаз была скрыта. Швейцарская компания «Форус сервисиз С.А.» принадлежала «Форус-холдингу» (Люксембург), который, в свою очередь, принадлежал владельцем предъявительских акций (включая «Анрос С.А.»). Другими словами, истинные владельцы «Форуса» были спрятаны с помощью как минимум двух компаний-прикрытий, каждая из которых действовала как изоляционный слой.

Официально «Форус» был финансовой компанией, которая торговала валютой, открывала кредитные линии и проводила другие финансовые операции для российских компаний за рубежом. При этом она во многом оставалась закрытым клубом. Суть была в том, что это не столько финансовое предприятие, сколько компания-холдинг, которой принадлежат акции наиболее значительных структур растущей империи Березовского. Первым учреждением, открытым с помощью «Форуса», оказался «Объединённый» банк, зарегистрированный в Москве в 1992 году. Впоследствии «Объединённый» стал основным банком, который обслуживал «АвтоВАЗ» и «Аэрофлот». Несмотря на крупные корпоративные счета и внушительную политическую поддержку, которую мог оказать Березовский, этот банк сохранял статус небольшого и частного.

Березовский и его швейцарские партнёры «Andre & Cie.» продолжали открывать многочисленные финансовые компании, среди которых наиболее заметные: «АВВА», «Андава», «АФК» и «ФОК». Они также открывали дочерние подразделения в таких привлекательных налоговых зонах, как Кипр и Карибские острова. В эту всемирную сеть также входили компании-пустышки, зарегистрированные в таких местах, как Панама и столица Ирландии Дублин. Была создана запутанная финансовая сеть, представляя возможность вытащить деньги из России, направить финансовые потоки по всему миру, свести к минимуму уплату налогов и не засветиться.

Однако основой империи Березовского была его связь с «АвтоВАЗом». Российская экономика распадалась, но автомобильная промышленность продолжала благоденствовать, ибо занималась производством единственного российского товара, который на внутреннем рынке всё ещё охотно покупали. Иностранные автопроизводители практически не могли конкурировать с российскими - слишком велика была разница в ценах. Поскольку сбережения россиян в 1992 году пошли прахом, ждать 10 лет, чтобы купить «жигули», больше не требовалось, но спрос всё же оставался сильным. Дешёвое сырьё, фантастически дешёвая рабочая сила (рабочий в среднем получал 250 долларов в месяц, обычно с большим опозданием) - «АвтоВАЗ» мог бы стать поразительно прибыльным предприятием. На самом же деле на заводе не хватало наличности и скапливались долги.

Проблема заключалась в системе продаж. Создавались сотни мелких компаний, которые занимались продажей «жигулей» и запасных частей к ним; они были самостоятельны, при этом получали деньги от «АвтоВАЗ-банка» и были связаны с представителями высшего руководства «АвтоВАЗа». Гигантский

автозавод стал зависеть от дилерской сети, которая, как всем было известно, представляла собой один из наиболее криминализованных элементов российской экономики.

Летом 1996 года я спросил президента «АвтоВАЗа» Алексея Николаева о его проблемах с дилерами, и он признал: продавая свои машины дилерам, завод терпит убытки. «В среднем за машину мы получаем 3500 долларов, - объяснял Николаев. - Это - отпускная цена. Но себестоимость гораздо выше - примерно на 30 процентов (4700 долларов)».

Сами же дилеры продавали «жигули» за 7000 долларов и дороже, то есть их торговый навар составлял 100 процентов. Эти дилеры - московские ли преступные организации, местные ли уголовники за воротами завода - забирали машины прямо со сборочного конвейера и тут же клали себе в карман половину отпускной цены «АвтоВАЗа». А если независимый дилер хотел купить на «АвтоВАЗе» машины в обход сложившейся бандитской структуры, ему, как правило, их просто не продавали, а если продавали, у машин оказывались выбиты лобовые стёкла, вырвана проводка, проткнуты шины. Или убивали его самого.

«Просто так торговать «жигулями» не станешь, - вспоминает Пейдж Томпсон. - Если тебе и разрешат этим заниматься, за такую честь придётся заплатить. Кто-нибудь придёт и скажет: у тебя есть компаньон».

Томпсон привёл пример одного из крупнейших торговых агентов «АвтоВАЗа» в Москве - компании «Лада стронг». «Машины у них хранились на двух стоянках, и одной банде они платили за стоянку «А», а другой - за стоянку «Б», - рассказывал Томпсон. - Один из сотрудников фирмы совершил оплошность - по ошибке переставил 50 машин со стоянки «А» на стоянку «Б». Сборщики податей со стоянки «А» оскорбились, похитили его и держали заложником в каком-то подвале, пока владелец не выплатил им 50 000 долларов за оскорбление».

Одна такая торговая структура с молодым новым русским во главе располагалась сразу за воротами «АвтоВАЗа» в Тольятти. «У него там была целая империя - он продавал «жигули», запчасти и прочие дефицитные товары. Перед его кабинетом, развалясь в креслах, сидела целая гвардия плечистых парней, они смотрели по телевизору мультики и поигрывали оружием. Куда бы этот человек ни направлялся, сзади следовала машина с четырьмя вооружёнными охранниками».

Томпсон организовал с этим человеком бизнес - продавал ему подержанные американские автомобили для отправки в Россию. «Это был ничтожный тип, - говорит Томпсон со смехом. - Он брал машины непосредственно на «АвтоВАЗе» в Тольятти, обычно в кредит, тут же их перепродавал и заколачивал 100 000 долларов в месяц. В «АвтоВАЗ-банке» занял миллион долларов под какое-то невнятное дело - и сбежал из страны. Он одурачил и обокрал всех. Причём он сам нам всё это рассказывал. Он этим хвастался. Но ведь был кто-то на «АвтоВАЗе», кто поставлял ему машины, которые должны были идти кому-то другому».

Суть проблемы, по утверждению Томпсона, - в продажности руководства «АвтоВАЗа». К примеру, чтобы получить партию деталей, вы должны дать взятку управляющему, который отвечает за продажу запчастей. «Я знал человека, бравшего эти взятки», - говорит Томпсон.

Я спросил Аллена Мэйра, основного партнёра Березовского из компании «Andre & Cie.», что он думает о разгуле коррупции на «АвтоВАЗе». «Я считаю, это особенность не «АвтоВАЗа», а большинства российских компаний, - последовал ответ. - Всё дело в российском менталитете: коллективная собственность - это то,

что не принадлежит никому».

«Andre & Cie.» не раз была прямым свидетелем подобного взяточничества. В 1993-1994 годах эта компания вела переговоры с итальянским международным торговым банком о даче «АвтоВАЗу» кредита на сумму 100 миллионов долларов. В переговорах участвовал финансовый директор «АвтоВАЗа». Предполагалось, что деньги будут возвращены в течение семи лет, они появятся от продажи автомобилей в других странах, например в Африке. «Из этого ничего не вышло, - заметил Кристиан Маре, глава московского филиала «Andre». - У каждого менеджера «АвтоВАЗа» есть своя собственная дистрибьюторская сеть».

Пейдж Томпсон не оставлял попыток вести дела с «АвтоВАЗом»; какие-то сделки он провёл успешно, где-то вложенные деньги потерял и в конце концов решил остановиться. «Некоторые из тех, с кем я имел дело, исчезли с горизонта, - рассказывал он. - Одного моего компаньона в Бишкеке убили прямо в его собственном кабинете. Другой компаньон в Тольятти наверняка был крупным уголовником, его уволили сначала с «АвтоВАЗа», а потом и из «АвтоВАЗ-банка», куда его на время пристроили пересидеть суматоху. Я решил, что эта игра не стоит свеч».

Правоохранительные органы пытались обуздать преступность, парализовавшую «АвтоВАЗ», но натолкнулись на решительный отпор. В 1994 году глава следственного отдела Самарской прокуратуры Радик Ягутян взялся за организованную преступность вокруг «АвтоВАЗа», но вскоре был убит. Вообще «АвтоВАЗ» был повязан бандитами так, как ни одна из крупных российских компаний - такую репутацию он себе снискал. Когда в 1997 году милиция всё-таки устроила на «АвтоВАЗе» основательную чистку, было выявлено как минимум шестьдесят пять заказных убийств. Жертвами пали и менеджеры «АвтоВАЗа», и дилеры.

От бандитских разборок перепало и лично Березовскому (перестрелка у «Казахстана», нападение на стоянки для продажи автомашин, взрыв машины у «ЛогоВАЗа»), но он оказался не робкого десятка и в конце концов стал крупнейшим торговцем машинами «АвтоВАЗа». В 1991 году он сказал в интервью «Коммерсанту», что первым оборотным капиталом «ЛогоВАЗа» стала синдицированная ссуда в 20 миллионов долларов, взятая у шести российских банков. Уже в тот год он продал 10 000 машин «АвтоВАЗа», многие не за рубли, а за валюту. Через три года объём продаж «ЛогоВАЗа» вырос до 45 000 машин «АвтоВАЗа» в год, и выручка только от этой операции составляла 300 миллионов долларов в год.

Летом 1996 года я спросил президента «АвтоВАЗа» Алексея Николаева: правда ли, что его дилерскую сеть контролируют бандиты? Он ответил просто: «Такая проблема существует».

Николаев даже объяснил, как эта проблема возникла. После крушения коммунизма у «АвтоВАЗа» сложилась сеть из нескольких сот дилерских структур и станций обслуживания. Но «АвтоВАЗ» всё же был государственной компанией, закон принуждал его продавать машины по низким фиксированным ценам. Новые же дилерские фирмы (и в первую очередь «ЛогоВАЗ» Березовского) таких ограничений не имели. «Правительство во главе с Гайдаром все оборотные средства у нас изъяли, - пожаловался Николаев. - И вот эти небольшие группы людей покупали машины по одной цене, а перепродавали по значительно более высокой цене. Они создали себе оборотные средства. В итоге «АвтоВАЗ»

финансировал альтернативную дилерскую сеть».

У независимых дилеров был ещё один источник обогащения - они брали у «АвтоВАЗа» ссуды. Обычно автозавод продавал за наличные 10 процентов своей продукции - остальное уходило по бартеру или в виде кредита. В России того времени, чтобы зарабатывать, требовались деньги, а их почти ни у кого не было. В автодилерском бизнесе деньги делались следующим образом: покупателей заставляли проплачивать наличными вперёд, но до компании-производителя эти деньги доходили только через полгода, а то и больше. Конечно, это было чрезвычайно выгодно. Дилер продаёт машины за валюту, но деньги держит у себя; инфляция составляла 20 процентов в месяц, и большой навар дилеру был гарантирован. Если дилер задерживал выплату «АвтоВАЗу», скажем, на три месяца, фактически, он платил за машины полцены. К 1995 году дилерские структуры вроде «ЛогоВАЗа» задолжали автозаводу 1,2 миллиарда долларов - треть всего торгового оборота «АвтоВАЗа».

Почему же «АвтоВАЗ» продолжал продавать свою продукцию коммерсантам-бандитам, которые банкротили компанию? Возможно, действовала смесь кнута и пряника. Пряник - менеджеров «АвтоВАЗа» неплохо прикармливали. Кнут - боязнь того, что тебя просто убьют. «Вернуть плохой контракт не так просто», - мямлил Николаев.

Схема, которую практиковал Березовский, называлась «реэкспорт». Как правило, экспортные контракты подразумевали ещё более низкую цену за автомобили, чем на внутреннем рынке, и позволяли оплачивать сделки в течение более длительного времени (до года). Фактически Березовский продавал свои машины в России, но их «экспортный» статус позволял ему торговать за валюту. Машины оставались в стране, но по документам следовало, что они экспортируются, а потом обратно ввозятся в Россию.

«Но послушайте, мсье, по этой схеме в России продаются 90 процентов автомобилей, - возражал Аллен Мэйр. - Никакого особого предпочтения «ЛогоВАЗу» не оказывают. Просто существуют разные условия за счёт личных отношений, за счёт того, что у менеджеров с «АвтоВАЗа» есть свои друзья».

«Личные отношения» у Березовского были - лучше не придумаешь. Ведь президент «АвтоВАЗа», его финансовый директор, руководитель отдела послепродажного обслуживания - все они владели крупным пакетом акций «ЛогоВАЗа». Чистой коммерцией эти отношения не ограничивались. Чтобы оптимизировать финансовые потоки «АвтоВАЗа», Березовский помог открыть несколько компаний в России и за границей. Одна из них - Автомобильная финансовая корпорация (АФК). Основная часть акций этой фирмы принадлежала самому «АвтоВАЗу», хотя там были и мелкие акционеры, включая компании Березовского, например «Форус холдинг»; генеральный директор АФК одновременно вёл дела в других финансовых компаниях Березовского в Москве. Владея большим пакетом акций «АвтоВАЗа», АФК была гарантом того, что контролировать автозавод будут только свои. Теоретически АФК была создана, чтобы оптимизировать финансовые потоки «АвтоВАЗа» (через АФК проходила половина доходов «АвтоВАЗа») и подбирать инвестиционный капитал для новых проектов в сфере автопромышленности. Фактически же, по утверждению российских налоговых органов, АФК являлась стержнем сложной схемы, позволявшей «АвтоВАЗу» уходить от налогообложения. Ситуация с наличностью на «АвтоВАЗе» продолжала ухудшаться, новые инвестиционные проекты не воплощались в жизнь, и автомобильный гигант скоро стал крупнейшим в России

налоговым должником.

Дилеры «АвтоВАЗа» вроде Березовского наживали несметные состояния, а сам завод погружался в пучину долгов. Уровень производства на «АвтоВАЗе» оставался высоким, да и ценовая среда была благоприятной (спрос на продукцию «АвтоВАЗа» был стабильным), однако менеджеры закрывали глаза на мошеннические операции дилеров, в результате деньги отсасывались с завода во все стороны. Нехватка наличности была такова, что завод не мог платить налоги, не мог платить за электричество, выплачивать зарплату. Правительство Ельцина не объявляло завод банкротом по одной причине: тогда пришлось бы признать, что несостоятельным оказалось крупнейшее промышленное предприятие России.

«Мы демонтировали всё»

Одной из грубейших ошибок команды Гайдара был спешный демонтаж государственной монополии на внешнюю торговлю. Здесь истоки тех состояний, которые наворовали новые русские капиталисты. Гайдаровская реформа цен заложила основу гигантских частных накоплений, потому что уничтожила плановую экономику, но новым российским магнатам удалось так фантастически обогатиться только потому, что рухнула вся система внешней торговли страны.

Гайдар, Пётр Авен, Анатолий Чубайс и другие «молодые реформаторы» имели представление о реформах в царской России в начале XX века. В те времена наиболее одарённые царские министры Сергей Витте и Пётр Столыпин тоже пытались создать капиталистическую экономику и установить господство права - но при более трудных обстоятельствах. Им удалось добиться бурного экономического роста. По контрасту, политика команды молодых реформаторов Ельцина оказалась и примитивной, и разрушительной.

Старая структура внешней торговли была стабильным элементом советской хозяйственной системы. Структура работала эффективно, российская казна регулярно пополнялась валютой. В большой степени доходы советского правительства складывались за счёт разницы между ценой товара на внутреннем рынке и экспортными ценами; финансовые операции вело Министерство внешней торговли. «В советскую эру наше Министерство было просто большой корпорацией, - говорил мне позднее ветеран внешней торговли Олег Давыдов. - Это была эффективно работающая бизнес-структура, у которой были представительства и торговые компании по всему миру. Они работали с комиссионных - полпроцента от объёма продаж».

Мысль о том, чтобы вывести импортно-экспортные операции из-под контроля государства и отменить таможенные пошлины, может показаться здравой, но для России образца 1992-1993 годов эта мера обернулась катастрофой. За два года официальный экспорт из страны снизился на 40 процентов; доходы, которые государство традиционно получало за счёт импортно-экспортных операций, упали ещё сильнее. Пётр Авен, экономист тридцати с небольшим лет от роду, стоявший во главе российской внешней торговли в 1992 году, быстро свалил вину за происшедшее на привходящие обстоятельства: падение цен на нефть в конце 80-х и на металл в начале 90-х.

Фактически проблема заключалась в том, что гайдаровская реформа цен не означала их полную либерализацию - по утверждению его сторонников, именно этот недостаток лежит в основе последующего экономического сползания России. Правительство продолжало контролировать цены на наиболее экспортируемые

российские товары; цены на нефть и газ на внутреннем рынке, а также на алюминий и другие металлы, на лес, уголь и удобрения составляли крохотную часть от цен на мировых товарных рынках. Гайдар признаёт: то, что его правительство не провело полную либерализацию товарных цен, - «ошибка», но совершить эту ошибку его вынудило политическое давление консерваторов. На экспортные товары в стране существовал двойной ценовой стандарт: одна цена - для мирового рынка, другая (гораздо ниже) - для внутреннего. Частным торговым фирмам вроде «ЛогоВАЗа» был дан зелёный свет - обогащайтесь на здоровье.

Тем не менее, под напором чиновников из Международного валютного фонда и других консультантов правительства молодые реформаторы Ельцина решили: государство должно целиком выйти из внешнеторговой деятельности. Были устранены барьеры, мешавшие частным торговым фирмам приобретать товары по внутренним ценам и продавать их за рубеж. В течение нескольких месяцев 30 процентов российского нефтяного экспорта и более 70 процентов экспорта металлов из государственных торговых структур уплыло. К 1994 году основная часть российской внешней торговли перекочевала в руки частников.

«Мы демонтировали всё, - вспоминает Давыдов. - Мы начали либерализацию при отсутствии всякого контроля. Наехали иностранные предприниматели, многие - мошенники, и научили наших уму-разуму. Речь уже шла не об одном проценте, а о десятках процентов».

Первыми от введения нового режима выиграли директора основных сориентированных на экспорт предприятий. Они просто открыли на Западе торговые компании и стали продавать им свою продукцию; прибыль возвращалась на предприятие или хотя бы в Россию в очень редких случаях.

Обычная схема работала следующим образом. Иван возглавляет нефтедобывающую компанию «Национальная нефть». Иван же лично контролирует нефтеторговую компанию «Волга трейдинг». «Волга» покупает у «Национальной нефти» партию сырой нефти, но вместо оплаты выписывает долговую расписку. Затем «Волга» продаёт нефть на рынке за реальные деньги. Но вместо того, чтобы из вырученных денег расплатиться с «Национальной нефтью», «Волга» переводит деньги на личный счёт Ивана в швейцарском банке. После этого Иван, надев благочестивую маску, отправляется в Москву и просит Министерство финансов или Центральный банк дать компании «Национальная нефть» ссуду на щадящих условиях, чтобы как-то компенсировать нехватку денежной массы.

Сразу после крушения коммунизма Березовский возник как крупный коммерсант в целом ряде торговых структур. В первой половине 1992 года, по официальным сведениям об экспорте нефтяных продуктов, «ЛогоВАЗ» вывез за границу 236 000 тонн сырой нефти (продано партнёрам в Швейцарии и США), 95 000 кубометров пиломатериалов (продано немецкой компании), гигантскую партию алюминия в 840 000 тонн (продано венгерской торговой компании) - валовая стоимость этих сделок составляла около 1 миллиарда долларов.

Хотя наибольшую выгоду сулила торговля алюминием, Березовского больше интересовала нефть. В 1992 году он помог основать Международный клуб нефтепромышленников. В том же году он создал совместное предприятие, куда вошли «ЛогоВАЗ», нефтедобывающее предприятие «Самаранефтегаз» (в то время «Куйбышевнефтегаз»), администрация Самары и небольшая нефтяная компания GHK, расположенная в Оклахоме. Эту структуру Березовский определил как

«финансовый механизм» для экспорта нефти из «Самаранефтегаза», часть денег шла на приобретение оборудования у GHK.

Тут Березовский чувствовал себя как дома. Крупнейшим промышленным предприятием Самарской области был «АвтоВАЗ», источник торговых операций «ЛогоВАЗа». И между Березовским и компанией «Самаранефтегаз» уже были тесные отношения. В конце 1993 года он сделал эту нефтяную компанию одним из акционеров своей инвестиционной схемы «ABBA». В то же время принадлежавшая ему швейцарская компания «Форус» пыталась получить у американского «Эксимбанка» ссуду в 60 миллионов долларов для «Самаранефтегаза». Но денег не дали, потому что американцам стало известно: управляющие «Самаранефтегаза» манипулируют с экспортной выручкой компании. Однако Березовский продолжал вести дела с «Самаранефтегазом» ещё три года.

Сырую нефть у «Самаранефтегаза», в частности, забирал Самарский НПЗ. С начала 1992 года Самарский НПЗ экспортировал свою продукцию через торговую компанию «Нефсам», совместное предприятие между НПЗ и бельгийской компанией «Тетрапласт», владельцем которой был некий сомнительный предприниматель, связанный с бандитским авторитетом Отариком. Возврат в компанию экспортной выручки был фактически равен нулю. В 1993 году по указу президента Ельцина Самарский НПЗ начали преобразовывать в новую холдинговую компанию «Юкос». Управляющие «Юкоса» хотели взять под контроль экспортные операции НПЗ, но торговая компания решительно воспротивилась. В октябре 1993 года генеральный директор НПЗ и вице-президент «Юкоса» Геннадий Зенкин был убит возле своего дома. Через три месяца после этого убийства серьёзное ранение получил глава «Тетрапласта» - в его «мерседес» стреляли прямо на одной из московских улиц. Вскоре ещё один из руководителей «Тетрапласта» был убит. После этих событий смена власти на Самарском НПЗ пошла сравнительно тихо.

Чтобы не платить налоги, большинство российских торговых фирм прибегали к уловке, которой пользовался ещё КГБ: фальшивые счета по импортно-экспортным операциям. Например, высококачественный российский лес регистрировался как низкокачественный и шёл на экспорт по пониженной цене, а покупатели за рубежом переводили дополнительные суммы в иностранные банки на счета коммерческих структур либо российских официальных лиц, сделавших эту операцию возможной. Алюминий, сталь, никель, драгоценные металлы, мех, рыба экспортировались по аналогичной схеме. Колоссальные прибыли делались так же и на импорте продуктов питания, одежде, бытовой технике и промышленном оборудовании, всё это приобреталось по вздутым ценам, а разница ложилась на счета российских коммерсантов в иностранных банках.

Крупнейшие российские предприятия оказались впутанными в мошеннические экспортные сделки. Давыдов, например, рассказывал о торговых операциях на Магнитогорском металлургическом комбинате. «Почему Магнитогорск продаёт свою сталь по 20 или 30 долларов за тонну, когда раньше продавал за 110? Как минимум могли бы продавать за 100 долларов, а с толковым начальником коммерческого отдела, хорошо знающим рынок, нашли бы покупателя и за 111 долларов 20 центов. Но всё дело в личной заинтересованности». Почти весь экспорт магнитогорской стали, объяснил Давыдов, шёл через канадскую фирму, которая принадлежала сыну генерального директора металлургического комбината.

Новые внешнеторговые компании стремились упрятать основную часть своих

прибылей за рубежом. Утечка капитала из России в те годы оценивалась в 15-20 миллиардов долларов в год - главари преступных групп, бесчестные чиновники и директора заводов открывали счета в банках Швейцарии, Люксембурга, Австрии, Германии, Англии, Израиля, США и Карибских островов. «Всё это время правительство не брало с них никаких налогов, - утверждает Григорий Явлинский. - Налоги в то время были чисто абстрактным понятием».

Даже поверхностного взгляда на многие российские внешнеторговые контракты было бы достаточно, чтобы обнаружить следы мошенничества, хищения и уклонения от уплаты налогов. К примеру, если российский нефтедобытчик поставлял сырую нефть на перерабатывающий комбинат в Германии, оплата всегда шла окольным путём. Вместо того чтобы заплатить производителю напрямую, немецкий перерабатывающий комбинат платил невнятной торговой компании, зарегистрированной где-то в офшорном налоговом рае.

«Мы и понятия не имеем, сколько средств оборачивается без уплаты налогов», - сказал старый друг Березовского Пётр Авен, министр внешних экономических связей. (В декабре 1992 года, когда посыпались обвинения в том, что экспортные доходы России самым бесстыдным образом расхищаются, Авен ушёл из правительства и стал работать в торговой группе «Альфа»).

«Там были проблемы ухода от налогов, - признаёт Егор Гайдар. И тут же успокаивающе добавляет: - Но тогда не было серьёзной проблемы с налоговой недоимкой». Естественно, российским торговым фирмам незачем было докладывать о своих доходах в налоговую инспекцию. Гайдар представил это явление, как малоприятное, но вполне предсказуемое. «Естественно, как везде, предприятия стремятся минимизировать свои налоговые обязательства и используют для этого разные приёмы», - объясняет он.

Правительство сделало всё возможное, чтобы новым коммерсантам было легче скрыть свои баснословные заработки. Например, у России с давних времён существовало налоговое соглашение с Кипром, по которому компании, зарегистрированные на Кипре, имели возможность вывозить доходы из России, не платя за это 20-процентный налог (хотя эти компании должны были платить на Кипре 4-процентный подоходный корпоративный налог). Этот остров был одним из мест, где КГБ предпочитал отмывать деньги. Через несколько месяцев после падения коммунизма на Кипре открылись сотни торговых и финансовых компаний, ведущих дела в России. К примеру, десятки крупных российских нефтеторговых компаний регистрировались как совместные предприятия с какой-нибудь кипрской корпорацией. Всем было известно, что Кипр - один из главнейших каналов нелегальной утечки капитала из России, но ни правительство Ельцина, ни парламент налоговое соглашение с Кипром отменять не стали.

Больше всего прибылей несла торговля нефтью - главнейший товар российского экспорта. Государственные нефтепроизводители и российская налоговая служба могли быть довольны, если от ушедшей за границу нефти они получали половину реальной стоимости. Остальное прикарманивали торговые посредники. «И на этой основе они поделили весь государственный аппарат», - замечает Олег Давыдов.

Официальные лица в Министерстве внешних экономических связей и Минтопэнерго не раз жаловались мне, что им сулят взятки и угрожают, желая получить экспортные лицензии. Решимость поучаствовать в этом процессе

проявили и преступные группировки. Им удалось получить статус спецэкспортёров - торговых фирм, имеющих лицензию на экспорт такого стратегического сырья, как нефть и металлы. Число таких спецэкспортных фирм быстро росло, к концу 1993 года в их руках сосредоточилась половина российского экспорта нефти. К этому времён Олег Давыдов начал уменьшать количество таких фирм, оставляя на рынке только крупных производителей и наиболее опытных торговцев. Лицензии на спецэкспорт, в частности, лишился ЛогоВАЗ.

«Конечно, напор был большой, причём, большинство из спецэкспортных фирм - представители криминальных структур», - вспоминает Давыдов.

Но реформы Давыдова запоздали: нефтяная промышленность уже стала крупнейшим полем боя между российскими преступными кланами. Чтобы спецэкспортная фирма работала, необходимо было вступить в сговор с руководителями нефтекомбинатов, и если эти руководители отказывались сотрудничать - их убивали. Например, в 1993 году был убит директор НПЗ в городе Туапсе. В том же году жестоко избили директора НПЗ в городе Киричи. Ещё через год жертвой пал президент «Мегионнефтегаза».

«Придётся затягивать пояса»

14 декабря 1992 года, после очевидного провала гайдаровских реформ, Борис Ельцин назначил нового премьер-министра: Виктора Черномырдина, бывшего министра газовой промышленности. Черномырдин был человеком в возрасте, бывший член ЦК КПСС. Он привёл с собой новую команду: людей зрелых, гордо именовавших себя «промышленниками» и «государственниками». Но эта перемена мало что изменила в управлении страной.

С Евгением Ясиным, одним из ключевых специалистов «новой» команды Черномырдина, я встретился в бывших владениях ЦК КПСС на Старой площади. Этот немолодой экономист был одним из «ветеранов», призванных исправить ошибки «молодых реформаторов». Довольно быстро Ясина назначили главным экономическим консультантом Ельцина, а затем министром экономики. Я ожидал, что Ясин, человек бывалый и представляющий более консервативное крыло российского политического истэблишмента, решительно возьмётся исправлять ошибки предшественников. Но этого не произошло.

«Чудес не бывает, - начал говорить мне Ясин. - Эта страна должна выпить чашу до дна. - Речь шла о том, как за счёт конфискационного характера инфляции установить в стране новое экономическое равновесие. - В ближайшем будущем - как минимум год - мы будем жить в условиях инфляции, и надо сосредоточиться на проблемах, которые инфляция поможет разрешить - установить более рациональные отношения между ценами, новые отношения между ценами и доходами».

Другими словами, Ясин предлагал решительно снизить реальные доходы среднего российского гражданина; а инфляция тем временем уничтожит оставшиеся сбережения россиян, как источник внутреннего капитала. Но если не будет серьёзных инвестиций из-за рубежа, где же Россия возьмёт капитал для подпитки экономики?

«Есть только один способ - это затягивать пояса, - сказал Ясин. - Снижение жизненного уровня». Термин «затягивать пояса» перекликался со временами массовых лишений, которые терпел российский народ в годы Второй мировой войны. Но на сей раз самопожертвование народа не привело к победе над врагом -

оно привело лишь к обнищанию и ранней смерти пенсионеров, чьи сбережения съела инфляция.

Позднее Григорий Явлинский вспоминал: его поражало, как мало реформаторы вроде Ясина и Гайдара заботились о простых россиянах. В общем и целом, по мнению Явлинского, люди, правившие страной во времена Ельцина, были и бессердечными, и безжалостными.

«(Гайдар с коллегами считали), что в России живут, как они называли, одни «совки», и всё, что в России существует, нужно уничтожить и потом вырастить новое, - с негодованием говорил Явлинский. - Ради этого любые методы и меры хороши. И пускай всё уничтожит инфляция. Никакая не проблема, потому что всё равно нежизненно, потому что всё это не нужно. Это так же, как Гайдар говорил: «Наука может подождать! Север нам не нужен! Старое поколение провинилось...» Парадокс этого периода реформ заключался в том, что они чисто большевистскими методамипроводили капиталистическое строительство. Большевик - человек, для которого цель имеет значение, а средства достижения цели не имеют значения».

У меня было такое же ощущение. Многие из ельцинского правительства говорили о своей стране с такими хладнокровием и отстранённостью, что можно было подумать: речь идёт о чужом государстве. «Японцам и немцам (после Второй мировой войны. - *П.Х.*) было проще, потому что у них была просто разрушенная промышленность, была оккупационная власть, и уже многое было сделано для того, чтобы разчистить почву и начать сначала, - сказал мне Евгений Ясин. - Россия, к сожалению, не находится в такой ситуации».

Смерть нации

В результате поспешной либерализации цен, проведённой Гайдаром, более ста миллионов человек, имевших при советской власти определённый уровень благосостояния, в одночасье обнищали. Школьные учителя, врачи, физики, лаборанты, инженеры, военные, металлурги, шахтёры, столяры, бухгалтеры, телефонистки, колхозники - ветер перемен смел всех. При этом провальная либерализация торговли позволила «своим» разворовать природные ресурсы России. Россия лишилась главного источника дохода; как следствие - нет денег на то, чтобы платить пенсии и зарплаты, финансировать правоохранительные органы, армию, медицину, образование и культуру. Итогом шоковой терапии Гайдара стал неуклонный спад - экономический, культурный, демографический, - продлившийся до конца ельцинской эры.

Экономика других развитых стран продолжала расти, российская же сокращалась в размерах. Во времена Горбачёва Советский Союз был третьей в мире экономической державой (после США и Японии). Понятно, что экономика России по естественным причинам уступала масштабам экономики бывшего Советского Союза. Но подлинный спад начался уже после распада Советского Союза. За четыре года шоковой терапии Гайдара валовой внутренний продукт России сократился более чем на 40 процентов. В итоге Россия опустилась ниже уровня Китая, Индии, Индонезии, Бразилии и Мексики. Если говорить о доходах на душу населения, Россия стала жить беднее Перу. Десятилетия технологических достижений канули в небытие. Знаменитая российская наука развалилась на части. Распалась глыба российской культуры. Собственность страны пошла с молотка.

Все, кто попадал в Россию в первые годы правления Ельцина, видел, как пытаются выжить рядовые россияне. Возле поникших бетонных зданий - универсамов советской поры - возникали новые частные рынки, помимо бойких бабушек, торговавших овощами, там появились и палатки с низкокачественными импортными товарами: компакт-диски с грохочущей музыкой, поддельные «Найк», «Мальборо», банки с вьетнамской тушёнкой. Эти рынки расползались прямо среди грязи и мусора у выходов из метро, вдоль больших улиц, на многолюдных площадях.

В Столешниковом переулке, рядом с легендарным МХАТом и в сотне метров от Большого театра ежедневно собирались пожилые люди, они вставали в две параллельные линии вдоль улицы, de facto ставшей пешеходной. Эти пенсионеры, опрятного вида, но в обветшалой одежде, брали прохожих в молчаливую осаду, предлагая купить заварной чайник, пару вязаных носков, три фужера для вина, подержанный свитер, ношеную пару кожаных туфель. А в книжных магазинах начали скапливаться потрясающие редкие книги, их продавали по смехотворным ценам - московская интеллигенция распродавала свои библиотеки. На загородных толкучках можно было купить советские боевые ордена: это ветераны Второй мировой войны продавали свои награды, чтобы было что поставить на обеденный стол.

Россиянам пришлось куда тяжелее, чем американцам в годы Великой депрессии, и они вспомнили о первобытном инстинкте - началась борьба за выживание. Поползли слухи о неурожае и предстоящей нехватке провизии, и миллионы горожан поехали за город - сажать капусту и картофель на своих садовых участках. Плодородная подмосковная земля кишела людьми, что-то деловито копавшими и сажавшими. Это был возврат к средневековому натуральному хозяйству. Чубайс и Гайдар гордились тем, что массового голода удалось избежать. Но обойтись без голода удалось не потому, что отпустили цены, - просто русский народ вернулся к земле. В 1992 и 1993 годах россияне спаслись от голода, держа в руках лопату и мешок с семенным картофелем.

Любые сомнения по поводу того, что первые годы ельцинской эры обернулись тяжёлым провалом, были развеяны демографической статистикой. Эти цифры, даже в самом общем виде, трубят о катастрофе, равной которой мировая история не знает - её можно сравнить разве что с катастрофой стран, павших жертвой войны, геноцида или голода.

С 1990 по 1994 год уровень мужской смертности увеличился на 53 процента, женская смертность выросла на 27 процентов. Средняя продолжительность жизни мужчин в 1990 году и так была невысока - 64 года, в 1994 году она опустилась до 58; теперь по этому показателю россиян обогнали египтяне, индонезийцы и парагвайцы. За тот же короткий отрезок времени средняя продолжительность жизни женщин снизилась с 74 лет до 71. В мирное время такое снижение наблюдается лишь при голоде или катастрофических эпидемиях.

Каждый месяц преждевременная смерть настигала тысячи россиян. Такое падение продолжительности жизни - «избыточная смертность» - всегда было стандартным алгоритмом при демографических подсчётах смертности во времена великих катастроф - сталинская коллективизация 30-х годов, правление Полпота в Камбодже в 70-е, голод в Эфиопии в 80-е. По оценкам американского демографа Николаса Эберстадта, «избыточная смертность» в России за период с 1992 по 1998 год составила 2 миллиона. По контрасту, замечал Эберстадт, в Первую мировую войну Россия потеряла 1,7 миллиона человек.

Раньше срока ушли из жизни многие пожилые люди, чьи сбережения поглотила великая инфляция 1992 года, чьи пенсии утратили покупательную способность, кому не на кого было опереться, кто просто не мог наскрести денег на нормальную диету или лекарства. Ещё одним важным фактором (хотя и трудно поддающимся учёту), из-за которого смертность людей пожилого возраста повысилась, стал стресс - после коммунистического «состояния покоя» люди вдруг оказались в жестоком и неведомом мире. Их испуг вполне понятен: на закате жизненного пути, когда силы уже не те, реакция не та, они видят, что мир перевернулся, улицы изменились до неузнаваемости, все привычные жизненные подпорки рухнули. Многие какое-то время держались, бродили по городу; со временем мужчины спились и нашли приют в холодных сточных канавах; женщины исхудали и стали просить милостыню у метро и церквей; потом они умерли. Свершился величайший грех для любого общества - молодое поколение повернулось к своим старшим спиной и оставило их на погибель.

Смертность возросла и ещё по одной, более видимой причине: распалась российская система здравоохранения. В больницах воцарились антисанитарные условия, денег не хватало, оборудования не хватало, лекарства стали дефицитом. Внезапно в России вспыхнули заболевания, какие было принято связывать только с беднейшими странами третьего мира: дифтерия, холера, сыпной и брюшной тиф.

Туберкулёз, этот великий убийца времён промышленной революции, в XX веке был по большей части уничтожен - появились антибиотики, улучшилось состояние общественной гигиены. Но в 90-е годы туберкулёз в России вспыхнул с новой силой - появились сотни тысяч больных с туберкулёзом в активной стадии и ещё больше - в пассивной. Особое беспокойство вызывало появление заразной разновидности туберкулёза, перед которой пасовали все известные антибиотики. Плодородной почвой для этого бедствия стали тюрьмы - туберкулёз в активной форме поразил до 10 процентов всех российских заключённых, а их немало. В условиях перенаселённых камер и минимальной медицинской помощи болезнь распространялась быстро и требовала новых жертв. Каждый год в тюрьмы попадали 300 000 человек (в основном, люди молодые), чуть меньше выходили на свободу, отбыв свой срок. Два специалиста по российским проблемам в сфере здравоохранения (доктор Александр Гольдфарб из нью-йоркского научно-исследовательского института здравоохранения и Мерседес Бесерра из гарвардской медицинской школы) дали следующие цифры: из тюрем ежегодно выходят 30 000 больных туберкулёзом в активной форме и 300 000 носителей пассивного вируса. Если эту волну не остановить, утверждает Гольдфарб, число больных туберкулёзом будет удваиваться ежегодно и к 2005 году достигнет 16 миллионов человек (11 процентов населения).

Условия жизни в российских тюрьмах для 1 миллиона молодых людей были устрашающими, но они едва ли были намного лучше для 1,5 миллиона военнослужащих срочной службы. В начале 90-х годов ежегодно погибали около 2 тысяч новобранцев - дедовщина, самоубийства, убийства, несчастные случаи, какие-то непонятные обстоятельства (армия точную цифру подобной смертности не даёт).

В эпоху Ельцина на гребень волны взлетели и заболевания, передаваемые половым путём. За период с 1990 по 1996 год число больных сифилисом с 7900 человек скакнуло до 388 200. До падения коммунизма СПИД в России был практически неизвестен. Но с тех пор расплодились наркоманы, свершилась новая сексуальная революция - и СПИД принялся косить российское население в

геометрической прогрессии. Правительство не имело представления о точных масштабах этого явления, но, на основе роста зарегистрированных случаев СПИДа, доктор Вадим Покровский, ведущий эпидемиолог страны, дал следующую оценку: к 2005 году число ВИЧ-инфицированных достигнет 10 миллионов (почти все - в возрасте от 15 до 29 лет).

Во многом рост смертности был предопределён свободным выбором россиян: вредная диета, активное курение, пожалуй, самое высокое потребление алкоголя в мире. Свою лепту вносил и рост употребления наркотиков. Поначалу посткоммунистическая Россия была лишь перевалочным пунктом для пересылки опиума и героина из стран Юго-Восточной и Средней Азии на Запад. Но вскоре наркотики стали оседать в России. К 1997 году внутрироссийский рынок наркотиков раздулся до колоссальных размеров, став одним из крупнейших в мире. По официальным оценкам, в России появилось от 2 до 5 миллионов наркоманов (3 процента населения). В основном это - молодёжь.

Поколение постарше выбрало себе другую отраву - алкоголь. Назвать цифры потребления алкоголя в России невозможно - огромное количество водки производилось на подпольных перегонных заводах. В 1996 году от алкогольного отравления умерло более 35 000 россиян (для сравнения: в тот же год в США таких смертей было несколько сотен).

Алкоголизм и преступность способствовали поразительному росту таких категорий, как насильственная, травматическая и случайная смерть - эти показатели выросли, как никакие другие. С 1992 по 1997 год 229 000 россиян совершили самоубийство, 159 000 отравились дешёвой водкой, 67 000 утонули (как правило, вследствие опьянения) и 169 000 были убиты.

При таких устрашающих показателях смертности сократилась и рождаемость. К концу 90-х годов ежегодное количество абортов, финансируемых государством, составляло 3 миллиона - это почти в три раза выше цифры рождаемости. Советские женщины давно пользовались абортами как основным средством контроля за деторождаемостью. В начале 90-х годов средняя россиянка делала три-четыре аборта, а многие - до десяти. Аборты, наркомания, алкоголизм, заболевания, передаваемые половым путём, - в итоге к концу 90-х годов треть взрослых россиян была признана неспособными к воспроизводству.

Многие молодые женщины не стали матерями не по собственному выбору, их вынудили обстоятельства. Несколько миллионов молодых россиянок стали на тропу проституции; из них несколько сот тысяч превратились в сексуальных рабынь в других странах. Российские бандиты заключили союз с зарубежными и продавали своих соотечественниц как товар в Европе, Израиле, Турции, Китае, арабских и других странах.

Быстрое снижение рождаемости наряду с ещё большим ростом смертности привело к неумолимому падению численности населения. В 1992 году население России составляло 148,3 миллиона. К 1999 году эта цифра сократилась на 2,7 миллиона. Если бы не иммиграция в Россию из регионов, где положение ещё более бедственное - Украина, Кавказ, Средняя Азия, - население России с 1992 по 1999 год сократилось бы на 6 миллионов. Эти показатели не учитывают миллионов россиян (в основном наиболее крепких и предприимчивых молодых людей), перебравшихся в Европу и Северную Америку неофициально.

В России шёл процесс демографического самоубийства. Молодые мужчины отравлялись алкоголем и наркотиками, заражались СПИДом или туберкулёзом,

погибали в бессмысленных бандитских разборках или отсиживались в тюрьмах. Молодые женщины, по тем или иным причинам, отказывались рожать детей. Молодое поколение исчезало - и с ним исчезало будущее России.

Больше всех от социально-экономического спада в России пострадали дети. В 1992 году в России родилось 1,6 миллиона детей; в тот же год число новорождённых, от которых отказались родители, составило 67 286 (4 процента от всех родившихся). В 1997 году отказ родителей от детей приобрёл катастрофические масштабы. В тот год родилось 1,3 миллиона детей, но от 113 000 (9 процентов) родители отказались. Поскольку в России серьёзной программы по опеке, усыновлению и удочерению нет, в большинстве случаев эти дети оказались на улице. По сведениям некоторых западных агентств по оказанию помощи, к концу 90-х годов по городам России бродяжничало около миллиона бездомных детей. Остальные попали в широко разветвлённую сеть сиротских домов. Там им зачастую приходилось жить в тёмных переполненных палатах, недоедать, недополучать лечение, подвергаться постоянным нападкам со стороны персонала и ребят постарше. По крайней мере, 30 000 российских сирот были помещены в психоневрологические интернаты для «неизлечимых» детей; такой легко устранимый дефект, как расщелина твёрдого нёба, признавался основанием для того, чтобы занести ребёнка в категорию «дебил» и отправить в лечебное учреждение, где его, в конечном счёте, ждала смерть. Но такой исход совсем не обязателен - ведь у 95 процентов российских сирот есть родители.

Когда я впервые ехал в Тольятти взять интервью у директора завода, я решил воспользоваться железной дорогой. Ехать предстояло двадцать четыре часа, но путешествовать по России поездом мне нравилось - поезд идёт по глубинке, стучат колёса старых вагонов, и ты легко сходишься с людьми.

Со мной в купе сидела мама с больным семилетним ребёнком. Стояла жара. Мальчик разделся до белья. Его худенькое тельце было покрыто язвами, какими-то волдырями. Видимо, мама везла его домой после неудачной попытки подлечиться. Мальчик очень страдал, ему всё время хотелось чесаться. Он плакал. На самые болезненные места мама накладывала пластырь. «Мама… мама, больно!» - кричал мальчик.

Страдания мальчика не прекращались всю ночь, крики его эхом разносились по затемнённому коридору вагона. Утром пассажиры были какие-то притихшие, подавленные более обычного, им словно требовалось какое-то противоядие, защита от страданий ребёнка. Где-то под утро мальчик уснул. Я видел, как его мама одиноко сидела в коридоре, глядя застывшим взглядом в окно на бескрайние российские просторы.

Глава 4. Распродажа страны за ваучеры

Друг семьи

Зимой 1993-1994 годов Борис Березовский большинству россиян был неизвестен. Он уже успел изрядно нажиться на продаже вазовских автомобилей и других товаров, но таких преуспевших «новых русских» было много, к тому же на звание «самого богатого» он ещё не тянул. Положение резко изменилось, когда этот автодилер стал другом семьи Ельцина и вошёл в ближний круг президента.

В то время одной из главных фигур в ельцинском окружении был шеф Службы безопасности Президента, генерал Александр Коржаков. Он всегда находился

рядом с Ельциным, вместе с ним выпивал, помогал установить неофициальную иерархию среди приятелей президента, влиял на назначение высших государственных мужей. Впервые я встретил Коржакова в парламенте в 1997 году. Пик его карьеры был позади. По коридору тяжёлой походкой шёл крупный, крепко сбитый мужчина. В общении он оказался прям и дружелюбен. Его глазки весело посвёркивали, когда он вспоминал случаи из своего общения с российским президентом; они подозрительно сужались, когда мои вопросы становились чересчур назойливыми. Было ясно, почему многие люди, знакомые с Коржаковым, проникались к нему симпатией. Хотелось сравнить его с преподавателем физкультуры в старших классах: заражающий примером, смелый, надёжный, с таким приятно иметь дело.

Коржаков всю жизнь прослужил в КГБ, но шпионом не был; почти двадцать лет он проработал в Девятом управлении, в обязанности которого входила охрана важных лиц и объектов. С Ельциным он познакомился в 1985 году, когда был назначен на должность его личного телохранителя, и вскоре стал одним из ближайших и наиболее доверенных его соратников - Коржаков не бросил шефа, даже когда Ельцин был снят с руководящего поста в компартии и отправлен в политическую ссылку. Придя к власти, Ельцин поручил Коржакову организовать Службу безопасности Президента (СБП). КГБ Ельцин не доверял. Ему хотелось создать, как он выразился, «мини-КГБ, всезнающий, мощный и укомплектованный только верными людьми».

Кое в чём Ельцин определённо годился на роль руководителя страны: он прекрасно смотрелся на трибуне - прямая осанка, могучая стать, зычный голос; говорил он с запинками и чуть медленно, но этим ещё больше походил на человека из толпы - крепкий мужик, который вчера вечером слегка перебрал.

Однако после мужественной акции в дни путча 1991 года Ельцин словно расслабился - могло показаться, что свою историческую миссию он посчитал исполненной. В государственных делах он проявлял леность и нетерпение; довольно быстро перестал ориентироваться в происходящих событиях. Любил вздремнуть после обеда. Рабочий день, как правило, заканчивал рано. Часов в десять вечера он уже ложился спать, хотя и мучался бессонницей. Просыпался часа в два ночи, жаловался на боли и по несколько часов не мог заснуть. Но, в отличие от другого кремлёвского лунатика, Иосифа Сталина, Ельцин по ночам не работал. Просто слонялся по комнатам. Вскоре Коржаков заметил, что российский президент время от времени впадает в депрессию. Весной 1993-го, когда газеты на все лады обсуждали коррупцию в близких к президенту сферах, Коржаков даже боялся, не решится ли Ельцин на самоубийство.

Ельцин любил выпить. И как следствие - довольно щекотливые ситуации. Лучшей иллюстрацией его плачевного состояния стал унизительный случай 31 августа 1994 года, во время торжеств по поводу вывода последнего контингента российских войск из Германии. Событие это было глубоко символичным. Армия, пятьдесят лет назад победившая Гитлера и завоевавшая пол-Европы, возвращалась домой, но в родной стране царил хаос, и, рассчитывая на благотворительность из-за рубежа, русские солдаты уходили не победителями, а побеждёнными.

Ельцин прибыл в Берлин, чтобы с канцлером Германии Гельмутом Колем присутствовать на этом торжественном акте. Российский президент начал пить с самого утра, и к полудню шеф его охраны, генерал Коржаков, понял - быть беде. «Все ждали начала церемонии, - вспоминал Коржаков. - Коль сразу уловил

известное состояние Бориса Николаевича и по-дружески обнял его. В следующее мгновение канцлер понимающе посмотрел на меня. Выразительным взглядом я молил его помочь нашему президенту, хотя бы поддержать Ельцина в прямом смысле этого слова. Коль всё понял: слегка обхватив Бориса Николаевича за талию, отправился вместе с ним на торжество».

Приняв новую дозу за обедом, Ельцин пошёл вдоль выстроившихся войск и толпы граждан. Проходя мимо оркестра берлинской полиции, президент вдруг вскочил на сцену, выхватил у дирижёра палочку и начал, не в такт музыке, ею размахивать. Когда музыканты остановились, он в пьяном виде изобразил «Калинку». Жители Берлина в жизни не видели ничего подобного. Эта жалкая сцена стала окончательным завершением Великой Отечественной войны.

Коржаков утверждает, что, понимая, какое пагубное воздействие на президента оказывает алкоголь, он отдал распоряжение, чтобы на президентской кухне ничего «горячительного» не было, а при крайней необходимости давал Ельцину водку, которая заранее была разбавлена. Но президент всё равно ухитрялся доставать спиртное. «Если Ельцин уж очень хотел выпить, он приглашал кого-нибудь из доверенных людей на приём, - вспоминает Коржаков. - Встречи с Черномырдиным, например, всегда заканчивались для Ельцина необходимым расслаблением. Но порой президент вызывал кого-нибудь из дежурных в приёмной (причём безошибочно выбирал того, кто послабее) и приказывал: «Иди и купи». Сотрудник тут же прибегал ко мне и спрашивал: «Александр Васильевич, что мне делать: Борис Николаевич дал сто долларов и попросит принести бутылочку».

Постепенно Ельцин и его ближайшее окружение сплотились в тесный клан - вместе жили, работали, отдыхали и выпивали. Это был двор, в традиционном монархистском смысле слова. Из книги воспоминаний генерала Коржакова, ставшей бестселлером, вырисовывается образ Ельцина, чем-то сродни римскому императору Нерону, который обретался в прогнившем и дышащем на ладан имперском дворце. Ельцин и его свита часто препирались из-за каких-то пустяков: квартир, дач, мебели, телефонной связи, машин и прочих символов статуса.

Все они жили в специально выстроенном элитном доме на Осенней улице: просторные комнаты, спецсвязь, полы с подогревом, сауны. Всё время уходило на споры о том, кому здесь давать квартиру, а кому нет. В конце концов в число счастливчиков попали Ельцин, Коржаков, дочь Ельцина, Татьяна Дьяченко, премьер-министр Виктор Черномырдин, министр обороны Павел Грачёв, шеф Службы безопасности Михаил Барсуков, журналист Валентин Юмашев, теннисный тренер Ельцина Шамиль Тарпищев, мэр Москвы Юрий Лужков. Они жили под одной крышей, встречались друг с другом в лифтах, вместе выгуливали собак. Жильцы дома, увлекаясь, подобно «новым русским», вульгарным материализмом, изо всех сил стремились перещеголять друг друга.

«Борис Николаевич поразительно быстро был сломлен всем тем, что сопутствует неограниченной власти: лестью, материальными благами, безконтрольностью, - заключает Коржаков. - Все обещанные народу перемены, свелись в сущности к бесконечным перестановкам в высших эшелонах власти. Причём после очередной порции отставок и новых назначений во власть попадали люди, склонные следовать государственным интересам всё меньше и меньше».

Экономика России разрушалась, и на московских улицах бандиты развязали настоящую междоусобную войну. Но правительство Ельцина оказалось

неспособным изменить ситуацию. Причина коренилась в его коррумпированности. Даже чиновники самого высокого уровня пеклись о своих личных финансовых интересах гораздо больше, чем об интересах государства. Как правило, министр получал бесплатное медицинское обслуживание, машину с водителем, большую квартиру, право арендовать дачу в престижном уголке Подмосковья; зарплата же министра, как таковая, редко превышала 500 долларов. Естественно, велик был соблазн приработать на стороне.

Олег Лобов, заместитель премьер-министра и глава Совета безопасности, был обвинён в том, что продавал оружие «Аум Синрикё», секте судного дня, в 1995 году они в токийском метро, применив нервно-паралитический газ зарин, убили много людей. На следствии сектанты объявили, что получили от Лобова технологические документы на производство зарина в обмен на 100 000 долларов. Более того, Лобов разрешил членам секты «Аум Синрикё» провести военную подготовку на засекреченной военной базе в центре России. На допросах в прокуратуре Лобов всё отрицал. Расследование было прекращено, но Лобова из правительства убрали.

Попался и министр безопасности Виктор Баранников. Он оказался одним из основных покровителей небезызвестного коммерсанта Бориса Бирштейна и принадлежавшей ему компании «Сиабеко» с подразделениями в Торонто и Цюрихе. Бирштейн не скупился на дары. В начале 1993 года он пригласил жён Баранникова и первого замминистра МВД на трёхдневную прогулку по швейцарским магазинам, где две дамы совершили покупки на 300 000 долларов: меха, парфюмерия, шарфики, часы и так далее (всё за счёт «Сиабеко») - и привезли трофеи в Россию в чемоданах. Им пришлось заплатить 2000 долларов за двадцать мест лишнего багажа, но «Сиабеко» оплатила и этот счёт. Баранникова и первого заместителя министра МВД уволили, но дело возбуждать не стали.

По общему убеждению, премьер-министр Виктор Черномырдин неплохо нажился на приватизации «Газпрома» и на бесчисленных сделках по экспорту нефти и газа. По оценке ЦРУ, личное состояние Черномырдина в 1996 году составляло 5 миллиардов долларов. Когда комитет Конгресса США попросил прокомментировать эту информацию директора ЦРУ Дейча, тот дипломатично ответил: «Я с удовольствием поговорю с вами на эту тему в другом месте».

Не были застрахованы от скандалов и молодые реформаторы. Министр финансов Борис Фёдоров, на которого возлагал большие надежды Запад в смысле оживления рыночных реформ, в 1993 году подписал разрешение в пользу компании «Голден Ада». Аферу провернули молодой предприниматель Александр Козленок и давний друг Ельцина, возглавлявший комитет по драгоценным металлам Евгений Бычков: идея заключалась в том, чтобы залезть в государственную казну и разместить похищенное за границей. «Голден Ада» вела торговые операции в Сан-Франциско и Антверпене. В течение трёх лет она продала бриллиантов, золота и ювелирного антиквариата, вывезенного из России, на 178 миллионов долларов. Зелёный свет «Голден Ада» получила благодаря подписи Фёдорова.

Ещё более заметная фигура в лагере молодых реформаторов, Анатолий Чубайс, тоже неплохо прирабатывал на стороне, не всегда соблюдая нормы этики. В 1996 году Чубайс получил полугодичный отпуск и возглавил благотворительный фонд, которому ведущие российские бизнесмены выделили беспроцентную ссуду в размере 3 миллионов долларов. Эти деньги Чубайс инвестировал в государственные ценные бумаги. На подобных операциях, а также на «лекциях и

консультациях» всего за несколько месяцев он заработал 300 000 долларов. Год спустя он и его ближайшие соратники по правительству России - все общепризнанные «демократы» и апологеты свободного рынка - получили по 90 000 долларов каждый в качестве аванса за книгу от филиала «Онексим-банка», (через два года книга действительно вышла, но особым спросом не пользовалась).

Водоворот коррупции захлестнул и иностранцев. Ведя Россию к рыночной экономике, Чубайс полагался на консультантов из США: юристов, экономистов, специалистов по связям с общественностью. Одним из крупнейших американских проектов стал проект развития российского рынка ценных бумаг, координацию осуществлял Гарвардский университет, а финансы шли из US AID (United States Agency for International Development - Агентство международного развития). В мае 1997 года US AID отказалось выделить последний транш на программу (14 миллионов долларов) - выяснилось, что два американских консультанта, ответственные за программу, проявили корыстолюбие и воспользовались своими связями на рынке российских ценных бумаг для самообогащения. Министерство юстиции США начало расследование, хотя обвинений против консультантов не выдвигалось. В то же время аудит, проведённый Российской счётной палатой, показал, что Всероссийский центр приватизации - частная некоммерческая организация, связанная с Чубайсом и спонсированная деньгами с Запада, - присвоил большие суммы. Счётная палата обнаружила, что эти деньги напрямую пошли соратникам Чубайса и крупным политикам в обмен на поддержку рыночных реформ.

Генерал Коржаков вспоминает, как болезненно реагировал Ельцин на разоблачения продажных чиновников. «Докладывая Ельцину о злоупотреблениях… я заметил, что ему не нравится слышать о воровстве, - говорит Коржаков. - Борис Николаевич понимал, что некоторые люди, называющие себя верными друзьями, единомышленниками, на самом деле просто обогащались на этой верности».

Мало кто заявлял о своей преданности красноречивее Бориса Березовского. Березовский был введён в ближний круг Ельцина в присутствии Коржакова. Это было зимой 1993-1994 года. «Мы искали издателя для второй книги Ельцина, «Записки президента», - вспоминает Коржаков. Работа над книгой началась в начале 1992 года с описания по горячим следам путча, но переросла в воспоминания о двух первых годах президентства Ельцина. Для литературной записи Ельцин подрядил журналиста Валентина Юмашева, чьими услугами он пользовался при написании книги 1989 года. В глазах ельцинской свиты Юмашев выглядел чужаком. Коржаков вспоминает его «неопрятный вид», называет его «журналистом-хиппи». Бывший шеф Службы безопасности удивлялся, как рьяно Ельцин защищает свой союз с этим автором.

«К Юмашеву тогда я относился хорошо, - говорит Коржаков. - А Борис Николаевич был не в восторге от наших отношений. Он всегда нервничал, когда я тепло отзывался о Юмашеве». Позже Коржакову стало известно, что Валентин Юмашев играл ключевую роль в управлении финансами семьи Ельцина.

После того как «Записки президента» были закончены, понадобился издатель. «Юмашев заявил, что на издание нужны большие деньги, - вспоминает Коржаков. - К сожалению, ни Ельцин, ни я никогда не занимались издательским бизнесом. Как потом выяснилось, несколько крупных российских издательств готовы были издать «Записки президента» на собственные средства и даже выплатить Ельцину существенный авторский гонорар. Но Юмашев преподнёс ситуацию с изданием в таком свете, что без денег какого-нибудь бизнесмена о выходе «Записок» в свет

не может быть и речи».

Литературный агент Ельцина Эндрю Нюрнберг согласился представлять авторские права Ельцина за рубежом. Но кто возьмётся печатать книгу в России? Генерал Коржаков вспоминает следующий разговор: «Вы обратили внимание, что вся Москва увешана рекламой «ЛогоВАЗа»? - спросил меня Юмашев. - Так вот «ЛогоВАЗ» - это Березовский». Юмашев также дал понять, что если публикация книги Ельцина состоится на средства Березовского, то это стоит рассматривать как благотворительный жест, на который по всей России способен только Борис Абрамович».

Реклама «ЛогоВАЗа» Березовского появлялась не только на уличных щитах. Весь 1993 год «ЛогоВАЗ» давал свою рекламу в популярном и нуждавшемся в деньгах «Огоньке», где Юмашев работал заместителем редактора. Тем самым Березовский финансировал раннюю карьеру Юмашева. Через два года, после реорганизации «Огонька», Юмашев стал генеральным директором журнала, а Березовский - совладельцем.

Так или иначе, к Березовскому обратились как к издателю. «Юмашев привёл Березовского в Кремль и представил мне, - вспоминает Коржаков. - Потом Березовского представили Ельцину».

Березовский организовал быструю и качественную печать книги в Финляндии. По его утверждению, в это дело он вложил 250 000 долларов, и его компаньон, босс «АвтоВАЗа» Владимир Каданников, - ещё 250 000 долларов. Книга была опубликована под маркой «Огонька». «Березовский преподнёс свою деятельность, как сверхщедрую благотворительность по отношению к президенту», - замечает Коржаков.

По словам Эндрю Нюрнберга, за пределами России было продано несколько сот тысяч экземпляров. Даже при этом гонорар Ельцина, после выплаты комиссионных Юмашеву и Нюрнбергу, наверняка был меньше 200 000 долларов.

«Ельцин надеялся заработать миллион долларов и постоянно жаловался, что «эти мерзавцы» его ограбили, - вспоминает Коржаков. - Почувствовав недовольство президента, Юмашев и Березовский поняли, что нужно исправить ошибку. Они стали пополнять личный счёт Ельцина в лондонском банке «Barclay’s», объясняя, что это доход от книги. К концу 1994 года на счету Ельцина скопилось около трёх миллионов долларов. Березовский не однократно хвастался, что именно он «помог» Ельцину скопить столько денег».

Свой вклад в «книжный фонд» Ельцина внесла и та самая «Голден Ада», что похитила из российской казны золото и бриллианты на 178 миллионов долларов.

По словам Нюрнберга, банковский счёт Ельцина в банке «Барклай» был закрыт в 1993-1994 годах, и зарубежные доходы от его книги переведены на банковский счёт в России.

У Коржакова, однако, другие сведения: «На протяжении 1994-1995 годов Юмашев ежемесячно приходил к Ельцину в Кремль. Никто не мог понять, почему этот плохо одетый и неопрятный журналист регулярно навещал президента, разговаривал с ним наедине и через несколько минут покидал кабинет. Я же знал причину этих визитов. Юмашев приносил Ельцину деньги за накопившиеся на счету проценты: примерно 16 000 долларов наличными каждый месяц. Ельцин складывал деньги в свой сейф».

Издание книги было для Ельцина важно - дополнительных источников дохода

у него было немного. «В то время Ельцин не принимал деньги ни от кого, - говорит Коржаков. - О взятке не могло быть и речи. У него даже были трудности со строительством собственной дачи. Нам пришлось уговаривать его взять 20 000 долларов у японской газеты за интервью».

И Ельцин был благодарен Березовскому за финансовый поток от книги. Когда «Записки президента» увидели свет в России, в Президент-клубе, шикарном теннисном клубе для государственной элиты, состоялась триумфальная презентация, Ельцин предложил ввести в члены клуба Березовского. Так магнат стал в Кремле своим.

«В клубе Березовский бывал часто, лоббировал свои собственные проекты, - вспоминает Коржаков. - К примеру, он знал, что каждое утро я обязательно приезжаю в клуб заниматься спортом. Он ходил за мной по пятам и, даже когда я был в душе, продолжал рассказывать мне о своих политических и деловых проектах. Я, честно говоря, радовался, что шум воды заглушает его торопливую речь».

После публикации книги дела Березовского пошли в гору. «Пользуясь своим доступом к Ельцину, Березовский претендовал на исключительную, главенствующую роль среди так называемых олигархов, - вспоминает Коржаков. - Другими словами, он стал фаворитом президентской семьи, постоянно демонстрируя свои особые с ней отношения. О своей близости к президенту он напоминал окружающим при любом удобном случае. Высокопоставленные чиновники боялись дать отпор Березовскому, когда тот настаивал на особо благоприятных условиях для своего бизнеса».

Имея доступ к высшим эшелонам Российского правительства и пользуясь репутацией близкого друга семьи, Березовский проталкивал приватизационные проекты, позволявшие ему взять в руки ключевые отрасли промышленности.

«Первый заместитель премьер-министра Олег Сосковец мастерски изображал Березовского, - вспоминает Коржаков. - Он брал потёртый кожаный портфельчик, выходил за дверь, а потом тихонечко скрёбся, просачивался сквозь дверную щель и, затравленно шаркая, пробирался бочком подходил к столу в кабинете. Это так сильно напоминало повадки Березовского, что мы валились от хохота».

В итоге последним смеялся Березовский, но до поры ему приходилось мириться с насмешками ельцинской свиты. Их помощь была ему нужна, чтобы завладеть крупнейшими российскими компаниями.

Огонь по парламенту

Чтобы проводить массовую приватизацию, Ельцину требовалась полнота власти. В первые годы после падения коммунизма он ещё не был тем правителем-автократом, каким стал позже. В начале 1993 года Ельцину пришлось столкнуться с широкой оппозицией, в которую вошли видные российские политики. Власть его казалась зыбкой. С точки зрения конституции легитимность его правительства вызывала сомнение - ведь ликвидация Советского Союза всё-таки шла вразрез с советской Конституцией и общенациональным референдумом. Кроме того, проводимая правительством политика приводила к разрушительным результатам.

«Борис Ельцин не оправдал наших ожиданий, - говорил мне предприниматель Георгий Хаценков. - Оказалось, что управлять страной ему просто не по зубам. Вместо того, чтобы стабилизировать положение, он способствовал распаду России.

Нам требовался российский Пиночет».

Человек, который мог претендовать на эту роль, был: вице-президент Александр Руцкой. Молодой и красивый, Руцкой, в прошлом генерал ВВС, сражался в Афганистане. Выбор Руцкого на пост вице-президента поддержали и российские патриоты, и военные, к тому же его поддержка Ельцина во время путча 1991 года сыграла важную роль в победе российского президента.

Однако Руцкой не был свободен от политических честолюбивых планов. Видя, как люди из круга президента грабят Россию (и, возможно, огорчаясь, что он не очутился в этом волшебном кругу), он возмутился. И стал выступать как решительный поборник правопорядка в России. Ельцин назначил Руцкого председателем комитета по расследованию коррупции в правительстве. Но, когда Руцкой вскрыл массовые злоупотребления, Ельцин его с этой работы снял. Руцкой обратился к народу: в апреле 1993 года появился на экранах телевизоров, утверждая, что у него собрано одиннадцать чемоданов с документами, которые свидетельствуют о преступных деяниях правительственных чиновников - около сорока человек. Клан Ельцина решительно отмёл эти обвинения и начал собственную кампанию - по обвинению Руцкого в коррупции, а ещё через несколько месяцев Ельцин отстранил его от исполнения обязанностей.

Более серьёзную проблему для Ельцина представлял российский парламент. Избранный в 1990 году, он состоял из убеждённых коммунистов, а также многих реформаторов эры Горбачёва. Он не принимал ни Ельцина, ни его политику, выступая и против реформ Гайдара, и против массовой приватизации Чубайса, блокировал президентские указы и угрожал президенту импичментом.

20 марта 1993 года Ельцин, выступая по телевидению, пригрозил: если политический кризис не разрешится, в стране будет введено военное положение. Он знал: 26 марта начнётся процедура импичмента. 22 марта он вызвал к себе начальника Главного управления охраны Михаила Барсукова.

«- Михаил Иванович, надо быть готовыми к худшему. Продумайте план действий, если вдруг придётся арестовать съезд.

- Сколько у меня времени?

- Два дня максимум».

Барсуков разработал (а Ельцин одобрил) следующий план. Если съезд проголосует за импичмент, офицер Службы безопасности прочитает заранее подготовленный президентский указ по системе громкой связи о роспуске съезда. Электричество, вода и отопление будут отключены. Если это не поможет, пойдёт в дело слезоточивый газ; после этого военные в противогазах арестуют парламентариев и отведут их в подготовленные для этого случая тюремные автобусы.

28 марта состоялось голосование. Голосов, необходимых для начала процедуры импичмента, набрано не было. Нужда в резервном плане отпала. Месяц спустя на национальном референдуме 25 апреля россияне проголосовали в поддержку Ельцина и его программы экономических реформ. Страна разваливалась, многие жили на грани голода, и тем не менее голосование свидетельствовало о неизменной популярности Ельцина и нежелании народа бросать вызов Кремлю. На том же референдуме ставился вопрос о роспуске парламента, но и это предложение не прошло - не хватило голосов. По сути дела, электорат дал понять: конституционный конфликт между Ельциным и

парламентом следует разрешить мирным путём.

Противостояние продолжалось, подкреплённое взаимными обвинениями в коррупции. Всё лето 1993 года на глазах у изумлённого народа ведущие политики страны обвиняли друг друга в мошенничестве и мздоимстве. Страницы российских газет пестрели откровениями о подтасованных импортно-экспортных контрактах, о переводе денег на тайные счета правительственных чиновников в швейцарских банках (один громкий скандал разразился в связи с публикацией перехваченного телефонного разговора - судя по всему, два члена правительства замышляли убийство Генерального прокурора России). Между тем, отвергнутый вице-президент Александр Руцкой встал на сторону российского парламента.

Во вторник, 21 сентября, в восемь вечера Ельцин появился на национальном телевидении и объявил о том, что он распускает парламент. Верховный суд России тут же отреагировал - это решение противоречит Конституции. В Белом доме под водительством Руцкого и спикера парламента Руслана Хасбулатова собралось несколько сот человек, многие с оружием. Ельцин объявил: им предоставляется возможность покинуть здание до 4 октября. Он окружил парламент подразделениями МВД. Телефоны и электричество были отключены - здание оказалось в осаде.

В воскресенье, 3 октября, за день до того, как протестующие должны были выйти из Белого дома, более 10 000 сторонников парламента собрались на Октябрьской площади около памятника Ленину. Прорвав милицейский кордон, они разделились на две колонны. Одна группа пошла к Останкинской телебашне, к зданию телецентра, откуда выходят в эфир основные российские телеканалы. Вторая колонна направилась к осаждённому парламенту, где, прорвав блокаду, присоединилась к тем, кто находился в Белом доме. Была предпринята попытка захватить мэрию - небоскрёб возле парламента, где раньше располагался СЭВ, - но её отразили войска МВД и подразделения охраны «Мост-банка».

Столкновение оказалось кровавым. Сотни антиельцинистов окружили Останкинскую башню, кто-то был вооружён автоматами, кто-то гранатомётами. Входы в здание были перекрыты бойцами элитного подразделения МВД «Витязь» - около восьмидесяти человек. В течение ночи повстанцы несколько раз пытались взять здание штурмом, но получали отпор. На мостовой остались десятки тел.

На следующее утро Ельцин направил к центру Москвы танки. Они остановились на Новоарбатском мосту, чуть ниже парламента, и открыли огонь. После каждого залпа в небо вздымались клубы дыма и горы бумаг. Скоро на верхних этажах здания начался пожар. В военном отношении это был более жёсткий вариант путча 1991 года - на сей раз танки были на стороне Ельцина, и битва оказалась куда более кровавой. Тысячи москвичей прильнули к окнам, забрались на крыши домов и во все глаза глядели на захватывающее зрелище - расстрел здания российского парламента.

Тем временем спецподразделения через подземные тоннели проникли в парламент и начали зачистку. На исходе дня Руцкой и Хасбулатов сдались властям, вместе с остальными их препроводили к тюремным автобусам.

События 3-4 октября оставили в душах россиян горький осадок. По официальным сведениям, погибло девяносто два человека. Но в народе ходила другая цифра - несколько сот, а то и больше. Обе стороны повели себя достаточно лицемерно. Руцкой и Хасбулатов клялись, что за свободу России будут биться до смерти, но, в конце концов, смиренно сдались властям. Лагерь же Ельцина

обвинил бунтарей в государственной измене, но через несколько месяцев выпустил их на свободу, объявив амнистию.

12 декабря 1993 года, через два месяца, на общенациональном референдуме была принята ельцинская Конституция. Прошла она с трудом - «за» проголосовали 60 процентов пришедших на участки и всего 32 процента имевших право голоса. Звучали серьёзные обвинения: в провинции списками принявших участие в референдуме (53 процентов) манипулировали, чтобы его результаты считались законными, подтягивали число голосовавших до пороговой цифры; но так или иначе конституционный кризис был разрешён. По новой Конституции президент получал неслыханные полномочия - примерно как кайзер или царь в Европе до Первой мировой войны. Российскому президенту, как и кайзеру с царём, приходилось иметь дело с парламентом, но теперь это учреждение (получившее название времён царской России - Дума) противостоять президенту фактически не могло.

Одновременно с голосованием за Конституцию россияне выбирали новый парламент. Большинство избранных депутатов были яростными критиками Ельцина и его правительства. Можно сказать, что голосование было протестным, оно выражало негодование в связи с грубым роспуском предыдущего парламента. Но на российской политической сцене царило лицемерие. Россиянам могло казаться, что они избирают антиельцинский парламент, однако в итоге этот орган оказался послушным инструментом ельцинского режима. Дело не только в том, что у парламента не было необходимых конституционных полномочий и угрожающие заявления депутатов можно было не принимать всерьёз. Крупнейшая парламентская фракция - партия Жириновского - получала от правительства Ельцина тайную поддержку; и, в свою очередь, поддерживала Ельцина всякий раз, когда дело доходило до голосования.

Анатолий Чубайс приватизирует Россию

После того как Ельцину удалось укрепить свою власть, правительство получило возможность сделать ещё один серьёзный шаг к рыночной экономике. В 1992 году Егор Гайдар отпустил цены на многие товары, однако подавляющее большинство российских компаний оставались собственностью государства. Но теперь препятствие (парламент) было устранено, и массовая приватизация получила зелёный свет.

Для большинства россиян перемены в стране происходили с ошеломляющей скоростью. Всего четыре месяца - с августа по декабрь 1991 года - ушло на то, чтобы похоронить коммунизм и разрушить Советский Союз. В начале 1992 года всего за несколько недель шоковая терапия Егора Гайдара уничтожила плановую экономику, а заодно и сбережения подавляющего большинства граждан России. Теперь с той же безжалостной скоростью на страну обрушилась приватизация. Архитектором этой программы стал тридцативосьмилетний экономист из Санкт-Петербурга Анатолий Чубайс, руководивший относительно небольшой структурой, именуемой «Госкомимущество». Это ведомство находилось в здании напротив гостиницы «Россия». В коридорах слышались голоса американцев: это были молодые консультанты, которых Чубайс призвал под свои знамёна.

«Чубайс появился в управлении Госкомимущества в 1991 году, - вспоминает Гайдар, тогдашний премьер-министр. - В то время был полный организационный и хозяйственный вакуум, потому что старые механизмы партийного и административного контроля были в полной мере отключены. Значительная часть

чиновничества, на основе полулегальных процедур, самым наглым образом разбазаривала собственность. Неоднократно на официальных заседаниях правительства начальники (местных) администраций говорили: «Отдайте всё нам, мы назначим собственников».

Поучаствовать в распределении богатейших природных ресурсов России жаждали все. Коммунисты и националисты хотели, чтобы собственность по большей части осталась в руках государства. Политики регионального уровня мечтали распределить собственность среди своих. Чубайс решил опереться на небольшую группу бизнесменов с хорошими связями. По мнению Гайдара, этот ход был верным. «В тяжелейших условиях Чубайс сумел разработать регулирование, которое позволило упорядочить процесс приватизации в России, - говорит Гайдар. - Он очень чёткий администратор, очень хорошо умеет ставить задачи и контролировать исполнение».

Однажды я встретился с Чубайсом, когда он был первым заместителем премьер-министра, и мог лично убедиться в его феноменальной работоспособности. Наше интервью было назначено на 9:30 вечера в его кабинете. Огромное правительственное здание (Белый дом), где находятся кабинеты премьер-министра, его заместителей и их сотрудников, было погружено во мрак - пустые коридоры, молчащие кабинеты, запертые двери. Все разъехались по домам. Но в крыле Чубайса полыхал свет. Там кипела работа, люди звонили по телефонам, готовили документы, договаривались о встречах. Сам Чубайс появился в комнате для переговоров, чуть запыхавшись - было ясно, что он очень занят. Но говорил совершенно внятно и чётко, и было ясно: передо мной - великолепный технократ.

По программе Чубайса приватизационные ваучеры были разосланы всем российским гражданам (151 миллион ваучеров). По плану предполагалось приватизировать основную часть российской промышленности за два года. Наиболее общий сценарий приватизации сводился к следующему: 29 процентов компании продавались за ваучеры на аукционе, 51 процент распределялся среди руководства и рабочих, остальное оставляло за собой государство, чтобы впоследствии продать за наличные или за обещания инвестиций.

Наиболее важной частью программы были ваучеры - в новой экономике каждый гражданин получает свою долю; акционером может стать каждый, и самые лучшие компании отнюдь не достанутся самым богатым. Эта идея являлась воплощением демократии Джефферсона - заложить основу для создания массового среднего класса и крупного внутреннего рынка, для быстрого развития экономики. Да, сбережения россиян сгорели в костре гиперинфляции 1992 года, но теперь граждане станут акционерами российских предприятий и смогут эти потери как-то компенсировать.

Летом 1992 года президент Ельцин познакомил страну с идеей ваучерной приватизации: «Нам нужны миллионы собственников, а не горстка миллионеров. В этой новой экономике у каждого будут равные возможности, остальное зависит от нас... Каждый гражданин России, каждая семья получат свободу выбора. Приватизационый ваучер - это для каждого из нас билет в мир свободной экономики».

Доля, которую представлял собой один ваучер, была ничтожно мала, а российский рынок ценных бумаг был весьма примитивным, и владельцы ваучеров, как правило, на приватизационных аукционах купить акции напрямую не могли.

Выбор сводился к следующему: инвестировать ваучер в компанию, где человек работал, для чего в компании существовала программа акционирования, либо передать ваучер в один из вновь создаваемых чековых инвестиционных фондов.

Поскольку многие жили в ужасающей нищете и в первую очередь думали о хлебе насущном, люди просто продавали ваучеры на улице за наличные, и таких было немало. В итоге уличная цена на ваучер была смехотворно низкой. Тоскливой зимой 1993-1994 года в метро можно было видеть плохо одетых прыщавых парней, державших табличку: «Куплю ваучер». Цена составляла 10 000 рублей - около 7 долларов, как раз на две бутылки дешёвой водки. При том, что каждый ваучер можно было купить на улице за 7 долларов, выходило, что гигантские промышленные и природные ресурсы страны оценивались примерно в 5 миллиардов долларов.

В теории ваучерная приватизация выглядела привлекательно, но на практике она полностью провалилась. **Первая ошибка** - выбор времени для её проведения. Приватизацию следовало проводить до ценовой реформы Гайдара в 1992 году, как средство борьбы с рублёвым навесом, с опасностью инфляции. Именно в этом заключалась суть плана Григория Явлинского «500 дней». «Я считал, что именно приватизация должна быть тем инструментом, который должен урегулировать вопрос с денежным навесом, - вспоминает Явлинский. - То есть я считал правильным использовать накопленные средства на приватизацию. Я предлагал начать с самого маленького - приватизировать грузовики, небольшие земельные участки, квартиры, магазины - и постепенно, постепенно двигаться к более крупной приватизации».

Явлинский настаивал на том, чтобы провести приватизацию за деньги. «Приватизация решает задачу собственника, смену (старого советского) управляющего, - говорил он. - Конечно, деньги, заработанные в советские времена, были крайне малы, но затратив даже эти маленькие деньги, поскольку это были собственные, люди становились подлинными собственниками». Нельзя ничего получать бесплатно, утверждал он. Ты не сможешь относиться к этому с должным уважением. Всё ценное добывается в поте лица своего. «Собственность обязательно нужно продавать, только так возникают подлинные собственники. Даже если ты покупаешь кусочек компании за маленькую сумму, это всё равно твои деньги - ты будешь этой компанией дорожить, будешь искать хорошего менеджера, будешь строить на этом дело. А когда людям прислали ваучеры по почте, вам всё безразлично».

С этим соглашался мэр Москвы Юрий Лужков, он говорил: при таких низких ценах приватизация бессмысленна. «Мы говорим: приватизация необходима, чтобы создать нового собственника, новый собственник будет лучше распоряжаться собственностью и расширять производство, - аргументировал Лужков. - Возьмите приватизацию завода - предполагается, что новый владелец будет управлять ею лучше. Но такое возможно, только если завод продаётся за настоящие деньги. Приведу конкретный пример. Я купил ЗИЛ, гигантский автозавод, за 4 миллиона долларов. Но как автозавод он мне не нужен. Он занимает 240 гектаров земли, и я могу быстро вернуть свои 4 миллиона долларов, если превращу эту территорию в склады или ещё во что-нибудь.

Мой (химический) институт продали за 200 000 долларов. Во-первых, в этом институте трудились настоящие специалисты, каждый из которых тянет на 200 000 долларов в год. Во-вторых, у него есть экспериментальная производственная база, где можно разрабатывать новые технологии. И это предприятие было

продано за 200 000 долларов! Да это цена одного спектрофотометра! А новый владелец решил - ему не нужно, чтобы институт работал. Он сказал: я всех увольняю, теперь у меня есть свободная недвижимость, с её помощью я буду приумножать свои доходы - площадь буду сдавать и получать за это 500 000 долларов в год. Вот это бизнес!»

Но Явлинский и Лужков остались неуслышанными. Позже Гайдар говорил, что у него с Чубайсом просто не было времени проводить приватизацию сначала - нужно было срочно отпустить цены, чтобы заполнить полки товарами, хотя иногда это означало: люди выкладывают все свои сбережения на то, чтобы запасти товары на несколько недель. Но всё равно, даже если бы в пожарном порядке организовать продажу грузовиков, квартир, магазинов, садовых участков, а чуть позже малых предприятий вроде кирпичных заводов, лесопилок и текстильных фабрик, результат был бы куда менее разрушительным, чем тот, что был достигнут вследствие политики Гайдара и Чубайса.

Вторая ошибка Чубайса - темпы, с какими он провёл приватизацию российской промышленности. Начнись приватизация раньше, она могла бы пройти куда более гладко. Чубайс поставил на кон всё сразу: крупнейшие нефтяные компании, металлургические и горные комбинаты, гигантские комплексы по переработке леса, автозаводы, машиностроительные комбинаты, тракторные заводы, крупные промышленные компании, огромные флотилии, крупнейшие порты страны - всё это выплеснулось на рынок одновременно. Любому инвестиционному банкиру известно: чтобы получить хорошую цену за акции, появившиеся на рынке впервые, необходимо ограничить предложение. Сначала нужно продавать небольшую часть компании, и только потом, когда становится ясно, что есть спрос, можно предлагать дополнительное количество акций. Интернетовские компании в США с 1995 по 2000 год продавались именно по такой схеме, в итоге цена оказалась высокой, хотя компании эти почти не приносили прибыли и лишь предполагали большие доходы в будущем (это же относится к российским компаниям).

Как и Явлинский, министр внешних экономических связей с 1994 по 1997 год Олег Давыдов считает, что первым объектом приватизации должны были стать магазины, рестораны, небольшие цеха. Далее правительство могло выставить на продажу предприятия лёгкой промышленности. «Рынок всегда начинается с обслуживания людей, - замечает Давыдов. - Начинается с малых предприятий».

Вместо этого Чубайс провёл приватизацию крупнейших и наиболее прибыльных российских предприятий, работавших на экспорт. «Именно в этот сектор, у которого такой громадный экспортный потенциал, хлынул весь криминал», - с горечью говорит Давыдов. Он считает, что российские промышленные гиганты в таких стратегических сферах, как нефть и газ, металлы, алюминий, космос следовало превратить в государственные корпорации. Они бы научились действовать, как независимые предприятия, а потом, постепенно, их можно было бы приватизировать, по мере развития рынка. Примеров подобного рода в Европе и Японии достаточно.

И **последняя ошибка** политики Чубайса и Гайдара - уж слишком малой они сделали номинальную стоимость приватизационных ваучеров (10 000 рублей). Если исходить из номинальной стоимости ваучеров, то по ценам начала 1992 года вся российская промышленность была оценена в 100 миллиардов долларов, что со всей очевидностью не соответствовало ни огромным масштабам российской экономики, ни тенденции рынка акций превышать стоимость внутреннего

валового продукта страны. Ярлык в 100 миллиардов долларов, который в 1992 году экономисты Ельцина нацепили на российскую экономику, меркнет по сравнению с оценочной стоимостью таких рынков, как Мексика и Гонконг, где в то время рынок акций оценивался в 150 и 300 миллиардов долларов соответственно. К концу 1993 года, когда россияне реально могли воспользоваться ваучерами, инфляция и девальвация рубля съели 95 процентов номинала ваучера, и стоимость промышленных и природных ресурсов России съехала к 5 миллиардам долларов.

Назначив за ваучеры такую смехотворно низкую цену, правительство дало инвесторам понять, что оно само эти ценные бумаги ни капли не ценит. В результате Российское государство понесло тяжёлый урон. Оно за гроши распродало свои лучшие активы. 151 миллион российских граждан тоже оказались в проигрыше, потому что очень мало кто из них получил реальную долю в приватизированных предприятиях. С другой стороны, инвесторам с хорошими связями представилась возможность совершить фантастически выгодные сделки. Можно было купить прекрасно работающие компании и тут же, в одночасье, вернуть вложенные средства. Для инвесторов, которые действовали на российском рынке акций в тот первый год, ежегодная прибыль в 300 процентов не была чем-то необычным. За недели люди делали состояния.

Одним из таких был Березовский. В конечном счёте именно в его руках сосредоточилось крупнейшее частное состояние в России - благодаря приватизации. Но сама ваучерная приватизация почти не привлекла его внимания. В 1993-1994 годах он вёл другие проекты, а рынок ваучеров оставил другим коммерсантам.

«Никаких законов мы не нарушили»

В конце 80-х годов тридцатидевятилетний Михаил Харшан завёл свой первый бизнес: турагентство для иностранцев. Когда в 1992 году Анатолий Чубайс объявил о начале программы приватизации, Харшан основал Первый ваучерный инвестиционный фонд, куда граждане могли приносить свои ваучеры и получать взамен акции компаний. Подобных ваучерных фондов по России было около 600, и все они привлекали инвесторов с помощью громких рекламных кампаний, обещая им прибыли до нескольких сот процентов в год. Первый ваучерный фонд Харшана таких экстравагантных заявлений не делал, но ему удалось стать крупнейшим чековым фондом в России и собрать 4,5 миллиона ваучеров (3 процента от общего количества); в конечном счёте, фонд инвестировал эти ваучеры в восемьдесят различных компаний - гостиницы, заводы по производству удобрений, металлургические заводы. У Харшана перед конкурентами было серьёзное преимущество: он имел возможность продавать акции своего фонда через тысячи почтовых отделений - розничная сеть гигантских масштабов. Ему удалось заполучить такую сеть, потому что он платил Министерству связи по 1 миллиону долларов в месяц, подкупил нескольких чиновников и пустил в ход свои старые связи в КГБ.

Методы Харшана зачастую были далеки от цивилизованных. Одна из его любимых историй - как он приобрёл долю в компании «Соликамскбумпром», к северу от Перми. Эта крупная бумажная фабрика ежегодно производила 460 000 метрических тонн бумаги и была одна из немногих в России производителей газетной бумаги. Вместе с директором компании Харшан «убедил» местный комитет по приватизации провести ваучерный аукцион только на территории

фабрики. Поскольку сама фабрика находилась в зоне расположения оборонных заводов, официальный доступ посторонним туда был закрыт. Но Харшан договорился с высокопоставленным московским чиновником, и тот позвонил в Соликамск бывшему секретарю обкома, главе местной администрации. Людей Харшана охрана на фабрику пропустила, и ему удалось приобрести 10 процентов компании. «Мы ни в кого не стреляли, не нарушали никаких законов, - с ухмылкой объяснял Харшан. - Просто вот так в России делается бизнес».

Ещё одним солидным игроком на рынке ваучерной приватизации была «Альфа», коммерческая фирма с хорошими связями. Её владельцы сделали большие деньги в 1992 и 1993 годах на экспорте нефти и металлов, ввозе сахара и торговле другими сельскохозяйственными товарами. В декабре 1992 года министр внешних экономических связей Пётр Авен, в чьём ведении находились торговые компании, подобные «Альфе», оставил министерское кресло и стал президентом «Альфа-банка», разделив власть с двумя молодыми людьми, имевшими хорошие связи. В тот же месяц «Альфа» создала свой собственный чековый инвестиционный фонд - «Альфа-капитал». Этому фонду удалось собрать 2,5 миллиона ваучеров, и он стал одним из крупнейших в стране. Он приобрёл доли в сорока шести компаниях, включая цементные заводы и другие заводы по производству стройматериалов, пищевые фабрики и химические компании. Михаил Александров, двадцатисемилетний специалист в фонде «Альфа-капитал», рассказывал, захлёбываясь от восторга, в разгар этой рыночной вакханалии: «Иногда даже не верится, что эта компания находится в России - оборудование новенькое, чистенькое, имущество - просто сказка».

Александров получил финансовое образование в одном из лучших советских вузов и некоторое время работал в фирмах KPMG Peat Marvick и CS First Boston; он хвастался мне, как «Альфе» удалось обставить американский конгломерат RJR Nabisco в борьбе за псковскую фабрику по производству печенья. Фабрика продавала 56 миллионов упаковок в год. В апреле 1993 года фонд «Альфа-капитал» приобрёл 14 процентов этой фабрики на ваучерном аукционе. Но и RJR Nabisco положила глаз на эту компанию и осенью приобрела 10 процентов акций. Контрольный пакет - 51 процент - оставался в руках правления и рабочих фабрики. Первым поспел «Альфа-капитал», выкупил акции у руководства и рабочих и завладел 65 процентами компании - всё про всё меньше чем за 4 миллиона долларов.

По словам Александрова, западным инвесторам по таким бросовым ценам никто ничего бы не продал. «Когда в Москве появляется американский инвестор, все пытаются его надуть», - со смешком говорил он. Чтобы купить российские акции, иностранному инвестору нужен местный брокер. Но как только российский брокер узнавал, что иностранца интересуют акции конкретной компании, он нередко покупал эти акции сам и тут же перепродавал иностранцу втридорога. В России такой конфликт интересов не считался незаконным, к тому же облапошить иностранца было чрезвычайно легко. «С нами никто бы не подумал так мошенничать, - говорил мне Александров. - Мы бы их поймали и набили морду. Или всегда можно нанять какого-то «Ивана», он бы из них живо вытряс все деньги».

Брокерам и менеджерам фондов часто приходилось расплачиваться за свои дела кровью. Одной из жертв стал Андрей Орехов, основатель брокерского дома «Грант». Орехов пытался играть честно, по правилам западного рынка; в конце 1994 года он даже провёл успешную защиту шоколадной фабрики «Красный Октябрь», у руководства которой пытались отнять власть посторонние инвесторы,

- первый такой случай в истории нового русского рынка. Но в ту же зиму фондовый рынок рухнул, разочаровав многих инвесторов, которые, видимо, не понимали, что состояние рынка может не только улучшаться, но и ухудшаться. 18 апреля 1995 года Орехов с шестилетней дочкой Майей отъезжал от дома - вёз ребёнка в школу, - и тут по его машине открыли огонь. Орехов и его водитель были тяжело ранены; девочка погибла.

Масштабы приватизации были гигантскими - и многие предприятия приобретались за бросовые деньги. Но задача заключалась в том, чтобы найти гусыню, несущую золотые яйца. «Балансовые отчёты ничего не дают; из приватизированных компаний только 5 процентов по-настоящему чего-то стоят», - замечал Михаил Харшан. У Госкомимущества была более достоверная информация о балансовых отчётах и собственности компаний, но обнародовать эти сведения они не имели права. Харшан хвастался, что всё равно получил эту информацию - скачал из компьютера Госкомимущества. В итоге он приобрёл несколько компаний совсем задёшево.

Иностранным юридическим лицам, например, CS First Boston, Brunwick-Warburg, и неким автономным структурам - Leucadia Group - удалось купить какую-то долю акций в хороших компаниях. Но это не означало, что они обладали теми же правами, что акционеры в США или Западной Европе. В своём большинстве директора российских предприятий считали, что сторонние акционеры в компанию ничего не вкладывают и просто лезут в чужие дела. И программу приватизации Чубайса они рассматривали как враждебный захват власти. Некоторые компании даже не хотели показывать свой устав, не говоря о списке акционеров. Клаудиа Моргенштерн, старший специалист по инвестициям в Международной финансовой корпорации Всемирного банка, консультировала правительство России по вопросам приватизации, и вот что она сказала: «Как и во всём остальном в России, важно не то, что говорит закон, а кто и как его исполняет».

Многие лучшие российские компании были выкуплены их директорами эпохи Советского Союза. Обычно это были люди, которые раньше втихомолку откачивали деньги из собственной компании и теперь на эти средства либо скупали ваучеры для участия в торгах на первичном аукционе, либо пытались выкупить акции у собственных подчинённых на вторичном рынке. Поскольку рабочие часто получали мизерные зарплаты с месячными опозданиями, они с удовольствием продавали свои акции за наличные, и акции эти скапливались у своей же администрации.

Наиболее ярким примером таких тихих захватов стал «Газпром». Ему принадлежала треть газовых ресурсов всего земного шара, он был единственным поставщиком газа по бывшему Советскому Союзу и основным поставщиком газа в Западную Европу, богаче компании в России не было. Вполне возможно, что это была самая богатая частная компания в мире. Будь «Газпром» западной компанией, только его газовые ресурсы стоили бы на рынке от 300 до 700 миллиардов долларов. А его продали на ваучерных аукционах за 250 миллионов долларов.

По сути, аукцион был подтасован. Во-первых, многие торги проходили в отдалённых сибирских городах, где всем заправлял «Газпром». Во-вторых, иностранцам было запрещено покупать акции. В-третьих, управляющие получили право первого выбора при любой перепродаже акций «Газпрома» на вторичном рынке, им также разрешили отказывать в регистрации акционерам, если те им не нравились.

Осенью 1993 года руководство «Газпрома» обратилось в Первый ваучерный инвестиционный фонд Михаила Харшана с предложением продать 530 000 ваучеров, чтобы воспользоваться ими на предстоящем аукционировании их компании (это количество равнялось одной восьмой всех ваучеров, которые в конечном итоге участвовали в аукционе «Газпрома»). Харшан хвастался, как ему удалось вздуть цену ваучеров на фондовой бирже и вынудить руководство «Газпрома» заплатить как минимум вдвое больше, чем пришлось бы, скупай они ваучеры медленно и постепенно. «Они чиновники, к тому же провинциалы, - говорил Харшан с ухмылкой. - Соображают туго».

Но, в конечном счёте, руководители «Газпрома» остались в выигрыше. Поскольку приватизация «Газпрома» проводилась с учётом интересов руководства и сотрудников этой компании, акции продавались по баснословно низкой цене. К примеру, в республике Мари Эл из цены акций следовало, что вся компания стоит всего-навсего 80 миллионов долларов, а в северном промышленном городе Пермь - 79 миллионов долларов. Если исходить из средней продажной цены акций «Газпрома», получалось, что цена этой компании - 250 миллионов долларов. Предложив в обмен на акции гигантское количество ваучеров, приобретённых у брокеров вроде Харшана, руководство «Газпрома» собрало у себя 15 процентов акций компании, оно же получило право распоряжаться при голосовании 35 процентами акций, которые оставило за собой государство.

Подобные манипуляции с рынком плюс беззаботная продажа приватизационных ваучеров населению привели к тому, что промышленное богатство России ушло с молотка за исключительно низкую цену. Шесть промышленных гигантов, бриллиантов в короне российской промышленности, были распроданы на ваучерных аукционах в двадцать раз дешевле их рыночной стоимости.

Народный автомобиль

Несмотря на все ухищрения и манёвры, к которым прибегали директора российских предприятий на ваучерных аукционах, следует отметить вот какое любопытное обстоятельство: для того чтобы контролировать российскую компанию, совершенно не обязательно владеть крупным пакетом акций. «Российские условия таковы, что разницы между контролем и владением нет. Если ты контролируешь деятельность предприятия, ты контролируешь его денежные потоки», - заметил Михаил Харшан.

Березовский прекрасно это понимал. Контроль за денежными потоками «АвтоВАЗа» интересовал его куда больше, чем скупка акций других компаний на ваучерных аукционах. Он знал, что приватизация - это не просто покупка акций на рынке. Вскоре он довёл до совершенства искусство «виртуальной приватизации» - как взять под свой контроль компании, где акций у него совсем немного.

Конечно же, Березовский не мог пройти мимо такой возможности, как ваучерная приватизация, хоть как-то ею не воспользоваться. Характерно, что выбранные им ходы оказались не шаблонными. Березовский понял, что ваучерная программа закладывает основу рынка ценных бумаг в России, и одним из первых довольно быстро сообразил, как делать деньги на этом рынке. План его свёлся к следующему: запустить инвестиционный фонд и собирать средства рядовых инвесторов.

Первые российские фондовые биржи были весьма примитивными. Они не

торговали акциями российских предприятий; как правило, они располагали лишь одной ликвидной ценной бумагой: приватизационный ваучер. В начале 1994 года я вместе с Сергеем Андреевым, агентом российской брокерской фирмы «Грант», оказался на Российской товарно-сырьевой бирже. Задача Андреева заключалась в том, чтобы приобрести 10 000 ваучеров для CS First Boston. Биржа работала по принципу «товар утром, ваучеры вечером» и напоминала оживлённый вокзал. В углу даже торговали мороженым. С сумками и чемоданами сновали группки плохо одетых людей. Это были коммерсанты, приехавшие издалека с чемоданами, набитыми ваучерами; они ждали возможности заключить выгодную сделку, подсчитать деньги и уехать с чемоданами наличности.

Андреев тогда отметил для себя, каковы цены на операции с ваучерами, вывешенные на табло. Он сказал, что будет отталкиваться от этих цен, но ваучеры у кого-нибудь из продавцов купит неофициально - чтобы не платить бирже комиссионные. Цена ваучера в тот момент колебалась где-то на уровне 20 000 рублей. «Многовато, - сказал Андреев. - Народ тут в основном из провинции, продать свои ваучеры им надо позарез. Вчера они держались, наверное, продержатся и сегодня, но до конца недели им придётся сдаться».

На бирже нас сопровождал коренастый мужчина, Александр Фоменко, в прошлом сотрудник КГБ, а ныне охранник фирмы «Грант». Пока мы выжидали, Фоменко рассказал об одной истории, случившейся в 1993 году: несколько директоров из сибирской торговой компании приехали на биржу с чемоданом ваучеров, которые и продали за 150 000 долларов наличными. Едва они покинули территорию биржи, их ограбили.

Ограбленными оказалось и большинство инвесторов, хотя их не грабили под дулом пистолета. Если российские граждане не желали продавать свои ваучеры на улице за 7 долларов, выбор у них, как правило, был невелик - ваучеры можно было инвестировать в один из чековых инвестиционных фондов. Некоторые фонды, как Первый ваучерный инвестиционный фонд Харшана или Московский фонд недвижимости, действовали сравнительно легально, но дивиденды инвесторам давали ничтожные - о том, чтобы компенсировать последствия инфляции, говорить не приходилось.

Менеджеры инвестиционных фондов, как правило, действовали неэтично. Когда инвестиционный фонд осуществлял выгодную покупку на одном из ваучерных аукционов, акционеры фонда могли считать, что им повезло, если они получали полную стоимость инвестиции в денежном выражении. По стандартной схеме происходило следующее: на одном из ваучерных аукционов инвестиционный фонд приобретал у компании пакет акций. Через несколько месяцев к фонду обращался покупатель, готовый заплатить в двадцать раз больше покупной цены. Тогда фонд продавал акции вдвое выше покупной цены - но компании, которая принадлежала «друзьям» менеджеров фонда; эта компания, в свою очередь, продавала пакет акций конечному покупателю в десять раз дороже, чем только что заплатила сама. «Это типичная поганка - инвестиционные фонды подсовывают её постоянно», - заметил Андрей Орехов, генеральный директор брокерской фирмы «Грант».

Самую крупную пирамиду построила «МММ», первоначально торговая компания, которую в 1989 году основали три брата Мавроди. Они неплохо заточили зубки на выгодной торговле товарами широкого потребления. К 1992

году «МММ» уже владели двадцатью компаниями, включая торговый дом, с которого всё началось, банк и брокерскую фирму.

Мне хотелось встретиться с главой фирмы - тридцатисемилетним Сергеем Мавроди. Но взять интервью удалось только у его младшего брата, Вячеслава, тогда ему был тридцать один год. Компания «МММ» находилась на окраине Москвы, от центра нужно было добираться час. Пришлось ехать мимо одряхлевших многоэтажек, пересекать железнодорожные пути, пробираться через какие-то складские территории, и вот мы у цели: четырёхэтажное здание, похожее на школьное.

Вячеслава Мавроди я застал во взвинченном состоянии. За два месяца до этого (30 января 1992 года) на компанию «наехала» налоговая инспекция, она явилась в сопровождении двадцати вооружённых милиционеров. «Ордера не показали, обвинений не предъявили, - сказал мне Мавроди, дрожа от негодования. - Забрали всю нашу документацию. Теперь налоговики говорят, что ведут обычное расследование, проверяют, все ли налоги у нас уплачены».

Видимо, давление на компанию продолжалось. В середине нашей беседы Мавроди кто-то позвонил. Это оказался его брат, Сергей. «Да, сегодня меня сопровождал обычный почётный караул, - пожаловался Вячеслав Мавроди брату. - От дома до конторы».

Запугав компанию, чиновники загадочным образом оставили «МММ» в покое, и братьям было разрешено организовать крупнейший в стране взаимный фонд. Они привлекли сбережения миллионов рядовых граждан России, обещав взамен до 3000 процентов в рублях. Схема оказалась классической пирамидой - деньги, приходившие последними, шли на выплаты более ранним инвесторам. Российское правительство никак в эту деятельность «МММ» не вмешивалось, и тем более её не запретило. Летом 1994 года пирамида «МММ» рухнула.

Полгода спустя мне удалось встретиться с некоторыми из тех, кто оказался погребённым под развалинами этой пирамиды. Стояли колючие холода, какие в России не редкость, - если долго находиться на улице, холод с земли проникает в подошвы обуви, вымораживает сначала ноги, а потом и все остальные части тела. На «частнике» я поехал в направлении унылой московской окраины. Там нашёл большое безжизненное здание, угловую часть которого занимал районный филиал «МММ». На дверях висел замок. У входа собралось человек пятьдесят среднего и пожилого возраста - небольшая демонстрация. Неужели народ решил восстать против обмана и коррупции? Нет. Как выяснилось, у протестующих не было чёткой цели.

«Мавроди - мошенник, и правительство должно заставить его вернуть нам деньги», - сказал мне некий пожилой человек.

«Мавроди ни при чём, - вмешалась бабушка. - Это само правительство его потопило».

Российские власти арестовали Сергея Мавроди и поместили в тюрьму за неуплату налогов, но через два месяца выпустили, а в 1994 году он в ходе довыборов был избран в парламент и получил депутатскую неприкосновенность.

Да, так обстояли дела в России тех лет - не было ясно, кого винить: то ли правительство, то ли финансистов-махинаторов. Зато было ясно, кто остаётся крайним: рядовые россияне.

Помимо «МММ», наиболее знаменитой схемой по выуживанию денег у россиян

в 1993-1994 годах стала некая «АВВА». Эта структура была выпестована Березовским. Идея заключалась в том, чтобы создать совместное предприятие между «АвтоВАЗом» и «Дженерал моторс» - и построить в Тольятти сборочную линию для производства нового российского автомобиля. Производство предполагалось начать в 1996 году (год президентских выборов), выпуск - 300 000 машин в год. По оптимистическим оценкам проект стоил 800 миллионов долларов, из которых 300 миллионов должно было прийти с рынка ценных бумаг. «АВВА», как утверждала реклама, оснастит Россию новым «народным автомобилем». Подобно другим «народным автомобилям», например «жучок-фольксваген», ставший символом немецкого экономического чуда после Второй мировой войны, - «АВВА» должна была стать первой ласточкой экономического возрождения России. Это будет первый в демократической России крупный промышленный проект, работающий на деньги граждан. Помимо этого, он вдохнёт новую жизнь в автопромышленность страны - ключевую отрасль российской экономики, от которой во многом зависит благосостояние населения всей страны.

Даже по российским стандартам взлёт и падение «АВВА» стали явлением поразительным. Начало кампании в октябре 1993 года сопровождалось грандиозной рекламой. Прошло всего несколько недель после того, как президент Ельцин танковой атакой выкурил своих политических противников из Белого дома, примерно в это же время он принял предложение Березовского о публикации своих мемуаров. И вот теперь он подписал документ, по которому проект «АВВА» получал серьёзные налоговые льготы, освобождался от таможенных пошлин. Banque Nationale de Parts предлагал кредитную линию на 150 миллионов долларов. «АвтоВАЗ», «Дженерал Моторс» и «АВВА» подписали протокол о намерениях по поводу строительства новой сборочной линии в Тольятти.

Проект «АВВА» сделал Березовского известным государственным деятелем и промышленником. Крупные инвестиции в важнейший для страны сектор экономики - автопромышленность, - совместное предприятие с «Дженерал Моторс», новый метод финансирования промышленности (частные инвестиции и рынки капитала) - «АВВА» олицетворяла приход новой, динамичной эры. И генеральный директор «АВВА», Березовский, смотрелся, как человек, работающий на будущее России. «Если Россия не хочет стать страной третьего мира, она должна создать мощную промышленную базу, - декларировал он. - Если Россия хочет сохранить свою экономическую и политическую самостоятельность, она обязана развивать промышленный потенциал».

В декабре «АВВА» начала продавать свои ценные бумаги населению. Поначалу это были депозитные сертификаты, стоили они по 7 долларов (10 000 рублей) и были доступны даже самым малоимущим россиянам. Сертификатами торговали люди с чемоданами в метро и на улице, а рядом шла покупка приватизационных ваучеров (которые, по забавному совпадению, стоили те же 10 000 рублей). Сертификаты «АВВА» были бессрочными - как только новый автозавод будет построен, их будет можно обменять на наличные деньги или на акции. Держатели сертификатов смогут участвовать в лотерее, призами в которой будут тысячи новых «вазовских» машин (стоимость примерно 7000 долларов) - со скидкой от 30 до 100 процентов.

Рекламная кампания сделала своё дело - народ поверил, что завод будет построен, все жаждали поучаствовать в автомобильной лотерее. Десятки тысяч россиян купили сертификаты «АВВА» на общую сумму 50 миллионов долларов. В начале 1994 года на основных российских биржах эти сертификаты шли очень

бойко - наряду с приватизационными ваучерами, сертификаты «АВВА» были самой ликвидной в стране ценной бумагой.

Но несколько месяцев спустя «Дженерал Моторс» из проекта «АВВА» вышел - испугался коррупции на «АвтоВАЗе». Помимо Banque Nationale de Paris и 50 миллионов долларов, инвестированных российскими гражданами, никакого финансирования не поступало. Имевшихся средств не хватало даже для того, чтобы начать строительство. На первой лотерее «АВВА» было предложено всего 650 автомобилей «АвтоВАЗа». Инвесторы начали подозревать, что «АВВА» - очередное надувательство. К осени 1994 года сертификаты потеряли почти всю свою стоимость на рынке.

Весной 1995 года президент «АвтоВАЗа» Владимир Каданников признал в прессе: «АВВА» не удалось собрать необходимой суммы для того, чтобы строить новую сборочную линию. Есть смысл использовать средства «АВВА» для других, более скромных инвестиционных проектов «АвтоВАЗа». Народный автомобиль приказал долго жить.

В начале 1999 года я спросил о судьбе «АВВА» Рене Кюпперса, генерального директора швейцарской финансовой компании «Forus» и одного из акционеров-учредителей «АВВА». В ответ он презрительно фыркнул. «Понятия не имею, чем они сейчас занимаются. Это была неудачная инвестиция, деньги пришлось списать целиком и полностью».

К истории с «АВВА» следует сделать одно примечание. В конце 1996 года «АвтоВАЗ» объявил: способ использовать имеющиеся средства на строительство нового автомобиля всё-таки найден. Было решено создать совместное предприятие между «АвтоВАЗом», «АВВА», «Дженерал Моторс» и финской производственной компанией «Valmet» и производить в Финляндии 30 000 машин «Опель Астра» в год (десятая часть объёма, первоначально запланированного «АВВА»). Базовая инвестиция составила чуть более 100 миллионов долларов, Россия внесла наличные, а финны простили России часть государственного долга. В начале 1997 года министр внешних экономических связей Олег Давыдов и премьер-министр Виктор Черномырдин проверили качество первых машин, сошедших с конвейера «АВВА»-«Valmet». «Я был с Черномырдиным, - вспоминает Давыдов. - Они ему показали этот автомобиль. Он сел, проехался, и они ему автомобиль подарили. Но (проект «АВВА» в Финляндии) лопнул. Там ничего не производится. Всё закончено».

Березовский периодически заверял российскую общественность: «АВВА» жива и здравствует. В июне 1996 года в интервью газете «Сегодня» он заявлял: деньги, вложенные в «АВВА», - в целости и сохранности. Активы якобы даже выросли в цене и достигли 140 миллионов долларов. К сожалению, всё это никак не отразилось на благосостоянии инвесторов «АВВА» (своих денег они так и не получили) и «АвтоВАЗа» (серьёзных инвестиций от этой программы «АвтоВАЗ» тоже не дождался).

Но сам Березовский в истории с «АВВА» очень преуспел. По меньшей мере, это был показной инвестиционный проект, благодаря которому Березовский стал ещё лучше контролировать свою дойную корову - «АвтоВАЗ». Часть денег «АВВА» пошла на то, чтобы приобрести 34 процента акций «АвтоВАЗа» (связанной с Березовским финансовой компании АФК принадлежало ещё 19 процентов, а другими 10 процентами владела пирамида МММ). Автогигант перешёл в собственность своего руководства - Каданникова, Глушкова и прочих из клики

«ЛогоВАЗа». Все компании, через которые Березовский вёл свой автодилерский бизнес - «АвтоВАЗ», «АвтоВАЗ-банк», АФК, «АВВА» и «ЛогоВАЗ» - сплелись теперь в паутину взаимосвязанных акционерно-собственнических отношений. В центре находился Березовский.

Инвестиционная схема «АВВА» дала Березовскому беспроцентную ссуду минимум в 50 миллионов долларов - на выплату зарплат, оплату аренды помещений, гонорары службе безопасности. Когда через год «АВВА» начала распадаться, в Кремле никто и не вспомнил об обещаниях, которыми бросался Березовский во время рекламной шумихи. Он уже поднялся на новый уровень, ворочал делами покрупнее. И его контакты с президентом Ельциным только закалились и окрепли.

Как бизнесмен-фаворит семьи Ельцина, Березовский попал под крыло шефа Службы безопасности Президента, генерала Коржакова. Чтобы завоевать расположение Коржакова, автокоммерсант оказывал услуги и ему, например предлагал сотрудникам СБП приобрести машины «АвтоВАЗа» по полцены (3000 или 4000 долларов). В 1994 и 1995 годах, когда ещё звучало эхо великих бандитских разборок и по России полным ходом шла приватизация, генерал Коржаков приходил на помощь Березовскому, преданно оберегая магната от конкурентов и обеспечивая ему политическую поддержку при покупке государственной собственности. Он помог спустить на тормозах милицейское расследование, когда на Березовского пало подозрение в убийстве известного тележурналиста Влада Листьева. В конце 1994 года Коржаков послал своих людей приструнить Службу безопасности главного конкурента Березовского - Владимира Гусинского. Этот эпизод, известный в народе, как «Мордой в снег!», потряс всю Москву.

Глава 5. Убийство Листьева

«Самое яркое проявление коррупции в России»

Уже в конце 80-х стало ясно, что в основе нарождавшейся в России рыночной экономики лежал простой принцип: коммерческий успех зависит от политического влияния. При хороших политических связях ничего не стоило сделать фантастическое состояние. Без связей провал почти неминуем. По мере развития рынка в России это правило знало всё меньше исключений. Вскоре практически каждый крупный бизнесмен был вынужден завести себе «крышу». Для мелкого предпринимателя «крышей» чаще всего становилась протекция местного бандитского авторитета; у более крупных предпринимателей роль «крыши» выполняли высшие государственные чиновники.

Когда Березовский опубликовал мемуары Ельцина и вошёл в ближний круг президента, его карьера поднялась на новый уровень. Но это вряд ли обеспечило ему долгосрочную политическую поддержку. Его «акт благотворительности» скоро забыли бы. Требовалось средство, которое обеспечивало бы ему благодарность Кремля постоянно; надо было найти путь, ступив на который он одержал бы верх над своими политическими покровителями. И Березовский решил взять под контроль основное орудие формирования общественного мнения: телевидение.

Его выбор пал на государственный первый канал. Этот канал представлял собой чрезвычайно мощную структуру - его аудиторию составляли 180 миллионов зрителей в России и за её пределами. Миллионы людей смотрели новости и

аналитические программы только на первом канале. Но мощь телекомпании определялась не только географическими границами. В течение десятилетий первый канал был рупором официальной линии партии - фактически он диктовал населению не только то, о чём думать, но и как жить.

В первые годы ельцинского правления первый канал терял сотни миллионов долларов в год. На канале процветал подкуп руководителей, от которых зависело, какой фирме дать эфирное время, а какой отказать. Бизнесмены и политики могли дать взятку телевизионному продюсеру, чтобы тот пустил в эфир псевдодокументальную программу, которая либо восхваляла их, либо смешивала с грязью их противников. На канале шло массовое разворовывание государственных средств. По счетам первого канала платило государство; эксплуатационные расходы, передача сигнала, зарплата, подготовка большинства программ - всё это стоило около 250 миллионов долларов ежегодно. Телекомпания получала доходы от рекламы - примерно 80 миллионов долларов в год, но только небольшая часть этих денег оставалось в самой компании. Их забирали себе либо телевизионные продюсеры, которые вели вещание на канале, либо рекламные оптовики. Таким образом, деньги обнищавших российских налогоплательщиков шли на накопление состояний частных лиц.

«По существу, всё, что происходило на первом канале, было как бы самым ярким проявлением коррупции в России, - позже вспоминал Березовский. - Было создано много-много разных малых акционерных обществ, которые выкупали какие-то кусочки времени. Вот, значит, с одной стороны, есть бюджетные деньги - 250 миллионов долларов. За счёт этого осуществляется распространение сигнала, осуществляется производство программ. С другой стороны, есть частные компании, которые… за счёт бюджетных денег производят программный продукт, передачи, получают деньги за рекламу».

Рекламой на первом канале заправлял Сергей Лисовский, тридцатишестилетний предприниматель, который в своё время крупно заработал на организации сети московских дискотек. Самая раскрученная дискотека Лисовского «У Лис’са», частично принадлежала Отарику, предпринимателю-мафиозо, убитому позже во времена великой бандитской войны. Именно здесь в апреле 1993 года из снайперской винтовки застрелили вора в законе Глобуса, что и послужило началом этой войны. Планы Лисовского простирались намного дальше сети дискотек, и он занялся издательским делом, продажей видеокассет, создал кино-, теле- и рекламную компании. Дойной коровой Лисовского стала рекламная фирма «Премьер С.В.». К концу 1994 года «Премьер С.В.» контролировала более половины телевизионного рекламного бизнеса в России, продавая эфирное рекламное время первого, пятого и шестого каналов.

По информации из московского РУОПа, один из акционеров-учредителей «Премьер С.В.» был ранее арестован по обвинению в вымогательстве. Двоих сотрудников, занимавшихся графикой и дизайном, убили. Вице-президентом «Премьер С.В.» по финансам был Александр Аверин. Известный в преступном мире под кличкой «Авера младший», он был младшим братом Виктора Аверина: «Аверы старшего» - правой руки главаря солнцевской братвы Михася.

С такими людьми предстояло иметь дело Березовскому, чтобы прорваться в рекламный бизнес на первом канале. К концу 1993 года он основал две дочерние компании - «ЛогоВАЗ-реклама» и «ЛогоВАЗ-пресс», но его первые попытки создать свою нишу на рынке СМИ не привели к большому успеху. Однако летом 1994 года, когда его политическое влияние в Кремле выросло, перед Березовским открылись

новые перспективы. Основную работу взял на себя его верный партнёр по «ЛогоВАЗу» Бадри Патаркацишвили, по сведениям милиции, именно он осуществлял связи Березовского с российскими преступными группировками.

В июне или июле, в самый разгар мафиозных разборок, когда Березовский приходил в себя за границей после неудавшегося покушения на его жизнь, а Бадри вёл дела в России, «ЛогоВАЗ» получил доступ на рекламный рынок первого канала. Несмотря на кровопролитные схватки «ЛогоВАЗа» с бандитами, связанными с солнцевской группировкой во время великой бандитской войны, например с Сильвестром и Игорем Овчинниковым, «ЛогоВАЗ» подписал соглашение с рекламным магнатом Сергеем Лисовским, у которого с солнцевскими были свои связи. К этому времени Лисовский объединил крупнейшие рекламные подразделения первого канала в компанию под названием «Реклама-холдинг», дабы монополизировать продажу рекламного времени на канале. Детище Березовского «ЛогоВАЗ-реклама» вошло в состав «Рекламы-холдинга» на правах одного из акционеров-учредителей (Лисовский, генеральный директор холдинга, владел 49 процентами акций).

Задача холдинга заключалась в том, чтобы вытеснить с рекламного рынка независимые продюсерские компании (раньше первый канал разрешал продюсерским компаниям ставить свои программы в сетку бесплатно и претендовать на приличную часть выручки от рекламы). Предполагалось, что канал будет программы покупать, но получать деньги за рекламу, а эфирное время рекламодателям (за комиссионные) будет продавать «Реклама-холдинг». В эту схему изначально закладывались многочисленные конфликты интересов и возможности прикарманивать деньги. «ЛогоВАЗу» Березовскому, например, принадлежала и рекламная компания, которая покупала эфирное время у «Рекламы-холдинга», и акции самого холдинга. Положение Лисовского было ещё более двойственным. Он контролировал «Рекламу-холдинг», покупал у него эфирное время и был крупнейшим поставщиком программ для канала. Такое противоречие давало возможность переводить выручку со счетов телекомпании на счета посреднических фирм.

Однако Березовского не устраивал только кусочек рекламного бизнеса на первом канале. Он хотел контролировать весь канал. «Я не предполагал, что можно быстро (на ОРТ) зарабатывать, - сказал он мне в 1996 году. - Я считал ОРТ важным инструментом политического влияния. Все последующие события - особенно президентские выборы - продемонстрировали правильность моего подхода».

В конце лета 1994 года, практически «пропустив» ваучерную приватизацию, Березовский через генерала Коржакова и других приближённых взялся лоббировать президента Ельцина по поводу приватизации первого канала. Он говорил, что до президентских выборов 1996 года осталось меньше двух лет и первый канал может стать основным оружием в президентской кампании. Он обещал, что первый будет «президентским каналом».

«План Березовского, который он неоднократно излагал, - позднее вспоминал Коржаков, - заключался в том, чтобы оставить государству контрольный пакет акций канала, а остальные 49 процентов отдать лояльным к президенту инвесторам. Он уверял, что только таким образом канал сможет обрести финансовую независимость, но в то же время президент сможет его контролировать».

30 ноября 1994 года президент Ельцин подписал указ о приватизации первого канала. Новая компания стала называться ОРТ (Общественное российское телевидение).

Противник

То, что Березовский осознал власть телевидения в 1994 году, говорит о его способности видеть дальше других. Но был один человек, который понял важность телевидения раньше него, - Владимир Гусинский. Видный бизнесмен, Гусинский основал «Мост-банк», один из крупнейших в Москве, и НТВ, первый независимый телеканал в России. Березовский видел в Гусинском своего главного противника. Истоки этой непримиримой вражды неясны. В одном интервью Гусинский сказал, что её начало приходится на зиму 1993-1994 года. Есть версия, что яблоком раздора стал «Аэрофлот»: и «Мост-банк» Гусинского, и «АвтоВАЗ-банк» Березовского стремились обслуживать его счета. Некоторые считают, что истоки вражды кроются в бизнесе по продаже автомобилей - в соперничестве между «ЛогоВАЗом» и бизнесменами, связанными с московским правительством. Есть также мнение, что в основе конфликта между ними - телевидение. «Когда появилось НТВ, Березовский не жалел сил, чтобы закрыть телекомпанию», - вспоминает Коржаков.

Во многих отношениях эти два человека были зеркальным отражением друг друга. Складывается впечатление, что в профессиональном плане именно Березовский подражал Гусинскому. В 1989 году Гусинский основал совместное предприятие с американской фирмой - вскоре Березовский создаёт совместное предприятие с итальянцами. В 1991 году Гусинский основал банк - Березовский делает то же самое. Когда банк Гусинского начал обслуживать счета «Аэрофлота», Березовский также вступил в финансовые отношения с «Аэрофлотом». Стоило Гусинскому запустить одну из ведущих российских газет, Березовский тоже купил газету. Когда Гусинский основал НТВ, Березовский решил, что ему тоже нужна телекомпания.

В отличие от Березовского, который предпочитал покупать существующие компании, Владимир Гусинский создавал компании с нуля. Оставив в стороне вопрос об источнике его богатства, необходимо признать, что он создал банковскую сеть, построил здания, основал газеты и журналы, создал телекомпанию. В отличие от Березовского, Гусинский может претендовать на сравнительно конструктивную роль в российской экономике.

Прошлое Гусинского покрыто мраком. В его официальной биографии написано, что он родился в 1952 году в еврейской семье в Москве. В 70-е годы он зарабатывал деньги мелкими операциями на чёрном рынке и частным извозом. В 80-е он сотрудничал с властями, занимаясь организацией театральных фестивалей для комсомола. В 1986 году ВЛКСМ предложил ему стать директором культурной программы Игр доброй воли в Москве (аналог Олимпийских игр, организованный американским телемагнатом Тедом Тернером). На этих Играх Гусинский познакомился с влиятельными людьми в американском деловом мире и в 1989 году убедил руководство филиала американской юридической фирмы «Arnold & Porter» создать совместное предприятие под названием «Мост». Это совместное предприятие по оказанию консультационных услуг американским компаниям, работавшим в Советском Союзе, просуществовало недолго. Вскоре Гусинский бросил своих американских партнёров и перерегистрировал «Мост» в качестве банка и холдинговой компании.

Покровителем Гусинского был московский мэр Юрий Лужков, жёсткий политический руководитель, выходец из советской эпохи. Гусинский познакомился с Лужковым в конце 80-х, когда начал заниматься продажей одежды и ювелирных украшений, «импортом компьютеров» и «производством строительных материалов».

«(Лужков) тогда отвечал за кооперацию в Москве, - вспоминал Гусинский. - Все кооператоры Москвы знали: если что надо - приходи к Лужкову, а звонить необязательно».

Заручиться поддержкой Лужкова - это дорогого стоило. Он был компетентным градоначальником. Себя он любил называть хозяйственником. В отличие от многих российских хозяйственников, он легко ориентировался в бизнес-планах, денежных потоках и экономической статистике; он не пил и не курил - ещё одна редкость в России. В отличие от ельцинских молодых реформаторов, задаром раздавших немалую часть государственных промышленных предприятий, Лужков не спешил расставаться с городской собственностью и продавал её за хорошие деньги. Например, московский бюджет получал более одного миллиарда долларов ежегодно от сдачи в аренду и продажи недвижимости - в десять раз больше, чем российское правительство получало от своей собственности по всей стране. За 90-е годы город приобрёл два больших автомобильных завода, нефтяную компанию, городскую телефонную сеть и электростанции, телекомпанию, один из московских аэропортов, сеть ресторанов быстрого питания, часть московской сети ресторанов «Макдоналдс», десятки отелей, сотни магазинов и ресторанов. В отличие от правительства Ельцина, на счету которого были многочисленные провалы, московское правительство Лужкова работало конструктивно и успешно. Город выполнял свои обязательства в социальной сфере. Плата за коммунальные услуги, транспорт и жильё поддерживалась на низком уровне; пенсии выплачивались в срок. Дороги содержались в сносном состоянии. Поезда в метро ходили по расписанию. Каждый год строились новые дома, школы и больницы.

В стране, где всё рушилось, Москва была оазисом процветания и успеха. В стратегию Лужкова не входила борьба с организованной преступностью (у него не было необходимых ресурсов), и он поставил задачу обложить её налогом. Он руководил городом, где расплодились казино, правила бал коррупция, а бандиты расстреливали друг друга, но ему удалось привлечь к осуществлению городских проектов даже самые теневые структуры. Он нашёл около 350 миллионов долларов на строительство роскошного подземного торгового комплекса на Манежной площади, ещё 100 миллионов на реконструкцию футбольного стадиона в Лужниках, более 100 миллионов на расширение Кольцевой автодороги и примерно один миллиард долларов на восстановление гигантского храма Христа Спасителя. Одним их самых крупных достижений Лужкова стала реставрация исторического центра города. Дореволюционная архитектура Москвы при Советской власти пришла в упадок; при Лужкове здания быстро обновлялись. Церкви, которые в советское время использовались под склады и офисы, были восстановлены и заново освящены. Москва переживала строительный бум. Росли здания деловых центров; повсюду маячили строительные краны.

Поддержка Лужкова позволила Гусинскому превратить группу «Мост» в одну из крупнейших корпораций в стране. «Мост-банк» одним из первых в России создал сеть филиалов, обслуживающих мелких вкладчиков. Ключом к его успеху был доступ к деньгам Московского правительства. Кроме банка, в группу «Мост» вошли информационные компании, страховая, торговая, строительная, охранное

агентство, заводы по производству строительных материалов.

Западные журналисты дивились богатству Гусинского - они писали о его БМВ, бронированном «мерседесе», личном самолёте, квартире в районе Челси в Лондоне, виллах в Португалии и Испании, о его детях в швейцарских интернатах и щедром финансировании российских политиков.

Возможно, ещё больше, чем богатство Гусинского, поражала его служба безопасности. Все крупные российские компании имели отвечавшие современным требованиям службы безопасности, но служба «Моста» насчитывала примерно тысячу человек, а то и больше. По некоторым оценкам это было одно их самых крупных вооружённых формирований в российской столице (после армии и милиции). Более того, служба безопасности «Моста» располагала превосходными возможностями по сбору информации - в ней работали высококлассные специалисты по наблюдению и дезинформации, ранее служившие в КГБ.

Одним из начальников этой частной армии был генерал Филипп Бобков, бывший первый заместитель председателя КГБ. Когда в апреле 1995 года известный российско-американский политолог Димитри Саймс обрушился в Вашингтоне на Гусинского за то, что в группе «Мост» работает Бобков и другие в прошлом высокопоставленные сотрудники КГБ, Гусинский ответил: «Мы, не задумываясь, возьмём на работу самого чёрта, если он гарантирует нам безопасность».

Позже Гусинский рассказывал американскому корреспонденту о бывших офицерах КГБ, работающих на него: «Этих людей можно сравнить с высококлассными автомобилями. Они поедут туда, куда их поведут. Они - профессионалы, а не политики... Бобков - как хороший автомобиль. Куда поедет этот автомобиль, зависит от того, кто сидит за рулём».

Гусинский стремился стать российским Рупертом Мердоком. К концу 1994 года он основал газету «Сегодня», совместно с журналом «Newsweek» стал выпускать еженедельник «Итоги», подготовил журнал о телевидении «7 дней», запустил самую влиятельную радиостанцию в стране - «Эхо Москвы».

Центром его информационной империи стало НТВ, независимая телекомпания, созданная осенью 1993 года специальным указом президента Ельцина. Гусинский переманил с государственного первого канала лучших тележурналистов, например Евгения Киселёва, который быстро стал самым влиятельным телеведущим в стране. Перспектива более высокой зарплаты и возможность приобрести акции компании стимулировали продюсеров первого канала к переходу на НТВ. Результат превзошёл все ожидания. НТВ сразу поднялось на голову выше всех российских телеканалов - по крайней мере, в чисто техническом смысле. Несмотря на то, что на НТВ показывали много порнографии, ужасов и крови (даже по американским стандартам), почти все признавали высокое техническое качество её передач.

Создание НТВ встретило противодействие известных российских продюсерских компаний - их руководители завидовали особой благосклонности, какую снискал новый канал. Этим продюсерам во главе с союзницей Березовского Ириной Лесневской удалось приостановить исполнение указа Ельцина о создании НТВ в конце 1993 года. Из лагеря Гусинского немедленно последовал ответ. По словам Лесневской, в тот самый день, когда указ положили под сукно, ей позвонил Игорь Малашенко, директор НТВ.

«Это ты сделала?» - спросил Малашенко.

«Не знаю, я или не я, но руку к этому приложила», - ответила Лесневская.

«Тебя хочет видеть Гусинский».

«Я знаю его, - сказала Лесневская. - Если он хочет, пусть приезжает на REN-TV».

Тогда Гусинский снял трубку, вспоминает Лесневская, и «очень вежливо, почти ласково» сказал, что не может к ней приехать, и пригласил её и руководителей других независимых телепродюсерских компаний приехать к нему. Лесневская, её сын Дмитрий (тоже телевизионный продюсер) и ещё трое поехали к Гусинскому.

«В течение сорока минут, бегая по комнате, визжа и крича Гусинский кричал, что одну бабу просчитал», - утверждает Лесневская. - ...полгода я пробивал этот указ (о создании НТВ) и вот указ остановлен.

Он запугивал нас, оскорблял, говорил мне (Лесневской): «Что может быть важнее для матери, - у вас один сын - чтоб сын был живой и здоровый, а ведь на сто первом километре постоянно что-то случается: случайно может задеть машина, перевернуться, сгореть...»

Лесневская говорит, что она и другие продюсеры перестали сопротивляться созданию НТВ; президентский указ вскоре вступил в силу.

Однажды Гусинский рассказал журналисту, что заставляет его двигаться вперёд на такой головокружительной скорости. «В России есть бродячий цирк, один из его главных номеров - белка в колесе из металлической решётки, - объяснял Гусинский. - Я как эта белка - бегу без остановки. Она думает, что это она крутит колесо, но всё наоборот: колесо крутит белку. Если она попытается остановиться - лапки застрянут между прутьев и их переломает».

«Мордой в снег!»

В конце лета 1994 года, вернувшись после лечения из Швейцарии, Березовский поехал на встречу с генералом Коржаковым в Кремль - обсудить вопросы безопасности. Хотя Березовский это отрицает, Коржаков говорит, что на этой встрече и на нескольких последующих магнат пытался убедить его организовать покушение на Гусинского. «Он настаивал, что Гусинский - враг президента и представляет для Ельцина смертельную опасность, - вспоминал позднее Коржаков. - Березовский часто говорил: «Александр Васильевич, что бы мы ни делали, сколько бы ни работали, пока существуют эти люди, все наши усилия напрасны»».

Коржаков говорит, что доказательством кровожадной натуры Гусинского Березовский считал взрыв машины, в котором он едва не погиб. Идею подал Гусинский, а исполнителем была «мразь», правившая Москвой - так якобы заявлял Березовский.

Отвечая на это обвинение в прессе, Гусинский сказал одной московской газете: «Именно я и охрана «Моста» эвакуировали в ночь после покушения Березовского и его семью из Москвы, а через некоторое время я летал к ним в Швейцарию».

Однако, по словам Коржакова, Березовский стоял на своём - Гусинского надо убить. Я спросил шефа Службы безопасности, какими словами Березовский сформулировал эту просьбу. «Березовский употреблял специальную

терминологию, - говорит Коржаков. - Вместо слова «убить» предпочитал «кончить». Слово из бандитского лексикона».

Если Березовский действительно просил генерала Коржакова убить Гусинского, почему шеф Службы безопасности не арестовал его по обвинению в покушении на убийство? Возможно, в начале ельцинской эпохи не было принято заявлять во всеуслышание о том, что один бизнесмен просит государственного чиновника организовать покушение на другого. Возможно, в то время презрение к верховенству закона в России было так велико, что вопрос состоял не в том, просил Березовский организовать покушение или нет, а в том, выполнит ли эту просьбу начальник СБП. Как бы то ни было, Коржаков говорит, что вся эта история была ему омерзительна. «Березовский считал, что СБП для того и создана, чтобы «убирать» неугодных Березовскому людей, - говорил Коржаков. - С этого момента я обрёл стойкое убеждение, что Борис Абрамович психически неадекватен, и уже наблюдал за ним, как врач за пациентом».

Коржаков утверждает, что даже сочувствовал Березовскому. Шеф Службы безопасности явно считал суетливого финансиста слабаком, который нуждается в защите. «Этот человек никогда не служил в армии, никогда не занимался спортом. Я просто понимал, что человек находится под впечатлением взрыва у «ЛогоВАЗа» в 1994 году и он, естественно был не в себе. Когда ты видишь человека, водителя, без головы и изуродованного охранника, и сам еле-еле выпутался. Для него это был шок».

По словам Коржакова, как только Березовский понял, что его просьбу оставят без внимания, он решил действовать через Татьяну Дьяченко, минуя Коржакова. Березовский убеждал любимую дочь и ближайшего советника Ельцина в том, что Гусинский - кровожадный мафиозо и заклятый враг правительства.

Ни Гусинский, ни его покровитель Юрий Лужков не выступали открыто против ельцинского режима. Понимая, что его успехи в Москве - своего рода пощёчина ельцинским некомпетентным министрам, Лужков не бросал прямого вызова Ельцину. Мэр начал свою политическую карьеру под покровительством Ельцина, и их связывала личная дружба. В октябре 1993 года, когда он мог бы изменить расстановку сил не в пользу Ельцина, Лужков твёрдо оставался на стороне президента России. И всё же Москва была единственным политическим субъектом, который, по крайней мере, частично, не зависел от Кремля, как и НТВ Гусинского не зависело от государственной политики в области СМИ. Уже в этом для Ельцина таилась угроза.

Генерал Коржаков говорит, что поздней осенью 1994 года он стал замечать, что лоббистские усилия Березовского в отношении дочери Ельцина принесли плоды. Президента удалось настроить против Гусинского.

«Как-то за обедом, - вспоминает Коржаков, - обращаясь ко мне и Барсукову, президент повысил голос: «Почему вы не можете справиться с каким-то Гусинским? Что он вытворяет? Почему везде разъезжает?! На него все жалуются, и семья тоже. Сколько раз случалось, что Таня или Наина едут, а им перекрывают дорогу из-за этого Гусинского. Его НТВ распоясалось, ведёт себя нахально. Я вам приказываю: разоберитесь с ним».

Коржаков понял. «Эта тирада показала, что Березовский отыскал верную дорогу к ушам Ельцина», - вспоминал он некоторое время спустя. Он знал, что каждое утро Гусинский ехал из своего загородного дома на работу в центр Москвы по Успенскому шоссе. Каждое утро кортеж Гусинского - бронированный

«мерседес» банкира и ещё несколько машин с вооружёнными до зубов охранниками - нёсся по шоссе со скоростью 140 километров в час, не останавливаясь на красный свет и нередко двигаясь по встречной полосе. Поскольку Ельцин и его семья часто ездили этим же маршрутом в город, Коржаков заявил, что кортеж Гусинского представляет угрозу безопасности президента. Шеф СБП решил установить за Гусинским, как он выразился, «демонстративное дорожное наблюдение».

В пятницу, 2 декабря, через два дня после подписания указа о создании ОРТ, Гусинский выехал с дачи и направился в центр Москвы. Его кортеж состоял из «мерседеса», джипа и «форда», в которых ехала дюжина охранников и водителей. Почти сразу телохранители Гусинского заметили, что им кто-то сел на хвост.

Последовала погоня на высокой скорости. Машины Коржакова попытались вклиниться между автомобилем Гусинского и его телохранителями. Тем удалось увильнуть, и они нажали на газ. Охранники Гусинского подумали, что на них напали бандиты. Правительственных опознавательных знаков на автомобилях не было.

Наконец кортеж добрался до здания группы «Мост». Гусинский вбежал внутрь, а его телохранители остались на автостоянке. Люди из СБП окружили здание и перекрыли выходы. Из своего кабинета Гусинский позвонил в московский РУОП. Вскоре приехали крепкие парни из РУОПа, подошли к сотрудникам СБП, увидели опознавательные знаки и номера машин Российской армии и мирно уехали.

В пять часов подразделение СБП получило подкрепление. На автобусах приехали два десятка людей в масках. Они не представили никаких документов, не имели никаких знаков различия. Они были в полном боевом снаряжении, в масках, с пистолетами и автоматами. Водители и охранники Гусинского закрылись в машинах. После многочисленных угроз их вытащили из машин и бросили на землю. «Водитель бронированного «мерседеса» Гусинского закрылся в машине, - позднее вспоминал Коржаков. - На предложение выйти он ответил категорическим отказом. Тогда ему положили на крышу гранату. Он мгновенно выскочил как ошпаренный. Хотя граната была безопасной - в неё даже не вставили запал».

Охрана Гусинского потерпела поражение. Телекамеры засняли эпизод, как сотрудник СБП в маске бьёт в пах лежащего на земле охранника из СБ «Моста». Эта часть операции стала известна в народе под названием «Мордой в снег!». Сотрудники «Моста» больше часа пролежали на автостоянке, уткнувшись лицом в снег под стволами сотрудников СБП.

В отчаянии Гусинский позвонил своему другу Евгению Савостьянову, начальнику столичного управления ФСБ. Люди Коржакова прослушали этот разговор. «Женя, выручай, - передаёт слова Гусинского Коржаков. - За мной бандюки какие-то увязались. Приехали менты по моему вызову, ничего с ними не сделали, умотали. Надежда только на тебя».

Вскоре приехали сотрудники ФСБ и подошли к нападавшим. Они вели себя увереннее руоповцев - открыли стрельбу, продырявили шины автомобиля СБП; один из её сотрудников получил рукояткой пистолета по темечку. Но, как и их предшественники, сотрудники ФСБ ничего не добились. В конце концов, они развернулись и уехали, оставив СБП доводить дело до конца.

В десять вечера люди Коржакова, наконец, сняли осаду и уехали. Около десяти сотрудников «Моста» были доставлены в ближайшее отделение милиции,

где их обвинили в незаконном владении оружием; трое сотрудников «Моста» попали в больницу.

Позже Коржаков утверждал, что при обыске машин Гусинского обнаружили незарегистрированный пистолет Макарова, три помповых ружья, фальшивое удостоверение сотрудника милиции, незарегистрированную рацию, настроенную на милицейскую волну, и сканирующее устройство, позволяющее вести радиоперехват. Дальнейшее расследование показало, что все необходимые документы на оружие имелись. Филипп Бобков и другие бывшие специалисты КГБ, отвечавшие за безопасность Гусинского, были не новичками.

Москва была в шоке от случившегося. Через несколько дней «Независимая газета» Березовского напечатала свою версию событий. В статье не было ни слова о том, что за всем этим, возможно, стоял Березовский. Ссылаясь на высокие кремлёвские источники, газета писала, что приказ о нападении отдал Ельцин после того, как прочитал папку с «разведданными» о политических амбициях Гусинского. По этой информации Гусинский и его покровитель Лужков пытались с помощью интриг добиться назначения своего союзника генерала Бориса Громова на пост министра обороны; тогда уважаемый ветеран афганской войны стал бы солидной политической фигурой и смог бы участвовать в президентских выборах 1996 года.

Группа Гусинского-Лужкова была подавлена всего за несколько дней. Генерала Громова уволили с поста заместителя министра обороны; также был уволен начальник столичного управления ФСБ Евгений Савостьянов, который пришёл на помощь Гусинскому во время осады. Гусинский отправил жену и детей за границу, а вскоре и сам бежал из России. Он пробыл на Западе целых три месяца.

А Коржаков между тем хвастался в московских газетах, как он любит «охотиться на гусей».

В январе 1995 года появились слухи об ордере на арест Гусинского. Опять-таки «Независимая газета» Березовского представила ситуацию в самых мрачных красках. Опять со ссылкой на «хорошо информированные источники в Кремле» газета сообщила о подготовке скоординированной кампании против Гусинского и его покровителя Лужкова: публикации компрометирующих материалов в прессе, аресты и уголовные преследования.

В ответ на это Гусинский дал интервью журналу «Euromoney», в котором утверждал: нападение на «Мост» второго декабря было частью кампании против мэра Москвы Юрия Лужкова. Заместитель Гусинского Сергей Зверев добавил: «Я думаю, что одной из причин нападения было желание наших конкурентов дискредитировать нас».

Основным соперником Гусинского был, конечно, Березовский. Автомагнату удалось выдворить противника из страны. Лужков ушёл в тень и ослабил деловые связи с Гусинским. В православное Рождество в начале января 1995 года Лужков и премьер-министр Виктор Черномырдин продемонстрировали дружбу при закладке храма Христа Спасителя. Несколько месяцев спустя Лужков создал «Банк Москвы» и перевёл значительную часть муниципальных счетов из «Мост-банка» Гусинского в новый банк.

Но к этому времени опасность ареста висела уже не над Гусинским, а над Борисом Березовским - в связи с убийством телепродюсера Влада Листьева.

Покушение

Первоначально идея приватизации первого канала принадлежала не Борису Березовскому, а Владу Листьеву, самому популярному в России телеведущему и самому преуспевающему телепродюсеру. В одном из опросов он был назван среди тех, кто пользовался наибольшим доверием в стране - вслед за патриархом Русской православной церкви и острым на язык генералом ВДВ Лебедем. Влад Листьев получил всенародную известность благодаря телепередаче «Взгляд», которая вышла в эфир в 1988 году и быстро превратилась в арену острой и честной критики компартии. У «Взгляда» был самый высокий рейтинг в России в течение шести лет, по популярности он не уступал телеигре «Поле чудес», ещё одному детищу Листьева. Именно Листьев обратился к Березовскому с идеей помочь группе независимых телепродюсеров приватизировать первый канал. Будучи ведущим продюсером канала и автором идеи приватизации, Листьев считался естественной кандидатурой на пост руководителя новой компании.

Но по мере приближения приватизации Листьев видел: Березовский хочет безраздельно подчинить канал себе. Появились сведения, что Березовский хочет видеть на посту генерального директора другого человека. Кто-то из руководства «ЛогоВАЗа» проталкивал на эту должность союзницу Березовского - продюсера Ирину Лесневскую. Но генеральным директором был всё-таки назначен Влад Листьев, а заместителем председателя совета директоров - Березовский.

«Приватизация первого канала состоялась зимой 1995 года, - позже вспоминал генерал Коржаков. - Никаких конкурсов - ни открытых, ни закрытых - по продаже 49 процентов акций не проводилось. Березовский сам решил, кому и сколько процентов он даст».

В отдельных случаях выбор акционеров был проще простого. Некоторым частным банкам Березовский объявил: они являются акционерами ОРТ. Новых владельцев канала выбирали тайно, на основе личной договорённости. Поскольку по российскому закону приватизация должна проводиться через публичный аукцион, ОРТ с формальной точки зрения приватизировали незаконно.

Среди частных акционеров были такие влиятельные организации, как банки «Менатеп», «Столичный», «Альфа» и «Национальный кредит», а также «Газпром» и «Национальный фонд спорта». Очевидно, что выбор совладельцев был обусловлен не финансовыми возможностями инвесторов, а их связями с самим Березовским - в реестр акционеров ОРТ не попали такие российские тяжеловесы, как «Лукойл», «Онексим-банк» и «Инкомбанк».

Общий акционерный капитал ОРТ составил два миллиона долларов. Компании Березовского купили 16 процентов акций. Березовский контролировал ещё 20 процентов. Таким образом, вложив всего 320 тысяч долларов, он приобрёл контроль над самым важным российским телеканалом. Означало ли это, что он будет финансировать текущие затраты ОРТ из своего кармана? Вовсе нет. Предполагалось, что государство, имея 51 процент акций, будет продолжать делать массовые вливания в бюджет телекомпании.

Сразу после приватизации ОРТ генеральный директор Влад Листьев решил сосредоточиться на деятельности, из-за которой канал недополучал миллионы долларов: продажу рекламного времени. Он начал вести переговоры с главой «Рекламы-холдинга» Сергеем Лисовским. Рекламный магнат, по всей видимости, предложил заплатить ОРТ отступные за право распоряжаться рекламой на канале и тем самым сохранить единоличный контроль. Но переговоры затянулись.

«Накануне Нового года я уже знал, что Влада убьют, - сказал мне один из друзей и деловых партнёров Листьева. - Он связался с людьми, которые свою политику жизни стоят криминальным путём».

Двадцатого февраля 1995 года Листьев объявил: он прерывает монополию Лисовского и Березовского на рекламу и вводит временный мораторий на все виды рекламы, пока ОРТ не разработает новые «этические нормы».

«Отмена рекламы на ОРТ означала лично для Лисовского и Березовского потерю миллионных прибылей», - отмечал Коржаков.

Листьев знал, что играет с огнём. В одном из докладов сотрудник столичного РУОПа отмечал: Листьев знает, что за ним следят и, возможно, он не доживёт до лета. Из этого же доклада следует, что в конце февраля Листьев объяснял ближайшим друзьям, за что его убьют. Когда он решил покончить с монополией на рекламу, к нему явился Лисовский и потребовал возмещения ущерба в размере ста миллионов долларов, пригрозив расправой. Листьев сказал, что нашёл европейскую компанию, которая готова заплатить за право распоряжаться рекламным временем на ОРТ даже больше - 200 миллионов долларов. Листьев обратился к главному финансисту ОРТ - Борису Березовскому с просьбой провести операцию по выплате 100 миллионов долларов недовольному Лисовскому. Деньги были переведены на счёт одной из компаний Березовского. Но когда Листьев попросил Березовского разблокировать деньги, автомобильный магнат отказался. Березовский туманно пообещал выделить средства через три месяца.

Были и другие версии того, что тогда происходило на ОРТ. По сообщению аналитической службы «Онэксим-банка», запрет Листьева на рекламу на ОРТ объяснялся просто: он пытался взвинтить цену. Он добивался более выгодных предложений за право распоряжаться рекламой на ОРТ. Лисовский предложил ОРТ 100 миллионов долларов, но Листьев рассчитывал на 170.

Как позже признавал Березовский, в то время он с помощниками действительно вёл необычные переговоры с несколькими преступными группировками. Есть сведения, что в начале 1995 года столичная милиция допросила сидевшего в тюрьме бандитского авторитета. Тот заявил, что к нему обратился помощник Березовского, Бадри, и заказал убрать Листьева. Мафиозо не удалось выполнить заказ - его арестовали в ходе масштабной зачистки Москвы от криминальных элементов и бросили в тюрьму. Милиция получила сведения о том, как Березовский вёл переговоры с другим известным бандитом. 28 февраля, за день до убийства Листьева, Березовский встретился с вором в законе, по имени «Николай», и передал ему сто тысяч долларов наличными.

Ночью 1 марта после работы Листьев подъехал к своему дому. В темноте мрачного подъезда его караулил убийца. Прогремели выстрелы.

«Москвой управляет мразь»

За день до убийства Березовский в свите премьера Черномырдина, отправился в Великобританию. Когда Березовскому сообщили об убийстве, он немедленно заказал частный самолёт и прилетел в Москву. Там он присутствовал на гражданской панихиде в Останкино.

«В пятницу, когда я был на панихиде по случаю кончины Влада в Останкино, мне позвонили туда мои сотрудники и сказали, что в «ЛогоВАЗе» намечается обыск и приезд ОМОНа, - вспоминает Березовский. - Я был страшно удивлён».

Ельцина в это время в Москве не было, и Березовский решил обратиться к другому своему политическому покровителю. «Я обратился к первому вице-премьеру Олегу Николаевичу Сосковцу, который оказался на месте, с просьбой помочь мне выйти на Министерство внутренних дел». Сосковец позвонил министру внутренних дел Виктору Ерину и получил заверения - ни «ЛогоВАЗ», ни Березовского никто не тронет.

В три часа дня, когда Березовский вернулся с панихиды в здание «ЛогоВАЗа», там было полно детективов из РУОПа и омоновцев с автоматами Калашникова. Они предъявили ордер на обыск и разрешение на допрос Березовского в качестве свидетеля по делу Листьева.

Обыскивать здание Березовский запретил. Он потребовал объяснений, и его охрана, в том числе сотрудник ФСК, Александр Литвиненко, не пропускала милиционеров. Противостояние продолжалось до полуночи. В конце концов, руоповцы попросили Березовского и его помощника Бадри проехать в отделение милиции на допрос. Березовский знал - если он поедет, его вполне могут арестовать, в таком случае повлиять на расследование будет крайне сложно. Он позвонил исполняющему обязанности генерального прокурора Алексею Ильюшенко. Главный законник России сказал своему заместителю, чтобы тот приказал руоповцам снять показания с Березовского и Бадри в офисе «ЛогоВАЗа», а не в отделении милиции. Те выполнили приказ и уехали.

Но неприятности для Березовского отнюдь не закончились. Он знал, что его могут арестовать в любую минуту. При том количестве улик, какими располагала милиция, был только один способ избежать ареста - убедить президента Ельцина, что всё происходящее - часть масштабного заговора против него. Ельцина в Москве не было, поэтому Березовский поехал в приёмную Коржакова в Кремле и попросил записать прямое видеообращение к президенту. Он попросил Ирину Лесневскую, одного из главных продюсеров первого канала, выступить вместе с ним; Лесневская была косвенным акционером ОРТ и близкой подругой жены президента Ельцина.

Зрелище было захватывающим: Березовский и Лесневская сидят рядом. Оба говорят в камеру, обращаясь к президенту России, как его хорошие знакомые. Березовский в своём обычном тёмном деловом костюме, говорит быстро, нервно. Ирину Лесневскую захлёстывают эмоции, она чуть не плачет.

«Я знаю, кто убил Влада», - начинает Лесневская. И называет убийц Влада Листьева: Владимир Гусинский, мэр Москвы и старая гвардия КГБ.

«Борис Николаевич, надо сделать всё, чтобы расследование вёл лично Коржаков и ФСК, а никак не милиция, - умоляет она. - Потому что сейчас разворачивается версия и готовы люди, которые говорят, что Влада убил Березовский. ...Когда нас стали вызывать в прокуратуру и задавать вопросы, мы поняли, что у них одна версия: убийца либо Березовский, либо его первый заместитель, Бадри Шалвович Патаркацишвили, все нитки тянутся только к Березовскому».

Лесневская переводит убийство Листьева исключительно в политическую плоскость, пытаясь действовать на психику Ельцина. «Мы пришли к Коржакову, потому что мы понимаем, что то, что произошло, - это переворот, - продолжает Лесневская. - Это хуже Белого дома. Это хуже ГКЧП. Это внутри города. Создана огромная структура, которая руководит всем: всеми мафиозными структурами, всеми бандитами, решает, кому жить и кому не жить...»

Березовский, сидя рядом с Лесневской, кивая в знак согласия, прерывает её. «Борис Николаевич, - обращается он к Ельцину. - Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что когда вас нет в Москве, когда в Москве нет людей, которые непосредственно рядом с вами, в Москве творится абсолютный произвол… Борис Николаевич, Москвой управляете уже не вы. Это реальность. Ею управляет мразь!»

Ставка была сделана на то, что Ельцин не терпел сильных соперников в политике: президент всегда был скор на расправу со своими политическими противниками. Выступить с обвинением в адрес конкретных людей Березовский предоставил Лесневской.

«Я совершенно не сомневаюсь в том, что логическая цепочка выстроенная группой «Мост», господином Гусинским, господином Лужковым и той структурой, которая под ними сидит - огромная пирамида со стволами - бывший КГБ, придумала этот иезуитский план убийством Влада», - заявляет Лесневская.

Милицейское расследование - это часть того же заговора. Почему подставляют Березовского? Чтобы добраться до президента Ельцина, конечно! «Страна встаёт дыбом после убийства Листьева: «В отставку всех силовых министров!» - говорят в народе. «В отставку Вы! - рассказывает Лесневская президенту. - И тут крыть нечем. Они взяли убийцу - Березовского и Бадри…»

В деле Листьева были и другие подозреваемые - в день, когда была сделана попытка обыскать здание «ЛогоВАЗа», милиция также нагрянула с обыском на работу к рекламному магнату Сергею Лисовскому, - но самые серьёзные улики указывали на Березовского. Как объяснить, зачем он передал известному вору в законе сто тысяч долларов за два дня до убийства Листьева? Березовский не отрицал этого факта, но утверждал, что деньги передал для того, чтобы найти виновных во взрыве его машины у здания «ЛогоВАЗа» прошлым летом. Более того, он встречался с вором в законе в присутствии двух сотрудников РУВД и велел двум своим агентам из службы безопасности записать встречу на видеоплёнку, «чтобы доказать, что меня шантажируют». (?)

Но это алиби проблематично. В своём видеообращении Березовский и Лесневская, не жалея времени, доказали только одно: четыре свидетеля, присутствовавшие на встрече Березовского с вором в законе - основа его алиби, - фактически были агентами политической оппозиции. Сотрудники РУВД - ненадёжные свидетели: ведь, по словам самих Березовского и Лесневской, московскую милицию контролирует мэр Лужков, который вынашивает «иезуитский план» свергнуть Ельцина. Ещё более любопытна роль двух других свидетелей - охранников Березовского. Один из них - Сергей Соколов - впоследствии возглавил «Атолл», охранное агентство, прославившееся своей работой на Березовского. С молчаливого согласия Березовского Лесневская утверждает, что эти люди - агенты Гусинского. Если это так, охранники скорее, сгодились бы на роль свидетелей обвинения против Березовского, а не защитников. Более того, оба охранника, по словам Лесневской, были на самом деле исполнителями убийства Листьева, но по заказу не Березовского, а Гусинского. Березовский не обвиняет в убийстве никого лично, но поддерживает теорию Лесневской о том, что зреет тёмный заговор по отстранению Ельцина от власти.

Защита Березовского замешана на политике. «Борис Николаевич, я не сомневаюсь в ваших намерениях, в вашей бесконечной преданности делу, которое вы делаете. Но ваших людей подставляют, одним за одним уводят из-под вас».

Березовский играл на том, что Ельцин страшился своих политических

противников - таких, как Лужков; но, помимо этого, Борис Абрамович по-умному заручился поддержкой и тех людей, которых российский президент хорошо знал и которым доверял, например Валентина Юмашева, президентского биографа, - тот присутствовал на «ЛогоВАЗе» во время попытки обыска. Березовский даже сыграл на нездоровой озабоченности Ельцина своим имиджем в Америке, мимоходом упомянув, что во время конфликта с милицией он принимал «представителей «Радио Свобода», которые записали «всё это безобразие». Но самым веским аргументом было просто-напросто утверждение Березовского: в деле Листьева его подставили.

Обращение принесло результат. Руководителей расследования - прокурора Москвы Геннадия Пономарёва и его заместителя - немедленно уволили. Милиции приказали оставить «ЛогоВАЗ» и Березовского в покое. «Он открыто использовал свои политические связи, чтобы избежать положенного по закону допроса», - некоторое время спустя заметил Коржаков. К тому же в ходе расследования Березовский неоднократно скрывал важные факты от следователей, например, что он встречался с Листьевым в доме приёмов «ЛогоВАЗа» накануне убийства.

Возможно, Березовский говорил правду - в деле об убийстве Листьева его подставили, но действительно ли за этим стоял его соперник, медийный магнат Владимир Гусинский? Правоохранительные органы ни разу не допрашивали Гусинского по делу об убийстве; да и сами обвинения, выдвинутые против главы НТВ в видеообращении Березовского-Лесневской, кажутся неубедительными. Зачем Гусинскому желать смерти Листьева? Хотя Листьев и был самым популярным телеведущим в России, его смерть едва ли привела бы к революции, как на это намекала Лесневская в обращении к Ельцину. Может быть, Гусинский просто хотел помешать созданию конкурирующего канала - ОРТ? Но и в этом смысле убийство Листьева мало что давало. Может быть, убийство преследовало одну цель - подставить Березовского? Маловероятно, поскольку Гусинский уже несколько месяцев скрывался в Западной Европе, с тех пор, как коржаковская СБП совершила налёт на службу группы «Мост» в декабре 1994 года. И, наконец, если бы Гусинский на самом деле организовал убийство и подставил Березовского в рамках заговора против Ельцина, спецслужбы, лично преданные президенту - СБП и ФСБ, - имели бы все основания прижать этого магната. Но они ничего не предприняли, и через несколько месяцев Гусинский спокойно вернулся в Москву.

На мой вопрос об убийстве Листьева Березовский категорически отрицал свою причастность. Он обвинил неназванные рекламные и продюсерские компании, которых задела реорганизация Листьева. Другими словами, он полностью перевёл убийство Листьева из политической плоскости в коммерческую. Это шло вразрез с объяснением, какое он дал президенту Ельцину в своём видео обращении.

Березовский становится медиа-магнатом

Убийство Листьева болью отозвалось в широких слоях общества. Десятки тысяч людей пришли на его похороны - столько народа не собиралось со времени похорон Андрея Сахарова в 1989 году. Люди приносили цветы и открыто плакали на улицах.

Но, несмотря на то, что убийство Листьева было в центре внимания российского общества, его расследование превратилось в фарс. Прокуроров, начинавших вести это дело, уволили. Через пять месяцев Генеральная прокуратура заявила, что найдены заказчики убийства. На следующий день прокуратура взяла свои слова обратно, сообщив, что следствие продолжается.

Через два месяца сняли с поста Алексея Ильюшенко, исполнявшего обязанности Генерального прокурора - это он помог Березовскому избежать ареста; позже его самого арестовали по обвинению в коррупции в связи с одним из филиалов нефтяной компании Березовского «Сибнефть».

Летом 1997 года в московских газетах сообщили, что в Тбилиси арестован и выдан Москве для допроса по делу Листьева Игорь Даждамиров. Писали, что Даждамиров входил в состав солнцевской братвы. Но за этим опять ничего не последовало.

Однажды вечером в начале 1999 года я встретился с Петром Трибоем, следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры. Он вёл следствие по делу об убийстве Листьева, которое тянулось уже четвёртый год. В кабинете было мрачно и тихо, как в могиле. Трибой, с бледным лицом бюрократа, в сером костюме образца советской эпохи, признал, что следствие застопорилось. Ни одно из направлений расследования ни к чему не привело; всё проверили, и всё безрезультатно. Создавалось впечатление, что Трибой смирился с поражением. Настораживало и другое: судя по всему, он не вполне понимал ключевые обстоятельства дела, особенно нюансы рекламного бизнеса на ОРТ, который, по мнению большинства, и был причиной убийства Листьева.

На сегодняшний день убийство Листьева остаётся нераскрытым. Неизвестно, о чём вели переговоры Березовский, Листьев, Лисовский, кто организовал убийство Влада Листьева, но ясно одно: Березовский и Лисовский вышли победителями в борьбе за ОРТ. Через несколько месяцев после покушения на Листьева телекомпания объявила о снятии моратория на рекламу. Новая компания под названием «ОРТ-Реклама» превратилась в эксклюзивного поставщика рекламы на канал с монопольным правом продавать рекламное время за комиссионное вознаграждение. Главой «ОРТ-Реклама» стал не кто иной, как Сергей Лисовский.

Некоторое время спустя я попросил Березовского прокомментировать версию, по которой он вместе с Лисовским нёс ответственность за убийство Листьева; он сразу отмежевался от рекламного магната: объявив: реорганизацию рекламы, мы, по существу, действовали против Лисовского, потому что мы разрушали «Рекламу-холдинг», - сказал Березовский. - Уже позже, когда Влада не стало… я пригласил Лисовского возглавить ОРТ-рекламу».

В октябре 1995 года в интервью газете «Коммерсант» Березовский сказал: его основное достижение на ОРТ состоит в приобретении «независимости на рекламном рынке». Следующим шагом, сказал он, будет «освобождение от диктата продюсеров».

Смерть ведущего продюсера ОРТ Влада Листьева упрощала эту задачу. За неделю до интервью Березовского «Коммерсанту» другой влиятельный продюсер, Дмитрий Лесневский, дал интервью «Радио Свобода». После убийства Листьева мать и деловой партнёр Лесневского Ирина вместе с Березовским пошла на отчаянный шаг - они выступили с видеообращением к Ельцину. Теперь, судя по всему, её сын разочаровался в человеке, которого его мать так страстно защищала перед российским президентом. Лесневский рассказывал корреспонденту «Свободы» о конфликте между независимыми телепродюсерами и Березовским.

«Конфликт возник с самого начала, потому что идея акционирования «Останкино» была идеей независимых телекомпаний, - сказал он. - С этой идеей мы пришли к господину Березовскому два года назад и, по сути, на блюдце подарили ему этот канал. Мы были уверены в его финансовой состоятельности, и

мы были уверены в его порядочности. Но за эти два года возникли сомнения, сомнения нарастали, и сегодня мы понимаем, что за человек наш партнёр».

Между тем Березовский укреплял свою власть на канале. Контролируя 36 процентов акций ОРТ, он обладал правом вето на любое решение. Но это было не всё. В отсутствие сильного акционера в лице государства он фактически управлял ОРТ.

Это был поразительный успех. Одновременно с установлением личного контроля на первом канале Березовский сделал несколько других ценных приобретений в области СМИ: шестой канал (который был приватизирован вместе с Тедом Тёрнером; впоследствии американский магнат продал свою долю), журнал «Огонёк» и «Независимую газету». Внезапно этот бывший коммерсант по продаже автомобилей превратился в одного из арбитров российской политики. Он возглавлял основной общероссийский телеканал и объяснял российским гражданам, что происходит в стране. Он стал архитектором российской национальной политики. Служба новостей ОРТ, когда требовалось, озвучивала политические взгляды Березовского; пела дифирамбы Ельцину в ходе предвыборной кампании 1996 года; восхваляла Лебедя после заключения тайной сделки между ним и Кремлём в дни выборов; развенчивала Лебедя, когда тот поссорился с Березовским несколько месяцев спустя; нападала на конкурента Владимира Потанина в самый ответственный момент приватизации; периодически набрасывалась на Гусинского и на Лужкова и представляла Березовского в роли государственного деятеля. Став хозяином информационной империи, Березовский потерял интерес к бизнесу по продаже автомобилей с его тёмными делами и кровавыми разборками. Он превратился в главного олигарха, первого среди равных, в деловом мире России.

Глава 6. Приватизация прибылей Аэрофлота

«Наш интерес здесь очевиден»

«Приватизация в России проходит три этапа», - сказал мне Березовский в 1996 году. «На первом этапе приватизируется прибыль. На втором этапе приватизируется собственность. На третьем этапе приватизируются долги».

Иными словами, чтобы контролировать предприятие, не было необходимости его покупать. Оно могло оставаться в руках государства. Надо было только ввести нужных людей в руководство и затем направить выручку компании по нужным каналам через своих посредников, то есть «приватизировать прибыль», не тратя ни времени, ни денег на приватизацию самого предприятия. Березовский объяснил: первая стадия, приватизация прибыли, «приводила к разрушению предприятий» и «первоначальному накоплению капитала» посредниками. «А когда появились достаточные капиталы, люди, которые этими капиталами овладели, естественно задумались: как эти капиталы использовать, - продолжал он. - Одни скупали собственность за рубежом, третьи поехали играть в Монте-Карло, а четвёртые стали вкладывать эти деньги для приобретения этих разваливающихся предприятий».

Березовский очень точно объяснил суть того, что происходило в России. Почти все крупные компании начала 90-х были созданы таким путём. Сам Березовский довёл эту модель до совершенства. С 1989 года он начал приватизировать прибыль «АвтоВАЗа», покупая у завода автомобили по цене, которая

гарантировала ему прибыль, а заводу - только убытки. Затем, в 1992 году, он начал заниматься торговлей сырьём, экспортируя нефть, древесину и алюминий; как и все крупные экспортёры того времени, он приватизировал прибыль производителей: платил им по номинальной стоимости, а сам продавал сырьё за границей с огромной маржой. В 1993 году, с началом ваучерной приватизации, Березовский приступил ко второму этапу - приватизации собственности. Вместе с руководителем «АвтоВАЗа» Владимиром Каданниковым он задумал и привёл в исполнение инвестиционный план «АВВА» и ряд других финансовых схем, позволивших ему приобрести контрольный пакет акций «АвтоВАЗа». На ОРТ он начал с того, что приватизировал прибыль с помощью монополии на рекламу на канале в 1994 году, а уже в 1995 году приватизировал канал, как таковой.

Хотя Березовский и воплотил в жизнь второй этап модели - приватизация собственности, скупив акции «АвтоВАЗа» и ОРТ, основное внимание он уделял приватизации прибыли. Он знал: важнее контролировать денежные потоки компании, нежели владеть её акциями. Действуя в сговоре с руководством предприятия, он создавал посредников, которые занимались финансовыми операциями, продажами и маркетингом на самых невыгодных для предприятия условиях. Взяв под контроль руководителей предприятия, Березовский проводил «виртуальную приватизацию», не тратя денег на приобретение акций. Наилучшим примером такого подхода служит захват власти в «Аэрофлоте».

««Аэрофлот» переживает промежуточный период между приватизацией прибыли и собственности, - заявил он в интервью газете «Коммерсант» в ноябре 1995 года. - Мы хотим участвовать в обоих процессах».

Это предприятие было одной из жемчужин российской экономики, ему принадлежала лучшая собственность бывшей советской авиатранспортной монополии, оно было фактически вне конкуренции на российском рынке международных авиаперевозок. Генеральный директор «Аэрофлота», ветеран отрасли Владимир Тихонов, взялся за модернизацию авиакомпании и обновление парка самолётов, подписал лизинговые контракты с «Boeing», «McDonnell Douglas» и «Airbus» на новые машины. Он договорился с американским «Эксимбанком» о кредите в полтора миллиарда долларов на приобретение двигателей «Pratt & Whitney» для двадцати новых самолётов Ил-96М российского производства. Между тем цены на топливо стремительно падали. Стремительно росло число российских пассажиров, путешествовавших за рубеж. Будущее авиакомпании казалось безоблачным.

««Аэрофлот» - крупнейшая авиакомпания в России, внимание бизнеса к нему как источнику больших прибылей естественно, - сказал Березовский «Коммерсанту». - Наш интерес здесь вполне очевиден».

Он начал подбираться к «Аэрофлоту» в начале 1995 года, предложив Тихонову поместить все российские счета «Аэрофлота» в «АвтоВАЗ-банк», где в собственности Березовского находилась значительная доля акций. Тихонов неохотно согласился. Но Березовский хотел получить полный контроль над финансами «Аэрофлота». Российская авиакомпания была частично приватизирована - 51 процент акций остались в собственности государства, а 49 процентов достались руководству и работникам; но Березовскому не были нужны акции - ему требовался контроль над руководством компании.

Осенью 1995 года он обратился к нескольким высшим государственным чиновникам, включая первого заместителя премьер-министра Олега Сосковца и

министра транспорта Виталия Ефимова, с просьбой поменять руководство авиакомпании.

К концу октября Тихонов был смещён со своего поста. Новым генеральным директором «Аэрофлота» стал Евгений Шапошников, маршал ВВС СССР и бывший министр обороны. Шапошников сыграл ключевую роль в спасении Ельцина во время путча 1991 года: будучи главкомом Военно-воздушных сил, он отказался бомбить Белый дом, где собрались сторонники Ельцина, и приказал подразделениям Воздушно-десантных войск ВВС не вмешиваться в политические конфликты.

В отличие от Владимира Тихонова - уважаемого ветерана отрасли, Шапошников не разбирался в вопросах управления. Вскоре все серьёзные посты в «Аэрофлоте» были заняты служащими «ЛогоВАЗа». Николай Глушков, один из учредителей «ЛогоВАЗа», стал первым заместителем генерального директора, а фактически главой авиакомпании; другие сотрудники «ЛогоВАЗа» заняли ключевые посты в финансовом и коммерческом отделах, отделе продаж. Эти люди, как и Шапошников, ничего не понимали в работе авиакомпании, но они, по выражению Березовского, «умели считать деньги и получать прибыль».

«Andava»

Прибрав к рукам руководство «Аэрофлота», Березовский приступил к приватизации его прибылей. Для этого он использовал швейцарскую финансовую компанию «Andava», выполнявшую функции казначейского центра «Аэрофлота» за рубежом. Впервые я узнал о компании «Andava» зимой 1996-1997 года, когда проверял слухи о массовых хищениях в «Аэрофлоте». Раньше авиакомпания имела сотни счетов в иностранных банках, через которые многочисленные представительства «Аэрофлота» вели финансовую деятельность компании за рубежом. В задачу «Andava» входила централизация этих операций в одном финансовом центре за пределами России.

Создание казначейского центра за рубежом казалось разумной идеей. Эффективно управляемый казначейский центр мог увеличить прибыль российской авиакомпании на миллионы долларов. Поэтому странно, что в годовых отчётах «Аэрофлота» тех лет «Andava» не упоминается. Среди «основных событий», упомянутых в русском варианте годового отчёта за 1997 год, значатся новые чартерные рейсы в Торонто и новое представительство в Хабаровске, но ничего не говорится о рационализации финансовых операций компании, о казначейском центре за рубежом или об «Andava».

Оказывается, были причины, по которым связь с «Andava» держалась в секрете. Несмотря на то, что «Andava» управлял менеджер из Европы с солидным опытом - Уильям Ферреро, бывший глава «Volvo Group Finance Europe», - её структура была необычной. В отличие от других казначейских центров, обслуживавших международные корпорации, казначейский центр «Аэрофлота» «Andava» не принадлежал авиакомпании; он был собственностью Бориса Березовского и его партнёра по «ЛогоВАЗу» - Николая Глушкова.

Мне довелось посетить штаб-квартиру «Andava» в Лозанне. Она располагалась в маленьком сером здании недалеко от центра города, вход - с тыльной стороны дома. Я нажал кнопку звонка. Никто не отозвался - был обеденный перерыв. Я вернулся через два часа. Около здания был припаркован серый «Порше-911», принадлежавший Ферреро. На этот раз звонить не пришлось - кто-то спускался по

лестнице. Я вошёл в здание и поднялся на третий этаж. Там увидел дверь с табличкой «Andava S.A.» и нажал снова кнопку звонка. Мне открыл бородатый мужчина небольшого роста в вязаной кофте на пуговицах. Я представился. «Господин Ферреро разговаривает по телефону, - сказал мужчина. - Пожалуйста, подождите здесь». Он провёл меня в приёмную. Из другого конца приёмной до меня доносился голос Ферреро. Других признаков жизни не наблюдалось. Я просмотрел несколько рекламных буклетов «Аэрофлота» и брошюру о благотворительной организации Березовского «Триумф-ЛогоВАЗ». На стене висел рекламный плакат «Аэрофлота». Фирма занимала шесть комнат - все чистые, с новой мебелью. Кроме Ферреро и бородатого мужчины, в помещениях никого не было.

Наконец, появился Ферреро. Высокого роста, со светлым «ёжиком» и коротко подстриженными усами, он был создан для роли прусского офицера - не хватало только монокля. Это впечатление исчезло, когда я обратил внимание на его нервную неуклюжую походку.

Он рассказал мне, что его фирма управляет деньгами «Аэрофлота» самым консервативным образом. «Мы вкладываем валютную прибыль «Аэрофлота» в банк высшей степени надёжности, потому что не позволяем использовать эти деньги в других наших операциях, - заявил Ферреро. - В одной статье писали, что я за год удвоил деньги «Аэрофлота» или что-то в этом роде. Но если бы я мог удвоить деньги «Аэрофлота» за год, я бы здесь не сидел - я бы нежился где-нибудь на острове под пальмой».

Во время предыдущих телефонных разговоров у меня сложилось впечатление, что Ферреро - человек вальяжный и неторопливый; его телефонный образ не вязался с образом финансового руководителя крупной транснациональной корпорации. Мы говорили часами. Иногда на мои звонки он отвечал сам. Создавалось впечатление, что у него нет секретарей, зато есть много времени для долгих неспешных разговоров.

«Andava» была создана 3 февраля 1994 года в Лозанне; её владельцами были «Andre & Cie.» и компания под названием «ABBA Интернэшнл», зарегистрированная в Швейцарии и возглавляемая Березовским. Позднее «Andre» продала свою часть акций, и Березовский с Глушковым получили контрольный пакет акций в личное владение. В соответствии с корпоративной моделью, которую Березовский и «Andre» уже применили при создании «Forus Services», «Andava» была зарегистрирована в Лозанне, являлась филиалом холдинговой компании в Люксембурге и сама имела филиалы в разных офшорных зонах.

У Березовского уже была финансовая компания а Лозанне - «Forus Services». Зачем ему потребовалась ещё одна? Дело в том, что в 1993-1994 годах «Forus» не оправдала возлагавшихся на неё надежд. Два крупных инвестиционных проекта, над которыми компания работала в то время - кредит в сто миллионов долларов от итальянского импортного-экспортного банка на покупку нового оборудования для «АвтоВАЗа» и кредит в 60 миллионов долларов для нефтяной компании «Самаранефтегаз», - рухнули. Руководители «Forus» - Березовский и Глушков с российской стороны и Аллен Мэйр со стороны «Andre» - решили пойти по другому пути. Зачем искать валютные кредиты за границей, когда можно просто взять под контроль выручку российских компаний за рубежом?

«Открывалась возможность, - сказал мне Аллен Мэйр, - вести операции типа FINCO - финансы и коммерция, основанные на личных взаимоотношениях».

Согласно первоначальному бизнес-плану, «Andava» должна была обслуживать инвестиционный проект «АВВа», который Березовский раскручивал в России. «Мы хотели создать компанию, которая со временем выполняла бы роль централизованного казначейства «АВВА, - вспоминает Кристиан Маре, глава представительства фирмы «Andre» в Москве. - Если бы проект «АВВА» увенчался успехом, роль казначейства взяла бы на себя «Andava». Отсюда и название «Andava» - Andre и АВВА».

Когда проект «АВВА» рухнул, «Andava» решили сделать зарубежным казначейским центром материнской компании «АВВА» - завода «АвтоВАЗ». В течение следующего года «Andava» прокрутила около ста миллионов долларов валютной выручки «АвтоВАЗа». Смену стратегии «Andava» с характерной откровенностью объяснил Аллен Мэйр, ещё раз подтвердив свою уверенность в том, что в России всё решают личные связи - куда партнёр, туда и ты.

«Мы начинаем вести такие дела, потому что есть благоприятные условия, есть партнёры, мы чувствуем, что с этими партнёрами можно интересно поработать, - сказал он мне. - Мы создаём инструменты для совместной работы, хотя далеко не всегда имеем чёткое представление о конечной цели».

Новое деловое партнёрство «Andava» было непродолжительным. Летом 1995 года «АвтоВАЗ» заявил, что отказывается поставлять «ЛогоВАЗу» дотационные автомобили для реэкспорта. После шести лет автозавод наконец решил освободиться от железной хватки Березовского. В прошлом магнат обещал, что его финансовые компании - «Forus», «Andava», АФК, и «АВВА» - наведут порядок в финансах «АвтоВАЗа» и обеспечат крупные инвестиции с запада. Но автозавод продолжал терять деньги и накапливать долги; его душили посредники, в первую очередь дилерские и финансовые компании, принадлежавшие Березовскому. Никакие финансовые уловки не могли возместить «АвтоВАЗу» ущерб, который он нёс, продавая свои машины «ЛогоВАЗу» по цене значительно ниже себестоимости. Более того, «ЛогоВАЗ» покупал много машин не за деньги, а за различные векселя; к началу 1995 года «ЛогоВАЗ» задолжал автозаводу по крайней мере 40 миллионов долларов. Как только «АвтоВАЗ» заявил о своём намерении прервать контракт с «ЛогоВАЗом», Березовский встрепенулся: он добился согласия руководителя банка «Менатеп» Михаила Ходорковского выступить поручителем по его долгам «АвтоВАЗу». Но было поздно. Контракт, который принёс Березовскому состояние, был расторгнут.

Событие, которое могло бы срубить на корню растущую империю Березовского, в конечном счёте не имело для него крупных последствий - к тому времени, когда его отношения с «АвтоВАЗом» прекратились, магнат уже нашёл другую дойную корову, куда более перспективную: «Аэрофлот». Посредников, которые занимались автовазовскими финансовыми и коммерческими операциями, Березовский переключил на обслуживание авиакомпании. Туда весьма кстати переметнулся и Николай Глушков. До этого времени он был финансовым директором «АвтоВАЗа» и отвечал за отношения с «ЛогоВАЗом», учредителем которого являлся. Осенью 1995 года Глушков ушёл с «АвтоВАЗа» и стал первым заместителем генерального директора «Аэрофлота». Он опять мог содействовать Березовскому. Для Глушкова конфликт интересов на «АвтоВАЗе» уступил место конфликту интересов в «Аэрофлоте».

В мае 1996 года маршал Шапошников, неопытный генеральный директор «Аэрофлота», разослал письмо в 152 представительства компании за рубежом с приказом переводить до 80 процентов их валютной выручки в «Andava» в Лозанне.

Много времени спустя маршал Шапошников сказал одной российской газете, что подписать такое письмо ему велел Глушков.

«Когда зарубежные представительства «Аэрофлота» спрашивали, почему заработанные деньги оставались не в компании, а шли на частные счета, им говорили, что деньги идут на избирательную кампанию Ельцина, - утверждает Коржаков. - На самом деле Березовский оставлял деньги себе».

Осенью 1998 года я спросил генерального директора «Аэрофлота» Валерия Окулова, почему авиакомпания работает с «Andava». Окулов ответил: «Andava» помогает нам получать кредиты на Западе».

Но единственными крупными кредитами «Аэрофлоту» были либо гарантии американского «Эксимбанка» (для покупки «Боингов»), либо кредиты, полученные усилиями компании «Andre & Cie.». В этих операциях «Andava» участия не принимала.

«Andava» проводила обычные валютные операции, ускоряя платежи лизинговым компаниям и поставщикам горючего и иногда получая небольшие банковские гарантии. Деньги, поступавшие от зарубежных представительств «Аэрофлота», хранились на счетах «Andava» в лозаннском отделении «Union Bank of Switzerland». «Andava» управляла деньгами по доверенности.

В прошлом эти операции выполнял Центр по международным платежам «Аэрофлота». Если бы «Аэрофлот» хотел осуществлять международные операции более эффективно, он мог бы участвовать в клиринговой системе Международной ассоциации воздушного транспорта, которой пользуются авиакомпании во всём мире для оплаты за границей горючего, эксплуатационных расходов и посадочных сборов, а также для проведения необходимых валютных операций.

Но «Аэрофлот» предпочёл иметь дело с «Andava». Авиакомпании это обошлось дорого. Вознаграждение за услуги было запредельным. Большинство крупных международных банков были бы счастливы оказывать услуги, которые «Andava» оказывала «Аэрофлоту»; вознаграждение обычно составляет долю процента от суммы управляемых активов. Но по контракту от мая 1997 года между «Andava» и «Аэрофлотом» «Andava» получила комиссию в 3,125 процента от суммы средств, перечисленных «Аэрофлотом» на её счета. При ежегодном обороте примерно 400 миллионов долларов это составляло 13 миллионов в год. Неплохо для компании с двумя сотрудниками в штате.

Иными словами, «Andava» выполняла задачи, которые мог бы выполнить и сам «Аэрофлот». С таким щекотливым делом, как мобилизация кредитов западных банков, профессионально справлялась компания «Andre & Cie.». Для чего же была нужна «Andava»? И почему до 80 процентов зарубежной выручки «Аэрофлота» поступало на счета «Andava»? «Не знаю, - говорит Маре. - Могу только догадываться».

В связи с огромной проблемой бегства капитала из России - главной причиной девальвации рубля, Центральный банк России попытался ввести строгие правила по возвращению капитала российскими экспортёрами. В законе ясно говорилось, что экспортная выручка российских компаний должна возвращаться в Россию, и половина этой суммы должна конвертироваться в рубли. Если компании требовалась иностранная валюта, она всегда могла продать рубли на валютных биржах в Москве.

«Мы не должны соблюдать это распоряжение, - сказал мне генеральный

директор «Andava» Уильям Ферреро. - У нас есть соответствующая лицензия Центрального банка».

«Аэрофлот» обратился за этой лицензией 5 июля 1996 года, вскоре после того, как Березовский получил над ним контроль. Но руководство Центрального банка, по-видимому, озадаченное отношениями «Аэрофлота» и «Andava», воздержалось от выдачи лицензии.

К началу 1997 года информация об этой тёмной сделке начала просачиваться в прессу; первым был «Forbes», за ним российские газеты и, наконец, швейцарские. Одна российская газета заявила, что «Аэрофлот» создал в Лозанне «смазочный фонд». Прокуратура начала расследование.

Зять Ельцина

Евгений Шапошников, маршал ВВС бывшего СССР, глава «Аэрофлота», заподозрил неладное в деятельности «Andava». 12 марта 1997 года его уволили. На место генерального директора был назначен Валерий Окулов. Видный мужчина, Окулов проработал 22 года в советской гражданской авиации, добравшись до должности штурмана на рейсах «Аэрофлота» - третья по значимости фигура на рейсе после пилота и второго пилота. Его профессиональная карьера была ничем не примечательна, кроме одного факта - он был женат на Елене Ельциной, старшей дочери президента России.

Через два месяца после назначения Окулова на должность генерального директора «Аэрофлота» Центральный банк предоставил авиакомпании разрешение не возвращать валютную выручку в Россию.

«Используя политические связи, Березовскому удалось получить лицензию Центрального банка», - позднее вспоминал Коржаков.

Коржаков ссылался на расшифровку телефонных разговоров Березовского с главой Центробанка Сергеем Дубининым в марте 1997 года. Эти разговоры были перехвачены частным сыскным агентством, названия которого он не раскрыл; плёнки с записями отправили в Генеральную прокуратуру России, где подтвердили их подлинность. В этих разговорах Березовский, являясь в то время замсекретаря Совета безопасности (следовательно, по закону ему запрещалось участие в коммерческой деятельности), беззастенчиво оказывает давление на председателя Центробанка: он просит удовлетворить ходатайство Николая Глушкова, человека, по выражению Березовского, «безупречной репутации», о получении лицензии на особые отношения между «Аэрофлотом» и «Andava».

«Мы теряем время, - заявляет Березовский главе Центробанка. - Жизнь-то идёт в это время, она не стоит на месте. И процесс в «Аэрофлоте» продолжает идти не совсем так, он лучше, безусловно, поскольку это была инициатива Глушкова. Но для того чтобы он шёл нормально для государства и в глазах государства, нужны некоторые решения, уже ваши, которые вот уже год мы не можем никак продвинуть».

Дубинин обещает, что отдаст распоряжение своим подчинённым ускорить решение вопроса о лицензии. Получив это обещание, Березовский сразу звонит Николаю Глушкову. Между ними происходит следующий разговор:

Березовский: Алло! Коля! Я только что разговаривал с Дубининым. Он, конечно, падла последняя. Но ничего. Он говорит, что у его людей есть два сорта проблем. Одна проблема - это прозрачность схемы для них. Это как раз и не

устраивает ваших людей. Второе - гарантии, потому что фирма маленькая. А какие гарантии она даёт там? Поэтому либо нужны гарантии страховой компании, либо консорциума банков. Понятно, да?

Глушков: Гарантии чего, Боря?

Березовский: Вот, Коля, вот этого уже не понимаю.

Глушков: Потому что мы сейчас держим счета в каких-то третьеразрядных банках, которые вообще не дают никакой гарантии…

Березовский: Коленька, давай сейчас не на эту тему. Есть такая Артамонова. Через приёмную, причём я бы хотел, чтобы ты это сделал просто сразу.

Глушков: Да. Сейчас я это сделаю.

Березовский: Прямо с ней связаться и ясно сказать, что был разговор с Дубининым. Дубинин сказал, чтобы этот вопрос был самым скорым образом решён. Поэтому назначайте время, - давай встречаться.

Глушков: Хорошо.

Лицензию «Andava» получила. Но остаётся интересный факт: отношения между «Andava» и «Аэрофлотом» процветали больше года - и только потом были формально урегулированы лицензией Центробанка. На основе каких законов протекала эта деятельность?

«Я не знаю. Полагаю, она была абсолютно законной», - говорит Ферреро из «Andava».

Другого мнения придерживается Олег Давыдов, тогдашний министр внешних экономических связей России. «Чтобы оставить деньги за границей, нужно разрешение, - говорит он. - «Газпром» и «Лукойл» держат деньги на таких счетах, но у них разрешение получено».

Клиенты «Andava» - сначала «АвтоВАЗ», затем «Аэрофлот» - были крупными престижными компаниями. Им не составило бы большого труда убедить Центральный банк дать им те же права, что нефтяной и газовой компаниям «Газпрому» и «Лукойлу».

«Думаю, что «Аэрофлот» подал заявку, как только начал работать с нами, но на получение лицензии ушло много времени, - говорит Ферреро. - На такие вещи здесь, на Западе, уходит двадцать четыре часа. А там, в России, могут уйти месяцы. Был период, когда мы работали по лицензии. И был период, когда только была подана заявка, обо всём было объявлено, но самой лицензии официально не было. Вся неразбериха возникла из-за этих «тонкостей», если можно их так назвать».

Однако в России нет закона, по которому компания может работать во время «периода ожидания» на тех же условиях, на каких она работает после официального получения лицензии Центробанка.

«Мы планировали стабилизировать рубль в 1997 году, - говорит Олег Давыдов. - И те, кто скрывал валюту за рубежом, наносили государству определённый ущерб».

Загадочная компания в Дублине

В середине 90-х годов специалисты по России уже знали: многие крупные

компании разворовываются их руководителями и посредниками. Статистика по бегству капитала - примерно 15 миллиардов долларов в год - показывала, что значительная часть прибылей российских компаний уходила и от налоговиков, и от акционеров. Разграбление сгубило много хороших российских компаний, лишив их инвестиций, а бегство капитала в конечном счёте обрекло попытки денежной стабилизации в России на провал. Как именно шло разграбление той или иной компании, как капиталы уплывали за рубеж - это понимали немногие. В этом смысле дело «Аэрофлота» представляет большую ценность - на сегодня это самая обстоятельная иллюстрация того, как можно ограбить компанию, которая тебе не принадлежит.

Зарубежный казначейский центр «Аэрофлота» «Andava» распоряжался огромной валютной выручкой, которую ежегодно зарабатывала авиакомпания. Например, в 1997 году валютные доходы «Аэрофлота» составили 897 миллионов долларов, валютные же расходы свелись только к 646 миллионам. Куда же делась разница? По признанию Ферреро, «Andava» не переводила валюту в Россию. На самом деле значительная часть валютной прибыли «Аэрофлота» шла на оплату ростовщических процентов финансовым компаниям Березовского.

Самой старой из них была финансовая компания «Forus Services», зарегистрированная в Лозанне. Именно в эту компанию приезжал американский предприниматель Пейдж Томпсон за аккредитивом. Мне довелось побывать в штаб-квартире «Forus» в современном деловом комплексе рядом с лозаннским аэропортом. Фирма состояла из нескольких комнат. Здесь было так же тихо, как и в конторе «Andava» на другом конце города. Дверь открыла секретарь. Она оказалась единственным наличным сотрудником, никаких признаков деятельности я не заметил. Я сказал, что хочу повидать генерального директора Рене Кюпперса. «Извините, господин Кюпперс сегодня в России», - ответила секретарь.

«Forus» являлась финансовым консультантом и посредником между «Аэрофлотом» и иностранными финансовыми рынками. Вместе с «Andre & Cie.» «Forus» договорилась о четырёх синдицированных кредитах, предоставленных западными банками «Аэрофлоту» в период с мая 1997 по конец 1998 года. Это были краткосрочные кредиты на 6 месяцев, от 40 до 59 миллионов долларов. «Forus» получала за эти операции комиссионные, хотя её роль оставалась неясной, поскольку основную работу выполняла компания «Andre & Cie.».

«Forus» также занималась самой сомнительной стороной операций с деньгами «Аэрофлота»: она проводила транзитные платежи, которые позволяли западным авиалайнерам работать на российском рынке или пролетать над территорией России. Это была значительная сумма в валюте: 284 миллиона долларов только в 1997 году. Несмотря на то, что эти платежи составляли пятую часть выручки авиакомпании, в годовом отчёте они фигурировали только в одном предложении.

Что «Аэрофлот» делал с этими деньгами? В Генеральной прокуратуре России мне сказали, что между 1996 и 1998 годом «Forus» получила для «Аэрофлота» 380 миллионов долларов в виде транзитных платежей. Половина этой суммы пошла на оплату синдицированных кредитов, о которых договаривалась «Andre & Cie.». Генеральной прокуратуре не удалось выяснить, что случилось с остальными деньгами; ни «Аэрофлот», ни «Andava» также не смогли дать мне внятных объяснений. Генеральный директор «Forus» Рене Кюпперс признал, что его компания действительно получила транзитные платежи в 1996 году вскоре после того, как Березовский получил контроль над «Аэрофлотом», но до получения синдицированных кредитов и что деньги якобы пошли на оплату мелких кредитов

- от пяти до пятнадцати миллионов долларов, которые «Forus» организовал для «Аэрофлота».

Между тем «Andava» проводила ростовщические операции и создавала дочерние структуры, явно призванные выдаивать у «Аэрофлота» его наличность. В апреле 1996 года преданный представитель Березовского в Швейцарии и член правления «Andava» Ханс Питер Йенни прилетел в Москву, чтобы подписать регистрационные документы по созданию новой корпорации «ФОК» - «Финансовой объединённой корпорации»; «Andava» была единственным учредителем этой компании. Перед «ФОК» ставилась та же задача, что и перед «Andava» - собирать деньги «Аэрофлота» для уплаты счетов компании за границей. «ФОК» по своим задачам была на удивление похожа на «АФК», финансовую компанию, созданную с помощью Березовского для проведения операций по счетам дебиторов и кредиторов «АвтоВАЗа» в 1994 году. У «ФОК» и «АФК» был один и тот же директор, Роман Шейнин. Кроме «Аэрофлота», услугами «ФОК» пользовались ещё две компании: «АФК» и «Трансаэро» - частная авиакомпания, частично принадлежавшая Березовскому.

В основном «ФОК» работала с «Аэрофлотом». Николай Глушков был единственным человеком, поставившим свою подпись от лица «Аэрофлота» в контракте с «ФОК» на предоставление кредита. Он подписал этот контракт, хотя являлся крупным акционером в «Andava», единственном учредителе «ФОК». Березовский был ещё более крупным акционером.

Во второй половине 1996 года «ФОК» провела выплаты «Аэрофлота» на сумму 139 миллионов долларов; в первой половине 1997 года - ещё 82 миллиона. За эту услугу «Аэрофлоту» пришлось заплатить «ФОК» «штраф» в размере 29 миллионов долларов в 1997 году.

Почему эта негласная процентная ставка была столь высока? Трюк состоял в том, чтобы для выполнения относительно простой операции по оплате счетов задействовать больше одного посредника. Когда приходил счёт от иностранной компании, например за горючее от «British Petroleum» или «Mobil», «Аэрофлот» сам такой счёт не оплачивал. Вместо этого он передавал его для оплаты «ФОК». «ФОК», в свою очередь, передавала его второму посреднику, сомнительной компании под названием «Grangeland Holdings», которая и оплачивала счёт.

Зарегистрированная в Дублине в Ирландии, «Grangeland» практически не имела учётных документов. По регистрационным документам эта компания занималась всеми возможными видами коммерции. Последний раз «Grangeland» подала годовой финансовый отчёт в Регистрационную палату Ирландии в 1995 году, оценив свои активы в 10 долларов. Через год эта компания ворочала сотнями миллионов долларов, принадлежавших «Аэрофлоту».

«Grangeland» была не чем иным, как абонементным почтовым ящиком. Её акционерами, в частности, являлись две неизвестные компании, зарегистрированные в Панаме. В документах «Grangeland» значились только два директора, ответственных за деятельность компании: оба - сотрудники маленькой швейцарской бухгалтерской фирмы, работавшей с «Andava» и «Anros» - анонимной структурой, владевшей половиной «ЛогоВАЗа». Банковские операции для «Grangeland» вёл «Union Bank of Switzerland» в Лозанне; с тем же банком работала «Andava». В «Andava» утверждают, что им о «Grangeland» ничего не известно. Но по документам, изъятым швейцарской прокуратурой, ясно, что 1 ноября 1996 года «Andava» через две неизвестные компании, зарегистрированные в Панаме, купила

100 процентов акций «Grangeland»; к тому же с 1994 года «Grangeland» распоряжалась деньгами «ABBA», а затем и «Трансаэро», «Автоваза» и «Аэрофлота».

Вся операция «Grangeland»-»ФОК»-»Аэрофлот» была цепочкой краткосрочных кредитов. Оплата компанией «Grangeland» счёта «Аэрофлота» считалась кредитом для компании «ФОК», который по цепочке рассматривался как кредит, выданный компанией «ФОК» «Аэрофлоту». «Аэрофлот» платил огромные проценты «ФОК» и «Grangeland». Ставка «Grangeland» составляла 30 процентов годовых в валюте. За оплату счетов «Аэрофлота» «ФОК» взимал 65 процентов годовых в рублях - поскольку рубль упал на 10 процентов по отношению к доллару за время операции «ФОК»-«Аэрофлот», это составляло 50 процентов годовых в долларовом эквиваленте. Контракт между «ФОК» и «Аэрофлотом», размером всего в страничку, был весьма туманным; в нём говорилось, что «Аэрофлот» производит окончательные выплаты «ФОК» «с учётом стоимости рефинансирования для «ФОК», составляющих 30 процентов годовых в валюте». Другими словами, сохранялась возможность того, что 50 процентная ставка в долларах, выплачиваемая «ФОК», суммируется с 30 процентной ставкой, выплачиваемой «Grangeland», - в итоге «Аэрофлот» был вынужден платить 95 процентов по своим долгам.

Выполнение рядом финансовых компаний - «Andava», «АФК», «ФОК» и «Grangeland» - фактически одной и той же задачи для одной и той же группы компаний, в основном для «Аэрофлота» и «АвтоВАЗа», привело к накоплению значительных прибылей от процентных ставок за рубежом. То, что у этих посредников часто были одни и те же менеджеры, банки, счета и владельцы, упрощало задачу.

«ФОК» надувал не только «Аэрофлот»; от этой финансовой компании, зарегистрированной в Москве, не могли добиться ни копейки и российские налоговые органы. В годовом отчёте «ФОК» за 1996 год утверждается, что компания потеряла 97 процентов чистых доходов до уплаты налогов от сделок с «Grangeland» в результате разницы в курсах валют. Рубль в то время по отношению почти ко всем твёрдым валютам был стабилен!

Кроме «ФОК», «Grangeland» и «Andava» были и другие посредники, выкачивавшие валюту из «Аэрофлота». К примеру, в 1996-1997 годах «Аэрофлот» заплатил 17 миллионов долларов неизвестной рекламной фирме под названием «NFQ» за создание бортового рекламного журнала, хотя у авиакомпании был собственный рекламно-издательский отдел. «Этот контракт был далеко не лучшим с точки зрения интересов «Аэрофлота», - позднее признал генеральный директор «Аэрофлота» Валерий Окулов.

В продаже билетов «Аэрофлота» тоже наблюдались странности. После того как к власти в «Аэрофлоте» пришла команда Березовского, старую практику заключения договоров непосредственно с турагентами постепенно заменили новой системой - был привлечён посредник под названием «Аэрофлот тур груп», эту компанию возглавлял один из бывших сотрудников «ЛогоВАЗа» Леонид Ицков. В 1999 году генеральный директор «Аэрофлота» Валерий Окулов поделился в прессе своей озабоченностью по поводу того, что агентства «Аэрофлота» по продаже билетов вытесняются «несанкционированными» объединениями и посредниками, особенно в США и Канаде. Он не уточнил, сколько денег потерял «Аэрофлот», отказавшись от прежней системы.

Между тем люди Березовского в «Аэрофлоте» обхаживали американских инвесторов. Они наняли «Salomon Brothers» для оказания помощи по выпуску в США акций в виде АДР - Американских депозитных квитанций. АДР так и не увидели свет. Это не удержало иностранцев от покупки акций «Аэрофлота» в России. Акционеры «Аэрофлота», включая инвесторов в США, не имели представления о том, что происходит с рекламными контрактами «Аэрофлота» или продажей билетов на рейсы авиакомпании. Им не говорили, что основная часть валютной выручки поступает на счета двух неизвестных швейцарских компаний - «Andava» и «Forus». «Аэрофлот» также не сообщал своим акционерам, что одним из владельцев этих швейцарских компаний был не кто иной, как Николай Глушков, первый замдиректора «Аэрофлота» по финансам, имевший право подписывать финансовые контракты авиакомпании в одностороннем порядке.

Финансовые результаты деятельности «Аэрофлота» должны были бы насторожить инвесторов. Результаты, пусть в запутанном виде, показывали: под руководством менеджеров Березовского авиакомпания отнюдь не процветает. Несмотря на значительные валютные прибыли от производственной деятельности и крупные государственные дотации в виде платежей за транзитные перелёты, убытки «Аэрофлота» в 1996 году составили 82 миллиона долларов, а в 1997-м - 93 миллиона. У «Аэрофлота» также возникла проблема с ликвидностью. В течение 1997 года его наличный капитал и эквиваленты наличности сократились на 165 миллионов долларов; возникла нехватка чистого оборотного капитала в 159 миллионов долларов; коэффициент задолженности вырос со 169 процентов до 207 процентов. Весной 1998 года «Аэрофлот» обратился к своему старому партнёру «Andre & Cie.» с просьбой увеличить синдицированный кредит на 17 миллионов, чтобы покрыть нехватку наличной массы. Через несколько месяцев канадские власти задержали самолёт «Аэрофлота», поскольку авиакомпания не заплатила 6 миллионов долларов канадскому гостиничному оператору.

Только в 1999 году «крыша» над Березовским и его людьми в «Аэрофлоте», наконец, рухнула. Генеральная прокуратура России устроила облавы в офисах «Аэрофлота», «NFQ» и «ФОК» и завела уголовное дело против Березовского и Глушкова. В Швейцарии Федеральная прокуратура начала своё собственное расследование и заморозила счета «Andava» и «Forus». Зять Ельцина Валерий Окулов тоже пошёл в наступление на логовазовскую команду: Николай Глушков покинул свой пост в конце 1997 году, вскоре после того как в «Московском комсомольце» появилась разгромная статья об «Andava». В феврале 1999 года Окулов уволил двух оставшихся логовазовских «шишек» - коммерческого директора Александра Красненкера и директора по продажам Леонида Ицкова. Он также объявил о прекращении контракта с «Andava».

Корреспонденты спросили Окулова, была ли деятельность этих двух людей уголовно наказуема. Он ответил так: «Провести грань между неграмотным и корыстным решением достаточно сложно».

Но всё это было впереди. А осенью 1995 года внедрение Березовского в «Аэрофлот», сразу после разрыва с «АвтоВАЗом», выглядело поистине гениальным шагом. Политика, проводимая им в российской государственной авиакомпании, остаётся хрестоматийным примером того, как приватизировать прибыль компании, которая тебе не принадлежит. Установив контроль над «Аэрофлотом», Березовский через два месяца совершил ещё более удачный ход - приватизировал одну из крупнейших в России нефтяных компаний. Верный себе, он за неё почти ничего не заплатил.

Глава 7. В погоне за нефтью

«Смысл жизни - в экспансии»

Для России 1995 год был годом кровопролития и упадка. Каждый вечер россиянам показывали по телевизору ужасы чеченской войны. Деловые круги, не успев оправиться от потерь, понесённых во время великой бандитской войны, были потрясены убийством нескольких высших руководителей нефтяной и алюминиевой промышленности. Страна переживала быстрый экономический спад. Население России сокращалось. На международной арене Россия никогда ещё не испытывала подобного унижения. НАТО продолжало расширяться на восток, поглотив Польшу, Чехию и Венгрию. Самая мощная военная организация в мире, таким образом, продвинулась на 400 километров ближе к границам России. Когда в то лето военные самолёты НАТО бомбили сербские позиции в Боснии, Россия выразила протест от имени своего традиционного союзника, но сделать ничего не смогла.

Березовский, несмотря ни на что, процветал. В сентябре 1995 года он рассказал британскому журналисту, как однажды встретился с известным диссидентом Андреем Сахаровым и спросил его, в чём состоит смысл жизни. «Смысл жизни - в экспансии, - повторил Березовский ответ этого великого человека. - С того момента, как человек начинает воспроизводиться - я говорю о половом инстинкте - это, в некотором смысле, и есть экспансия. Человек повторяет самого себя. Сродни этому процессу - стремление распространять религиозные и философские идеи: это тоже экспансия. Ради этого я живу».

Экспансия Березовского шла бурными темпами. В начале года он был всего лишь автодилером и коммерсантом с хорошими связями, причём под подозрением в убийстве Листьева. Его компанию, «ЛогоВАЗ», лихорадило. Генеральный директор и давнишний партнёр Березовского Самат Жабоев ушёл со своего поста в марте (в том же месяце убили Листьева); по сообщениям прессы, Жабоев ушёл по состоянию здоровья. Четыре месяца спустя, 22 июля, погиб заместитель Жабоева по «ЛогоВАЗу» Михаил Гафт, упав с балкона своей квартиры. Милиция посчитала это несчастным случаем. Но Березовский в своём стремлении к власти шёл напролом. В 1995 году к нему в руки попали важнейшие российские предприятия: первый канал телевидения, всегда находившийся в авангарде государственной пропагандистской машины, и государственная авиакомпания «Аэрофлот» - самые зримые символы российской государственной власти. Теперь они были под контролем Березовского. Однако величайший финансовый триумф магната приходится на осень, когда он обратил свой взор на основу российской экономики - нефть.

Российский Рокфеллер

В течение десятилетий Россия добывала больше нефти, чем любая другая страна, оставляя далеко позади своих ближайших соперников - Саудовскую Аравию и США. Контроль над нефтяными скважинами, трубопроводами и нефтеперерабатывающими заводами осуществляло Советское правительство. С падением коммунизма в 1991 году это богатство превратилось в лакомый кусок. Крупные транснациональные нефтяные компании устремились в Россию в надежде установить контроль над частью огромных российских месторождений. «У нефтяников появилась последняя возможность открыть новые крупные

месторождения», - сказал в 1995 году Т.Дон Стейси, президент Евразийского филиала «Amoco».

«Это новые горизонты для мировой нефтяной отрасли, - заявил исследователь истории нефтедобычи Дэниэл Ергин. - Больше всего рискуют те, кого там нет».

К началу 1995 года такие западные гиганты, как «Royal Dutch/Shell», «Exxon», «British Petroleum», «Amoco», «Chevron» и «Texaco» уже заключили крупные контракты на совместное производство нефти. Но все они, практически без исключения, буксовали. В бывшем Советском Союзе - от просторов Тиманского кряжа до берегов Каспийского моря, от острова Сахалин до западно-сибирской тайги - западные нефтяные компании столкнулись с массой трудностей. Затягивалась выдача лицензий, не выполнялись условия контрактов, не предоставлялся обещанный доступ к трубе. Иностранцев эти проволочки удивляли, но сведущие россияне знали: отечественные бизнесмены первыми обосновались на нефтяных месторождениях и делиться прибылью с иностранцами не собираются.

Самой крупной фигурой в отрасли был Вагит Алекперов. За пять лет Алекперов создал «Лукойл», первую российскую многоотраслевую нефтяную компанию, собрав под её началом больше разведанных месторождений нефти и газа, чем «Exxon», и превратив её в гигантскую транснациональную корпорацию. Алекперов не только активно расширял «Лукойл», но и посредничал с позиции силы почти во всех крупных сделках по продаже нефти на территории бывшего Советского Союза. Факты его биографии проливают свет на то, как работала российская нефтяная отрасль и как на главном природном богатстве России была построена частная империя.

Алекперов вырос в Баку, в легендарном городе нефтяников на берегу Каспийского моря. Окончив Бакинский нефтехимический институт, он сделал карьеру в Западной Сибири. В 1983 году его назначили начальником нефтяного месторождения в далёком городе Когалым. Через семь лет Когалым превратился в самое рентабельное месторождение в Советском Союзе. В городе нефтяников Алекперова знали все; о его железном хладнокровии перед лицом опасности ходили легенды. Одна из историй связана с крупной утечкой нефти из нефтепровода. Из трубы хлестала горячая нефть; приехала ремонтная бригада со сварочным оборудованием, но к работе не приступала, опасаясь, что искра может вызвать взрыв. Приехал Алекперов, оценил ситуацию и лёг рядом с трубой. «Теперь заваривайте», - приказал он.

В 1990 году сорокалетний Алекперов стал заместителем министра топлива и энергетики. Советская нефтяная отрасль рушилась из-за сокращения государственных инвестиций и распада плановой экономики. Алекперов решил поехать на Запад, чтобы посмотреть, как работают такие транснациональные нефтяные компании, как «BP», «Agip» и «Chevron».

«Он хотел говорить об одном: о компании, которая позже получит название «Лукойл», - вспоминал американец Томас Хэмилтон, представлявший «BP» на переговорах с Алекперовым. - Он приехал с длинным списком вопросов о том, как построить многоотраслевую нефтяную компанию. «Почему это не получается?» «Почему так нельзя сделать?» «Как выполнить такой план?»

Алекперов попросил «BP» помочь в создании «Лукойла» и предложил стратегическое партнёрство. «BP» отказалась. «Мы считали это несбыточной мечтой, - вспоминает Дейвид Риэрдон, сотрудник «BP», принимавший участие в

переговорах. - Мы и представить не могли, что можно приватизировать лучшие нефтяные ресурсы Советского Союза».

Алекперов вернулся в Москву и узнал, что сторонники жёсткой линии в ЦК считают его кем-то вроде предателя. Его собирались уволить, но начальник Алекперова в министерстве поддержал ГКЧП в августе 1991 года и после провала путча был освобождён от должности. Алекперов возглавил Минтопэнерго в последние месяцы существования Советского Союза.

Он действовал быстро. Сначала передал имущество нефтяной промышленности страны государственной холдинговой компании «Роснефть» и сделал её руководителем своего друга Александра Путилова. Двое подчинённых Алекперова из министерства возглавили государственные нефтяные компании в Туркменистане и Казахстане. Затем Алекперов собрал лучшие в России нефтяные предприятия и лучших инженеров и создал «Лукойл». В результате приватизации компании, сначала на ваучерных аукционах в 1994 году, затем на более мелких денежных аукционах, Алекперов и высшее руководство купили четверть акций «Лукойла». Собственные акции и право голосовать от имени пенсионного фонда и профсоюза компании дали Алекперову бесспорный контроль над «Лукойлом».

К началу 1993 года ему стало тесно в Сибири. Он выбрал Баку, где консорциум западных нефтяных компаний (включающий «BP», «Amoco», «Exxon», «Penzoil», «Unocal») уже в течение двух лет вёл переговоры с азербайджанским правительством за право добычи 4 миллиардов баррелей нефти в море. Но восьмимиллиардная сделка затягивалась. Азербайджанской стороне всё время мерещилось, что их ставят в невыгодные условия, однако страх быть обманутыми не мешал им требовать крупные взятки. Россия ещё более усложняла ситуацию, настаивая на собственном участии в сделке.

Весной 1993 года в результате бескровного переворота, поддержанного Россией, к власти в Азербайджане пришёл бывший генерал КГБ и член советского политбюро Гейдар Алиев. Через два месяца глава Минтопэнерго Юрий Шафраник приехал в Баку в сопровождении Алекперова. «Шафраник появился перед членами правительства Азербайджана и заявил, что Россия имеет право участвовать в проекте, - вспоминает Расул Гулиев, в то время председатель азербайджанского парламента. - Затем он представил Алекперова и тепло отозвался о «Лукойле» как о деловом партнёре. Всем было понятно, что он имел в виду».

Азербайджанский лидер Гейдар Алиев согласился продать «Лукойлу» 10 процентов акций бакинского нефтяного консорциума по номинальной цене в 15 миллионов долларов. Западным нефтяным компаниям сообщили, что у них появился новый партнёр. Т.Дон Стейси из «Amoco» вспоминает всеобщее изумление: «Сначала мы восприняли «Лукойл», как противников. Но потом поняли, что они - такие же бизнесмены, как и мы, что они хотят создать хорошо работающее предприятие, а не наживаться за счёт другой стороны».

С присоединением «Лукойла» к бакинскому консорциуму всё встало на свои места. Был подписан контракт, Россия предоставила доступ по трубе к Чёрному морю, и через два года первая бакинская нефть потекла на Запад. «Мы хотим превратить «Лукойл» в самую крупную нефтяную компанию в мире - и по добыче, и по прибыли, - заявил в конце 1995 года Алекперов. - У семи сестёр (так традиционно называли семь крупнейших нефтяных компаний мира) теперь появился брат».

Отношения российских промышленников к иностранным бизнесменам обычно

проходили три стадии. Первая стадия - невежество и хвастовство («Нам не нужна ваша помощь - мы и так всё знаем»). Вторая стадия - страх: до россиян доходило, что они не понимают, как устроен мировой бизнес, и всячески оттягивали заключение любой сделки, опасаясь, что бессовестные иностранцы разденут их догола. Третья стадия - паника: россияне понимали, что дальше тянуть с заключением сделки нельзя, и соглашались подписать любой контракт, даже самый невыгодный.

Алекперов, напротив, действовал умно и решительно. «Другим российским нефтяным предпринимателям недостаёт проницательности и понимания правил игры, свойственных Алекперову, - заметил Томас Хэмилтон. - Они не умеют идти на такие же компромиссы, как он».

Под компромиссами Алекперова, в частности, подразумевались подарки влиятельным россиянам в виде очень дешёвых акций «Лукойла». Среди крупных акционеров был Юрий Шафраник, нефтяной министр России, с помощью которого «Лукойл» получил доступ к бакинской нефти. Другим крупным акционером был Александр Путилов, глава мощной государственной нефтяной компании «Роснефть».

Вскоре Алекперов вместе с Шафраником начали «прижимать» «Chevron» и Казахстан, которые разрабатывали гигантское месторождение на Тенгизе. Запасы тенгизской нефти (9 миллиардов баррелей) составляли примерно три четверти запасов на Аляске на момент открытия аляскинского месторождения в 1967 году. К началу 1995 года «Chevron» вложил в тенгизское месторождение 700 миллионов долларов и обязался инвестировать ещё 10 миллиардов в течение последующих двадцати лет. Но первые результаты оказались неутешительными.

«Такие проекты нельзя делать в одиночку, - заявлял Алекперов. - Надо делиться».

Алекперов с Шафраник сделали так, что «Chevron» получил право использовать только треть от обещанной для экспорта с Тенгиза ёмкости российской трубы; «Chevron» был вынужден перевозить нефть по российской железной дороге. «Если нас примут в тенгизский консорциум, мы обязуемся решить проблему с трубой», - сказал Алекперов в конце 1995 года.

Через несколько месяцев «Chevron» дал согласие на участие «Лукойла» в тенгизском проекте. Это было мудрое решение. Без сильного российского партнёра иностранная компания в России была обречена на провал. Крупнейшая американская компания «Exxon» пыталась в одиночку осуществить гигантский тиман-печорский проект, но безуспешно - пока не сделала «Лукойл» своим партнёром.

При том, что ему удалось перехитрить лучшие нефтяные компании в мире, своей компанией Алекперов управлял как старомодный турецкий паша. «Меня всегда поражало, до чего красивые у него переводчицы», - замечал Томас Хэмилтон.

На корпоративном самолёте Алекперова, которым я летел в 1995 году, стюардессы были сама красота и скромность - олицетворение евразийской привлекательности. «Президентское качество для президентского самолёта», - прошептал глава пенсионного фонда «Лукойла», глядя на одну, особенно привлекательную девушку.

Алекперов также умел делать подарки. «Лукойл», например, дал деньги

конструкторскому бюро Яковлева - на строительство первого в стране самолёта представительского класса на основе стоместного Як-42. «Лукойл» не интересовало строительство самолётов, но самолёты представительского класса с роскошной обивкой на креслах, стоимостью 19 миллионов долларов каждый, были прекрасными подарками. Один самолёт он подарил мэру Москвы Юрию Лужкову. Другой - президенту «Газпрома». В 1995 году, когда переговоры «Лукойла» по тенгизскому проекту перешли в решающую стадию, Алекперов подарил самолёт президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву.

Даром? «Даром ничего не бывает, - усмехнулся Алекперов, - просто формы оплаты бывают разные».

Тело в реке

Вагит Алекперов показал, что умный и энергичный руководитель может сделать с российской нефтяной компанией. К каким бы методам он ни прибегал при строительстве своей империи, факт остаётся фактом: Алекперов - способный предприниматель, первый нефтяной магнат в современной России.

Березовский тоже хотел стать нефтяным магнатом, но места за столом уже были заняты. В 1995 году единственная не приватизированная крупная собственность в нефтеотрасли принадлежала государственной компании «Роснефть». Имея в собственности более половины акций некоторых крупнейших месторождений и лучших НПЗ в России, «Роснефть» была мощной компанией, второй в стране по величине. Президент Ельцин ещё не всё отдал в частные руки.

Березовский жаждал отломить кусок от этого пирога. Но имелась одна загвоздка: «Роснефть» была государственной компанией, но, тем не менее, она входила в сферу влияния «Лукойла». Генеральным директором «Роснефти» был давний партнёр Вагита Алекперова Александр Путилов; Минтопэнерго возглавлял ещё один партнёр «Лукойла». «Лукойлу» принадлежала часть акций одного из лучших предприятий «Роснефти» - Омского нефтеперерабатывающего завода.

В начале 1995 года к Березовскому с предложением обратился Роман Абрамович, двадцатидевятилетний предприниматель, занимавшийся торговлей нефтью. Абрамович был преуспевающим коммерсантом, контролировавшим работу группы компаний, базировавшихся в Швейцарии; он был также деловым партнёром зятя Ельцина Леонида Дьяченко. Абрамович предложил Березовскому создать новую компанию - «Сибнефть», разделив между собой два лучших предприятия «Роснефти» - нефтедобывающую компанию «Ноябрьскнефтегаз» и Омский нефтеперерабатывающий завод.

Нефтяной бизнес, как таковой, не входил в планы Березовского, но он понимал, что нефть в России - это основной источник крупных финансовых средств. ««Сибнефть» интересует меня постольку, поскольку эта компания открывает возможности для широкого манёвра, - позднее сказал мне Березовский. - Ведь нефть является не только бизнесом сама по себе, вследствии того, что её можно продавать, но нефть является ещё и серьёзным финансовым бизнесом, постольку поскольку он создаёт надёжные механизмы гарантии кредитов. Среди всего прочего «Сибнефть» открывает возможности мне для оперирования других бизнесов, поскольку создаёт возможность для привлечения инвестиций».

Наметив жертву, Березовский обратился к генералу Коржакову и первому вице-премьеру Олегу Сосковцу, курировавшему промышленность в целом, с предложением создать «Сибнефть». «У меня добрые отношения с Коржаковым и

Сосковцом, - поделился он с российской газетой «Коммерсант» осенью 1995 года. - Я глубоко уважаю этих людей. Вообще же, с моей точки зрения, это нормально - хорошие отношения власти и бизнеса. Во всём мире власть помогает бизнесу. Более того, капитал определяет власть, но у нас, в России, это ещё впереди».

Он лоббировал свои интересы через управляющего делами президента Павла Бородина и даже через премьер-министра Виктора Черномырдина. В ответ на поддержку Черномырдина Березовский вызвался помочь координировать финансирование его политической партии «Наш дом - Россия» во время парламентских выборов 1995 года; он также обеспечил Черномырдину положительное освещение его деятельности на ОРТ. Он убедил премьер-министра, что ОРТ необходимы дотации и что «Сибнефть» позволит Березовскому использовать прибыль от нефти для финансирования канала.

«Сибнефть» была создана летом 1995 года. Единственное государственное учреждение, которое могло бы выступить против создания «Сибнефти» - Минтопэнерго, - в этой закулисной сделке не участвовало.

«Указ президента о создании «Сибирской нефтяной компании» стал неожиданностью даже для специалистов, - вспоминал генерал Коржаков. - Концепция развития нефтяного комплекса страны уже была утверждена правительством, и появление столь мощной компании никак в неё не вписывалось».

Омский НПЗ, один из двух ключевых компонентов новой компании, к переговорам допущен не был. Современное оборудование, огромная пропускная способность и прекрасное географическое положение с лёгкостью обеспечили Омскому НПЗ первенство в России; его поставщиками были крупнейшие нефтедобывающие предприятия страны. Хотя за «Роснефтью» осталось больше половины акций (вскоре они перейдут «Сибнефти»), у завода были серьёзные внешние инвесторы: 10 процентов акций принадлежали «Лукойлу», небольшие пакеты находились в собственности иностранных инвесторов, таких, как «CS First Boston». Другими словами, Омский завод мог прекрасно работать без постороннего вмешательства.

Во главе Омского завода стоял Иван Лицкевич, уважаемый ветеран отрасли. В прошлом он сотрудничал с партнёром Березовского Романом Абрамовичем, который покупал на заводе нефтепродукты для экспорта за границу. Но Лицкевич выступил против планов Березовского и Абрамовича взять завод под свой контроль и сделать его частью «Сибнефти». 19 августа 1995 года его тело нашли на дне Иртыша. Местные правоохранительные органы объявили, что это был несчастный случай.

Лишившись генерального директора, Омский завод быстро сложил оружие. У Березовского с Абрамовичем оставалось последнее препятствие - компания «Балкар Трейдинг», которой принадлежало право на экспорт большей части сырой нефти, добываемой «Ноябрьскнефтегазом». Компания была названа в честь мятежной республики Кабардино-Балкарии на Кавказе. Компанию возглавлял Пётр Янчев, соперник Березовского по торговле автовазовскими машинами.

В период создания «Сибнефти» «Балкар» была одной из крупнейших торговых нефтяных компаний в стране. Среди прочих у неё был пятилетний контракт на поставку американскому нефтяному гиганту «Mobil» 25 миллионов тонн сырой нефти, добываемой «Ноябрьскнефтегазом» на сумму примерно в 3 миллиарда долларов. Естественно, Янчев не хотел уступать столь выгодный контракт вновь

созданной компании под названием «Сибнефть». В борьбе за сохранение позиций Пётр Янчев мог рассчитывать на нескольких мощных покровителей: тренера Ельцина по теннису Шамиля Тарпищева; исполняющего обязанности генерального прокурора России Алексея Ильюшенко, чья жена работала у Янчева консультантом; и заместителя Ильюшенко, который приходился Янчеву тестем.

По иронии судьбы, именно на Ильюшенко была возложена ответственность за раскрытие убийства Листьева; сразу после убийства Ильюшенко оказал Березовскому услугу, приказав следователям воздержаться от обыска в офисе «ЛогоВАЗа». Но к осени 1995 года надобность в услугах со стороны Ильюшенко у Березовского отпала. В конце сентября, через месяц после создания «Сибнефти», Янчева арестовали по обвинению во взяточничестве и растрате и бросили в тюрьму. Ильюшенко уволили с поста исполняющего обязанности Генерального прокурора, а ещё через несколько месяцев арестовали за взяточничество. Большинство крупных контрактов «Балкар Трейдинг» по продаже нефти, добытой «Ноябрьскнефтегазом», было расторгнуто. Сотрудники «Mobil» уехали домой.

Теперь Березовский с Абрамовичем могли принять на себя руководство «Сибнефтью» без особого сопротивления. Оставался лишь технический вопрос - как заполучить акции нового нефтяного гиганта. Вскоре способ нашёлся: постыдная псевдоприватизация в виде залоговых аукционов.

Залоговые аукционы

Идею проведения залоговых аукционов впервые упомянул в разговоре со мной в 1994 году американец Борис Йордан, специалист по инвестициям, в то время возглавлявший российский акционерный отдел в «CS First Boston»; Йордан полагал, что российскому правительству следует организовать гигантскую сделку «долги в обмен на акции». В начале 1995 года он ушёл из банка и основал расположенную в России компанию «Ренессанс Капитал»; его партнёром стал банкир Владимир Потанин. Вместе они разработали план обмена долгов правительства на акции. По этому плану ведущие российские банки давали остро нуждавшемуся в деньгах правительству 2 миллиарда долларов под залог крупных пакетов акций лучших промышленных предприятий страны. Акции оставались в собственности банков до проведения на этих предприятиях приватизации во втором раунде аукционов в 1997 году.

Ведущие российские банки были готовы участвовать в строительстве промышленной империи. «В России нет спокойной жизни, если получаешь приличные доходы от торговли, - сказал мне глава Банка «Менатеп» Михаил Ходорковский. - Никто этого не понимает. У вас не будет ни минуты покоя. На вас будут наезжать рэкетиры, вас будут дёргать государственные органы. Вас перестанут уважать даже ваши родители».

Настоящая причина была куда более прозаической. Обслуживая счета крупнейших российских экспортёров, основная доля в которых всё ещё принадлежала государству, банки вроде «Менатепа» сколотили огромные состояния, и им требовались гарантии того, что деньги этих компаний будут и дальше поступать на их счета. И банки решили пустить деньги, заработанные на обслуживании счетов крупнейших экспортёров, на покупку их же акций. (Второй этап приватизации по модели Березовского.) Однако новые российские банкиры были не в состоянии много заплатить. Всего за несколько лет они сделали миллиарды долларов, но большую часть этих денег истратили на мраморную отделку офисов, «мерседесы», особняки в Москве и виллы за границей.

Никто не умел так ловко прибирать к рукам крупные компании, как Березовский, - почти даром. Магнат вложил всего несколько миллионов долларов и получил контрольный пакет акций «АвтоВАЗа»; он заплатил всего 320 тысяч долларов за контрольный пакет на ОРТ; он не заплатил ни копейки за контроль над «Аэрофлотом». За контрольный пакет акций «Сибнефти» надо было выложить приличные деньги, но не таков Березовский - он хотел заплатить лишь крошечную часть рыночной стоимости.

Именно на этой основе - взять под контроль крупнейших российских экспортёров и при этом ничего не заплатить за их акции - и родилась идея залоговых аукционов. Честь обратиться с этим предложением к правительству предоставили Владимиру Потанину.

Тридцатишестилетний Потанин был одним из «золотых мальчиков» советского истэблишмента. Умный, энергичный и деловой. С хорошими связями. Его отец работал в Министерстве внешнеэкономических связей. Потанин вступил в комсомол, учился в престижном институте, в двадцать шесть лет вступил в партию и начал работать в министерстве своего отца. После падения Берлинской стены Потанин с сослуживцами из министерства основал международную торговую компанию «Интеррос» - конкурента старым государственным торговым монополиям. При поддержке высоких должностных лиц из Министерства внешней торговли и ЦК партии его компания быстро получила лицензии на внешнеторговую деятельность, появились клиенты из числа крупнейших экспортёров.

После прихода Ельцина к власти Потанин начал заниматься банковским делом. Он основал два банка - МФК и «Онэксим-банк» - на руинах главных внешнеторговых банков СССР. Лучшие клиенты этих обанкротившихся учреждений - более сорока крупнейших российских экспортёров - перевели свои счета в новые банки, оставив внешнеторговые долги российскому правительству. Уже через несколько лет после основания «Онэксим-банк» и МФК занимали третье и четвёртое места соответственно в рейтинге российских банков, имея филиалы в Швейцарии, на Кипре и Карибских островах.

Даже такое современное финансовое учреждение, как «Онэксим-банк», несло на себе отпечаток примитивизма российской банковской системы. Мне это бросилось в глаза, когда я пришёл на встречу с Потаниным в офис «Онэксим-банка» - огромное, уродливое современное здание. Сначала пришлось предъявить вооружённой до зубов охране приглашение; затем мой портфель пропустили через рентгеновскую машину, а меня попросили пройти через металлодетектор. Преодолев последний барьер - изготовленные в Италии двери из толстого гранатонепробиваемого стекла - я, наконец, оказался в холле. К чему такие меры безопасности? «Из-за бандитов, - объяснил Потанин, когда я поднялся к нему наверх. - У правительства нет сил, чтобы защитить нас. Вот мы сами себя и защищаем. Самые талантливые государственные служащие, включая тех, кто работал в спецслужбах, перешли в частные структуры».

Среди клиентов «Онэксим-банка» были предприятия, производившие стратегически важные экспортные товары - нефть, бриллианты, драгоценные металлы и оружие, - это доказывало его привилегированный статус. Потанин не участвовал в политических интригах, никогда публично не критиковал членов правительства. В отличие от Березовского Потанин очень сдержанно высказывался по поводу своих замыслов. «Я никогда не считал, что влияние банкиров на власть является решающим, и я никогда не считал, что власть должна обслуживать бизнес», - сказал он мне.

Но идея кредитов под залог акций как раз и означала то, что правительство шло в услужение нескольким избранным банкам. Другие крупнейшие российские банки с радостью подписались под идеей Потанина. Наиболее красноречивый и представительный из банкиров, Потанин представил план на заседании Кабинета министров в марте 1995 года; его сопровождали Михаил Ходорковский из «Менатепа» и Александр Смоленский из «Столичного банка сбережений». Потанин выступал один. Кабинет министров под руководством Анатолия Чубайса и премьер-министра Черномырдина план принял.

Тут же последовала драка между ведущими банками за право дать правительству кредит в обмен на акции лучших предприятий. Полковник Валерий Стрелецкий, возглавлявший отдел СБП по борьбе с коррупцией и должностными преступлениями в правительстве, выяснил, как отбирались победители залоговых аукционов.

«Отбор шёл летом и осенью 1995 года на многочисленных встречах полудюжины ведущих бизнесменов (Березовский, Смоленский, Ходорковский, Потанин и другие) с государственными чиновниками, - говорит он. - Они не всегда встречались в полном составе. Иногда собирались отдельными группами, обсуждали проблемы, приходили к соглашению. Если договориться не удавалось, каждый шёл своим путём, действуя через знакомых в госаппарате. Затем опять встречались все вместе. Таким путём шло разделение сфер влияния». В результате ожесточённого торга, предшествовавшего аукциону, несколько ведущих российских коммерческих банков выпали из узкого круга привилегированных участников - Владимир Гусинский («Мост-банк»), Владимир Виноградов («Инкомбанк»), Пётр Авен («Альфа-банк»), Виталий Малкин («Российский кредит»).

Важным фактором на данном этапе процесса приватизации было отношение Татьяны Дьяченко к тому или иному банкиру / олигарху, - вспоминает Стрелецкий. - Она шла к президенту и говорила: этот - хороший, а тот - плохой; этого надо поддержать, а того не надо». Больше всего, по словам полковника Стрелецкого, Татьяна отстаивала интересы Березовского. Она была в дружеских отношениях с Валентином Юмашевым, литературным обработчиком мемуаров Ельцина «Записки президента». «Они виделись каждый день, постоянно перезванивались, у них был общий круг знакомых», - вспоминает генерал Коржаков. Именно Валентин Юмашев познакомил Березовского с Татьяной Дьяченко.

Вскоре автомобильный дилер и дочь президента стали близкими друзьями. Березовский, по словам генерала Коржакова, осыпал Татьяну подарками - драгоценностями и автомобилями. «Первый крупный подарок Березовский сделал Татьяне Дьяченко в 1994 году - «Ниву» (российская версия джипа), - говорит Коржаков. - Автомобиль был оборудован по спецзаказу стереосистемой, кондиционером, противоугонной системой и роскошным салоном. На российском рынке такая машина стоила бы 10 тысяч долларов. Когда «Нива» сломалась, Березовский подарил Татьяне Дьяченко «шевроле блейзер» - вездеход стоимостью 50 тысяч долларов на российском рынке.

В то время муж Татьяны Дьяченко, Леонид, занимался торговлей нефтью с Омского нефтеперерабатывающего завода; он особенно тесно сотрудничал с партнёром Березовского Романом Абрамовичем.

Березовский умел выбирать друзей. По мере того как исчезали старые друзья Ельцина - ветераны, поддерживавшие его в трудные времена, но павшие жертвой

коррупционных скандалов и политических интриг, - президент всё больше опирался на семью. Скоро Татьяна стала его самым близким политическим советником. По всему было видно, что она - его любимая дочь. Единственный запоминающийся эпизод в «Записках президента» - странная история о том, как Ельцин давал крошечной Тане свою грудь, чтобы она не плакала в поезде.

Как могло случиться, что дочь Ельцина, ничего не понимавшая ни в бизнесе, ни в государственных делах, участвовала в распределении собственности лучших российских предприятий? «Татьяна Дьяченко - единственный человек, к кому президент прислушивается, кого безгранично любит и кому безгранично доверяет, - продолжает Стрелецкий. - Возможно, сам президент и не распоряжался, кому быть на аукционах победителем, а кому проигравшим. Эту роль взял на себя Черномырдин - он выполнял все указания президента, угадывал его желания и был готов делать, что угодно. Это была одна цепочка: бизнесмены - Татьяна - Ельцин - Черномырдин, и Татьяна Дьяченко в ней - связующее звено».

Одним из первых победителей залоговых аукционов стал давний партнёр Березовского Михаил Ходорковский. Ещё в 1992-1993 годах, когда Березовский только занялся коммерцией, заключив несколько крупных сделок по экспорту нефти, древесины и алюминия, его контракты, как утверждают, обслуживал «Менатеп-банк» Ходорковского. Когда летом 1995 года разрабатывалась схема залоговых аукционов, «Менатеп-банк» помог «ЛогоВАЗу» выплатить долги «АвтоВАЗу». Во время самих аукционов «Менатеп-банк» и финансовые компании Березовского давали взаимные гарантии - способствовать победе друг друга.

Офис Михаила Ходорковского находился в угрюмом особняке в центре Москвы. Здание обнесено высоким металлическим забором с острыми зубцами. Прилегающая территория кишела охранниками в хорошо сшитых костюмах или чёрном обмундировании и сапогах. Пропуска проверялись самым тщательным образом.

«Лично мне не принадлежит ни одной акции в моей компании. У меня только зарплата и машина», - сказал Ходорковский в нашу первую встречу. Однако он возглавлял одну из крупнейших империй в стране и входил в число самых богатых людей России. Его холдинг включал Банк «Менатеп», дюжину других банков, крупную недвижимость в Москве, сталелитейный завод, крупнейшие в России заводы по производству титана и магния, а также множество пищевых комбинатов, текстильных фабрик, предприятий по производству минеральных удобрений и химикатов.

И всё же, сидя в своём кабинете у изразцовой печи за чашечкой кофе, со шкурой уссурийского тигра в ногах, Ходорковский, тридцати одного года от роду, держался подчёркнуто скромно, как прилежный старшекурсник. За плечами у него была классическая карьера крупного предпринимателя ельцинской эпохи. В 1987 году, занимая высокий пост в московском комсомоле, Ходорковский основал торговый кооператив на партийные деньги; год спустя создал банк. В 1990-1993 годах Ходорковский работал в правительстве России, сначала на посту экономического советника российского премьер-министра, затем заместителем министра топлива и энергетики. Группа «Менатеп» между тем разрасталась. Её торговые компании получали большие прибыли от нефти, зерна, сахара и металлов. Банк «Менатеп» богател на обслуживании счетов московских учреждений и различных федеральных структур.

Ходорковский предусмотрительно обзаводился нужными связями за границей.

Первым заместителем председателя Банка «Менатеп» был Константин Кагаловский, женатый на Наташе Гурфинкель-Кагаловской, главе отдела «Bank of New York» по работе с Россией. Гурфинкель уйдёт со своего поста в 1999 году, когда американское правительство займётся расследованием дела об отмывании денег через «Bank of New York». Ходорковский старался создать «Менатепу» имя за границей. В 1994 году он истратил миллион долларов на рекламу во всю страницу в «Wall Street Journal» и «New York Times». Он нанял компанию «Arthur Andersen», чтобы провести аудит, выпустил через «Bank of New York» американские депозитные квитанции.

Однако некоторые крупные внешнеторговые сделки Ходорковского не вызывали восторга в США. Он тесно работал с беглым американским коммерсантом Марком Ричем. С 1994 по 1996 год «Менатеп» продал Кубе нефти на сотни миллионов долларов в обмен на кубинский сахар. Ходорковский также способствовал созданию структуры под названием «European Union Bank» на острове Антигуа в Карибском море, небезызвестном райском местечке для отмывания денег, особенно наркодолларов.

На залоговых аукционах Ходорковского интересовал недавно созданный холдинг «Юкос» - вторая по величине нефтяная компания в России. В холдинг входила добывающая компания «Самаранефтегаз» - экспортом её продукции занимался Березовский - и Самарский НПЗ, на котором за два года до этого произошло несколько убийств. По запасам нефти «Юкос» считался одной из богатейших компаний в мире и на залоговых аукционах был самым лакомым куском. На торги выставили 45 процентов акций. В начале ноября 1995 года «Менатеп» прямо велел остальным потенциальным желающим от участия в торгах воздержаться. «Двух мнений быть не может, - заявил прессе первый зампредседателя «Менатепа» Константин Кагаловский, - «Юкос» будет нашим».

Месяц спустя, 8 декабря, консорциум из «Инкомбанка», «Альфа-банка» и банка «Российский кредит» предложил за акции «Юкоса» 350 миллионов долларов - намного больше, чем другие участники. Но структурой, ведавшей регистрацией заявок на участие в аукционе по продаже «Юкоса», был «Менатеп-банк». И он не принял заявку консорциума по следующей причине: часть залога консорциум внёс государственными краткосрочными облигациями, а не деньгами. В итоге «Юкос» достался компании, представлявшей интересы «Менатепа», она заплатила за пакет акций «Юкоса» всего на 9 миллионов долларов больше стартовой цены в 150 миллионов.

Между тем автор идеи по проведению залоговых аукционов Владимир Потанин положил глаз на другой трофей - металлургический гигант «Норильский никель». Это предприятие было одним из важнейших российских экспортёров и крупным акционером «Онэксим-банка». Город Норильск был основан недалеко от Северного полюса в 1935 году; он зародился как один из самых страшных советских лагерей. Первыми директорами норильского конгломерата были генералы НКВД - печально известной сталинской тайной полиции. За двадцать лет в норильском лагере от голода, болезней, холода погибли и были расстреляны около 100 тысяч заключённых.

В недрах арктической тундры в этом месте было скрыто 35 процентов разведанных мировых запасов никеля, 10 процентов меди, 14 процентов кобальта, 55 процентов палладия, 20 процентов платины, а также крупные залежи угля и серебра. «Норильский никель» разрабатывал, возможно, самое богатое в мире месторождение руды с исключительно высоким содержанием металла.

После 1991 года контроль над предприятием взяли директора заводов, они основали собственные торговые компании за рубежом и принялись стричь валютную выручку предприятия. Акционеры с незначительным количеством акций - «Онэксим-банк» и «CS First Boston» - были не в состоянии положить конец грабежу. С проведением залоговых аукционов у Потанина появился шанс: правительство решило продать свой пакет акций - 38 процентов общих, 51 процент голосующих.

На аукционе по продаже акций «Норильского никеля» самое большое предложение - 355 миллионов долларов - поступило от компании «Конт», представлявшей интересы банка «Российский кредит». «Онэксим-банк», проводивший регистрацию заявок на участие в аукционе, отстранил «Российский кредит» из-за «недостаточных финансовых гарантий». Победителем стал филиал «Онэксим-банка», заплативший 170,1 миллиона долларов - всего на 100 тысяч больше стартовой цены.

Несколько недель спустя опять-таки «Онэксим-банку» поручили регистрировать заявки на участие в аукционе по продаже 51 процент акций нефтяного гиганта «Сиданко». В очередной раз «Российский кредит» подал заявку, и «Онэксим-банк» её снова не принял: якобы «Российский кредит» не внёс необходимый задаток; между тем представители «Российского кредита» утверждали, что их даже не пустили в здание «Онэксим-банка» в день аукциона. Аукцион выиграла связанная с «Онэксим-банком» МФК, заплатившая всего 5 миллионов долларов сверх стартовой цены в 125 миллионов.

К тому времени всем стало ясно, что залоговые аукционы имели мало общего со свободным рынком. Аукционы были подтасованы - сделки осуществлялись в угоду избранной группе предпринимателей.

Аукцион по продаже акций «Сибнефти»

Аукцион по продаже 51 процента акций «Сибнефти» был последним в серии залоговых аукционов. «Сибнефть» была блестящим трофеем. Одна из крупнейших частных нефтяных компаний в мире, она имела разведанные запасы углеводородов, равные запасам «Amoco» и «Mobil», вместе взятых, хотя её фактическая добыча составляла треть добычи вышеназванных американских гигантов. Добившись создания «Сибнефти» летом 1995 года, Березовский никому не собирался уступать её акции.

Для покупки акций «Сибнефти» была специально создана «Нефтяная финансовая компания», «НФК». Березовский утверждал, что лишь оказывал «НФК» консультационные услуги по участию в аукционе. Не прошло и года, как он бросил разыгрывать комедию и в интервью мне честно признался: «НФК» принадлежит ему.

Аукцион по продаже акций «Сибнефти» состоялся 28 декабря 1995 года. Стартовая цена составила 100 миллионов долларов. Было два конкурента: «Инкомбанк», чья дочерняя металлургическая компания «Самеко» предложила за пакет акций 175 миллионов долларов, и «НФК» Березовского, предложившая 100,3 миллиона.

Ещё за несколько месяцев до аукциона Березовский решил, что победителем станет он. Но как нейтрализовать соперника? Некоторое время спустя глава Госкомимущества Альфред Кох рассказал мне, как прошли торги.

«Аукцион начинается. Вдруг как у Гоголя в «Ревизоре» раздаётся «стук сапог». Открывается дверь. Заходит человек и кладёт на стол комиссии факс: «Я, Иван Иванович Иванов (фамилии не помню), директор завода «Самеко», отзываю свою заявку». Всё. Конкуренции не было. Остался один покупатель, и он победил».

«Что в этом такого странного?»

«Я, находясь в твёрдом уме и здравой памяти, - ответил Кох, - подав однажды заявку на аукцион, не придумаю завтра её отобрать, тем более, что речь идёт о ста или двухстах миллионах долларов. Директор «Самеко» - кажется, его фамилия Оводенко - подал заявку (и снял её). Что-то должно случиться в течение нескольких дней, чтобы я наплевал на своего хозяина («Инкомбанк»), наплевать на то, что я буду выглядеть просто смешно на старости лет...»

«Вы думаете, он сделал это против воли «Инкомбанка»?» - спросил я.

«Абсолютно. На сто процентов».

«Но почему?»

«Жизнь дороже, наверное, чем хозяин, - усмехнулся Кох. - Ему сделали предложение, от которого он не смог отказаться».

Тем не менее, требовался по крайней мере ещё один участник, чтобы аукцион состоялся. Весьма кстати подвернулась компания «Тонус», представлявшая интересы «Менатеп-банка» и одновременно дававшая финансовые гарантии «НФК» Березовского. Она предложила 100,1 миллиона долларов. «НФК» предложила 100,3 миллиона - всего на 300 тысяч больше стартовой цены - и выиграла аукцион.

Итак, Борису Березовскому удалось купить контрольный пакет акций «Сибнефти», когда, если исходить из стоимости этих акций, её цена была меньше 200 миллионов долларов. Два года спустя «Сибнефть» продавала свои акции на российской бирже, компания уже оценивалась в 5 миллиардов долларов. Чем же объяснить прирост стоимости акционерного капитала за два года на 2400 процентов? Со времени залогового аукциона на «Сибнефти» мало что изменилось - то же неуклюжее предприятие-гигант, добывавшее столько же нефти для тех же покупателей. Но едва акции компании стали продаваться на свободном рынке, их стоимость приблизилась к реальной.

В последующие месяцы глава «Инкомбанка» Владимир Виноградов неоднократно заявлял в прессе, что результаты залоговых аукционов были фальсифицированы. «Инкомбанк», один из крупнейших коммерческих банков России, просто-напросто вывели из игры. Зимой 1994-1995 года он значился в списке акционеров ОРТ, куда входили только самые избранные, но в последнюю минуту его вычеркнули. Он участвовал в подготовке залоговых аукционов, но на последнем этапе в число намеченных победителей не попадал. Он пытался купить акции «Юкоса», но безуспешно. Пытался купить акции «Сибнефти», но ему не позволили.

Как только «Инкомбанк» публично опротестовал результаты аукционов по продаже акций «Сибнефти» и «Юкоса», государственные структуры стали на него нажимать. 15 января Центробанк приступил к расследованию платёжеспособности банка. Несмотря на то, что «Инкомбанк» своевременно производил все платежи, в прессе появились домыслы о его финансовой несостоятельности; Центробанк даже ввёл там на короткое время временное административное управление. К осени 1996 года «Инкомбанк» перестал бороться за то, чтобы результаты

аукционов признали недействительными; но в частных беседах Владимир Виноградов продолжал утверждать: за кампанией по дискредитации его банка стояли Березовский со Смоленским.

Березовский продолжал скупать оставшиеся акции «Сибнефти», подав заявку на приобретение 15 процентов акций на денежном аукционе и ещё 34 процентов на инвестиционных торгах.

Во время интервью накануне первых инвестиционных торгов (15 процентов акций «Сибнефти» были проданы 19 сентября 1996 года) Березовский держался на удивление спокойно. Когда я спросил его, насколько возможно участие иностранных инвесторов в аукционе по продаже 15 процентов акций, он ответил - маловероятно. Вести дела в России иностранцам чрезвычайно рискованно. «Мы управляем процессом в большей степени, чем им управляют западные компании», - объяснил он. На самом деле западные инвесторы поняли, что это не свободный рынок, а что-то вроде мафиозного сговора.

В обмен на 34 процента акций Березовский с Абрамовичем обещали инвестировать в «Сибнефть» 78 миллионов долларов в течение трёх лет. Этой суммы было недостаточно даже для поддержания в норме существующих нефтяных скважин, не говоря уже о повышении производительности.

«Власть должна выражать интересы бизнеса»

Главный архитектор залоговых аукционов Анатолий Чубайс отрицал, что они были подтасованы и что государство получало до смешного мало денег. «Не забывайте, что это была огромная сумма», - сказал он о миллионах, которые «Менатеп» заплатил за акции «Юкоса».

Но правительство Ельцина явно не стремилось получить как можно больше денег за государственное имущество. Об этом говорит хотя бы то, что иностранцы не были допущены к участию в аукционах. «Предприятия продавались бы дороже, если бы в аукционах участвовали иностранцы, - признал Потанин. - Я выступал за их участие, но моё предложение не нашло поддержки в правительстве».

Сколько были готовы заплатить иностранные стратегические инвесторы за акции, выставляемые на аукционах? Об этом можно судить хотя бы по продаже акций «Лукойла» осенью 1995 года. На залоговых аукционах сам «Лукойл» купил 5 процентов акций своей компании за 35 миллионов долларов. Несколькими месяцами раньше американская нефтяная компания «Arco», купила 6 процентов акций «Лукойла» за 250 миллионов.

Есть и ещё одно свидетельство подтасовки результатов залоговых аукционов: к каждому аукциону были допущены по крайней мере два участника, но почти всегда победитель платил лишь на несколько миллионов долларов больше стартовой цены. Эта цена была искусственной, она не имела никакого отношения к рыночной стоимости компании.

Из этих жемчужин в короне российской промышленности только акции «Норильского никеля» были проданы по более или менее реальной цене, хотя и она была в шесть раз меньше, чем на открытом рынке полтора года спустя. Продажа акций нефтяных компаний была чистым надувательством - их стоимость на рынке была в 18-26 раз выше уже через полтора года после аукционов!

«Почему государство продавало свою собственность так дёшево? Потому что продавали сами себе. Произошло сращивание государственного аппарата, части

чиновников с этими генераторами идей, - утверждает полковник Стрелецкий, позже написавший бестселлер на эту тему (Стрелецкий М.А. «Мракобесие», Москва, 1998) - Березовский, Гусинский, Бойко, Потанин и остальные. Эти люди знали, как нужно украсть. Для того чтобы украсть, им требовался союз с государственными чиновниками. Госчиновникам тоже были нужны деньги. И союз состоялся».

Березовский рассматривал этот вопрос философски. «Власть, если не говорить об абстрактном выражении должна выражать интересы бизнеса», - заявил он в ноябре 1995 года в интервью газете «Коммерсант». «- И в последнее время власть всё больше выражает интересы капитала.»

Залоговые аукционы имели для России катастрофические последствия. Государство разом лишилось значительной части предприятий, кормивших бюджет. Эта ошибка проявится с особой силой уже через три года, когда государственная финансовая система рухнет.

«Мы совершили ошибку, приватизировав самые доходные отрасли, за счёт которых правительство могло худо-бедно пополнять бюджет, - сказал министр внешних экономических связей Олег Давыдов. - Они (банки) забрали прибыли у государства, у тех слоёв населения, которым зарплату не платили. Трагедия сегодняшнего дня в том, что если это были бы государственные предприятия, они приносили бы доходы, платили бы налоги, платили бы зарплату своим рабочим, они вносили в обновление капитала своего. Предприятие бы жило. Но пришли вот эти «собственники», и что произошло? Прибыли нет. Налогов нет. Оборудование изнашивается. А деньги уплывают за рубеж».

Ирония, в частности, заключается в том, что деньги, на которые Березовский и другие олигархи купили акции предприятий на залоговых аукционах, принадлежали государству. Как только Гайдар с Чубайсом начали экспериментировать с капитализмом, правительство Ельцина стало делать всё, чтобы укрепить кучку привилегированных банков. Эти структуры получали кредиты Центробанка под отрицательный реальный процент. Им давали огромные государственные средства для размещения на депозитах под процент ниже рыночного. Им разрешили захватить прибыли российских торговых организаций и не платить с них налоги. И, наконец, их допустили на эксклюзивный рынок государственных краткосрочных облигаций (ГКО) с доходом в 100 процентов и больше в долларах. Выплачивая такие высокие проценты по внутреннему долгу, российское правительство неотвратимо приближалось к банкротству. А банки со связями - «Онэксим», «Менатеп», «Столичный» - жирели на легко нажитых деньгах.

Часть денег ушла на предметы роскоши, часть - на покупку промышленных предприятий на залоговых аукционах.

Залоговые аукционы были лишь очередным этапом в стратегии ельцинского режима - интересы страны были принесены в жертву интересам ближнего круга олигархов.

Истоки этих коррумпированных отношений восходят к соглашению между Березовским и президентом Ельциным о публикации его мемуаров в 1994 году. Проникнув в ближний круг президента первым среди крупнейших российских предпринимателей, Березовский проложил дорогу другим олигархам. Олег Сысуев, вице-премьер правительства при Ельцине, позже сделал следующий вывод: «Ельцин допустил одну серьёзную ошибку: он дал возможность большому

бизнесу приблизиться к себе и своему близкому окружению на расстояние непозволительное. Ни в одном законе не сказано было, насколько тесными могут быть такие отношения. Просто этого он не мог или не мог, как человек, чувствовать: насколько это расстояние должно быть. Вследствие этого, видя насколько это всё близко и, как это всё развивается, остальные решили, что это правила, правила, которые установлены высшей властью и, что этим правилам можно следовать и при этом быть спокойным за свою судьбу».

Залоговые аукционы были самой наглядной иллюстрацией этих правил. Возможно, именно они подтолкнули Россию к банкротству - дефолт в августе 1998 года, но с точки зрения макиавеллизма они оказали режиму Ельцина неоценимую услугу, вынудив олигархов поддержать переизбрание Ельцина. Поскольку аукционы проводились в два этапа - в 1995 году олигархи дали правительству взаймы деньги, но официально должны были получить предприятия в свою собственность только после президентских выборов 1996 года, - Чубайс и его команда получили гарантии, что победители аукционов сделают всё возможное для переизбрания Ельцина на второй срок. Таким образом, олигархи и правительство Ельцина стали подельниками в грабеже.

Глава 8. «Чёрная касса» президентской кампании Ельцина

Давос

Каждый год в конце января богатые и влиятельные люди со всего света съезжаются в Давос, эксклюзивный горнолыжный курорт в Швейцарии. Это событие называют Всемирным экономическим форумом.

Когда в начале 1996 года Борис Березовский приехал в Давос, предстоящие президентские выборы в России находились в центре внимания. Положение Бориса Ельцина было весьма сложным: до выборов оставалось всего шесть месяцев, а по результатам социологических опросов лидер коммунистов Геннадий Зюганов опережал других кандидатов с большим отрывом. Опросы показывали, что за шестидесятипятилетнего Ельцина готовы отдать свои голоса от пяти до восьми процентов опрошенных. В списке претендентов на президентский пост он занимал четвёртое или пятое место. На парламентских выборах в декабре прошлого года российские избиратели решительно выступили против его политики; коммунисты и партия Жириновского получили две трети мест в нижней палате парламента. Накануне Нового года у Ельцина случился инфаркт, и его отправили на лечение в санаторий «Барвиха».

Создавалось впечатление, что деловая и политическая элита во всём мире поставила на нём крест - шансы Ельцина на переизбрание были минимальны. Между тем Геннадий Зюганов своими умеренными взглядами произвёл на Запад положительное впечатление - когда коммунисты придут к власти, никакой революции на большевистский манер не будет, заявил он. «Я помню прекрасно, какое было отношение деловых кругов Запада к Зюганову в Давосе, - говорил Березовский. - Я помню, как энергично велись переговоры с Зюгановым о возможном партнёрстве и прочее, прочее. Но у нас (российских олигархов) альтернатив не было - мы не могли вести разговоры с Зюгановым о партнёрстве».

В российскую делегацию в Давосе входили такие политики, как Анатолий Чубайс и Юрий Лужков, предприниматели Владимир Гусинский, Владимир

Виноградов и Михаил Ходорковский. Березовский понимал, что ведущим российским бизнесменам необходимо объединиться вокруг Ельцина, несмотря на разногласия. Первым делом он решил наладить отношения со своим главным противником - Владимиром Гусинским. Их встреча состоялась; они договорились забыть, как выразился Березовский, о своей «жестокой конкуренции» и создать объединённый фронт против коммунистов.

«Не могу сказать, что сегодня у нас с Борисом Абрамовичем любовь и дружба, - сказал Гусинский в интервью российской газете пару месяцев спустя. - Просто в какой-то момент понимаешь, что, продолжая драться, ты наносишь ущерб не только противнику, но и себе. У меня нет шансов одержать верх над Березовским, как и у него нет шансов одержать верх надо мной. Поэтому нам нужно было когда-то сесть и договориться».

Когда Гусинского спросили о новой единой цели, возникшей у российских олигархов после Давоса, он ответил: «Я бы не стал говорить о банковской корпоративности. Такого не бывает. Возможно только временное объединение интересов. У каждого финансового института нет ни друзей, ни врагов - есть временные союзники и временные конкуренты. Проходит время, и всё меняется».

Но чтобы обеспечить Ельцину необходимую поддержку дома, объединения банкиров в Давосе было мало. Некоторые олигархи - например, Владимир Потанин, глава «Онэксимбанка» - туда даже не поехали. Несмотря на весь свой дар убеждения, Березовскому не удалось уговорить влиятельных российских промышленников, в частности главу «Газпрома» Рема Вяхирева, и главных нефтедобытчиков, что объединить их должен именно он. Тогда Березовский обратился к Анатолию Чубайсу. Будучи архитектором приватизации в России, Чубайс практически каждому из новой элиты хоть что-то дал. Он больше всех подходил на роль руководителя предвыборной кампании Ельцина. Он всегда был прекрасным администратором - хладнокровным, трезвомыслящим и решительным. Он хранил верность олигархам, пользовался поддержкой на Западе. И руководители транснациональных корпораций, и правительственные чиновники на Западе считали Чубайса своим человеком в России.

«Чубайс тогда был практически не у дел, - рассказывал Березовский газете «Коммерсант». - Я встретился с Чубайсом с глазу на глаз. Я тогда предложил ему попытаться создать некую группу из нас, объединить нас, имею в виду финансовую элиту. Мы все ему доверяли. Мы точно знали, что со всеми нами у него были абсолютно формальные отношения, когда он был на государственной службе. Наверное, это было главным - мы не сомневались в его порядочности».

После жёсткой критики залоговых аукционов, как подтасованной приватизации, президент Ельцин был вынужден отправить Чубайса в отставку с поста первого заместителя премьер-министра в середине января. Со своей стороны олигархи щедро профинансировали вновь созданную некоммерческую организацию, которую Чубайс возглавил после ухода из правительства. «Столичный банк сбережений», совместно контролируемый Березовским и Александром Смоленским, предоставил этой благотворительной организации беспроцентный кредит в 3 миллиона долларов. Деньги вложили в государственные облигации ГКО, годовой доход в долларах составлял около ста процентов. Позже Генпрокуратура займётся расследованием нецелевого использования финансов в благотворительной организации Чубайса. (Через девять месяцев расследование было прекращено.) Так или иначе, проработав в частном секторе в 1996 году всего шесть месяцев, в налоговой декларации Чубайс указал

налогооблагаемый доход в 300 тысяч долларов от «лекций» и «консультаций».

Для элиты новых русских Чубайс был чудотворцем - ведь им удалось фантастически разбогатеть именно благодаря ему. Но Березовский сохранил на диво презрительное отношение к строителю российского капитализма. «Чубайс хорошо исполняет задания, которые даёт ему хозяин, - говорил позднее Березовский. - В своё время (начало 1996 года) он был нанят на работу теми, кого потом стали называть «семибанкирщиной» (Березовский, Потанин и другие олигархи). Это факт. Он был наёмным служащим с очень хорошей зарплатой. И он адекватно этой зарплате справился с задачами, которые перед ним поставили эти конкретные люди. А задача была простая: нам нужно было выиграть президентские выборы».

Березовский и его сообщники вернулись в Москву и плотно занялись предвыборной кампанией. Генерал Коржаков говорит, что был поражён новой стратегией и особенно новым союзом между Березовским и Гусинским. «Когда Березовский вернулся в Москву, он прибежал ко мне в Кремль и сказал, что не надо никого убивать, а лучше всем вместе дружить, - вспоминает Коржаков. - Я удивился. «Как же ты можешь сегодня просить убить человека, а завтра дружить с ним?»

К компании «Березовский-Гусинский-Чубайс» присоединились остальные олигархи. Из государственных чиновников к ним примкнул верный союзник Березовского Валентин Юмашев и давний коллега Ельцина Виктор Илюшин. Оставалось только убедить Ельцина.

«Власть мы не отдадим»

Пятнадцатого февраля Ельцин отправился в свой родной Свердловск, чтобы заявить об участии в президентских выборах на второй срок. День выдался холодный; президент ещё не оправился после недавно перенесённого инфаркта. Его голос был хриплым и слабым, вероятно, из-за гриппа. Шансов на победу Ельцина в выборах было мало. Россияне устали от коррупции, некомпетентности и нищеты. Правда, Ельцин всегда был особенно силён, когда его загоняли в угол, но, чтобы выиграть июньские выборы, от него требовалось нечто немыслимое.

Предвыборную кампанию официально возглавлял старый, проверенный кадр ельцинской администрации - первый вице-премьер Олег Сосковец, экс-министр металлургии и надёжный собутыльник президента. Сосковец входил в так называемую консервативную фракцию ельцинского окружения, членами которой являлись большинство руководителей силовых министерств: Грачёв, министр обороны; Барсуков, глава ФСБ, и Коржаков, руководитель СБП. Именно эта группа годом раньше организовала штурм Чечни, закончившийся полным провалом.

Промышленный управленец старого образца, Сосковец умел говорить на языке секретарей обкомов, которые всё ещё управляли страной от имени Ельцина. Как и секретарям обкомов, Сосковцу был свойствен жёсткий авторитарный стиль руководства. Анатолий Чубайс позже вспоминал, как в самом начале ельцинского правления, когда правительство изо всех сил отнимало у коммунистов последнюю власть, Сосковец проверял лояльность функционеров, выступавших на заседаниях Кабинета министров:

- А ты - рыночник?

- Да.

- Ну, тогда продолжай доклад.

Столь же примитивной была и стратегия предвыборной кампании Сосковца - она опиралась на грубую силу. Отношение ельцинской команды к выборам хорошо проиллюстрировал его друг и союзник генерал Коржаков. В апреле 1996 года Коржаков встретился в частном порядке с Виктором Черномырдиным, чтобы убедить его повлиять на губернаторов. «Губернаторы вас слушаются, - сказал ему Коржаков. - Они знают, что по вашему представлению назначают, по вашему представлению снимают, и они вас боятся. Просто скажите им: «60 процентов голосов должно быть за Ельцина». И они выполнят».

Возможно, эта стратегия и принесла бы в итоге свои плоды, но в начале 1996 года она была безрезультатна. Вскоре Коржаков начал действовать уж совсем грубыми методами. Если верить ему самому, он сказал коммунистам следующее: «Смотрите, ребята, не шутите. Мы власть не отдадим!»

Складывалось впечатление, что выборы надо отменять, иначе Ельцину при власти не остаться.

Собрание в доме приёмов «ЛогоВАЗа»

В середине апреля тринадцать ведущих российских бизнесменов собрались в доме приёмов «ЛогоВАЗа», роскошном особняке Березовского в центре Москвы - обсудить предстоящие выборы. В «группу тринадцати», как её называли, входили руководители крупнейших российских нефтяных компаний, самого большого независимого телеканала, автомобилестроительного гиганта, ведущей аэрокосмической фирмы и большинства крупнейших банков. Они составили обращение к российским враждующим политическим партиям, которое было опубликовано 27 апреля в ведущих газетах страны.

«Общество расколото, - так начиналось обращение. - Этот раскол катастрофически нарастает с каждым днём. И трещина, разделяющая нас на красных и белых, своих и чужих, проходит через сердце России. …В итоге победит не чья-то правда, а дух насилия и смуты. Взаимное отторжение политических сил столь велико, что утвердиться одна из них может только путём, ведущим к гражданской войне и распаду России».

«Группа тринадцати» предложила собственное решение: «В этот ответственный час мы, предприниматели России, предлагаем интеллектуалам, военным, представителям исполнительной и законодательной власти, правоохранительных органов и средств массовой информации, всем тем, в чьих руках сегодня сосредоточена реальная власть и от кого зависит судьба России: объединить усилия для поиска политического компромисса. …Российских политиков необходимо побудить к весьма серьёзным взаимным уступкам, к стратегическим политическим договорённостям и их правовому закреплению».

Письмо заканчивалось угрозой: «Отечественные предприниматели обладают необходимыми ресурсами и волей для воздействия на слишком беспринципных и на слишком бескомпромиссных политиков».

Письмо было воспринято российскими и западными СМИ, как призыв к приостановке действия Конституции и достижению взаимовыгодной договорённости между политическими партиями. Пожалуй, больше всего в этом письме удивляло, что ведущие бизнесмены представали в нём как влиятельнейшие лица, от которых зависит судьба России. Выдержанное в

приказном тоне, письмо повелевало ведущим политикам страны выстроиться в линию. Березовский впоследствии объяснил антиконституционный характер письма поведением консерваторов в окружении Ельцина: «Эта кампания - Коржаков, Сосковец, Барсуков - оказывали сильнейшее давление на президента с тем, чтобы, по существу, отменить выборы, - рассказал Березовский российскому журналисту год спустя. - И путь был выбран самый что ни на есть порочный и опасный. Обсуждался запрет коммунистической партии, разгон Думы и перенос выборов на два года...»

Призыв «группы тринадцати» к «компромиссу» между Ельциным и коммунистами не был до конца искренним. Он воспринимался, скорее, как предупреждение коммунистам: бизнесмены не допустят возвращения к государственной экономике, если на выборах победит Зюганов. Ведь в течение нескольких месяцев до публикации этого письма Березовский и его союзники не раз собирались в доме приёмов «ЛогоВАЗа», чтобы выработать стратегию, которая позволит Ельцину победить.

Через две недели после появления письма в газетах Зюганов решил ответить на обращение предпринимателей. Он предложил провести теледебаты с Ельциным - «дискуссию» по проблемам, стоящим перед Россией, и путям их разрешения. Ельцин сразу отказался, опасаясь импровизированного обсуждения наболевших российских проблем.

Между тем Борис Березовский занимался координацией деятельности по сбору средств на предвыборную кампанию Ельцина. «Не секрет, что именно российский бизнес, именно новые люди сыграли решающую роль в победе демократических сил на этих выборах, - поделился он со мной некоторое время спустя. - Это была борьба за кровные интересы».

Татьяна

Воодушевлённый поддержкой своих новых союзников, Ельцин решил не переносить выборы. Березовский и другие олигархи заверили его, что он может победить в июне. Затем Ельцин сформировал под своим началом новый предвыборный штаб, заместителями стали Черномырдин и Илюшин. Внутри этой новой организации Чубайс возглавил «аналитическую группу», но, по существу, стал новым руководителем предвыборной кампании. «Таким образом, мы заняли как бы всё интеллектуальное пространство, связанное с выборами президента, - заметил Березовский. - А президент получил новый информационный канал, чего мы и добивались».

Вскоре Чубайс всё взял в свои руки. Сначала его штаб размещался в здании Московской мэрии, несколькими этажами выше офиса группы «Мост». «Это действительно удобно, - замечал Коржаков, - под боком Филипп Бобков со своими профессиональными аналитиками и эксклюзивной информацией службы безопасности «Моста». Размещение штаба Чубайса рядом с группой «Мост» показало, как быстро изменился политический пейзаж - ведь всего год назад люди генерала Коржакова совершили «наезд» на группу «Мост» - «Мордой в снег!» - по наущению Березовского и президента Ельцина.

Вскоре штаб Чубайса переехал в «Президент-отель». Это тщательно охраняемое здание было закрыто для посторонних. Оно входило в сферу ведения управляющего кремлёвской собственностью Павла Бородина, оказавшегося в 1999 году в центре расследования швейцарской прокуратуры по делу о взяточничестве

и отмывании денег, и сюда по самым разным поводам стекались бизнесмены и правительственные чиновники - сторонники Ельцина.

Ключевой фигурой во вновь созданной команде стала тридцатишестилетняя дочь Ельцина Татьяна Дьяченко. «Это придумал Юмашев, - вспоминает Березовский. - Он позвонил мне в шесть утра и говорит: «У меня есть совершенно гениальная идея». И произносит только одно имя: «Таня». Я спросонья не вполне понял. «Что «Таня»?» Он отвечает: «Таня должна работать с нами в аналитической группе». ...Идея действительно была гениальной, я тогда её недооценил. Это открывало доступ информации к президенту. До выборов оставалось мало времени, и принимать решения надо было мгновенно. А эти решения мог принимать только президент. Поэтому нужна была оперативность и доверие к этому информационному каналу».

Березовский, Юмашев и Чубайс согласились, что участие Татьяны в работе предвыборного штаба принесёт неоценимую пользу. Но как обратиться к ней с этим предложением? Как объяснить её участие российским политическим кругам? По словам Коржакова, эта тройка отводила Тане такую же роль, какую сыграла дочь французского президента Жака Ширака Клод - она смягчила образ отца на президентских выборах во Франции в 1995 году. Фактически Татьяна сыграла куда более важную роль, чем просто советник по связям с общественностью - она стала одной из ключевых фигур в предвыборной кампании. Всё крутилось вокруг неё, и от неё зависели судьбы давних помощников Ельцина.

Говоря о предвыборной кампании 1996 года, Березовский высоко оценил вклад Татьяны в дело олигархов. «Трудно заподозрить Татьяну Дьяченко в том, что она имела какие-то иные цели, кроме тех, которые имели мы (олигархи) все», - сказал он российскому журналисту.

Татьяна была частым гостем не только в особняке Березовского; её нередко видели и в другом предвыборном штабе Ельцина (официальном) - «Президент-отеле». Это была территория Чубайса. Присутствие Татьяны в группе Березовского-Чубайса предопределило кончину предвыборного штаба Сосковца-Коржакова. Позднее Березовский вспоминал, как на новое развитие событий отреагировали «консерваторы»: «Сначала они не вполне понимали, что происходит, - так резко изменился весь политический расклад вокруг президента».

«В предвыборном штабе Таню назначили независимым наблюдателем, - вспоминает Коржаков. - На самом деле все знали, что дочь Ельцина полностью зависит от мнения Березовского и Чубайса».

«Несерьёзная сумма»

Березовский и его коллеги делали всё возможное, чтобы обеспечить победу Ельцина. Государственным служащим запрещалось принимать участие в предвыборной кампании, однако был задействован практически весь государственный аппарат, особенно губернаторы. Государственным телеканалам, например ОРТ Березовского, полагалось сохранять нейтралитет, однако на них нескончаемым потоком показывали новости, документальные программы и рекламные ролики, возвеличивавшие Ельцина и дискредитировавшие его противников. В соответствии с законом расходы партии на предвыборную кампанию не должны превышать 3 миллиона долларов, но, по оценкам СБП, на кампанию Ельцина было истрачено более одного миллиарда, а по оценкам

вашингтонского мозгового треста «Центра по стратегическим и международным исследованиям» - более двух миллиардов долларов.

«Деньги пошли на губернаторов и на подкуп людей, - вспоминает полковник Валерий Стрелецкий, руководитель отдела по борьбе с коррупцией СБП. - Их истратили на различные фиктивные партии, например партию Ивана Рыбкина (умеренно левая партия), и различные общественные движения, например казачество. «Наш дом - Россия», партия премьер-министра Черномырдина, тоже получила деньги из этого фонда. Повсюду создавались предвыборные штабы...»

Какое-то время спустя я спросил Чубайса, во что обошлась предвыборная кампания Ельцина. «Не знаю, не могу сказать, - ответил он. - Но официально зарегистрированный фонд кандидатов - 3 млн долларов - это совсем несерьёзно».

«Ельцинская предвыборная кампания финансировалась в основном за счёт тайных поступлений от российских банков и финансово-промышленных групп, а также отдельных предпринимателей, - говорит Коржаков. - Эти деньги поступали в так называемую «чёрную кассу»; за них никто не отчитывался. Березовский сразу стал основным распорядителем этой кассы».

Много денег из этого фонда ушло на оплату проельцинских программ на частных телеканалах, рекламных щитах, установленных местными градоначальниками, проельцинских рок-концертов, организованных шоу-бизнесом, листовок и плакатов, изданных частными издательствами. Регистрацией денежных поступлений на президентскую кампанию и контролем их расходования в основном занимался предвыборный штаб. Эта система работала как «чёрная касса».

«Всю схему координировал теневой предвыборный штаб в доме приёмов «ЛогоВАЗа», - говорит Стрелецкий. - Её придумали те же люди, что придумали залоговые аукционы. В начале 1996 года они много раз встречались в доме приёмов «ЛогоВАЗа»: Березовский, Татьяна Дьяченко, Чубайс и другие. На этих встречах Татьяна Дьяченко представляла интересы отца, Березовский представлял интересы предпринимателей, а Чубайс руководил самой кампанией».

Хотя деньги «чёрной кассы» прокручивали многие коммерческие банки, главная роль была отведена Александру Смоленскому, возглавлявшему «Столичный банк сбережений», в котором, как станет известно позже, Березовскому, по некоторым оценкам, принадлежало 25 процентов акций.

«Среди банкиров Смоленскому была отведена роль администратора, - объясняет Стрелецкий. - Березовский осуществлял связь с правительственными структурами. Он ближе всех стоял к правительству и фактически играл связующую роль между Кремлём и бизнесом. Если возникал вопрос, который требовал решения властей - какой-нибудь экономический вопрос, представлявший интерес для группы олигархов, - его решал Березовский. Если Смоленский был руками, то Березовский был головой этого организма».

Березовский стремился представить себя главным архитектором ельцинской кампании. Он публично хвастался своим превосходством и постоянно принижал роль другого человека, который мог претендовать на титул руководителя кампании - Анатолия Чубайса. «Ни одной идеи во время этой кампании не исходило от Чубайса, - сказал Березовский в интервью «Коммерсанту». - Он - не генератор идей, но блестящий их аналитик и реализатор. Очень часто наши предложения вызывали у него возражения, но потом он смирялся или подхватывал их. Во всяком случае, он их исполнял, и на очень высоком уровне».

Разработанная Березовским схема финансирования президентской кампании была верхом изобретательности: зачем зависеть от добровольных частных взносов, когда можно прокручивать государственные средства? В то время, когда учителя, врачи, солдаты и рабочие месяцами не получали зарплату, миллионы пожилых людей не получали пенсии, ельцинская команда решила бросить миллиарды долларов на переизбрание президента. Но использовать бюджетные средства для финансирования предвыборной кампании - это явно противоречило закону, эти деньги надо было отмыть через крупные промышленные империи Березовского и других олигархов. «Средства «чёрной кассы» были незаконными не только с точки зрения правил избирательной кампании; они представляли собой выручку от операций на чёрном рынке», - заметил Стрелецкий. Бизнесмены вносили в «чёрную кассу» сотни миллионов долларов. В обмен они получали суммы, превышающие их взносы во много раз, в виде государственных субсидий.

«Метод «вербовки» предпринимателей был продуман заранее, - отмечает Стрелецкий. - Он подводил фундамент под процесс приватизации. Маленькой группе бизнесменов отдали всё, весь государственный пирог. ...Бизнесменам, включая Березовского, выигравшим залоговые аукционы в 1995 году, разрешили одержать победу, при этом подразумевалось, что ...разрешая грабёж, государственные чиновники оказывают им услугу, но при одном условии - придёт время, когда бизнесмены должны будут дать крупные суммы денег на избирательную кампанию».

Государственные пакеты акций, оценивавшиеся на фондовом рынке в июле 1997 года в 14 миллиардов долларов, были проданы на залоговых аукционах олигархам менее чем за один миллиард. Это было далеко не всё, что ельцинское правительство заплатило Березовскому и его коллегам за поддержку. Крупные суммы бюджетных денег были оставлены на счетах в уполномоченных банках, которые могли ими свободно распоряжаться в течение нескольких месяцев. Предпринимателям пообещали дополнительные выгоды от приватизации (тоже в миллиарды долларов) после переизбрания Ельцина. И, наконец, как утверждают Коржаков и Стрелецкий, Березовский и другие олигархи получили возможность «снимать сливки» с предвыборной кассы.

Деньги на президентскую кампанию, вспоминает Стрелецкий, давали тысячи компаний. Практически любая компания, которая зависела от расположения правительства Ельцина, легко поддавалась на уговоры дать деньги на выборы. «Все эти деньги шли в общий котёл, общую кассу, а затем оттуда шло распределение средств, - говорит Стрелецкий. - Деньги поступали от самых разных предприятий и структур, но только узкий круг людей, включая Березовского, имел доступ к общаку. Этот узкий круг лиц оставлял часть денег на кампанию, а часть брал себе. ...Прежде чем деньги на кампанию доходили до места назначения, они проходили через цепочку посредников, каждый из которых что-то оставлял себе».

Массовое прикарманивание средств не было секретом для ельцинского окружения. Вечером 16 апреля генерал Коржаков и премьер Черномырдин выпивали в Президентском клубе. У них была редкая возможность обменяться мнениями о ходе избирательной кампании. Коржаков записал разговор на плёнку.

«*Ч.* Мы сейчас финансовую сторону кампании выборной налаживаем. ...Мне развёрстку принесли, и я их предупредил: всё будем проверять, смотреть документы, анализировать, суммы колоссальные идут. Это такая ненадёжная публика, лучше сразу этих подлецов отшить.

К. Конечно. Как на вашей кампании «Наш дом - Россия» наживались? Мне же рассказывали. У меня случайно один человек сидел в клубе «Олби», где они все тусовались. Он рассказывал: «Я попал просто в клоаку. Они выпили, и разговоры пошли только о том, как «бабки» делить, как собирать, как кому отдавать. О выборах даже не вспомнили.

Ч. Подонки. Сейчас даже Смоленский заволновался. ...Не знает, куда деньги уходят. Я хочу с Михаилом Ивановичем переговорить. (Барсуковым, начальником ФСБ.)

К. Там ребята (в предвыборном штабе) сидят цепкие. Чубайс определяет, какую программу и кто из них экспертирует. В зависимости от этого выделяют деньги.

Ч. Там цена четыре миллиона, пять, семь, пятнадцать...

К. Да.

Ч. Большие суммы. На 200 миллионов много можно сделать, это же в твёрдой валюте.

К. Много украсть можно.

Ч. Всё равно украдут, другое дело - сколько. И какова эффективность всех этих дел? Что мы от этого получим? Украдут всё равно...»

«Из их мозгов сделали пюре»

Если ельцинская кампания была безнадёжно коррумпирована, то кандидат от коммунистов был безнадёжно скучен. Более того, возникал вопрос: а нужна ли коммунистам победа? Они прекрасно чувствовали себя в роли оппозиционной партии. Генерал Александр Лебедь, один из кандидатов в президенты, впоследствии занявший пост советника Ельцина по национальной безопасности, утверждает: с 1993-1994 года лидеры коммунистической партии тайно получали деньги от правительства. Другими словами, лидеры коммунистов были не так независимы, как казалось их сторонникам.

И всё же у коммунистов была неплохая возможность выиграть выборы. Россия разваливалась, и ответственность за это лежала на правительстве Ельцина. Кроме того, коммунисты располагали мощной сетью первичных парторганизаций; их активисты работали в самых отдалённых уголках страны. Эти преданные соратники вполне годились для того, чтобы вести кампанию по старинке: агитировать по квартирам, раздавать на улицах листовки, проводить митинги. И всё-таки коммунистам было трудно достучаться до масс. Им крайне не хватало денег, у них не было доступа к телевидению.

Именно последнее роковым образом сказалось на предвыборной кампании коммунистов. Большинство россиян узнавали новости почти исключительно с телевизионных экранов. Телеканалы - и государственные, и частные - объединились вокруг Ельцина. Они развернули мощную пропагандистскую кампанию. Президент появлялся в программах новостей каждый вечер: встречался с пенсионерами Заполярья, обещал большие деньги забытым населённым пунктам, шутил с колхозниками, пожимал руки мэру брошенного на произвол судьбы промышленного города. «Господин Ельцин полностью контролирует СМИ, - заметил конгрессмен от штата Индиана Ли Хэмилтон во время слушаний в Конгрессе в апреле 1996 года по делу о российской организованной преступности.

- Другого претендента (Зюганова) на телеэкранах вообще не показывают».

Российские СМИ в своём большинстве зависели от государственных дотаций. Газеты зависели от дешёвых расценок в государственных типографиях; телеканалы зависели от низких расценок государственных вещательных структур. Крупнейший потребитель государственных щедрот - полугосударственный-получастный канал ОРТ Березовского - получал более 200 миллионов долларов государственных дотаций в год. Большинство российских СМИ не могли существовать без государственных дотаций, и это обстоятельство позволяло правительству контролировать содержание публикаций и программ. Самым эффективным оружием был подкуп.

Где-то в середине президентской кампании стали появляться разоблачительные материалы американских журналистов: команда Ельцина подкупала нуждавшихся в деньгах журналистов и их начальников, предлагая им напечатать лестные материалы о президенте. Ставка варьировалась: от ста долларов провинциальному репортёру за одну положительную статью до миллионов долларов владельцам крупнейших российских газет.

Расследуя скрытые денежные потоки ельцинской кампании, полковник Стрелецкий пришёл к выводу, что самые большие деньги получало телевизионное начальство. По словам Стрелецкого, среди документов, попавших в руки СБП, была обнаружена бухгалтерская проводка за первую половину 1996 года на 169 миллионов долларов, переведённых ОРТ Березовского. Стрелецкий утверждает, что деньги действительно перевели, но ОРТ получило только 30 миллионов долларов.

Рождение свободной прессы в России было одним из немногих обнадёживающих достижений за последнее десятилетие. Но во время президентской кампании 1996 года наблюдался заметный откат к прошлому. Березовский даже признал, что «не верит в свободу прессы в том смысле, в каком это понятие представляют идеалисты».

Сергей Пархоменко, редактор журнала «Итоги», заявил в интервью «Los Angeles Times», что готов поступиться журналистской этикой, лишь бы коммунисты не пришли к власти. «В этой игре ставки неравны, - сказал он. - Поэтому я готов поступиться справедливостью. Поэтому я готов разжигать в людях дикую антикоммунистическую истерию».

На ТВ сняли целый ряд документальных фильмов о Борисе Ельцине, в основном о его молодых годах - лучшей поре жизни. Героиней одного фильма была его жена, Наина, заботливая бабушка, - у себя дома она рассказывает о том, какую счастливую жизнь прожила с мужем. Самую решающую роль, возможно, сыграло почти ежевечернее появление президента в новостях. Либо он участвовал в важных событиях: прекращение огня в Чечне, визит Билла Клинтона в Москву, таможенное соглашение между Россией и Белоруссией, либо, в отсутствие таковых, работал в Кремле или встречался с рабочими в провинции. Зюганова же практически не было ни видно, ни слышно. К концу кампании, когда Ельцин заболел, коммунисты попытались поднять вопрос: нужен ли России больной президент? Они хотели купить рекламное время на государственном телевидении, но получили отказ.

Коммунисты теряли голоса, потому что плохо проводили рекламную кампанию, между тем ельцинской команде помогали лучшие западные специалисты. Одним из первых имиджмейкеров президента стал Тим Белл,

гениально проведший кампанию по выборам Маргарет Тэтчер в 1979 году. Ельцинский штаб также привлёк к сотрудничеству менеджеров, обеспечивших убедительную победу в выборах калифорнийского губернатора Пита Уилсона в 1994 году. Американские специалисты располагались в ельцинском предвыборном штабе, в «Президент-отеле». Они получили жёсткое указание «не светиться» и выходить из отеля только в крайних случаях. Калифорнийская команда располагалась в номере 1120 «Президент-отеля»; номер 1119 напротив был занят Татьяной Дьяченко. Профессиональные отношения между ними, по хвастливому признанию американского политолога Джорджа Гортона журналу «Time», были необычайно тесными: у Татьяны и американцев был один и тот же секретарь, одни и те же факсовые аппараты. Она была связующим звеном между американцами и российским президентом. «Американские консультанты относились к категории принцев заморских, - ворчливо замечает Коржаков. - После очередного совещания в штабе Таня сразу бежала к ним обсудить свежую информацию».

Американцы предложили такие грязные приёмы, как использование «команды правдолюбцев»: отслеживать выступления Зюганова, сбивать его с толку каверзными вопросами и пытаться вывести из себя. Они усилили основные приёмы ведения современных политических кампаний - каждодневные памятки с указанием неотложных задач, насущных тем для выступления, подлежащих передаче образов. Они делали простые вещи - Ельцина с хмурым взглядом на рекламном плакате заменяли улыбающимся Ельциным. Его появления перед фото- и телекамерами жёстко режиссировались, чтобы создавалось впечатление экспромта. Постоянно проводившиеся опросы общественного мнения и заседания фокус-групп анализировали настроения российских избирателей, в соответствии с которыми корректировался тон президентской кампании.

Ельцина отправили в изнурительную предвыборную поездку по стране - впервые в истории России. Российский президент надевал шахтёрскую каску и спускался в угольные шахты. Он встречался с солдатами в отдалённых военных гарнизонах. Он принимал хлеб-соль в глухих деревушках. На рок-концерте в Москве, организованном Сергеем Лисовским, Ельцин приплясывал на сцене в такт музыке. Россия никогда раньше не знала такой акции, как рассылка миллионов писем за подписью Ельцина ветеранам Великой Отечественной войны, где им выражалась благодарность за службу (многие получатели, видимо, решили, что письма подписал сам Ельцин).

Но самая изощрённая реклама велась российскими рекламщиками, которых обучили американцы. Компания «Видео интернэшнл» получила заказ на создание официальной рекламы предвыборной кампании - пятнадцати рекламных роликов. По замыслу создателей, в них не было места лобовой рекламе. Поскольку Ельцин не сходил с экранов телевизоров во время вечерних выпусков новостей, его присутствие в рекламных роликах не требовалось. Проект состоял из одноминутных сюжетов о жизни спортивных звёзд и заводских рабочих, бабушек и бывших министров, колхозников и учителей, солдат и артистов. Под сентиментальную музыку эти люди рассказывали о нелёгких временах и испытаниях, выпавших на их долю, о своих надеждах и чаяниях. Ролики заканчивались словами: «Верю. Люблю. Надеюсь. Б.Н. Ельцин».

Как заметили журналисты Ли Хокстейдер и Дейвид Хоффмэн из «Washington Post», «сюжеты роликов были, скорее, в духе сторонников коммунистов, но все говорили, что будут голосовать за Ельцина». Большинство россиян впервые подверглись столь изощрённой обработке со стороны СМИ. «Из их мозгов сделали

пюре», - сказал Алексей Левинсон из Всероссийского центра по изучению общественного мнения.

Монеты народу

Ельцин оказался хорошим кандидатом. Он прислушивался к своим советникам, когда они велели ему пользоваться телесуфлёром, носить хорошие костюмы, больше улыбаться. Он знал, что надо выглядеть более энергичным и мужественным. В предвыборных поездках он представал эдаким щедрым чудаком-волшебником. Он приезжал в какой-нибудь заброшенный промышленный городок и обещал всем выплатить задолженность по зарплате; одной женщине в толпе даже пообещал машину (и она её получила). Ельцин был царём, бросавшим народу серебряные монеты. Но были и серьёзные поступки: он создал специальный «Президентский фонд» (из бюджетных средств) по выплате задолженности по зарплате и пенсиям.

Подобная щедрость вела к росту инфляции. Поскольку экономика продолжала сокращаться, обещанные Ельциным деньги брались из валютных резервов и кредитов иностранных банков.

К счастью, весной МВФ предоставил России самый большой кредит - 10,2 миллиарда долларов на три года. Кредит быстро испарился. Несмотря на денежные вливания, валютные резервы Центрального банка за первую половину 1996 года сократились с 20 до 12,5 миллиардов долларов. Иными словами, за первые шесть месяцев 1996 года российское правительство истратило по крайней мере 9 миллиардов долларов. Часть денег пошла на ельцинскую предвыборную кампанию, часть - особо приближённым бизнесменам и государственным чиновникам, часть - на погашение многомесячной задолженности по зарплате.

Совмещая изощрённые западные предвыборные технологии с грубым давлением на местные власти, ельцинская кампания набирала обороты. Президент начал демонстрировать боевой задор, решая государственные дела. Вдруг появились заметные успехи, например убийство лидера чеченских боевиков, президента Джохара Дудаева. Эта операция была выполнена эффектно. Чеченский президент погиб от разрыва управляемого снаряда, наведённого на сигнал его сотового телефона. Гибель Дудаева обернулась для кампании Ельцина крупной удачей. Два месяца спустя с чеченскими боевиками удалось договориться о прекращении огня. Россияне вздохнули с облегчением.

Правление Ельцина одержало ещё одну победу 2 апреля, когда был подписан союзный договор с Республикой Беларусь - ловкий ход, отвечавший давнему стремлению россиян к объединению славянских земель бывшего Советского Союза. (На самом деле это соглашение осталось без последствий, поскольку никак не сблизило эти две страны.) В середине апреля в Москву приехал Билл Клинтон и снисходительно внимал Ельцину, бившему себя в грудь по поводу величия России, что также нашло живой отклик у россиян.

Национальный фонд спорта

Победа Ельцина над коммунистами была не за горами, а тем временем в ближнем окружении президента разразилась борьба за власть. Борис Березовский ополчился на своего прежнего покровителя - генерала Коржакова. В своих интервью и воспоминаниях Коржаков не уточняет, когда начались разногласия. До лета 1995 года между Коржаковым и Березовским всё было прекрасно. Начальник

СПБ помог магнату прибрать к рукам «Аэрофлот» и создать нефтяную холдинговую компанию «Сибнефть». Но осенью, когда проходили залоговые аукционы, Коржаков отсутствовал. Это отсутствие на кухне, где шёл делёж промышленного пирога страны, особенно проявилось в неудавшейся попытке «Инкомбанка», особенно близкого Коржакову, выиграть хотя бы один залоговый аукцион; дважды «Инкомбанк» пытался участвовать в аукционах по продаже акций крупных российских нефтяных компаний, и дважды ему бесцеремонно отказывали. Кроме того, Березовский больше не нуждался в Коржакове как канале связи с Ельциным - теперь у него были Татьяна Дьяченко и Валентин Юмашев. Наконец, если утверждение Коржакова о том, что Березовский просил его убить Гусинского, - правда, то отказ начальника СБП выполнить эту просьбу сказался бы на его отношениях с Березовским. Так или иначе, к концу 1995 года Березовский окреп настолько, что мог обойтись без протекции Коржакова.

«В окружении президента поняли, что Коржаков им мешает, - говорит Стрелецкий. - Коржаков не подпускал бизнесменов к Ельцину, не разрешал им приближаться к Ельцину со своими корыстными интересами. Помощники президента всегда нервничали, потому что Коржаков не спускал с них глаз и не позволял грабить безнаказанно. Они решили, что Коржакова надо убрать».

Березовский действовал быстро. В начале апреля он познакомил Татьяну Дьяченко с некоторыми неприглядными сторонами политических интриг в Кремле: он раскрыл ей секреты Национального фонда спорта - НФС. НФС был основан в 1992 году тренером Ельцина по теннису Шамилем Тарпищевым. Тарпищеву были свойственны те же открытость и дух товарищества, за которые Ельцин так любил Коржакова. Это был высокий человек с добродушной улыбкой, в его энергичной походке угадывались природные подвижность и быстрота. Ельцин дал Тарпищеву всё, что тот хотел. Как и структура, созданная покойным гангстером-филантропом Отариком, НФС должен был зарабатывать деньги для находившегося в бедственном положении российского спорта.

Когда в 1993 году Тарпищева назначили министром по физической культуре и спорту, он отошёл от каждодневного руководства НФС. Новым президентом стал тридцатитрехлетний Борис Фёдоров, в прошлом инженер, а ныне бизнесмен. Фонд спорта был фантастически прибыльной структурой. Он получил право беспошлинного ввоза в страну алкоголя и табака, при этом не платил налоги с прибыли. (Коммерческой структурой, которая физически реализовывала ввоз и продажу товаров, была Международная ассоциация «Кентавр», руководитель – Григорий Евгеньевич Никишкин). Расследование, позднее проведённое полковником Стрелецким, показало, что за два года НФС получил прибыль в 1,8 миллиарда долларов. «Эти деньги разворовывались, - говорит Стрелецкий. - Только незначительные суммы шли на поддержку спорта. Фёдоров и его друзья сколотили огромные состояния за счёт государственного бюджета».

В конце 1994 года Березовский сделал Фёдорова одним из акционеров-учредителей ОРТ. Фёдоров завоевал доверие другого предпринимателя со скандальной репутацией - Олега Бойко, который финансировал «молодого реформатора» Егора Гайдара и был замешан в многочисленных тёмных сделках. Будучи партнёром Березовского, Бойко вложил деньги в скандально известное казино «Черри», одного из его компаньонов серьёзно ранили при покушении на его жизнь в гангстерском стиле. Когда в середине 1995 года банк Бойко «Национальный кредит» рухнул, оставив долги на сотни миллионов долларов государственному Сбербанку, Фёдорова назначили президентом и лопнувшего

банка, и холдинговой компании Бойко «Олби». Эти компании тоже стали получать щедрые дары от НФС.

Высокоприбыльные операции НФС вызывали зависть. В марте 1995 года, в тот же месяц, когда был убит генеральный директор ОРТ Влад Листьев, неизвестный киллер застрелил Льва Гаврилина, начальника отдела по внешнеэкономическим связям НФС. По словам Стрелецкого, Фёдоров растратил 300 миллионов долларов из средств НФС. В России такое крупномасштабное воровство почти всегда сопровождалось бандитизмом.

«Часть денег (НФС) ушла на необоснованные кредиты различным коммерческим структурам, - вспоминает Стрелецкий. - Фёдоров создал около восьмидесяти коммерческих предприятий вокруг НФС и распределял все поступавшие деньги между ними. В конечном счёте, мы не смогли отыскать никаких денег и в этих коммерческих структурах. Они ушли дальше по цепочке».

Поскольку НФС являлся одной из структур, составлявших фундамент ельцинского режима, от Фёдорова ждали денег на президентскую кампанию. Где-то в конце марта или начале апреля, говорит Стрелецкий, Фёдорову велели принести в предвыборный штаб 10 миллионов долларов наличными. Фёдоров приехал в «Президент-отель» с деньгами в чемодане и отдал его Чубайсу. Коржаков, будучи страстным спортивным болельщиком и полагая, что в его обязанности входит контроль над деятельностью НФС, был очень недоволен, когда узнал, что деньги НФС идут его соперникам - в предвыборный штаб Березовского-Чубайса.

«Когда мы узнали об этом, мы пригласили его (Фёдорова) на беседу, - говорит Стрелецкий. - Сначала Коржаков встретился с ним утром в Кремле; потом вечером с ним в Белом доме встретился я. Мы сказали ему: ты должен вернуть деньги в НФС, потому что тогда шла подготовка к Олимпийским играм и к чемпионату мира по футболу, и денег не было. Коржаков сказал: ты должен вернуть эти деньги, потому что они принадлежат государству».

В тот же вечер Фёдоров поехал к Березовскому в дом приёмов «ЛогоВАЗа» - поделиться возникшими проблемами. Березовский пригласил на встречу своего друга Валентина Юмашева и дочь президента Татьяну Дьяченко. Он также записал разговор на плёнку. Фёдоров заявил, что его прижали к стенке мафиозные структуры, действующие внутри президентской администрации - в первую очередь СПБ генерала Коржакова и ФСБ генерала Барсукова. Генерал Коржаков вымогает у него взятку в 10 миллионов долларов, сказал Фёдоров. Он также обвинил друга Коржакова Шамиля Тарпищева в связях с организованной преступностью. «Коржаков с Барсуковым меня убьют, - заявил Фёдоров. - Скажите президенту, что нельзя окружать себя бандитами».

Этот рассказ о коррупции и преступности поверг Татьяну Дьяченко в шоковое состояние. «Заявление Фёдорова в доме приёмов «ЛогоВАЗа» было хитроумным ходом, придуманным в основном Березовским для дискредитации Коржакова, Барсукова и Тарпищева в глазах президентской дочери, - говорит Стрелецкий. - Представление было умело срежиссировано и разыграно». Дело НФС, как и многие российские скандалы того времени, до конца расследовано не было, поэтому оценить правдивость этих заявлений трудно.

«Нам сразу стало известно об этом спектакле и о существовании записи, - говорит Стрелецкий. - Тогда Березовский страшно испугался. На следующий день он пришёл к Барсукову с кассетой и сказал: «Я к этому не имею никакого

отношения, просто Фёдоров пришёл и наговорил весь этот ужас. Послушайте». На всякий случай Березовский оставил себе копию кассеты». По словам Стрелецкого, Березовский отдал кассету спецслужбам, потому что боялся Коржакова и Барсукова и хотел показать им, что он всё ещё на их стороне. Но Березовский не просто проявил верность давним патронам - он дал им понять, что располагает убойным компроматом.

Коржаков не сидел, сложа руки. 21 мая, почти через два месяца после записанной на плёнку встречи в доме приёмов «ЛогоВАЗа», главу НФС остановили сотрудники подмосковной милиции; под сиденьем его машины они обнаружили пакетик с кокаином. Его арестовали. Позже дело закрыли, однако анализ мочи, волос и ногтей Фёдорова подтвердил, что глава НФС действительно баловался кокаином. Фёдоров умер от инфаркта в 1999 году в возрасте тридцати девяти лет. Его отпустили почти сразу после ареста, но с поста президента НФС уволили. Его место занял Стрелецкий из СБП.

Тактика устрашения

Руководители президентской кампании понимали: проводись выборы как референдум по результатам деятельности президента, он почти наверняка проиграл бы. Деятельность Ельцина на посту российского президента не выдерживала никакой критики; даже самых изощрённых имиджмейкеров ожидал полный провал. Кампанию решили построить на контрасте. Да, россияне на дух не переносили Ельцина и его политику, но голода и гражданской войны они боялись ещё больше. Надо было убедить их, что победа коммунистов обернётся для России катастрофой, и Ельцин - единственный гарант стабильности.

По телевизору стали постоянно крутить хронику об ужасах коммунистического режима. В последние недели предвыборной кампании отпечатали больше миллиона плакатов, на которых был изображён Зюганов, а внизу подпись: «Это может быть ваша последняя возможность купить продукты!» Плакаты расклеили на продуктовых рынках по всей стране. Тогда же газета «Коммерсант», видимо на собственные деньги, напечатала 10 миллионов листовок под заголовком «Боже упаси!»; в них рассказывалось, какие беды могут обрушиться на Россию в случае прихода к власти коммунистов. Эти листовки россияне находили в своих почтовых ящиках.

10 июня в доме приёмов «ЛогоВАЗа» Борис Березовский собрал «группу 13» (в этот раз было на два подписанта меньше), чтобы подписать ещё одно открытое письмо по поводу выборов. Это письмо в открытую призывало голосовать за Ельцина. Кандидат от коммунистов Геннадий Зюганов подвергался в нём жестокой критике. Экономическая программа коммунистов, говорилось в письме «группы 13», «нацелена на возврат страны в лучшем случае к ситуации середины восьмидесятых». В худшем случае, говорилось между строк, победа коммунистов приведёт к голоду, войне и массовому террору. «Если меры, изложенные в программе коммунистов будут выполнены, катастрофа разразится через четыре-шесть месяцев», - предупреждала «группа 13». Идея коренным образом изменить стратегию группы, и в частности выступить с этим ужасающим пророчеством, принадлежала Березовскому.

«Сегодня лидеры коммунистов не скрывают, что для них самое важное: изменить форму собственности и в очередной раз сделать государственную собственность главной, - сказал Березовский в интервью российской газете за несколько недель до этого. - Мы уже провели сверхэксперимент, который

доказал... что эта социалистическая форма собственности порождает неэффективную экономику, не способную обеспечить элементарные потребности народа. Отсюда напрашиваются простые выводы: если экономика не способна обеспечить потребности народа, нужны политические средства. Какие? Построить лагеря, уничтожить пару миллионов людей, создать внешнего врага - остальное абсолютно ясно».

Менеджер предвыборной кампании Ельцина Анатолий Чубайс и через полтора года после выборов придерживался этой линии. Он сказал мне: «Ничего более омерзительного, отвратительного, человеконенавистнического и чудовищного, чем коммунизм, не существует... Зюганов - это уничтожение частной собственности, тоталитаризм уничтожение свободы, лагеря и убийство миллионов людей».

Да, советский коммунизм действительно был тоталитарным и античеловечным, и в первые десятилетия своего существования он действительно проводил геноцид русского народа, но ко времени прихода Горбачёва к власти он сильно изменился. Членами компартии в 90-е годы были в основном пожилые люди, стремившиеся сохранить систему социального обеспечения. Связывать режим Горбачёва, не говоря уже о коммунистической партии Зюганова, с ГУЛАГом, голодом и гражданской войной - это явный перебор.

Одиннадцатого июня, на следующий день после публикации второго письма «группы 13», в московском метро произошёл взрыв бомбы, унёсший жизни четырёх человек. Сторонники Ельцина немедленно обрушились с обвинениями в адрес экстремистски настроенных коммунистов и вновь обратились к россиянам с призывом «голосовать за гражданский мир и стабильность». Никто не взял на себя ответственности за взрыв, виновные найдены не были.

Вербовка генерала Лебедя

Пока сторонники Ельцина и коммунисты обливали друг друга грязью, у остальных сильных кандидатов сохранялась возможность сформировать блок антикоммунистический и антиельцинский одновременно. Одним из таких кандидатов был либеральный парламентарий Григорий Явлинский, автор экономической программы «500 дней». Явлинский, человек умный и проницательный (он всегда давал исключительно точный анализ ситуации в России), с безупречной репутацией, но с ограниченным контингентом избирателей - уж слишком явным представителем интеллигенции он был. Так или иначе, объединять своё «Яблоко» (набиравшее в социологических опросах 10 процентов голосов) с какой-нибудь партией он постоянно отказывался.

Другим сильным кандидатом был Владимир Жириновский, набравший наибольшее число голосов на выборах в Государственную думу в 1993 году. Однако на этот раз кампании Жириновского не хватало прежнего блеска. Он смягчил свою экстремистскую риторику и не мелькал на экранах телевизоров; как следствие в социологических опросах он набирал около 5 процентов. В любом случае Жириновский зарекомендовал себя ставленником ельцинского режима.

Фактически оставался только генерал Александр Лебедь. Бывший командир в парашютно-десантных войсках в афганской войне, в 1991 году он сыграл ключевую роль в том, что во время августовского путча армия заняла сторону Ельцина. Два года спустя, являясь командиром 14-й армии, он сохранил мир между русскими и румынами в бывшей советской республике Молдавия. В Лебеде больше

всего привлекали его личные качества: жёсткость, прямота, откровенность и честность. Россия давно ждала всадника на белом коне, который навёл бы в стране порядок, и для многих этим человеком был Лебедь.

Борис Березовский приметил его давно. Порвав с Коржаковым, Березовский решил сделать ставку на нового российского силовика - генерала Лебедя. Он надеялся, что, неискушённый в интригах Кремля, Лебедь станет пешкой в руках закулисных игроков. В краткосрочной перспективе основная ценность генерала состояла в его способности оттянуть на себя большое число голосов. Он проповедовал закон и порядок и нашёл отклик среди избирателей, собиравшихся голосовать за коммунистов.

Восьмого мая Березовский и другие члены «группы 13» встретились в Москве с Лебедем. Выйдя после двухчасовой встречи за закрытыми дверями, они воздержались от комментариев. Когда к генералу Лебедю подошли журналисты, он отмёл домыслы о том, что между ним и ельцинским лагерем было достигнуто соглашение. «Меня не купили, - сказал он. - Я не продаюсь».

Возможно, грубоватого генерала-десантника и не купили, но Березовский и его деловые партнёры дали деньги на его избирательную кампанию. Вдруг он стал заметным кандидатом - замелькал на телеэкранах, в газетах, на рекламных щитах. По мере роста своей популярности Лебедь отбирал всё больше голосов у коммунистов.

Шестнадцатого июня Ельцин победил в первом туре выборов. Он получил 35 процентов голосов, а его противник Геннадий Зюганов - 32 процента. Сюрприз преподнёс Лебедь, получивший солидный результат - 15 процентов. Второй тур назначили на 3 июля.

Сразу после первого тура события стали развиваться стремительно. 18 июня Ельцин назначил генерала Лебедя советником по национальной безопасности и секретарём Совета безопасности. Для вхождения в состав правительства Лебедь поставил одно условие - уволить с поста министра обороны генерала Павла Грачёва. Грачёва уволили на следующий день. С государственной точки зрения это надо было сделать давно. Некомпетентный и хвастливый, Грачёв нёс ответственность за развал Российской армии и кровавую авантюру в Чечне. Но политически его отставка таила в себе опасность. Грачёв был одним из старейших и ближайших друзей генерала Коржакова, и его отставка была сигналом, что лагерь Березовского-Чубайса идёт против всей «консервативной» фракции в ельцинском окружении. Эта фракция, теперь состоявшая из трёх человек - Коржакова, Михаила Барсукова (начальник ФСБ) и первого вице-премьера Олега Сосковца - осталась единственной преградой, мешавшей группе Березовского-Чубайса установить полный контроль над Кремлём.

Коробка с деньгами

Со своей стороны Коржаков уже принял решение: раскрыть секреты «чёрной кассы» ельцинской предвыборной кампании. В переизбрании Ельцина сомнений практически не было, и это позволяло предать гласности махинации предвыборного штаба. Коржакову надо было действовать стремительно. Ситуация менялась ежедневно. «Во время президентской кампании 1996 года Ельцин поручил мне не только участвовать в важнейших выборных мероприятиях, но и контролировать финансовую деятельность предвыборного штаба, - сказал он жёстко. - Сотрудники СБП выявили серьёзные нарушения, суть которых можно

сформулировать предельно кратко: деньги из предвыборной кассы безбожно разворовывали».

В день, когда Лебедь вступал в должность секретаря Совета безопасности, оперативная группа из отдела полковника Стрелецкого по борьбе с коррупцией СБП готовилась к началу операции. У команды Стрелецкого было мало шансов попасть в «Президент-отель» - вотчину Чубайса. СБП не могла проникнуть и в дом приёмов «ЛогоВАЗа» Березовского. К счастью, у ельцинской кампании имелся ещё один опорный пункт - Белый дом, где хранились важные предвыборные документы и деньги.

Поздно вечером 18 июня сотрудники Стрелецкого проникли в комнату 217 в Белом доме. Это был кабинет Германа Кузнецова, заместителя министра финансов и, по сведениям СБП, одного из основных распорядителей «чёрной кассы». В сейфе Кузнецова оперативники нашли пачки долларовых купюр, а также квитанции об уже переведённых в иностранные банки средствах.

«Офицеры СБП обнаружили полтора миллиона долларов наличными вместе с корешками от платёжных поручений, которые доказывали, что средства кампании переводились на счета офшорных кампаний, - вспоминает Стрелецкий. - Мы не знали, кому принадлежали эти компании, какие услуги они оказывали. Но мы поняли механизм, с помощью которого средства из «чёрной кассы» переводились на счета иностранных банков.

Мы нашли подготовленные платёжные поручения, для перевода денег на офшорные счета. По одной такой платёжке, например, 5 миллионов долларов должны были перевести в банк на Багамах за рекламные и полиграфические услуги. Мы нашли 20 таких счетов. На каждом корешке платёжки стояли номер и дата. Мы обнаружили квитанции с номерами 21, 22, 23, 24. Умножаем 24 на 5 миллионов и получаем 120 миллионов долларов. Это даёт некоторое представление о размахе хищений.

Часть средств «чёрной кассы» хранилась наличными в сейфах и чемоданах; часть держали в банках, на специальных счетах. Платёж почти всегда производился наличными, чтобы избежать внимания со стороны налоговых органов. Для обналичивания средств, находившихся в российских банках, деньги переводили за границу и обналичивали там. В этот момент деньги превращались в «чёрный нал».

Цепочка могла выглядеть следующим образом: допустим, 50 миллионов долларов переводили из российского банка на Багамы. Затем эти деньги переводили в другую страну, в Европу, например, или страны Балтии. Оттуда деньги перевозили в Россию наличными и помещали в «чёрную кассу». Но назад ввозили не все деньги. Например, если из России перевели 50 миллионов, совсем не обязательно, что столько же ввозили назад; могли ввезти только 10 миллионов. Эти деньги никто не контролировал. Они распределяли большую часть этих средств по собственным счетам, где хотели. Это была крупномасштабная афера».

К переводу денег за границу привлекались почти все крупные банки - «Столичный», «Менатеп», «Российский кредит», «Мост-банк», «Альфа-банк» и другие. Центральный банк России не шевельнул и пальцем, возможно, потому что сам занимался перекачкой минимум одного миллиарда долларов из средств МВФ в свою собственную офшорную «чёрную кассу» - финансовую компанию «Fimaco», зарегистрированную в налоговом раю на острове Джерси.

«Каждый, кто участвовал в ельцинской предвыборной кампании, включая

Березовского, хотел сделать на этом деньги, - говорит Стрелецкий. - Для этого они искусственно завышали свои расходы. Заключали липовые контракты на оказание рекламных или полиграфических услуг. За границей часть денег распределялась по личным счетам банкиров и государственных чиновников, а часть возвращалась в Россию. Расследование, проведённое СБП, показало, что из средств избирательной кампании было похищено от 200 до 300 миллионов долларов, в основном бизнесменами, близкими к предвыборному штабу в Москве».

Сейф Германа Кузнецова оказался кладезем информации. Сделав тщательную опись всего найденного, сотрудники Стрелецкого положили полтора миллиона долларов назад в сейф. Они знали, что эти деньги получены в Министерстве финансов, но хотели посмотреть, кто за ними придёт.

На следующий день, 19 июля, в 17:20 при выходе из Белого дома сотрудники милиции задержали двух активистов президентской кампании с тяжёлой картонной коробкой из-под ксероксной бумаги; она была набита пачками долларовых купюр - всего 500 тысяч долларов наличными. Активистов арестовали.

Это были Аркадий Евстафьев, бывший пресс-секретарь Чубайса, и Сергей Лисовский, давнишний партнёр Березовского по рекламному бизнесу на ОРТ. Оба они были на ведущих ролях в президентской кампании. Лисовский оставил в сейфе Кузнецова простую расписочку - клочок бумаги со словами «500 000 у.е. Лисовский».

Во время допроса сотрудниками СБП и ФСБ они своей вины не признали. «А.В. Евстафьев заявил, что не имеет никакого отношения к изъятой валюте и вообще не знает, откуда она вдруг появилась, - позднее отметил в своём докладе Генеральный прокурор России. - Лисовский С.Ф. в своём коротком объяснении сказал, что изъятая валюта предназначалась для платы артистам за проведённые в ходе избирательной кампании концерты».

Арест двух активистов кампании Ельцина с коробкой валюты дал СБП неопровержимые доказательства: в предвыборном штабе Березовского-Чубайса имеют место крупномасштабные мошенничество и растрата.

Фёдоров остаётся в живых

Незадолго до того дня, когда сотрудники СБП на выходе из Белого дома задержали Евстафьева и Лисовского с коробкой валюты, в другом районе Москвы было совершено покушение на бывшего президента Национального фонда спорта Бориса Фёдорова. Его спасло от смерти чудо. Покушение произошло рядом с его домом. После первого выстрела пистолет киллера заклинило, и тогда он несколько раз ударил Фёдорова ножом в шею и грудь. Но Фёдоров выжил; он скрылся в Западной Европе. Это было кровавое завершение странной истории, которая началась с посещения Фёдоровым дома приёмов «ЛогоВАЗа» три месяца назад.

На следующий день Анатолий Чубайс созвал пресс-конференцию и обвинил в происшедшем генерала Коржакова. Все знали о конфликте генерала с Фёдоровым, включая отставку Фёдорова с поста президента НФС. «Думаю, наша общая задача - выяснить, какую роль сыграли господа Барсуков и Коржаков в событиях, связанных с господином Фёдоровым», - заявил Чубайс.

Он заметил, что полковник Стрелецкий, сменивший Фёдорова на посту президента НФС, также руководил операцией по задержанию людей с коробкой валюты. Оба инцидента, заявил Чубайс, - дело рук полковника Стрелецкого и

других офицеров СБП. «Так называемая коробка из-под ксерокса - традиционный компонент провокации КГБ советского образца, - сказал Чубайс. - Недавно мы были свидетелями сходной ситуации, когда подбросили наркотики».

Организаторов преступления так и не нашли. Если покушение совершили по приказу Коржакова, то работа была выполнена на удивление топорно, хотя шеф СБП мог выбирать из лучших профессионалов КГБ.

«Моё личное мнение - что это было выгодно только Березовскому, для того чтобы дискредитировать окончательно в глазах президента Коржакова и Барсукова, - говорит Стрелецкий. - У Березовского была запись разговора с Фёдоровым, и вся страна уже знала о непримиримом конфликте между Фёдоровым и Коржаковым. Другими словами, всей стране было ясно, что эти двое - противники. Оставалось только организовать попытку покушения. И она была организована. Подозрение сразу пало на нас».

Россия ещё не знала содержания разговора между Березовским и Фёдоровым, записанного на плёнку; СМИ ещё не обнародовали подробности криминальных интриг, которыми поделился Фёдоров. Но один человек уже слышал обвинения Фёдорова в адрес Коржакова - Татьяна Дьяченко. Жестокая попытка покушения на жизнь Фёдорова, казалось, подтверждала ужасные вещи, которые она слышала в тот вечер в доме приёмов «ЛогоВАЗа».

Полковник Стрелецкий убеждён, что покушение на Фёдорова заказал Березовский или кто-нибудь из его окружения. «Что этот союзник дал Березовскому? - спрашивает он. - Союзник - явление временное. Для Березовского все люди делятся на две категории: презерватив в упаковке и использованный презерватив. Как только человек использован, Березовский его выбрасывает».

Восьмого июля, через пять дней после второго тура выборов, «Новая газета» опубликовала стенограмму фёдоровской плёнки. В тот же вечер НТВ озвучила отрывки в новостях. Плёнку прессе передала, по всей видимости, группа Березовского-Чубайса, чтобы публично дискредитировать Коржакова.

Как ни странно, сам Фёдоров не был уверен в том, кто организовал на него покушение. Через день после разоблачительной публикации в «Новой газете» он дал интервью «Комсомольской правде», где лишь предполагал, что его «подставил» Березовский. «Разговор, приведённый в статье, слеплен из разных фрагментов, в том числе из подслушанных в разное время бесед», - жаловался Фёдоров. На вопрос, а был ли вообще этот знаменитый разговор, Фёдоров ответил: «Вообще-то был, по адресу Новокузнецкая, 40 (представительство Березовского). Но к тому, о чём там говорилось, кто-то добавил много чего другого».

Жена Фёдорова была более откровенной. В интервью, опубликованном в «Комсомольской правде» рядом с интервью мужа, она сказала, что, по её мнению, за покушением стоят те же люди, которые организовали публикацию в «Новой газете».

Итак, Анатолий Чубайс обвинял людей Коржакова в организации провокаций в стиле КГБ - история с кокаином, подброшенным в машину Фёдорова в мае, с коробкой из-под ксерокса, подброшенной Евстафьеву с Лисовским. Между тем Фёдоров с женой в интервью не исключали возможности, что само покушение 19 июня было провокацией с целью очернить Коржакова, представив его как главного подозреваемого.

«Либо они затыкаются, либо посажу»

Возможно, правда о попытке покушения на Фёдорова никогда не всплывёт. Но косвенные улики указывали непосредственно на Коржакова, а нападение за несколько дней до того, как арестовали людей с коробкой из-под ксерокса, - в итоге у ельцинистов, желавших избавиться от шефа СБП, на руках оказались сильные козыри.

Девятнадцатого июня Коржаков ехал домой со встречи с Михаилом Барсуковым, на которой они обсуждали арест Евстафьева и Лисовского (с коробкой валюты). В машине раздался звонок. Звонила Татьяна Дьяченко из дома приёмов «ЛогоВАЗа». «Вы должны отпустить их, - кричала Татьяна в трубку. - Это конец выборам».

Но Коржаков отказался.

Вечером большинство ключевых игроков ельцинской предвыборной команды - Березовский, Чубайс, Гусинский, Борис Немцов, Евгений Киселёв, Татьяна Дьяченко и другие собрались в доме приёмов «ЛогоВАЗа». Встреча затянулась далеко за полночь. В группе царила крайне тревожная атмосфера. Никто не знал, сколько известно СБП о коррупции в предвыборном штабе Ельцина, далеко ли продвинулось расследование по делу о коробке с валютой.

«С Трофимовым, директором ФСБ по Москве, я разговаривал в час ночи, в момент, когда всё это происходило, - позднее вспоминал Чубайс. - Он мне врал, что он не знает, кто такой Лисовский; а Евстафьева хоть и задержали, но сейчас отпустят».

На встрече в доме приёмов «ЛогоВАЗа» решили не скрывать скандал с коробкой валюты, а, наоборот, предать его огласке и использовать в качестве предлога для отставки Коржакова. Ночные программы на НТВ были прерваны сообщениями о попытке государственного переворота и об аресте заговорщиками двух помощников Ельцина - Евстафьева и Лисовского. Большинство россиян узнало о происшедшем на следующее утро. Им сказали, что генерал Коржаков и шеф ФСБ намеревались перенести второй тур выборов и разрушить демократию в России.

На Коржакова ополчилось практически всё ельцинское окружение. 20 июня президент появился перед телезрителями и объявил: он отправляет в отставку Коржакова, а также Барсукова и Сосковца.

Западная и российская пресса поверила Чубайсу, что Коржаков предпринял попытку совершить государственный переворот. В конце концов, Чубайс был золотым мальчиком российских реформ, получившим громкую известность на Западе в связи с приватизацией российской экономики, а Коржаков - тёмной личностью, выступавшей за перенос выборов. Газеты в России и на Западе объявили инцидент с «коробкой из-под ксерокса» «провокацией» и «старым приёмом КГБ с подбрасыванием валюты». Появиться в эфире Коржакову, Барсукову и Стрелецкому не дали.

Чубайс знал, что коробка с валютой существовала. 22 июня, через два дня после отставки Коржакова, Чубайс встретился в «Президент-отеле» с двумя главными руководителями кампании: Виктором Илюшиным и советником по связям с общественностью Сергеем Зверевым. Их беседу кто-то записал - очевидно, кто-то, верный Коржакову. «Надо найти выходы на Коржакова и Барсукова, - сказал своим коллегам Чубайс, - и объяснить им ясно и однозначно

ситуацию: либо они ведут себя по-человечески, либо будем сажать. Либо они затыкаются, либо посажу, совершенно однозначно. Можете от меня лично им передать в качестве привета».

Организаторы кампании признали, что вынос коробок с валютой из ельцинского предвыборного штаба был обычной рабочей процедурой. Виктор Илюшин сказал, что вскоре после скандала он обсуждал этот вопрос с Ельциным.

«Я шефу сказал, когда вчера с ним разговаривал. Я говорю: «Борис Николаевич, вот сейчас, если захотеть, около «Президент-отеля» можно поймать как минимум 15-20 человек, которые выносят спортивные сумки из нашего здания с деньгами. ...Потому что если мы будем перечислять деньги по неизвестным каналам, то выборы мы не сможем организовать...» «Понимаю», - сказал президент».

Однако ельцинский штаб не мог допустить, чтобы «чёрная касса» вновь стала предметом гласности. Замять это дело могла только прокуратура. «До третьего числа (второй тур выборов) нам никакого шума не надо», - по словам Илюшина, сказал он Генеральному прокурору Юрию Скуратову. Во время встречи с Чубайсом Илюшин позвонил Скуратову. «Юрий Ильич, - сказал ему Илюшин, - вот какой вопрос возник: можно было бы сделать таким образом, чтобы документы, которые к вам придут из ФСБ, ни к кому, кроме вас, в ближайшее время не попали? И чтобы они у вас некоторое время полежали до совета с Борисом Николаевичем Ельциным, после того как вы с ними ознакомитесь лично... Потому что у нас есть сведения опасаться того, что это очень быстро перетечёт, если кто-то у вас будет заниматься другой, в стан наших противников. ...Да, пусть это лучше полежит у вас лично, и никому не передавайте в производство. А потом подумаем, ладно? Потому что нам это нежелательно».

Чубайс и менеджеры предвыборного штаба стремились не только замять скандал с коробкой из-под ксерокса до последнего тура выборов, но и не дать ход уголовному делу против Евстафьева и Лисовского. На протяжении всего разговора Чубайс и Илюшин говорили о своей решимости не «сдавать» этих людей в руки правосудия. «Наши товарищи делали нашу работу, брали на себя самую рискованную её часть, - заявил Чубайс. - Ну, ни фига себе! Они башку подставляют свою, а мы им сейчас скажем: «Извини, после 3-го выбирайся сам». Куда это годится?! Но мы же их туда послали!»

Но что было делать ельцинским активистам с обличительными документами, скапливавшимися в прокуратуре? В разговоре, состоявшемся 22 июня, имел место следующий обмен мнениями:

Чубайс: Что, если вторым шагом попросить Бориса Николаевича...

Илюшин: Вообще похоронить?

Чубайс: Нет, затребовать у Скуратова документы на анализ. Затребовать полный комплект документов.

Илюшин: Хорошая идея.

Чубайс: А потом пусть Скуратов просит у него назад...

Когда стенограмма этих переговоров была опубликована осенью в «Московском комсомольце», из лагеря Березовского-Чубайса последовал ответ: плёнка поддельная. Но прокуратура послала плёнку на экспертизу, которая подтвердила её подлинность.

Хотя Коржакова, Стрелецкого и других сотрудников СБП пытались представить в глазах общественности как таинственную и зловещую силу внутри ельцинского окружения, их поведение, по крайней мере, во время президентской кампании 1996 года, представляется достаточно искренним. Когда московская милиция арестовала Фёдорова за хранение кокаина, Чубайс и СМИ выдвинули версию, что Фёдорова подставили; однако расследование, проведённое впоследствии милицией и прокуратурой подтвердило: Фёдоров хронически употреблял кокаин.

Когда Евстафьева и Лисовского арестовали с коробкой валюты, из лагеря Березовского-Чубайса последовало поспешное заявление, что улики подбросила СБП; однако расследование, предпринятое прокуратурой, подтвердило: Евстафьев и Лисовский действительно взяли деньги из сейфа замминистра финансов. Опубликованная стенограмма переговоров между Чубайсом и активистами предвыборного штаба тоже была объявлена фальшивкой; однако позже прокуратура подтвердила её подлинность.

Из этих фактов следует: на протяжении 1996 года Коржаков и Стрелецкий говорили правду, а сторонники Березовского-Чубайса лгали.

Однако по результатам расследования, проведённого Генпрокуратурой, активистам ельцинского предвыборного штаба удалось уйти от обвинений в сокрытии преступления. «Чубайс А.Б. и Илюшин В.В. заявили, что они не пытались помешать законному разрешению материала, а преследовали цель предотвращения утечки информации в предвыборное время», - говорилось в докладе генерального прокурора.

Прокуратура начала расследовать дело о коробке с валютой на основании нескольких обвинений: незаконные операции с иностранной валютой и мошенничество. 5 января 1997 года обвинение в незаконных операциях с иностранной валютой было снято - валютные сделки перестали караться по закону. Дело по обвинению в мошенничестве и краже было прекращено 7 апреля 1997 года, не потому, что Коржаков и его сотрудники плохо сделали своё дело, - просто никто не знал, откуда взялись деньги.

«Исчерпав все возможности, следствие не установило источник, из которого были получены изъятые доллары, - объяснял генеральный прокурор. - Факт причинения кому-либо ущерба подтверждения не нашёл. Не установлен и законный владелец указанной валюты. Все эти обстоятельства позволили следствию сделать вывод об отсутствии признаков мошенничества или иного преступления». Другими словами, раз никто не знал, кому принадлежали 500 тысяч долларов, как можно утверждать, что их похитили?

Третьего июля второй тур выборов привёл Бориса Ельцина к власти на второй срок - за него проголосовали 54 процента избирателей. Западные наблюдатели пришли к заключению, что в целом выборы были свободными и честными.

Глава 9. Олигархия

Весёлый город

В 1996 году в День всех святых я отправился на вечеринку в здании бывшего театра, совсем рядом с Министерством иностранных дел. Внутри под грохочущую музыку российской группы «Два самолёта» оттягивались несколько сот гуляк, в

основном американцы. В воздухе висел дымок марихуаны. В соседней комнате рекой лились горячительные напитки. Два бармена едва успевали обслуживать посетителей - раздавали пластиковые стаканчики с дешёвой водкой и банки немецкого пива. В паутине, что завешивала дверной проём, застрял живой труп. Мимо протиснулся князь Потёмкин, а за ним - Чингисхан и девушка-горянка Хейди. За дверью в комнате поменьше выясняла отношения какая-то парочка.

«Москва - весёлый город, - ухмыляясь, сказал Марк Эймс, уже принявший изрядную дозу спиртного. Ему недавно перевалило за тридцать. - Девяносто девять процентов американцев приезжают сюда в надежде подзаработать, но остаются из-за девушек - девушки здесь просто обалденные! - Полный энтузиазма писатель из Северной Калифорнии, Эймс издавал отвязную газету для живущих в Москве американцев под названием «Living Here», которая специализировалась на обзоре московской ресторанной и ночной жизни, подсмеивались над политическими перипетиями. - Эта вечеринка ещё что, - заметил Эймс. - Человек сто местных американцев уехали в Трансильванию праздновать День всех святых в замке Дракулы».

Вечеринки в Москве всегда отличались шиком - безумные, динамичные, всегда полные сюрпризов. Никаких правил, никаких социальных норм Россия не знала. Стотысячное сообщество американцев и европейцев в Москве шалело от счастья. Тут были острые ощущения, шикарный секс, можно было недурно заработать. Двадцатичетырехлетние парни откуда-нибудь из нью-йоркского пригорода, которым в лучшем случае светила унылая работа в банке на Уолл-стрит, вдруг оказывались ведущими дилерами на бурно растущем московском акционерном рынке.

Безусловно, в Москве хватало иностранцев и постарше. Сотрудники крупных юридических фирм, финансовых компаний, международных корпораций - эти люди либо возглавляли представительства фирм, либо приезжали заключить сделку. Те, кто приезжал ненадолго, как правило, останавливались в одной из непомерно дорогих гостиниц. В «Метрополе», напротив Большого театра, они бросали якорь в роскошных номерах люкс, украшенных картинами в стиле «арт нуво» и мебелью из карельской берёзы. Одноместные номера поменьше с видом на кирпичную стену стоили 330 долларов в день, люксы высшей категории зашкаливали за тысячу. Обед на одного человека тянул на 300 долларов, даже если пища и вино были посредственными.

Для иностранцев, особенно тех, кто вёл в Москве своё дело, жизнь могла показать и оборотную сторону. Самое знаменитое убийство иностранца произошло осенью 1996 года - жертвой пал американский предприниматель Пол Тейтум. Этому жителю Оклахомы был сорок один год, и он запустил одно из крупнейших для эпохи Горбачёва совместных предприятий - гигантскую роскошную новую гостиницу «Рэдиссон-Славянская». Когда в начале 90-х годов гостиница была достроена, ею управляла российско-американская компания: 50 процентов принадлежало правительству Москвы, 40 процентов - Тейтуму, 10 процентов - группе гостиницы «Рэдиссон».

Между партнёрами начались ссоры, «Рэдиссон» и Москва объединились против Тейтума, пытаясь выпихнуть его из проекта; началось судебное разбирательство, пришлось прибегнуть к услугам арбитражного суда в Стокгольме. Между тем Тейтум вёл образ жизни российского гангстера, окружил себя охранниками, щеголял богатством и менял девушек как перчатки, тусовался в самых крутых ночных клубах. Этот забияка из Оклахомы ввязался в публичную

распрю с правительством Москвы, особенно с его официальным представителем, чеченским предпринимателем Умаром Джабраиловым, позволяя себе колкости. 3 ноября 1996 года Тейтума застрелили средь бела дня, когда он входил в метро со своим телохранителем прямо возле гостиницы. Поднялся шум на весь мир, но найти убийцу московской милиции так и не удалось.

Хотя иностранные бизнесмены стали видной частью жизни Москвы, Петербурга, Хабаровска и Владивостока, всё же их было слишком мало, чтобы помочь российской экономике. В Россию инвестировалась лишь десятая часть суммы, которую иностранные бизнесмены вкладывали, например, в Китай. Даже самого смелого иностранного бизнесмена смущали бандитизм и коррупция российского рынка.

Да, бандитские разборки за сферы влияния начала 90-х фактически закончились, но заказные убийства в российском обществе чем-то исключительным пока не стали. В 1996 году о том, какую роль в организованной преступности играют спортсмены - в прошлом гордость России, - узнала Америка. Александр Могильный и несколько других российских хоккеистов-звёзд, играющих в НХЛ, обратились за помощью в ФБР - на них «наезжают» российские бандиты, которые приехали в Северную Америку и пытаются вымогать у них деньги. Хоккей в российском спорте продолжал оставаться прибыльной сферой. Лучшие российские хоккеисты десятками покидали свою обедневшую страну и подписывали с командами НХЛ многомиллионные контракты. Помимо индивидуальных контрактов, команды заплатили Федерации российского хоккея около 10 миллионов долларов за право забирать хоккеистов к себе. Этот лёгкий источник денег не ускользнул от внимания бандитов. В апреле 1997 года президент Федерации российского хоккея Валентин Сыч, человек почтенного возраста, был сражён автоматной очередью, когда ехал по загородной дороге с женой.

Под прицел бандитов попали и благотворительные организации. Они пользовались определёнными льготами, и это не осталось незамеченным преступниками. Специальным правительственным указом некоторые структуры получили право импортировать спиртное или экспортировать нефть в безналоговом режиме. Колоссальные прибыли на этих операциях должны были пойти в казну или на поддержку каких-то социальных начинаний. Но в обедневшей России любая деятельность, приносившая большие деньги, сразу становилась предметом преступных интересов. Наиболее известной благотворительной структурой, попавшей в сети бандитских разборок, оказался Национальный фонд спорта Бориса Фёдорова. Однако были и другие скандалы. В сентябре 1995 года в Москве был убит председатель Московского общества глухих Игорь Абрамов. Через год застрелили и президента Всероссийского общества глухих, Валерия Кораблинова.

Российский фонд инвалидов войны в Афганистане, получавший солидные субсидии, подвергся ещё более страшной атаке. В ноябре 1996 года группа основателей афганского фонда собралась на Котляковском кладбище почтить память своего бывшего председателя, Михаила Лиходея, которого два года назад взорвали бомбой. У соседней могилы кто-то подложил мощное взрывное устройство с дистанционным управлением. Взрыв был ужасен: погибло тринадцать человек, десятки получили ранения. Милиции пришлось снимать куски тел с деревьев.

Но всё это отнюдь не умеряло пыл богатой московской элиты. Так называемые

«новые русские» вращались в своём социальном кругу. Они с наслаждением засиживались допоздна за ужинами в дорогих ресторанах. Кто-то из новых русских развлекался в тех же ночных клубах, которым отдавали предпочтение иностранцы, но в основном россияне кутили как раз там, куда иностранцы не показывали носа - в клубах, где ночная жизнь была более отвязной и более вульгарной. Впрочем, вскоре самые богатые веселиться в Москве перестали. Москва - это место, где зарабатываются деньги. Для отдыха оно приспособлено куда меньше - в ресторанах и ночных клубах слишком многие показывают на тебя пальцем. Швейцарские Альпы или Лазурный Берег - это другое дело.

Березовский в гулянках почти не участвовал. Всё было подчинено делу, и если он и появлялся на вечернем мероприятии, значит, хотел установить полезные контакты. Но и его не обошла стороной атрибутика европейских супербогачей: он обзавёлся собственным самолётом, огромной яхтой, оставлял большие деньги на аукционах «Сотбис», держал роскошные резиденции на Женевском озере, в Лондоне, на Кенсингтон-Пелис-Гарденз, и на Французской Ривьере, где он приобрёл один из крупнейших замков на мысе Антиб, как сообщалось, за 27 миллионов долларов. В Париже у него, судя по всему, квартиры не было, потому что он предпочитал останавливаться в отеле «Крийон». Его присутствие на морских курортах, популярных среди европейских миллиардеров, позволяло ему по высшему разряду развлекать своих российских гостей, он имел возможность общаться на равных с потенциальными западными партнёрами. Среди его друзей в сфере международного бизнеса были крупнокалиберные дельцы, например король бросовых облигаций Майкл Милкен и медиа-магнат Руперт Мердок. Березовский был одним из немногих гостей на свадьбе Мердока в 1999 году, на борту яхты в нью-йоркской гавани.

Высокопоставленные чиновники из окружения Ельцина отнюдь не хотели оставаться обделёнными. И их образ жизни, да и почти всё остальное, мало чем отличался от образа жизни российских бизнесменов. Чиновники, как и бизнесмены, входили в один и тот же правящий клан. В Москве людям из правительства приходилось воздерживаться от некоторых удовольствий - сшитыми на заказ костюмами они здесь не щеголяли, на дорогущих машинах старались не разъезжать, в лучших ресторанах «светились» не так часто, как хотелось бы. Но никто не запрещал им ездить за границу, отдыхать на Ривьере или во Флориде. Тут они могли расслабиться. Их никто не знал, и, как и российские бизнесмены, они могли «оттянуться» по полной программе. Вот это жизнь - на лыжах в Гштааде, на яхте по Карибскому морю, на своих двоих по лучшим парижским магазинам. Представители нового правящего клана России обзавелись на Западе квартирами, виллами, замками и постепенно стали в мире Запада своими. Их жёны туда по большей части просто переселились. Дети были отданы на обучение в престижные европейские школы. Отпрыски российских богатых и знаменитых, включая детей Татьяны Дьяченко, Анатолия Чубайса, Владимира Гусинского и Бориса Березовского, учились в одних школах в Швейцарии и Великобритании за 40 000 долларов в год.

Новые русские составляли крошечное меньшинство, не более нескольких сотен тысяч, однако они считали, что несчастная Россия принадлежит именно им. Точнее, они считали, что именно им принадлежат богатства России. Приезжая на Запад, они с радостью забывали о десятках миллионов соотечественников, оставшихся дома, - об этих надоевших массах, которые вечно жалуются, спиваются и умирают. Но весёлой жизни богатых скоро придёт конец.

Березовский получает место в правительстве

Под конец избирательной кампании 1996 года россияне полагали, что проголосуют за нового, полного жизненных сил Ельцина: сильный политический лидер, без устали разъезжающий по стране в рамках избирательной кампании, весело отплясывающий на концерте вместе с рок-музыкантами. Избиратели не знали, что этот задор был результатом колдовства кремлёвских докторов. Снадобья какое-то время действовали неплохо, но за неделю до последнего раунда выборов организм Ельцина не выдержал, дикое напряжение всё-таки сказалось. В конце июня с ним случился сердечный приступ, и он исчез из поля зрения. И только после выборов представители Кремля сказали правду о том, насколько поражено сердце Ельцина - президенту предстояла серьёзная операция, байпасная хирургия. Ближайшие восемь месяцев он будет прикован к постели.

В отсутствие в Кремле монарха власть прибрали к рукам его ближайшие помощники. Поначалу эту группу возглавил Анатолий Чубайс, недавно назначенный главой администрации президента. В Кремль его вернула «Группа тринадцати» и могла рассчитывать на его лояльность. В качестве меры предосторожности на пост заместителя премьер-министра был назначен банкир Владимир Потанин.

Теперь бизнесмены, внёсшие вклад в переизбрание Ельцина, могли рассчитывать на компенсацию. К примеру, «Онэксим-банк» Потанина получил колоссальные правительственные дотации, «Норильский никель» получил право на реструктуризацию своих долгов в казну на сумму свыше 1 миллиарда долларов. НТВ Владимира Гусинского выдали лицензию на вещание на четвёртом канале и на удвоение эфирного времени. Банк «Столичный», принадлежавший Смоленскому и Березовскому, увеличил капиталы более чем вдвое, получив возможность поглотить гигантский государственный «Агропромбанк». Новый банк был назван «СБС-Агро».

Позднее я спросил лидера парламентской фракции «Яблоко» Григория Явлинского о том, что он думает о переизбрании Ельцина. «Правительство, которое Ельцин создал сразу после выборов, было не коммунистическое, не демократическое, не республиканское, не консервативное, не лейбористское, не красное, не белое, не зелёное, - заметил Явлинский. - Оно было корыстное. В этом главная черта. Получилась система корпоратистская, олигархическая, основанная на монополизированной собственности и на полукриминальных отношениях».

В этом клане завёлся один чужак - Александр Лебедь. Бывший генерал десантных войск был на президентских выборах 1996 года единственным истинно народным кандидатом, он получил назначение на должность секретаря Совета безопасности. Резковатый, не слишком образованный, Лебедь вдруг оказался в самом центре политической арены. Голос у него был зычный, с густым скрипом, но народным трибуном он стал благодаря не голосу, а своим высказываниям. «Не забывайте, что сегодняшней президент (Ельцин) был членом ЦК (КПСС), - говорил Лебедь. - Членом ЦК был нынешний премьер (Черномырдин), и членом ЦК был Зюганов. То есть они все из одного гнезда. Но одни вовремя успели выбросить в урны партбилеты и взять в руки демократические знамёна, а вторые припозднились. Внешне эти люди всё время спорят друг с другом, но под столом им всегда удаётся найти понимание. Интересы у них одинаковые. Они всегда считали людей мусором - пылью у подножия пирамиды».

Как хороший военный начальник, Лебедь пёкся о благе своих подчинённых. Давая мне интервью, он вдруг начал говорить о судьбах российских заключённых, которым несть числа. «Никто и никогда не пытался их в тюрьме перевоспитывать, их там содержат хуже скота. Если попадаешь в тюремную систему человеком, то выходишь либо зверем, либо плесенью. А что сказать о военных профессионалах высшего класса? - продолжал он. - Сотни тысяч уникальных специалистов - всех взяли и выбросили на улицу. В России колоссальное количество отрицательно заряженных людей, настроенных на разрушение, в которых буйствует злоба, ненависть и месть. Пока вот этот настрой не будет изменён, ничего не получится».

Лебедь знал, что нужно сделать, чтобы излечить страну, но не знал, как это сделать. «Люди не должны жить в ничтожестве и болезнях, - заявлял он. - Они должны быть могучими, здоровыми и сильными, считать себя хозяевами у себя дома, ходить с высоко поднятой головой и ничего не бояться, в этом ключ к процветанию. В этом - национальная русская идея».

Бесспорным достижением Лебедя на государственной службе стало прекращение провальной войны в Чечне. В последние месяцы президентской кампании на юге России было тихо - Джохара Дудаева удалось уничтожить, и чеченцы согласились прекратить боевые действия. Но через несколько дней после того, как президентские выборы завершились окончательно, война на всей территории Чечни возобновилась. Боевики использовали прекращение огня, чтобы перегруппировать силы, проникнуть с боеприпасами в крупные чеченские города. 6 августа 1996 года полевой командир боевиков Шамиль Басаев захватил столицу республики - Грозный. Российские подразделения, как обычно, оказались застигнутыми врасплох. Погибло более пятисот российских военнослужащих; в новостях показывали горящую бронетехнику, рядом на земле лежали убитые водители. За несколько дней битва была проиграна, около 3000 человек российских солдат оказались в осаде в своих грозненских бараках.

В Москве бледный, болезненного вида Ельцин, нетвёрдо держась на ногах, прошёл церемонию посвящения в президенты. Вытащить Россию из чеченского кошмара должен был кто-то другой. 12 августа в город Хасавюрт, на границе с Чечнёй, для проведения мирных переговоров поехал генерал Лебедь. К концу месяца сторонам удалось договориться, и Россия согласилась отвести войска. Фактически республика получила независимость, хотя вопрос об официальном статусе Чечни решили отложить до 2001 года, когда президентом России станет другой человек, наследник Бориса Ельцина.

Лебедь говорит, что был вынужден заключить мир - прошла информация о том, что чеченцы планируют террористические набеги на атомные станции в Ново-Воронеже и других городах. «Поэтому нужно было срочно останавливать всю эту криминальную разборку на государственном уровне», - говорит он. Лебедь не получил официальной поддержки ни от Ельцина, ни от Черномырдина, ни от кого-то ещё из чиновников высшего ранга. Никто не хотел, чтобы акт окончательного унижения России был связан с его именем.

Проводя свою политику в Чечне, Лебедь одновременно повёл огонь по всеохватной коррупции и некомпетентности среди его коллег в министерствах. Они, в свою очередь, пришли в ужас от его настойчивости и желания сдержать слово. «Я обещал моим избирателям прекратить эту кровавую бойню, - говорит Лебедь. - Я пошёл и прекратил. Второе, что я обещал, - разобраться с коррупцией и преступностью. Но когда я решил первую проблему - мир в Чечне, все дико испугались. Меня стали обвинять в подготовке путча и заговора, в создании

какого-то страшного русского легиона».

17 октября, через четыре месяца после назначения, Лебедь был уволен. Борис Ельцин, по большей части державшийся в тени, даже появился перед страной и разразился гневной тирадой в адрес генерала и его «непослушания».

Осенью 1996 года развернулась, по определению прессы, «война компроматов». Видные участники избирательной кампании Ельцина начали осыпать друг друга обвинениями в убийствах, в готовящихся покушениях. Бывший шеф Службы безопасности Ельцина, Коржаков, собрал пресс-конференцию и заявил, что в 1994-1995 годах Березовский неоднократно просил его убить Гусинского. В то же время «Новая газета» опубликовала запись тайного обращения Березовского к Ельцину в 1995 году, когда Березовский обвинял Гусинского в том, что тот пытается свалить на него убийство Листьева. Далее Коржаков сообщил, что Березовский и Гусинский заключили перемирие и теперь «заказали» его, Коржакова. В это же время был опубликован разговор, отражавший попытки Анатолия Чубайса как-то сгладить инцидент с коробкой из-под ксерокса. В довершение после лечения в Западной Европе вернулся бывший президент Национального фонда спорта Борис Фёдоров и заявил, что его жизнь в опасности и угроза исходит от генерала Коржакова.

На фоне этого необычайного зрелища самый богатый бизнесмен России стал членом правительства. 30 октября 1996 года, через две недели после увольнения генерала Лебедя, Борис Березовский был назначен заместителем секретаря Совета безопасности. Магнат давно рвался в правительство; как показывают это и последующие правительственные назначения, Березовский отдавал предпочтение «громким» постам с широкими и весьма неопределёнными полномочиями. Например, должность в Совете безопасности - сотрудников там было мало, а задача заключалась в общей координации деятельности правоохранительных и военных структур. Назначение Березовского поддержали Татьяна Дьяченко и биограф президента Валентин Юмашев, подпись под официальным документом поставил Анатолий Чубайс. Номинальным шефом Совета безопасности был слабовольный чиновник и старый приятель Ельцина Иван Рыбкин. Короче говоря, лису пустили в курятник.

Через несколько дней в «Известиях» напечатали материал, из которого следовало: у Березовского есть израильский паспорт. Эту информацию газета получила от людей генерала Коржакова, оперативников уже не существующей Службы безопасности президента; сами они получили эти сведения ещё в 1995 году от тогдашнего главного конкурента Березовского - Владимира Гусинского. Материалы о сомнительном прошлом Березовского появились и в других газетах, но с особой яростью магнат отреагировал именно на статью о его израильском гражданстве: это открытие ставило под вопрос его назначение в правительство, так как правительственные чиновники не имели права быть гражданами других стран. Сначала он категорически отрицал факт израильского гражданства и даже грозился подать на «Известия» в суд. Но вскоре эту информацию подтвердило правительство Израиля, и магнат был вынужден признаться: да, израильский паспорт он получил, но теперь от него отказывается.

Фурор вокруг этого назначения и история с двойным гражданством привели к тому, что от Березовского отвернулись многие российские евреи. «По израильскому законодательству любой еврей по рождению, будь он евреем хоть наполовину или на четверть, является гражданином Израиля, - заявил Березовский. - И любой еврей в России имеет двойное гражданство». Российские

евреи отреагировали на эти слова достаточно бурно, так как под сомнение ставилась их верность Родине, а сам Березовский стал жаловаться, что он - жертва новой волны антисемитизма в России.

Президент Ельцин был не в состоянии сказать своё веское слово - 5 ноября, через пять дней после назначения Березовского, Ельцину сделали операцию на сердце. И хотя парламентарии и пресса во весь голос требовали отставки Березовского, магнат удержался на плаву.

Торговля заложниками

Конкретная задача Березовского в Совете безопасности заключалась в решении чеченского вопроса. Он говорил, что отвечает за восстановление экономики Чечни. «Бизнес должен заплатить, от этого никуда не денешься, так же как мы заплатили, чтобы к власти не пришли коммунисты на выборах 1996 года», - говорил он в прессе. С другой стороны, генерал Лебедь утверждал, что у Березовского в Чечне свои интересы, ему надо «ликвидировать последствия прежнего бизнеса» и заложить основу для новых, связанных с восстановлением нефтепровода Баку-Новороссийск. Я спросил Лебедя, о каких прежних сделках идёт речь, но угрюмый бывший шеф Совета безопасности вдаваться в подробности отказался.

Генерал Лебедь говорил российской прессе, что Березовский давно ведёт в Чечне двойную игру. «После подписания хасавюртовских соглашений Березовский начал меня пугать, - вспоминал Лебедь. - Но когда понял, что я не пугаюсь, он просто сказал: «Какой бизнес вы развалили. Всё так хорошо. Ну, убивают немножко. Всегда убивали и убивать будут».

Россияне негодовали по поводу назначения Березовского в правительство - парламентарии и пресса требовали, чтобы магната уволили, Чубайса сняли с работы, а Ельцина отправили в отставку. А чеченские лидеры между тем были довольны. Салман Радуев, на чьей совести были кровавый налёт на Дагестан с захватом заложников, несколько похищений и два террористических акта со взрывами на юге России в начале 1997 года, положительно отозвался о назначении Березовского, сказав, что это - человек «благородный», он готов с ним работать. «У него (Березовского) личный интерес в этой нефти (нефтепровод Баку-Новороссийск)», - добавил Радуев. Забавно, что об этой весьма компрометирующей похвале сообщил «Огонёк», один из журналов, принадлежавших Березовскому.

Передвижения Березовского по Чечне позволяли предположить: с чеченскими лидерами у него прекрасные отношения. После недавней войны с Россией в Чечне было опасно: повсюду орудовали шайки боевиков. Если россияне и отваживались туда ехать, то только в сопровождении солидной охраны - они боялись, что их похитят или убьют. Березовский же ездил в Чечню часто и безо всякой охраны. Наверняка пригодились старые связи с различными чеченскими группировками в Москве. «Эти связи (с чеченскими бандитами) были до войны, они были в ходе войны и после войны, - сказал мне генерал Лебедь. - Неважно, что в основном он вёл дела с чеченскими бандитами в Москве. Это одно и то же. В москве филиалы. Контактируя с дочерними предприятиями, ты контактируешь с Чечнёй».

Новым президентом Чечни стал Аслан Масхадов. По чеченским понятиям - «умеренный». Его избрали на пост президента в январе 1997 года, в ходе войны он командовал вооружёнными силами Чечни. Его программа сводилась к следующему: установить право закона в его истерзанной войной стране,

установить отношения с внешним миром. Но, по сути дела, авторитет Масхадова был ограничен пределами столицы. На остальной территории республики правили независимые боевики и преступные шайки, во главе которых обычно стояли полевые командиры повстанческой армии Чечни. Эти люди, проявившие удаль в боях, подчиняться Масхадову не желали. Каждый такой военачальник правил в своём удельном княжестве главным образом на основе старых клановых связей, а деньги получал за счёт манипуляций с нефтью, от продажи наркотиков и оружия и прочей преступной деятельности.

Для России главной проблемой в послевоенной Чечне стало похищение людей. За два года было похищено более 1300 человек, среди них - несколько российских генералов и личных посланников президента Ельцина. Кроме россиян, были и другие жертвы. Жертвами похищений стали десятки западных журналистов, сотрудников гуманитарных структур, бизнесменов и религиозных миссионеров. Обычно людей прятали в одной из чеченских деревушек, а похитители вели переговоры о выкупе - порядочной сумме денег. Заложники стали ценным товаром. Оружие, наркотики, нефть, уворованная из нефтепровода Баку-Новороссийск, и заложники - вот и весь товар, которым располагала Чечня. Иногда одна шайка чеченских бандитов продавала заложников другой - за наличные.

Выше всего котировались иностранцы. Первым из них, осенью 1996 года, похитили итальянского фотографа. Его освободили, когда итальянское правительство выплатило за него похитителям 300 000 долларов. После этого сумма выкупа круто подскочила вверх, доходя до 2, а то и 3 миллионов долларов за человека.

Первое нашумевшее похищение произошло через полтора месяца после назначения Березовского в правительство. 15 декабря 1996 года отряд боевиков под командованием Салмана Радуева захватил 22 российских милиционера, когда те помешали боевикам Радуева перейти чеченскую границу. Сначала показалось, что Радуев хочет «взять на испуг» - он потребовал, чтобы его людям предоставили «свободу передвижения», иначе они перебьют всех милиционеров. Но через два дня стало ясно, что угрозы князьков типа Радуева отнюдь не пустопорожние - группа вооружённых чеченцев ворвалась в больницу в городе Новые Атаги и убила шестерых сотрудников Красного Креста, в том числе четырёх сестёр милосердия. На следующий день Березовский прибыл в Чечню на переговоры с Радуевым и уговорил того отпустить взятых в плен российских милиционеров.

Это был первый из серии кризисов с заложниками, успешно разрешённый Березовским. Магнат с наслаждением играл роль спасителя. Он нередко появлялся в программе вечерних новостей, чтобы передать привет освобождённым с его помощью пленникам или просто похвастаться тем, как ему удалось их освободить. Умение Березовского договариваться с чеченскими похитителями оправдывало его претензии на государственный пост; череда заложников была бесконечной - но всякий раз Березовский оказывался на высоте. Эти его успехи были прекрасной политической платформой, подтверждавшей: правительству этот человек необходим.

Но далеко не все воспринимали его как рыцаря в белых одеждах. Генерал Лебедь считал, что, договариваясь об освобождении заложников, магнат ведёт весьма циничную политическую игру. В январе 1997 года в чеченский плен попали два корреспондента принадлежавшего Березовскому ОРТ. Договариваться об их освобождении в Чечню полетел Лебедь. Миссия оказалась неудачной. Вернувшись в Россию, Лебедь заявил: Березовский заплатил чеченским командирам за то,

чтобы они не спешили освобождать журналистов. Через несколько недель Березовский освободил их сам и приобрёл на этом политический капитал.

Всякий раз, когда заложников освобождали, российское правительство заявляло: никакого выкупа бандиты не получили. Однако у президента Аслана Масхадова другое мнение. Чеченские бандиты никогда не отпускали заложников просто так, сказал мне Масхадов; нет, из Москвы всякий раз приезжали чиновники с «большими деньгами». И главным источником доступа к этим деньгам для похитителей был Березовский.

Березовский часто хвастался: расположение чеченских боевиков он просто покупал. Весной 1997 года он заявил, что помог российским бизнесменам «пожертвовать» 1 миллион долларов на строительство цементного завода в Чечне; по его утверждению, «ЛогоВАЗ» выделил в пользу Министерства внутренних дел Чечни пятьдесят автомашин. В августе 1997 года Березовский хвастался, что добился у Гусинского согласия заплатить 2 миллиона долларов за выкуп трёх пленённых журналистов НТВ.

Два с половиной года Березовский поддерживал тесные отношения с военачальниками, которые либо сами похищали людей, либо были связаны с похитителями-преступниками. Вести переговоры в Чечне Березовский предпочитал отнюдь не с умеренными правительственными чиновниками, как Аслан Масхадов. Ему были больше по душе лидеры террористов - Шамиль Басаев и Салман Радуев - или исламские фундаменталисты - Мовлади Удугов. С Удуговым у Березовского были особо доверительные отношения; Удугов был одной из ключевых фигур в ходе чеченской войны и теперь занимал в правительстве Масхадова пост заместителя премьер-министра. Масхадов терпел этого человека, стараясь объединить свою страну, но в действительности относился с презрением к этому «проповеднику джихада» (исламская священная война) - брат Удугова был одним из лидеров секты ваххабитов, самой фанатичной группы исламских фундаменталистов в Чечне.

В Москве бывшие сотрудники Службы безопасности президента и милиция отслеживали действия Березовского в Чечне. И пришли к выводу: Березовский выполнял для чеченских похитителей функции банкира, он организовывал проплату выкупа с российской стороны, а Мовлади Удугов, представлявший исламских фундаменталистов, вёл переговоры о судьбе заложников с чеченской стороны.

У меня оказалась плёнка с записью нескольких телефонных разговоров между Мовлади Удуговым и Березовским (эти разговоры были отчасти распечатаны в газете «Московский комсомолец»). Перехват осуществили либо службы безопасности (России? Чечни? Другой страны?), либо какое-то хорошо оснащённое частное агентство. О чём именно идёт речь в этих разговорах, не вполне ясно, но совершенно очевидно, что обсуждается какая-то сделка, возможно имеющая отношение к заложникам. Одна из записей содержит сказанное только одним собеседником - Удуговым.

«Алло? Алло? Борис, это Мовлади говорит… Борис, я вчера звонил, что-то не смог до тебя дозвониться… Борис, что там по нашим делам? …Да, я смотрел там, пока ничего не было, наверно, в понедельник будет… Да, да… я в пятницу смотрел, в пятницу смотрели, пока ничего не было, может быть, в понедельник будет, я в понедельник посмотрю… Ну, я не знаю, может быть, там что-то, задержка… Да… Что за документ?… Да, да, да, понятно, понятно. Хорошо, Борис,

скажи, пожалуйста, вот то, что вы с Казбеком… вы… Мы говорили, что ты человека пришлёшь числа седьмого, восьмого, вот так, что там? Как там ситуация?.. А когда его можно ожидать?.. Тогда, что? в понедельник или во вторник его ждать?.. Да, понял, понял… Хорошо, давай мы так скажем, на вторник будем точно ориентироваться, если он в понедельник появится… Да, да, на Слепцовск (неразборчиво)… Там, Казбек будет непосредственно сам встречать… Только, по времени… Вечером позвонить. Хорошо, Борис, насчёт этих двух парней хоть что-то (неразборчиво) есть какая-то?.. Да? А то здесь уже как бы на радикальные меры, я пока сдерживаю и думаю, что может решится… Я понял, я понял… А примерно во сколько? Часов в одиннадцать?.. Часов в восемь, девять… Хорошо, я вечером позвоню, Борис, обязательно. Я получше связь выберу и позвоню… Ну всего доброго. Пока».

Часто Березовский действовал в Чечне через Бадри Патаркацишвили, своего компаньона по «ЛогоВАЗу», который, по данным российских спецслужб, давно осуществлял связь между «ЛогоВАЗом» и преступными группировками.

Роль Бадри как правой руки Березовского становится очевидной из ещё одного телефонного разговора, запись которого попала ко мне. Березовский и Удугов намеренно строят разговор так, чтобы потенциальные «слушатели» ломали голову над его содержанием, но общий смысл достаточно ясен.

У.: Алло?

Б.: Привет Мовлади. Привет дорогой.

У.: Привет. Борис, как у тебя дела?

Б.: Всё нормально.

У.: Казбек приехал сегодня очень расстроенный.

Б.: Почему?

У.: Он так и не понял, для чего Бадри туда приезжал.

Б.: Я тоже не понял тогда, я сейчас с Бадри разговаривал по телефону, и он сказал: всё нормально. Всё обсудили, обо всём договорились. Что значит - расстроенный?

У.: Ну вопрос же стоял о том, что две с половиной единицы привезёт.

Б.: Что-что?

У.: Две с половиной единицы привезёт.

Б.: Мовлади, ты что-то перепутал. Заблуждаешься, Мовлади. Я никогда этого не говорил. Я же сразу сказал, что вопроса этого решить не смогу. Я смогу то, что смогу. И я это сделал. Больше никаких других намерений у меня не было.

У.: Ну ладно.

Б.: Или ты не понял меня.

У.: Ну я не знаю… Тогда, когда я с тобой разговаривал…

Б.: Я всегда прямо отвечаю на вопрос. Я сказал, что сейчас этот вопрос решить не смогу. Что смогу, то решу, что смог - решил. Всё. Чтобы было полное понимание.

У.: Понятно… Да, Борис, я тоже хочу, чтобы было полное понимание. А значит, после вашей встречи в Тбилиси я тебе позвонил, тебе сказал о двух с

половиной единицах.

Б.: Нет, ты мне ещё в Тбилиси сказал об этом.

У.: Нет, это Казбек говорил.

В.: Ну, Казбек.

У.: Вы с Казбеком говорили. Я-то по своей линии тебе факс посылал.

Б.: Мовлади, я тебе ещё раз говорю, чтобы было полное понимание: я никогда не давал обещаний сделать это. Чтобы была полная ясность, что могу, то делаю. Это всё.

У.: Хорошо, тогда я не понял: он что, прилетел, чтобы дать это подтверждение, эту бумагу? Что, нельзя было факс прислать?

Б.: Нет-нет. Там был другой разговор, я сам разговор ещё не знаю. Он же улетел дальше. Он в Москве ещё не был.

У.: Тогда я понял, что никакого разговора ещё не было. Он пришёл, передал эту бумагу, которую можно было по факсу переслать… Скажи, пожалуйста, это та цифра?

Б.: Абсолютно верно. Это то, что я сейчас могу сделать. Больше ничего сделать не могу. Я тебе это сказал.

У.: Я-то думал… Тот факс, что я прислал. Я просил семьсот-восемьсот.

Б.: Мовлади, тот факс, что ты прислал, хорошо, но я этого сделать не смогу. А сделаю то, что смогу. Что смог, то и сделал.

У.: Ну, понятно. Я-то рассчитывал, что ты это по моей просьбе сделал, а сейчас получается, что они и Казбека в этом плане задействовали. Хорошо. Значит, мы друг друга не поняли просто. Борис, скажи, пожалуйста, сейчас эта тема закрыта?

Б.: Нет, не закрыта. Ты как будто не слышал нашего разговора. Я сказал: сейчас решить не смогу, что смогу решить сейчас - решу.

У.: Там сейчас ситуация… Ты, видимо, несколько не в курсе. Ладно. Сегодня крайне нужна была эта цифра. Раз не получается, на нет и суда нет.

Б.: Хорошо, Мовлади. Я всё время на связи. Пока.

Что касается самих заложников, на их долю выпали тяжёлые мучения. Они томились в какой-нибудь шахте или подвале, часто подвергались пыткам. Один американский религиозный миссионер, Херберт Грегг, провёл в плену восемь месяцев, ему отрубили палец. Двенадцатилетнюю Аллу Гейфман, дочь саратовского бизнесмена, похитили по дороге из школы домой и увезли в Чечню. Похитители потребовали выкуп в размере 5 миллионов долларов; чтобы подтвердить серьёзность своих намерений, они при включённой видеокамере отрезали у девочки два пальца и отправили плёнку родителям. После семи месяцев плена Аллу Гейфман освободили.

5 июля 1997 года в Грозном похитили двоих граждан Великобритании - Камиллу Карр и Джона Джеймса. Они представляли благотворительную общину квакеров и работали в чеченской столице, помогая детям с расстроенной психикой. Британское правительство придерживалось жёсткого правила: никогда не платить выкуп за заложников и не рекомендовать этого другим, чтобы не вдохновлять похитителей на дальнейшие подвиги. Четырнадцать месяцев спустя,

20 сентября 1998 года, несчастных выпустили. Джеймса неоднократно избивали, Карр - насиловали. Березовский гордо заявлял: их освободили благодаря его усилиям. Он даже выделил частный самолёт - вывезти их из Чечни прямо в Лондон; в прессе он хвастался, что освобождение англичан - его рук дело, он подарил Салману Радуеву компьютеры и медоборудование.

Возможно, подарки в виде «компьютеров» и «медоборудования» идут вразрез с политикой британского правительства не платить выкуп - дело не в этом. Зато публичное бахвальство Березовского по поводу этого «соглашения» способствовало тому, что чеченские похитители, осознавая возможность заработать, ещё больше разгулялись. Через две недели после освобождения Камиллы Карр и Джона Джеймса в Грозном похитили ещё четырёх иностранцев - трёх англичан и одного новозеландца - сотрудников британской компании по телекоммуникациям. По контракту с чеченским правительством они занимались установкой в городе сотовой связи; их захватили в пятистах метрах от управления по борьбе с похищениями людей при чеченском правительстве. Ещё через две недели руководитель этого подразделения взлетел на воздух: в его машину подложили бомбу.

Для президента Чечни Аслана Масхадова, который пытался превратить свою страну в нормального члена мирового сообщества, волна похищений стала настоящей катастрофой. Вскоре из Чечни уехали все международные организации, от Красного Креста и «Медицины без границ» до Комиссии по делам беженцев при ООН. Иностранные журналисты и бизнесмены тоже стали обходить Чечню стороной. Страна оказалась в изоляции, иностранный корпус представляли только исламские фундаменталисты из Афганистана и с Ближнего Востока.

После того как похитили четырёх сотрудников британской фирмы и убили шефа службы по борьбе с похищениями людей, терпение Масхадова лопнуло. Вместе с президентом соседней Ингушетии Масхадов сообщил российским и британским газетам: Березовский финансирует преступные группировки чеченцев, постоянно организуя для них проплату выкупа.

«Это была часть политики российского правительства, - сказал мне позже Масхадов. - Из Москвы приезжали большие чиновники, особенно Березовский, с большими деньгами. Они платили выкуп, имели с ними контакты (с похитителями) и в конечном итоге добивались своей цели - дискредитации всего чеченского народа».

Откровения Масхадова по поводу связи между уплатой выкупа и наглыми похищениями только подлили масла в огонь. Через месяц, 8 декабря, у обочины шоссе неподалёку от Грозного обнаружили мешок с отрубленными головами. Это были головы четырёх сотрудников британской фирмы по телекоммуникациям. Обезглавленные тела нашли ещё через неделю.

«Это комедия, и она комедией остаётся»

Играя в Чечне в политические игры, Березовский продолжал проталкивать свои коммерческие проекты, хотя занимал высокий пост в российском правительстве. Весной 1997 года он яростно наседал на Центральный банк России - получить лицензию на сотрудничество между «Andava» и «Аэрофлотом». В марте 1997 года «Известия» дали подробный материал о переговорах Березовского по поводу приобретения «Промстройбанка» - этот банк имел отношение к мошеннику и расхитителю Григорию Лернеру, который обосновался в израильской тюрьме.

Выдвинутые «Известиями» обвинения Березовский решительно отрицал.

Но его крупнейшей победой в ту весну стал не какой-то сомнительный московский банк, даже не контракт на управление финансами «Аэрофлота». Главным завоеванием стала нефтяная компания «Сибнефть», которую Березовский и его компаньон Роман Абрамович зарегистрировали и взяли в управление в первом туре залоговых аукционов, состоявшихся в 1995 году. Тогда компании были переданы финансистам лишь как обеспечение. Во втором туре залоговых аукционов лучшие российские мощности по добыче нефти и производству металла должны были перейти в руки финансистов официально. Предполагалось, что каждое предприятие продадут той же компании, что победила на аукционе 1995 года - в её обязанности входила и организация аукциона во втором туре. «Сибнефть» не была исключением.

Надзор за вторым кругом залоговых аукционов осуществлял заместитель премьер-министра Альфред Кох. По его словам, в том, что организаторы аукциона становятся его победителями, нет ничего подозрительного. «Это происходит в любой развитой стране, - утверждает Кох. - И называется «underwriting» - «гарантия размещения ценных бумаг»». Но разница между залоговыми аукционами и первоначальным предложением акций, организованным западными компаниями, такими, как «Morgan Stanley» или «Goldman Sachs», состояла в том, что это предложение намеренно было обречено на провал; таким образом, все акции оставались у организатора аукциона. Но и это не сильно беспокоило Коха. «Когда мы предоставили им (олигархам) право продавать предприятие, естественно, они говорят: «Я два года вкладывал в это предприятие свой ум, энергию и деньги. А сейчас кому-то продам? Естественно, я буду делать полный «underwriting». Я продам предприятие себе самому».

Во втором туре залоговых аукционов покупатели обычно платили на один процент больше стартовой цены; ставки были такими же низкими, как в первом круге. Потанин купил нефтяной гигант «Сиданко» по якобы рыночной цене в 250 миллионов долларов - это крошечная доля от суммы в 5,7 миллиарда долларов, которая составляла стоимость компании на свободном рынке восемь месяцев спустя. При приобретении «Менатепом» нефтяной компании «Юкос» её оценили в 350 миллионов долларов, хотя через восемь месяцев её рыночная капитализация составляла около 6,2 миллиарда долларов. «Мы не могли получить лучшую цену, потому что банкиры, которые берут в управление предприятие в виде залога, - не идиоты, - говорит Кох. - Они делают такую структуру рабочего капитала, у которого весь заём из их банка. Если вы бы продавали это предприятие кому-то другому, то завтра был бы начат процесс о банкротстве этого предприятия».

Тут Кох был прав. Выжав деньги из лучших промышленных компаний России, финансовые группы, выигравшие первый тур залоговых аукционов, сделали так, что ни один из этих промышленных гигантов не обладал финансовой самостоятельностью. «Мы - сборище банкротов, - весело заявил мне в 1996 году председатель группы «Менатеп» Михаил Ходорковский. - Вся страна - сборище банкротов». При этом посредники - не только Ходорковский, но и Березовский, и другие олигархи - баснословно обогатились.

12 мая 1997 года с аукциона продавался пакет «Сибнефти» в 51 процент. Стартовая цена - 101 миллион долларов. Организацией аукциона ведала финансовая структура Березовского, «НФК» - «Нефтяная финансовая компания»; аукцион организовали так, чтобы сторонних претендентов не было вообще. Если на других аукционах участникам торгов требовалось предъявить лишь банковскую

гарантию, подтверждающую наличие у них денег, в случае с «Сибнефтью» участники торгов должны были положить на счёт «НФК» 190 миллионов долларов. Если претендент аукцион проигрывал, свои деньги он мог забрать только через сорок пять дней, что давало «НФК» прекрасную возможность эти деньги прокрутить. Тем не менее, два серьёзных претендента всё-таки появилось: «Альфа-банк» и «Онэксим-банк». Альфред Кох вспоминает, как нагло действовала команда Березовского, чтобы лишить конкурентов всяких шансов.

«Например, насколько я знаю, как мне рассказывали, даже адрес в объявлении о проведении аукциона, был указан дом, который строился, в котором ремонт шёл, - рассказывает Кох. - Когда туда пришли участники торгов, там была просто заколоченная дверь. Ну, они всё таки нашли нужный адрес, пришли и их просто не впустила охрана. А потом там организаторы аукциона «НФК» приняли заявку, но там нашли кучу крючков каких-то - что вот эта бумажка голубая, а должна быть жёлтой». «Альфа-банк» от участия был отстранён, так как якобы не представил всю необходимую документацию, отстранили и «Онэксим-банк» - якобы было нарушено какое-то банковское правило о переводе средств на депозит. «Когда я поднял этот вопрос у премьер-министра Виктора Степановича Черномырдина, - вспоминает Кох, - тот просто сказал: «Не вмешивайся».

Цена победы в аукционе по «Сибнефти» равнялась 110 миллионам долларов, всего на 9 миллионов долларов больше стартовой цены. Победителем аукциона 1995 года и организатором аукциона 1997 года была «НФК» - «Нефтяная финансовая компания». Аукцион 1997 года выиграла «ФНК» - «Финансовая нефтяная корпорация». Никому не было известно, кто стоит за «ФНК». Березовский решительно открещивался от своей связи с этой структурой. Все знали, что он имеет отношение к организатору аукциона - «НФК», и признать, что он стоит и за победителем, «ФНК», означало бы использование своего положения в корыстных целях. К тому же Березовский находился на государственной службе и не имел права заниматься коммерческой деятельностью. Публично было объявлено, что владельцами «ФНК» являются два филиала «СБС-Агро». Но мало кто сомневался, что реальным владельцем «НФК» и «ФНК» является один и тот же человек: Борис Березовский.

«Это комедия, и она комедией и остаётся», - фыркает Альфред Кох. Фактически действия Березовского при покупке «Сибнефти» были так слабо замаскированы, что так и хочется ещё раз процитировать Лебедя: «Березовскому мало просто воровать - ему надо, чтобы все видели, что он ворует безнаказанно».

Новые правила игры

Второй тур залоговых аукционов - это было наследие от первого срока президентства Ельцина. Анатолий Чубайс и остальные члены правительства просто выполняли договор, заключённый с олигархами о помощи в переизбрании Ельцина. Но теперь Чубайс жаждал придать российскому капитализму более цивилизованные формы.

Президент Ельцин тоже решил, что пора позаботиться о собственной репутации; возможно, после открытой операции на сердце он задумался о своей исторической роли. В марте 1997 года, после выздоровления, он вернулся в Кремль. Первым делом он решил перетряхнуть правительство, вдохнуть в него дух «реформаторства», свойственный первым годам его правления. Казалось, он намерен обуздать «капитализм для своих», изрядно запятнавший его режим. Банкир и олигарх Владимир Потанин был смещён со своего поста первого

заместителя премьер-министра. Вместо него Ельцин назначил Анатолия Чубайса и другого «молодого реформатора», Бориса Немцова, губернатора Нижнего Новгорода.

Но уволены были отнюдь не все представители «капитализма для своих». На посту премьер-министра остался Виктор Черномырдин. В Совете безопасности остался Борис Березовский. Начальником ельцинской администрации стал старый приятель Березовского, Валентин Юмашев. И всё-таки Чубайс был полон решимости порвать с прошлым. «Россия сегодня находится на исторической развилке между двумя вариантами капитализма, - заявлял он. - Один вариант - это олигархический капитализм латиноамериканского типа, в котором действуют рыночные механизмы, в котором свободное ценообразование, в котором частная собственность, но в котором все базовые решения государства находятся под сильным влиянием крупных финансовых и промышленных групп. Вторую модель можно охарактеризовать как народный капитализм. Экономические правила в такой системе абсолютно одинаковы для любого участника, независимо от его размера. Это также означает, что антимонопольная политика государства применима ко всем, включая крупнейшие финансовые группы. Это означает, что государство отделено от бизнеса, а бизнес играет по правилам, установленным государством».

Это действительно был новый Анатолий Чубайс. Он хотел изменить правила, на основе которых российские олигархи приобрели власть и богатство. Естественно, олигархи сочли такую политику неприемлемой. «Нельзя играть по одним правилам, а потом объявить, что с четырёх утра завтрашнего дня вводятся новые правила, - возмущался Березовский. - Чубайс пытается оборвать связь между исполнительной властью и крупным капиталом. Но крупный капитал - это реальная опора сегодняшней власти».

Березовский неоднократно напоминал первому заместителю премьер-министра: его «наняли» бизнесмены высшего ранга провести избирательную кампанию Ельцина, а позднее - поставили на работу в российское правительство. Чубайс, однако же, решительно отстаивал свою независимость. «Ну да, Совет директоров России нанял своего исполнительного директора - звучит примерно так», - едко замечал он.

За тот короткий период, когда в Кремле главенствовали Чубайс и Немцов, деловая карьера Березовского получила два ощутимых удара. Первый имел отношение к монополии на природный газ - «Газпрому». В июне 1977 года Березовский убедил Черномырдина назначить его председателем «Газпрома», но в последний момент это назначение было заблокировано первым заместителем премьер-министра Борисом Немцовым.

Второе поражение Березовский потерпел в ходе приватизации «Связьинвеста» - компании-монополиста в сфере телекоммуникаций. Под контролем этого холдинга находились телефонные компании, осуществлявшие международную и региональную связь. Правительство давно говорило о необходимости частично приватизировать «Связьинвест». В 1995 году пакет из 49 процентов акций «Связьинвеста» был обещан итальянской компании по телекоммуникациям - «Stet». Но эта сделка так и не была доведена до конца. Далее, право организовать открытое предложение ценных бумаг «Связьинвеста» на сумму в 1 миллиард долларов было предложено консорциуму западных банков. Однако в последний момент эту сделку тоже отменили. Два российских конгломерата - «Мост» Владимира Гусинского и «Альфа» Петра Авена - убедили

правительство в том, что «Связьинвест» должен остаться в руках российских компаний. Гусинского, в частности, очень интересовал «Связьинвест», потому что от этой монополии зависели расценки на передачу сигнала для НТВ. В конце 1996 года правительство сообщило, что разрешает «Мосту» и «Альфе» приобрести 49 процентов акций «Связьинвеста» по цене, которую определят независимые аналитики. Широко распространилось мнение, что это разрешение - компенсация за услуги, которые «Мост» и «Альфа» оказали в ходе президентской кампании.

Однако Чубайс снова вмешался в планы «Связьинвеста», и было решено приватизировать только блокирующую долю - 25 процентов плюс одна акция, продать её с аукциона тому, кто предложит самую высокую цену. Появилось два конкурента. Первый - «Онэксим-банк» Владимира Потанина, которого поддерживали «Renaissance Capital», «Deutsche Morgan Grenfell», «Morgan Stanley Asset Management» и - самое главное - биржевой игрок Джордж Сорос. Вторым претендентом стал «Мост» Гусинского, его поддерживали «Альфа», «Credit Suisse First Boston», испанская компания «Telefonica». Но главным компаньоном Гусинского по этой сделке был Березовский.

В середине июля, когда до аукциона по «Связьинвесту» оставалось всего несколько дней, Гусинский и Березовский отправились на встречу с Анатолием Чубайсом - тот отдыхал неподалёку от Сан-Тропе, на вилле приятеля, марокканского коммерсанта, который вёл в России крупные дела. Прибыл и их конкурент - Владимир Потанин. Три бизнесмена прилетели вечером, провели с Чубайсом четырёхчасовые переговоры и отбыли назад.

«Значительная часть разговора была посвящена правилам игры, - вспоминает Потанин, - что такого рода, достаточно жёсткие, хотя и справедливые правила, внедряются немедленно. Березовский, как я понял, считал, что введение такого рода правил... чересчур форсированно и, что это нужно делать более медленно постепенно, потому что затрагивают интересы тех, кто к таким правилам не готов (например, Гусинский). Березовский утверждал, что консорциум (Гусинского) многое сделал для того, чтобы эта сделка состоялась, что он над ней работал, что мог бы иметь какие-то «преференции».

Со своей стороны Гусинский прибег к той же аргументации, которой он пользовался, когда проталкивал приватизацию четвёртого канала и создание НТВ. Он очень много времени уделил этой приватизации, затратил массу усилий, и будет несправедливо, если после всего этого компания достанется кому-то другому. В поддержку Гусинского было то обстоятельство, что, помимо четвёртого канала, он никак не участвовал в дележе крупной федеральной собственности; он не имел отношения ни к ваучерной приватизации, ни к залоговым аукционам. На случай если убедить Чубайса не удастся, Гусинский и Березовский приберегли политику угроз. «Было ясно дано понять Чубайсу и мне о том, что если неудачно для другого консорциума завершится конкурс по «Связьинвесту» то, конечно, они останутся неудовлетворёнными и будут использовать разные способы оказания, ну, скажем, разных видом воздействия, вплоть до развязывания информационной войны или развала сделки», - вспоминает Потанин.

Консорциум Гусинского предлагал 1,2 миллиарда долларов. Потанин предлагал 1,6 миллиарда долларов. «Гусинский считал, как я понимаю его, что мы в аукционе по «Связьинвесту» участвовать не должны, что мы должны заняться другим каким-то проектом», - вспоминал Потанин позднее. Есть сведения, что Березовский и Гусинский делали Потанину соблазнительные предложения, чтобы он отступился: контроль над государственной долей акций в российской

электрической монополии «РАО ЕЭС», победу в приватизации последней государственной нефтяной компании - «Роснефть». Но Потанин полагал, что обязан участвовать в аукционе по «Связьинвесту». «Я счёл возможным для себя отказаться от участия, потому что это не соответствовало коммерческим интересам нашей группы, наших инвесторов и партнёров, - вспоминает он. - А Чубайс не счёл возможным поддержать такого рода предложение - отказ Потанина от торгов, потому что в результате конкуренции родилась более высокая цена для бюджета».

25 июля аукцион по «Связьинвесту» состоялся. Стартовая цена составила 1,2 миллиарда долларов. Консорциум Гусинского предложил 1,7 миллиарда долларов, а консорциум Потанина - 1,9 миллиарда. Компания Потанина, зарегистрированное на Кипре прикрытие «Mustcom», предложила почти вдвое больше того, что правительство получило во всех залоговых аукционах. Тем не менее, лагерь Березовского-Гусинского сразу же начал жаловаться, что аукцион был подтасован.

На следующий после аукциона день началась война в прессе. Сергей Доренко, главный рупор Березовского на ОРТ, передал два резких сообщения о коррумпированности альянса «Онэксим-банк». Поначалу лагерь Березовского-Гусинского забил тревогу по поводу следующего «открытия»: за Потаниным стоял «спекулянт» Джордж Сорос. «Бывают разные, и лично для меня деньги пахнут, - заявил тогда Гусинский.

Но это наступление провалилось. Тогда Гусинский заявил о своём недовольстве вслух. «Я думаю, что в ближайшее время новая информация, которая так или иначе обязательно станет гласной, даст вам ответ, был ли инсайд (сговор) или нет», - сказал он прессе.

Через две недели в российской прессе напечатали материал о том, что ответственный за аукцион по «Связьинвесту» Альфред Кох получил в январе 1997 года от «Онэксим-банка» «взятку» в размере 100 000 долларов. В действительности это был аванс за книгу, который выплатила швейцарская торговая фирма, связанная с «Онэксим-банком». Кох был уволен из правительства, Генеральная прокуратура начала расследование. Через год книга Коха вышла в свет, и прокуратуре не удалось собрать необходимых для обвинительного приговора доказательств, хотя конфликт интересов при получении аванса был налицо.

После этого аукциона давление на Чубайса усилилось так резко, что в опасности казалась сама его жизнь. 18 августа, через три недели после аукциона, молодые реформаторы Чубайса впервые стали объектом насилия. В тот день в Санкт-Петербурге один из ближайших коллег Чубайса, заместитель мэра Михаил Маневич, ехал по Невскому проспекту с женой и был поражён пулей снайпера. Маневич погиб, жена была ранена. Покушение было совершено средь бела дня на центральной улице города, ничем другим, как наглой демонстрацией силы, его не назовёшь. Милиция арестовала нескольких человек по подозрению в убийстве, но заказчика убийства Маневича так и не нашли, осталась невыясненной и причина убийства. Во всяком случае, Чубайс почувствовал, что ему угрожает опасность. Несколько месяцев после этого в коридорах Белого дома ходили слухи о том, что на первого зама премьер-министра готовят покушение.

4 ноября 1997 года Чубайс и Немцов навестили президента Ельцина на его даче. «Нас встретили Татьяна Дьяченко и Валентин Юмашев, - вспоминает Немцов. - Они сказали мне: «Ты совершаешь самую большую ошибку в своей карьере». Я

даже поразился, до чего они были бледны, но ответил: «Возможно, но у меня есть свои принципы» В течение нескольких часов Чубайс и Немцов пытались убедить Ельцина - Березовский преступил черту. По закону правительственным чиновникам запрещалось заниматься бизнесом, но Березовский нарушал этот закон в открытую. Он вёл переговоры с Центральным банком от имени своей швейцарской финансовой компании «Andava». Он пытался прибрать к рукам «Газпром». Откровенно вмешивался в ход аукциона по «Связьинвесту». Короче, он наиболее одиозным образом представлял «капитализм для своих», очерняя, таким образом, репутацию правительства Ельцина. Немцов, оказавшийся не затронутым разразившимся скандалом, говорил о необходимости положить конец «бандитскому капитализму». На следующий день Березовский был уволен из Совета безопасности.

Через неделю российские газеты написали: Анатолий Чубайс недалеко ушёл от своего подчинённого Коха. Он и ещё четверо работавших в правительстве молодых реформаторов признали, что получили по 90 000 долларов аванса каждый за будущую книгу - от издателя, связанного с «Онэксим-банком». (Опять-таки, через два года книга была опубликована, но столкновение интересов от этого меньше не стало.) По российским стандартам, масштаб коррупции в данном случае был невелик по сравнению с сотнями миллионов, которые походя извлекались из государственной казны капиталистами верхнего эшелона. Более того, использовать контракт на издание книги, чтобы завоевать благосклонность наверху - этот прецедент был создан Березовским, когда в 1994 году он опубликовал мемуары Ельцина. Но в данном случае обвинения касались Чубайса и других молодых реформаторов. К тому же скандал последовал за другими обвинениями в адрес Чубайса: в феврале 1996 года он получил от банка «Столичный» беспроцентную ссуду в 3 миллиона долларов. В итоге репутация Чубайса, как образцового и честного реформатора, была уничтожена.

«Я согласен с Гусинским, который сказал, что Чубайс для него не вице-премьер, а конкурент», - заявил Березовский в прессе.

«Юкси»

Война между кланами Чубайса-Потанина и Березовского перенеслась в нефтяную промышленность. Государство объявило о намерении приватизировать «Роснефть», этому холдингу принадлежали оставшиеся в ведении государства зоны нефтяной добычи. В качестве первого шага Березовский и его молодой компаньон, дилер Роман Абрамович организовали замену генерального директора «Роснефти» Александра Путилова - человека «Лукойла» - на кого-то из своих. Однако в последнюю минуту аукцион по приватизации «Роснефти» был отложен: в Азии разразился финансовый кризис.

Между тем в «Сибнефти» Березовский вёл дела из рук вон плохо. Ему удалось взять компанию под свой контроль, напополам с Абрамовичем, но даже при массивных налоговых льготах «Сибнефть» имела большие долги; она продолжала продавать те же объёмы нефти тем же клиентам. Березовский с компаньоном следовали прежней практике («приватизация прибылей»), что оказалась такой эффективной с «АвтоВАЗом» и «Аэрофлотом»: они обставили «Сибнефть» посредниками-стервятниками. Главным посредником в данном случае была компания Абрамовича «Runicom», зарегистрированная на Гибралтаре и расположенная в Женеве. Эта структура за неплохие деньги продавала полученную у «Сибнефти» продукцию, но платить «Сибнефти» за отгрузки не

спешила.

Из финансового отчёта нефтяного гиганта следовало, что на конец 1997 года компания «Runicom» была должна «Сибнефти» 30 миллионов долларов; в 1998 году задолженность возросла до 45 миллионов. Более того, в 1998 году «Сибнефть» дала «Runicom» беспроцентную ссуду в 124 миллиона долларов, якобы на импорт оборудования, хотя оборудование так и не поступило, и «Runicom» позже деньги вернул. По удачному совпадению генеральный директор «Сибнефти» долгое время работал в «Runicom». Такая «работа на себя» со стороны Абрамовича и его заместителя, вне всякого сомнения, противоречила интересам сторонних акционеров, но для акционеров «Runicom» была выгодной.

Зимой 1997-1998 года, когда перспектива приватизации «Роснефти» несколько затуманилась, Березовский решил уменьшить своё участие в нефтяном бизнесе. Он решил слить «Сибнефть» со вторым крупнейшим в России нефтедобытчиком, компанией «Юкос», которую контролировал олигарх Михаил Ходорковский. Назвать новый гигант предполагалось «Юкси», 60 процентов принадлежало бы акционерам «Юкоса», остальные 40 процентов - акционерам «Сибнефти». Что касается масштабов добычи и имевшихся ресурсов, «Юкси» стала бы третьей в мире крупнейшей частной нефтяной компанией.

В ходе приватизации «Сибнефти» в 1995 году Березовскому пришлось выдержать не одну бурю - в частности, утонул директор Омского НПЗ, арестовали владельцев компании «Балкар трейдинг», однако теперь он решил от «Сибнефти» избавиться. Наибольшее удовольствие ему доставлял сам процесс захвата компании. Здесь он изрядно поднаторел, но управлять компаниями - это было не совсем для него. Нефтяной бизнес со своими долгосрочными планами и гигантскими капиталовложениями был чужд натуре Березовского. Поэтому слияние «Юкси» было очень сильным ходом - во-первых, Березовский прибыльным путём избавлялся от «Сибнефти», во-вторых, объединял античубайсовскую коалицию олигархов (Березовский, Гусинский, Смоленский и Ходорковский), становившихся акционерами в новой компании. 19 января 1998 года о слиянии «Юкси» было объявлено на триумфальной пресс-конференции, в присутствии премьер-министра Черномырдина и министра топлива и энергетики Сергея Кириенко. Березовский, который несколько месяцев назад был на государственной службе, теперь щеголял контрольным пакетом акций в «Сибнефти» и хвастался, что сыграл в слиянии двух гигантов ключевую роль.

Но через пять месяцев эта сделка рухнула. Березовский не рассчитывал, что его компаньон по «Сибнефти» Роман Абрамович окажет серьёзное сопротивление. В отличие от Березовского, который вёл множество дел в самых разных сферах, Абрамович занимался только нефтью. И хотя поначалу он согласился на слияние, позднее Абрамович потребовал более высокую цену, чем «Юкос» был готов заплатить. В итоге сделка не состоялась, у Абрамовича остался контрольный пакет акций «Сибнефти» и его выгодные контракты на торговлю нефтью. Березовский же снизил свою долю в «Сибнефти» (хотя, по некоторым данным, определённую долю акций оставил себе), а сам продолжал двигаться дальше.

Кризис

К началу 1998 года экономика России снова оказалась на пороге катастрофы. Правительство не выполнило обещания расплатиться с долгами по зарплате военным и госслужащим. Цены на государственные ценные бумаги стремительно падали - финансы государства были в опасности. Кто-то должен был ответить за

то, что год назад Борису Ельцину не удалось оживить экономику страны. Березовский публично предсказал, кто станет козлом отпущения. «Уверен, что если не дни, то недели Чубайса у власти сочтены, - сказал он в интервью «Коммерсанту». - Он уйдёт из власти, и, конечно же, это будет происходить при полном согласии президента».

У Ельцина была привычка: ежегодно он просыпался после зимней спячки и перетряхивал правительство. 23 марта 1998 года (через 10 дней после предсказания Березовского) Ельцин объявил, что увольняет Чубайса. Ещё более удивительным оказалось увольнение Виктора Черномырдина, премьера со стажем. В тот же день Ельцин вызвал министра топлива и энергетики Сергея Кириенко и сообщил, что назначает его главой правительства. «Для меня это было полной неожиданностью, - вспоминает Кириенко. - За всю свою жизнь я раньше с Ельциным встречался два раза».

Решение отправить в отставку Черномырдина и назначить вместо него Кириенко принял не столько Ельцин, сколько его советники, в особенности его дочь Татьяна Дьяченко и шеф президентской администрации Валентин Юмашев. Березовский тоже рекомендовал снять Черномырдина, хотя против кандидатуры Кириенко возражал.

У Березовского были причины недолюбливать Кириенко. Во-первых, он принадлежал к когорте молодых реформаторов, был близок к Чубайсу и Немцову. Во-вторых, находясь на посту министра топлива и энергетики, Кириенко пресекал попытки приватизировать «Роснефть» в пользу Березовского.

По внешним признакам назначение Кириенко было для России хорошей вестью. Неповоротливый Черномырдин давно олицетворял коррупцию и некомпетентность ельцинского режима, а репутации Анатолия Чубайса вследствие книжного скандала был нанесён непоправимый ущерб. Но увольнение этих двоих нарушило зыбкое равновесие, а без него разные группировки из окружения Ельцина вполне могли уничтожить друг друга, а заодно разрушить весь режим.

Органы печати, принадлежавшие Березовскому, повели атаку на Кириенко. Магната поддерживали коммунисты - Дума, где коммунистов и их союзников было большинство, дважды отказывалась утвердить кандидатуру Кириенко. Наконец, 24 апреля Кириенко удалось собрать необходимое количество голосов и стать новым премьер-министром. К этому времени Березовскому удалось убедить Кремль вернуть его во власть: 29 апреля его назначили исполнительным секретарём СНГ, по большей части символической торговой структуры, объединявшей бывшие советские республики. Кириенко сразу же подвергся массированному давлению со стороны олигархов: они хотели провести в правительство своих людей. Когда стало ясно, что выполнять их волю он не собирается, олигархи взялись ставить ему палки в колёса.

12 мая угольщики Сибири вышли на забастовку - им постоянно задерживали выплату донельзя скромной зарплаты; горняки прекратили работу и, что ещё более важно, на две июльских недели перекрыли Транссибирскую магистраль, в результате экономике России был нанесён ущерб на сотни миллионов долларов. Одна группа шахтёров разбила лагерь прямо перед домом правительства, где работал Кириенко; телеканалы Березовского и Гусинского регулярно показывали их в вечерних новостях - плакаты, митинги, концерты. В том, что шахтёры, пресытившись лишениями, объявили забастовку, не было ничего странного,

удивляло лишь выбранное для протеста время. Почти открытым текстом Кириенко обвинил Березовского и других олигархов в том, что они финансируют выступления горняков против правительства. «Резкая, неожиданная активизация протестов шахтёров весной этого года не случайна, - говорил он мне позже. - Я не хотел бы вникать в детали, но экстренные забастовки шахтёров в определённой степени разогревались, и, в какой-то степени, финансировались».

Олигархи оказывали на Кириенко и серьёзное финансовое давление. Атака олигархов не была бы такой болезненной, будь финансовое положение государства прочнее, но Чубайс, Кириенко и другие молодые реформаторы совершили серьёзные ошибки, управляя финансами страны. Самые прибыльные предприятия российской промышленности были отданы кучке бессовестных магнатов, которые разворовывали активы, уклонялись от уплаты налогов и вывозили свои неправедно нажитые богатства за рубеж. Позволив этим хищникам построить частные империи за счёт государства и большинства россиян, само правительство, по сути, обанкротилось. Чтобы не латать дыры в бюджете за счёт печатного станка и избежать нового витка гиперинфляции, правительство просто перестало платить зарплаты военным, учителям, медикам и пенсионерам. Оно также брало крупные ссуды в банках - тех самых, которым оно отдало государственные деньги и активы несколько лет назад.

Основной формой правительственного долга были ГКО с нулевым купоном, обычно выпускавшиеся на три месяца. Разработанный Чубайсом рынок ГКО опять-таки являл собой солидную субсидию, которую государственная казна выделяла избранным российским банкам. Покупать ГКО могли только российские банки, иностранные учреждения в этой операции не участвовали. Таким образом, конкуренция на аукционах по продаже ГКО ограничивалась несколькими российским учреждениями, в 1995-1998 годах ежегодный доход по этим ценным бумагам составлял около 100 процентов в долларах. Если бы участвовать в приобретении ГКО тогда разрешили иностранным банкам с их огромными фондами, проценты на ГКО не были бы такими астрономическими. Вследствие этой политики в России исчез рынок внутренних кредитов - какой компании охота занимать деньги при ставке 100 процентов, в долларах?

Правительство обанкротилось за счёт высокой стоимости обслуживания долга. Банки, получавшие от государства эти огромные проценты - «Онэксим», «Менатеп», «Альфа» и «Столичный», - почти ничего не вкладывали в российскую экономику. Наиболее заметно выпуск ГКО вырос в 1996 году - когда режиму Ельцина позарез требовались деньги, чтобы взбодрить экономику в период предвыборной кампании, - но ГКО продолжали выпускать и дальше, и через два года их было выпущено на общую сумму 70 миллиардов долларов. К тому времени, когда Кириенко стал премьер-министром, все доходы от новых ГКО шли на погашение старых. Проводя операцию с ГКО, российское правительство оказалось на механической беговой дорожке, и вот эта дорожка стала двигаться всё быстрее, и правительство не могло за ней угнаться. Ему приходилось продавать всё больше ГКО по всё более высоким ставкам - просто для обслуживания старого долга. Было ясно: механизм вот-вот разладится. Операция с ГКО превратилась в пирамиду.

В апреле и мае российские банки стали в массовом порядке свои ГКО сбрасывать. Интересно, что бегство с рынка ГКО возглавили не иностранные банки, которых только недавно подпустили к рынку ГКО, а банки, взращённые в России, от которых можно было ждать патриотизма. Гигантский банк «СБС-Агро»,

имевший отношение к Березовскому, и другие финансовые учреждения с хорошими связями, отчаянно нуждались в новых правительственных субсидиях, но их не последовало, и этим учреждениям пришлось распродать свои портфели государственных ценных бумаг.

«Почему такой жёсткий конфликт у руководства «СБС-Агро» и Березовского с правительством? - задаёт вопрос Сергей Кириенко. - Это банки, которые стали на ноги в период гиперинфляции, государственным деньгам. Они не умели жить без постоянной подпитки государственной. «СБС-Агро» в принципе был банкротом уже в июне или июле».

В конце июня олигархи ненадолго объединились для встречи, напоминавшей «Группу 13», и представили правительству свои требования. «Представители крупного бизнеса заявили (мне) о необходимости создания совета экономической помощи, то есть совета крупных олигархов, которые бы давали бы правительству какие-то советы, какие-то рекомендации. Естественно, звучали мысли о том, что, если правительство согласится на такой совет, тогда оно получит поддержку, а если не согласится, то тогда они (олигархи) поставят своей целью свалить это правительство».

Кириенко отказался. Он продолжал настаивать на том, чтобы финансово-промышленные группы платили налоги как положено, и отказал им в просьбе о финансовой помощи. Березовский с союзниками продолжали сбивать российский рынок и своими выступлениями, и своими массовыми продажами ГКО. Одновременно средства массовой информации изображали администрацию Кириенко как неэффективную, правительство-однодневку. Кризис доверия в правительстве Кириенко и российской экономике становился всё глубже.

Чтобы отвратить надвигающуюся катастрофу, президент Ельцин вернул из опалы бывшего «царя экономики» - Анатолия Чубайса. Хотя его репутация в России была испорчена, Чубайс продолжал пользоваться доверием среди многих финансовых институтов Запада; если кто-то и мог договориться с МВФ о новом займе, то только он. Подтасовав некоторые цифры и скрыв катастрофическое состояние российской экономики, Чубайс сумел убедить МВФ и несколько коммерческих банков выделить ссуду в 23 миллиарда долларов. (Позже Чубайс говорил в российской прессе, как правительство провело иностранных кредиторов: «Мы их кинули», хотя на самом деле кинул всех он сам.) Первый транш МВФ (5 миллиардов долларов) испарился в течение нескольких дней, его продали российским банкам с хорошими связями, которым некуда было девать рубли.

17 августа 1998 года пирамида ГКО рухнула. Российское правительство объявило, что больше не будет поддерживать рубль. За несколько недель рубль подешевел на три четверти, а инфляция - в пересчёте на год - возросла более чем на сто процентов. Западные инвесторы получили сразу несколько ударов. Во-первых, гигантская девальвация рубля; во-вторых, правительство перестало обслуживать свои долги по ГКО и почти всем остальным ценным бумагам; наконец, правительство объявило 90-дневный мораторий на исполнение российскими банками своих валютных обязательств. По некоторым оценкам, иностранные банки и инвесторы потеряли на российском рынке государственных ценных бумаг 40 миллиардов долларов, а на акционерном рынке - 8 миллиардов долларов. По другим оценкам, общие потери превышали 100 миллиардов долларов. Как следствие российского кризиса, на фондовых рынках всего мира стоимость акций снизилась на 5-10 процентов, а то и больше; такие учреждения,

как «Citibank», «Chase», «Bank America» и «Credit Suisse» объявили, что почти все их прибыли в тот год были сметены российской катастрофой. Из-за потерь в России рухнул крупный инвестиционный фонд «Long-Term Capital Management». Этот крах, да и другие последствия российского кризиса до такой степени поставили мировую финансовую систему под угрозу, что система Федерального резерва США сочла необходимым этот фонд поддержать. Самый знаменитый в мире специалист по хеджированию, Джордж Сорос, стал свидетелем того, как его инвестиции в России, включая 1 миллиард долларов, вложенный в «Связьинвест», почти полностью исчезли в недрах финансового кризиса. «Я прекрасно знал, что система грабительского капитализма ненадёжна, нестабильна, я не раз об этом говорил; тем не менее, я позволил втянуть себя в сделку со «Связьинвестом», - писал позднее Сорос. - Это было худшее вложение за всю мою профессиональную карьеру».

В результате девальвации рухнули почти все коммерческие банки, а рядовые россияне снова лишились своих сбережений. Финансовый кризис стал олицетворением окончательного краха российской экономической реформы посткоммунистического периода. Прежде на фоне провалов режима Ельцина Чубайс и молодые реформаторы могли гордиться по крайней мере одним достижением: они смогли стабилизировать рубль и обуздать инфляцию. Именно ради финансовой стабилизации молодые реформаторы подвергли россиян таким страданиям, именно ради этого экономика страны сократилась вдвое, именно поэтому не платились зарплаты, именно поэтому допустили разрушение системы социальных гарантий. И вот теперь денежно-кредитная система, как и остальная часть российской экономики, рухнула.

23 августа, через неделю после начала кризиса, Ельцин отправил в отставку премьера Кириенко и весь его кабинет. Березовский и остальные олигархи добились своей цели и низвергли Кириенко, но при этом они ускорили развал российской экономики, да и собственному богатству нанесли немалый урон. Молодые реформаторы были разгромлены, и, казалось бы, для Березовского настал благоприятный момент. По его настоянию Ельцин вернул под знамёна власти своего стойкого приверженца, Виктора Черномырдина - выдвинул его на пост премьер-министра. Это был явно не лучший выбор. Имя Черномырдина связывалось с некомпетентностью и коррумпированностью; более того, он возвращался на должность, с которой его уволили пять месяцев назад. На сей раз парламент проявил неслыханное непослушание. Дважды Дума отказывалась голосовать за Черномырдина, хотя лагерь Ельцина оказывал на неё серьёзное давление. Наконец, поняв, что наряду с экономической катастрофой страна может быть ввергнута в конституционный кризис, Ельцин снял кандидатуру Черномырдина. 10 сентября он назначил человека, приемлемого для парламента - бывшего шефа внешней разведки и министра иностранных дел Евгения Примакова. По общему мнению, шестидесятивосьмилетний Примаков был ничем не запятнан, патриотичен, консервативен. Его кандидатуру Дума утвердила на следующий же день.

Глава 10. Владимир Путин приходит к власти

Подслушиваем президента

Панические предсказания о том, что Примаков будет проводить экономическую политику в интересах коммунистов, включит печатный станок, что

страну захлестнёт гиперинфляция, - все эти прогнозы не оправдались. Рубль укрепился, инфляция снизилась, постепенно начало возвращаться доверие. Дипломатизм Примакова помог России прийти к новому политическому согласию, а его неторопливая и слегка старомодная манера речи действовала успокаивающе.

Но для Березовского в Примакове таилась угроза. Ельцин и его окружение вследствие финансового кризиса утратили свои позиции. С назначением Примакова политическая власть перешла к премьер-министру и Думе. Дума и правительство Примакова во многом состояли из коммунистов или патриотически настроенных либералов, тем и другим «капитализм для узкого круга» был чужд. Ходили разговоры о том, что Ельцин досиживает свой срок чисто символически, а реальная власть находится у Примакова и его министров. Поговаривали и о другом: над наиболее прожорливыми бизнесменами свершится праведный суд.

Влияние Березовского на семью Ельцина становилось всё слабее. Он уже не мог претендовать на роль «финансового консультанта» семьи, как это раньше звучало в прессе. У дочерей и зятьёв Ельцина установились отношения с другими бизнесменами, в том числе и с компаньоном Березовского Романом Абрамовичем, которого в семье Ельцина, по словам генерала Коржакова, звали «кассиром». Об этих и других финансовых связях стало известно позднее, пока же российские чиновники высшего эшелона, например, бывший премьер-министр Сергей Кириенко, стали замечать, что влияние Березовского в ближнем круге Кремля слабеет.

«За пять месяцев на посту премьера у меня возникло ощущение, что все рассказы Березовского о возможности его прямого влияния на президента - это блеф, - сказал мне Кириенко. - А демонизация образа, которая ему совершенно блестяще удалась, это, как правило, делается за счёт того, что у него неплохая информация: как только он узнаёт, что кто-то, где-то собирается что-то делать, он немедленно выступает с соответствующим предложением публично, чтобы на следующий день все считали, что это сделано, потому что Березовский об этом сказал».

Информацию из администрации Ельцина Березовский получал двояким путём. Он продолжал поддерживать добрые отношения с ключевыми сотрудниками аппарата Ельцина, а также использовал современные технологии для того, чтобы прослушивать телефонные разговоры важных лиц. Он пользовался услугами мощной частной сыскной структуры «Атолл», которую создал ещё несколько лет назад с помощью коржаковской СБП. «Атолл» был оснащён по последнему слову техники. В России у многих крупных компаний была своя разведслужба, но структура Березовского от них отличалась. Российская Генпрокуратура утверждала: «Атолл» шпионил за семьёй Ельцина.

«Когда о финансовых отношениях Березовского и Дьяченко стала писать пресса, дочь президента решила порвать отношения с Борисом Абрамовичем, - вспоминает генерал Коржаков. - Но он начал её шантажировать, обещая, что расскажет журналистам всю правду об истинном финансовом положении семьи президента».

Осенью 1998 года на нескольких интернетовских сайтах появились записи перехваченных телефонных разговоров между высокопоставленными правительственными чиновниками. В частности, многократные разговоры между Березовским и Татьяной Дьяченко. Хотя странички через несколько дней были удалены, да и сами тексты почти не содержали никакой порочащей информации,

Генпрокуратура России заподозрила в прослушивании «Атолл», а появление в интернете было предупреждением Дьяченко и другим из окружения Ельцина: грязное бельё можно проветрить очень быстро.

Перехваченные телефонные разговоры сыграли на руку правительству Примакова. Оно решило принять меры против Березовского.

Ордер на арест

Готовясь зимой 1998-1999 года к поездке в Россию - продолжить сбор материала о Березовском, - я получил предупреждение от бывшего министра внешних экономических связей Олега Давыдова: обстановка в стране напряжённая. Только что в парадном своего подъезда в Санкт-Петербурге была убита Галина Старовойтова, представительница парламентских либералов и сподвижница Чубайса. Сейчас не время копать под Березовского, сказал мне Давыдов.

«С таким парнем, конечно, надо быть очень осторожным, - сказал он. - Потому что имеет связи с криминальным миром. У нас не говорят, а стреляют, или в газетах компромат пишут. Думаю, что если вы поедите собирать какую-то информацию о нём в России, у вас там будут трудности… Могут всякое. Одно дело - Старовойтова. А уж с иностранным журналистом церемониться не будут».

На самом деле в России стало спокойнее. Правительство Евгения Примакова готовилось нанести первый серьёзный удар по организованной преступности со времени падения коммунизма. Начались следствия по делу многих известных людей; казалось, прокуроры полны решимости выявить связи между окружением Ельцина и капиталистами-бандитами. Той московской зимой я стал невольным свидетелем того, как начала рушиться империя Березовского.

Утром 2 февраля 1999 года я стоял у окна своего номера в гостинице «Балчуг» и, потягивая кофе, смотрел на розовый рассвет над московскими крышами. Внезапно к зданию напротив подлетели, взвизгнув тормозами, три белых фургона. Из них выскочили люди в масках и камуфляжных костюмах с автоматами. Затем в сопровождении другой группы - эти были в кожаных пальто, с чемоданчиками и видеокамерами - вошли в здание.

Там располагалась «Сибнефть». Как выяснилось, с облавой пожаловали сотрудники милиции и Генпрокуратуры. По официальной версии, прокуратура искала следы деятельности частной разведывательной структуры Березовского «Атолл». На следующей день прокуратура объявила: начато уголовное дело против «Аэрофлота» - за отмывание денег и нарушение валютного законодательства в связи с компаниями «Andava» и «Forus». В действительности прокуратура вела поиски шире: компании, имевшие отношение к Березовскому, подозревались в мошенничестве, растрате и уклонении от уплаты налогов. Милиция нагрянула и в «Аэрофлот», «NFQ» (рекламная компания) и «ФОК» (финансовая компания). В тот же день зять Ельцина Валерий Окулов уволил девять менеджеров высшего звена и директоров, включая остальных назначенцев Березовского. Он также объявил, что прерывает отношения между «Аэрофлотом» и «Andava».

Принадлежавший Березовскому основной телеканал страны - ОРТ - был лишён государственных субсидий, предстояла процедура банкротства. На главного рекламщика ОРТ Сергея Лисовского «наехала» налоговая полиция. Березовский и не думал сдаваться, он заручился обещанием медийного магната из Австралии

Руперта Мердока дать каналу деньги. Между тем «Атолл», связанная с Березовским разведывательная служба, на период расследования была закрыта. Всю первую половину 1999 года велись уголовные дела против целого ряда лиц и компаний - официально никак не связанных с Березовским, и всё же как-то связанных.

Расследованием преступной деятельности на «АвтоВАЗе» занималось самарское отделение МВД. После того как в феврале 1999 года здание самарской милиции сгорело (была уничтожена документация по «АвтоВАЗу», погибло не менее шестидесяти человек), МВД объявило, что начинает уголовное дело против «АвтоВАЗа» по обвинению в мошенничестве и отмывании денег. Одновременно Генпрокуратура начала уголовное преследование Александра Смоленского, главы банка «СБС-Агро». Среди главнейших российских банкиров Смоленский был наиболее близок к Березовскому. «СБС-Агро» был третьим крупнейшим банком в России, официальным банком администрации президента. Самого Смоленского обвинили в растрате в связи с фальшивыми авизо (1992-1993), хотя впоследствии эти обвинения были с него сняты. Прокуратура обвинила в растрате и убийстве Анатолия Быкова, участника сделки с Березовским и Романом Абрамовичем по продаже акций Красноярского алюминиевого завода.

Генеральный прокурор Юрий Скуратов также начал расследование деятельности 780 крупных государственных чиновников, которые подозревались в игре на рынке ГКО с использованием служебного положения. В числе официально названных подозреваемых были Анатолий Чубайс и другие молодые реформаторы. Видимо, правительственные чиновники, знакомые с финансовыми планами правительства, летом 1998 года вывели свои средства с рынка ценных бумаг и перевели их за границу - как раз перед тем, как рынок ГКО завис, а рубль рухнул.

Решимость российского правительства вывести крупных мошенников и преступников на чистую воду не осталась без внимания за рубежом. Обвал рубля убедил Запад: поддерживать российское правительство, которое сквозь пальцы смотрит на то, как горстка новых капиталистов грабит страну, - непозволительная глупость. Правительства западных стран наконец-то взялись за борьбу с отмыванием денег, которые вывезли из России мародёры-олигархи. Осенью 1998 года министерство финансов США совместно с ФБР и Министерством юстиции начало тайное расследование дела о вывозе из России по крайней мере 7 миллиардов долларов через «Bank of New-York». Федеральные структуры обнаружили: как минимум часть этих денег имеет криминальное происхождение, например оплата выкупа за похищенных людей. Источник остальных средств был не так ясен. Но очевидным было другое: даже наиболее почтенные американские институты были заражены вирусом российской организованной преступности.

Деньги наиболее подозрительного свойства на счетах «Bank of New-York» приходили из целого ряда каких-то сомнительных московских учреждений: банк «Фламинго», «Собинбанк», «Депозитарно-клиринговый банк», «МДМ Банк» - все они в той или иной степени принадлежали банку «СБС-Агро». Среди управляющих этими банками было несколько близких друзей Березовского и Романа Абрамовича. Американские следователи не нашли прямых доказательств того, что Березовский, Абрамович или Смоленский знали о сомнительной деятельности принадлежащих им малоизвестных структур, но тот факт, что в расследовании деятельности «Bank of New-York» фигурировал «СБС-Агро», не мог не сказаться на будущем Березовского.

Федеральная прокуратура Швейцарии взялась за несколько дел о растрате и

отмывании денег российскими чиновниками высшего эшелона. В частности, стало известно о взятках, которые швейцарско-албанская строительная компания «Мабетекс» якобы давала Павлу Бородину (человеку из ближнего круга Ельцина, отвечавшему за собственность Кремля) и членам семьи Ельцина. Швейцарцы также занялись Березовским и его играми с потоками средств «Аэрофлота». В начале лета 1999 года швейцарские прокуроры нанесли визиты компаниям «Andava», «Forus» и ещё нескольким, связанным с именем Березовского. Были заморожены банковские счета этих компаний, а также личные банковские счета Березовского, его партнёра по «Аэрофлоту» Николая Глушкова и ряда лиц, имевших отношение к этой операции. В конце лета Березовскому было отказано во въездной визе в Швейцарию, куда он хотел поехать на лечение (сообщалось, что у него гепатит).

Итак, правоохранительные органы России и других стран начали загонять Березовского в угол. Президенту Ельцину снова пришлось выбросить давнего компаньона за борт. 2 апреля 1999 года Березовский был уволен с поста исполнительного секретаря СНГ. 6 апреля, поскольку Березовский и Глушков не явились для дачи показаний по делу «Аэрофлота», российская прокуратура выписала ордера на их арест. Среди обвинений фигурировали «незаконная деятельность» и «отмывание денег». Ордера были переправлены «Интерполу»; правительства иностранных государств должны были арестовать Березовского и Глушкова на месте.

Березовский хранил удивительное хладнокровие. Когда стало известно об ордере на арест, он находился в парижском отеле «Crillon» на площади Согласия, как раз напротив посольства США. Он дал интервью английской газете «Sunday Telegraph», где категорически отрицал все выдвинутые против него обвинения, назвал их политическими интригами и заявил о своём намерении вернуться в Россию. В этот момент в его защиту выступил высокопоставленный российский чиновник. Министр внутренних дел, старый сподвижник Ельцина Сергей Степашин объявил: если Березовский вернётся в страну для дачи показаний прокурорам, арестован он не будет.

Березовский действительно вернулся в Россию и 14 апреля встретился с прокурорами. Ордер на арест был отозван. Березовский сообщил, что его преследуют Примаков и бывший КГБ - по политическим соображениям. Возможно. Но факт остаётся фактом: правительство Примакова было первым в ельцинскую эру, проявившим решимость призвать Березовского и других новых капиталистов к ответу перед законом. Оно же оказалось и последним правительством времён Ельцина, которое отважилось на такой шаг.

Хотя Ельцин изрядно себя дискредитировал и возможности его были ограничены, в его руках оставалась конституционная власть, позволявшая снимать премьер-министра и его правительство. В январе 1999 года Примаков попытался добиться соглашения между разными ветвями власти с тем, чтобы на ближайшие полтора года гарантировать в стране политическую стабильность. Дума, собиравшая голоса с намерением объявить Ельцину импичмент, дала бы обещание не вести действий против президента. Ельцин, со своей стороны, обещал бы не распускать Думу и не отправлять правительство Примакова в отставку до конца положенного срока. Но окружение Ельцина посоветовало ему такое соглашение не подписывать.

С точки зрения Ельцина, администрация Примакова ускользала из-под его контроля. Возможно, Примаков мог обеспечить политической арене России

стабильность, вернуть доверие к России, но для Ельцина были чрезвычайно опасными дела о коррупции, которые велись и в России, и за рубежом - они могли срубить под корень не только капиталистов из ближнего круга вроде Березовского, но и его родную дочь, Татьяну. Примаков не давал достаточных гарантий самому Ельцину - гарантий в том, что после ухода с поста президента его не будут подвергать судебным преследованиям. При всех дипломатичных заверениях, какие Примаков давал Ельцину, он явно жаждал восстановить в стране право закона и наказать виновных. В конце концов, деятельность правительства Примакова подверглась громкой критике со стороны США и других западных стран. 24 марта США и его союзники по НАТО начали бомбить Сербию, чтобы вынудить сербов уйти из провинции Косово. Примаков занял жёсткую позицию по отношению к действиям НАТО, и мир внезапно оказался перед перспективой новой холодной войны - противостояния между Россией и НАТО. Президент Клинтон позвонил Ельцину и выразил озабоченность. Для Ельцина, который всегда был весьма чувствителен к мнению Запада, это было ещё одной чёрной меткой в послужном списке своего премьер-министра. Перед Ельциным и его окружением встала ясная задача: помешать расследованиям и подвести к президентским выборам 2000 года лояльного к нынешней власти политика.

12 мая Примаков был отправлен в отставку. На посту премьер-министра его сменил Сергей Степашин - человек, который на посту министра внутренних дел обещал уберечь Березовского от ареста.

«Увольнение Примакова было моей личной победой», - заявил Березовский в интервью французской газете «Le Figaro» несколько месяцев спустя.

Триумф Березовского

С уходом Примакова испарились и надежды достичь политического согласия в обществе. Дума продолжала настаивать на импичменте Ельцину. Для Думы наступил наиболее благоприятный момент утвердиться и свергнуть президента. В прошлом, если были прямые выпады против президента, применялся масштабный подкуп депутатов Думы. 15 мая Дума собрала заметное большинство голосов по всем пяти пунктам обвинения: 1) в 1991 году Ельцин неконституционным путём разрушил Советский Союз; 2) подверг парламент незаконному обстрелу в 1993 году; 3) способствовал развалу армии; 4) способствовал геноциду собственного народа (рост смертности в 90-е годы); 5) развязал незаконную войну в Чечне в 1994 году. Но ни по одному пункту обвинения парламенту не удалось получить необходимые две трети голосов - главным образом потому, что около 100 депутатов на голосовании не присутствовали. Крупный парламентский блок Жириновского, известный в парламенте как самый коррумпированный, отсутствовал почти целиком.

Сумев отправить Примакова в отставку, Березовский отвёл одну из самых опасных угроз, стоявших перед ним за всю карьеру. Даже для такого мастера политической интриги это был выдающийся успех. Ещё несколько месяцев назад он был объявлен в розыск, на него охотились российские прокуроры. В Швейцарии и США самым тщательным образом расследовали деятельность его компаний на предмет отмывания денег, и жизнь в ссылке не сулила ему большого комфорта. Чтобы по-настоящему сохранить свободу, Березовскому был необходим политический триумф в России. И он его добился, восстановив своё влияние в ближнем круге Ельцина и снова став главным разводящим в кремлёвских играх. Теперь он начал укреплять своё влияние в правительстве.

Новый премьер-министр Сергей Степашин был с давних пор предан Ельцину. Степашин, профессиональный чиновник из МВД, сделал подлинную карьеру под крылом Ельцина: при нём он возглавлял ФСК (прежнее название ФСБ), был министром юстиции, а потом и министром внутренних дел. Возможно, Степашин и был надёжным командным игроком, но он отнюдь не был беспринципной креатурой Березовского и остальных членов «семьи». Чтобы новое правительство подчинялось его желаниям, Березовский вытолкнул на авансцену других политиков, более послушных.

Новым первым заместителем премьер-министра (второй человек в правительстве, отвечающий за управление экономикой страны) стал Николай Аксёненко, бывший глава МПС, структуры весьма неэффективной и коррумпированной. Аксёненко был протеже Березовского и Романа Абрамовича. Вместе с новым министром топлива и энергетики Виктором Калюжным Аксёненко помог «Сибнефти» получить выгодные контракты на экспорт нефти; Аксёненко также взял под свой контроль наиболее важные монополии в сфере природных ресурсов, например нефтепроводную монополию «Транснефть».

Новым министром МВД был назначен Владимир Рушайло, в прошлом возглавлявший отдел по борьбе с организованной преступностью в московской милиции. Рушайло работал в тесном контакте с Березовским в Чечне, когда велись переговоры об освобождении заложников, и в политических кругах его считали «человеком Березовского». Другим важным соратником Березовского в правительстве стал Александр Волошин, шеф ельцинской администрации. Пять лет назад Волошин помог Березовскому запустить инвестиционную программу «АВВА», и его назначение в феврале 1999 года на пост главы президентской администрации означало: Березовский снова контролирует окружение Ельцина. Впоследствии Волошин весьма цинично и эффективно разбил Думу в её попытках организовать импичмент, нагнал страха на независимую прессу, руководил из-за кулис новыми назначениями в правительстве.

Какие-то люди Березовского занимали важные посты в правительстве, но контролировать действия правительства полностью он не мог. И хотя расследование деятельности Березовского российскими прокурорами слегка затормозилось, дела против него и его компаньонов никто не закрывал. Да и за границей расследования набирали силу. История с «Bank of New-York» была предана огласке. Наиболее решительные меры против Березовского и хозяина кремлёвской собственности Павла Бородина швейцарские прокуроры предприняли уже не при Примакове, а когда на посту премьер-министра находился Степашин. В Венгрии был арестован и выслан в Россию для суда по обвинениям в убийстве красноярский алюминиевый король Анатолий Быков, чьи связи с бандитами были наиболее очевидны, и до которого давно пытались добраться российские правоохранительные органы. Другими словами, при всей верности Ельцину, Степашин отказался спустить на тормозах уголовные расследования против Березовского и других наиболее скандально известных предпринимателей.

9 августа Степашин был уволен. Его заменил Владимир Путин, глава ФСБ.

До недавнего времени карьера сорокашестилетнего Путина была непримечательной. Он пришёл в КГБ в 1975 году, окончив юридический факультет Ленинградского университета, служил в Первом главном управлении КГБ (подразделение, занимавшееся шпионажем против иностранных государств, которым в то время руководил генерал Калугин), проработал шесть лет в Восточной Германии, а затем, в 1990 году, после падения Берлинской стены,

вернулся в родной Ленинград. К тому времени у КГБ возникли серьёзные трудности с финансированием, приходилось существенно сокращать кадры. Подполковник Путин, подобно десяткам тысяч других сотрудников, находившихся на секретной службе, был демобилизован и переведён в запас КГБ.

Путин жил в скромной коммунальной квартире с женой и двумя дочерьми и работал в стандартной должности сотрудника КГБ - заместителем ректора ЛГУ по иностранным делам, в его ведении находились иностранные студенты и преподаватели-иностранцы. Когда в августе 1991 года путч против Горбачёва провалился, Путин понял, что его прежней карьере пришёл конец, и вышел из рядов КГБ. К счастью, его взял к себе бывший преподаватель права, профессор Анатолий Собчак - красноречивый демократ, которого за два месяца до переворота выбрали мэром Ленинграда. Собчак назначил Путина заместителем мэра и предложил возглавить комитет по международным связям (общение с иностранными дипломатическими миссиями, принятие гуманитарной помощи из-за рубежа, вопросы внешней торговли и иностранных инвестиций). В 1994 году бывшего сотрудника КГБ назначили первым заместителем мэра - отвечать за приватизацию и сбор налогов с частных структур.

Нельзя сказать, что в период правления Собчака и Путина Петербург процветал. Хотя масштаб бандитских разборок и других «излишеств» эры Ельцина в Санкт-Петербурге был куда меньше, чем в Москве, город постепенно погружался в болото долгов и бедности. 16 июня 1996 года вместо Собчака на должность мэра города избрали другого. Преданный помощник Владимир Путин ушёл вместе с шефом.

И снова Путин нашёл политического покровителя из своего далёкого прошлого: коренного ленинградца Анатолия Чубайса, который знал Собчака и Путина ещё с первых дней демократического движения. В августе 1996 года Чубайс возглавлял администрацию президента. Эта структура подчинялась только самому Ельцину (в отличие от других правительственных структур, подчинявшихся правительству), она находилась в бывшем здании ЦК КПСС на Старой площади. В течение нескольких лет администрация президента раздулась до 2400 человек. В ведении этих людей находилась вся гамма правительственных вопросов страны - от развития нефтяной отрасли до выработки политики в средствах массовой информации. Президентская администрация была поразительно могущественным учреждением: подобно своему предшественнику на Старой площади - ЦК КПСС - она имела отношение ко всему, что происходит в стране, при этом была невидимой, и большинство граждан знали о ней только понаслышке.

В своё время советских лидеров выбирали в недрах таинственного Центрального Комитета, точно так же и имя последователя Ельцина определялось в ходе туманных интриг в президентской администрации. Сначала Путин был назначен помощником шефа кремлёвской собственности Павла Бородина. Казалось, ведомство Бородина олицетворяет коррупцию в правительстве Ельцина (на момент публикации этой книги в Швейцарии продолжается следствие о деятельности Бородина). Путин, судя по всему, в тёмные дела вокруг реставрации Кремля не вмешивался, его конкретная задача заключалась в управлении российской собственностью за рубежом. В марте 1997 года, когда Чубайса на посту главы президентской администрации сменил Валентин Юмашев, Путин получил в структуре должность заместителя, а в июле - и первого заместителя. В новом качестве Путин возглавил Контрольную комиссию, стал аудитором

президента, проверяющим работу российских губернаторов. У него выработалась репутация человека трудолюбивого и сурового. Губернаторы, до сих пор не слишком считавшиеся с Кремлём, начали побаиваться угрюмого технократа, надзиравшего за их деятельностью из Кремля.

В стане Березовского быстро поняли: Путин пойдёт далеко. В сентябре 1997 года принадлежавшая Березовскому «Независимая газета» дала детальный анализ того, как Анатолий Чубайс пытается завладеть рычагами власти в Кремле (это было через месяц после аукциона по «Связьинвесту»). По мнению газеты, Чубайс намеревался взять в свои руки ФСБ, для чего нынешнего директора Николая Ковалёва заменить на Владимира Путина. Чубайс привёз бывшего подполковника КГБ в Москву, и газета Березовского выражала беспокойство: на посту главы ФСБ Путин будет преданно проводить политику Чубайса.

Менее чем через год Путин действительно сменил Ковалёва на посту директора ФСБ, но ключевую роль в этой замене играл не Чубайс, а Березовский. У Березовского были свои причины для устранения Ковалёва. Когда Ковалев возглавлял ФСБ, был опубликован компрометирующий материал об отношениях между «Аэрофлотом» и «Andava». И хотя роль ФСБ в скандальной публикации не ясна, Березовский решил: Ковалёв для него опасен. (Позднее Ковалев обнародовал свои политические взгляды, вступив в «Отечество - вся Россия», движение старого противника Березовского, московского мэра Юрия Лужкова.)

Вскоре карьере Ковалёва в ФСБ пришёл конец - он сам стал жертвой скандала. В апреле 1998 года Александр Литвиненко, подполковник ФСБ из отдела по борьбе с организованной преступностью, и несколько его коллег объявили: им поручено убить Березовского. Это было странное откровение. Сам Литвиненко, будучи сотрудником спецслужб, подрабатывал в должности телохранителя Березовского. Именно он, с пистолетом в руке, преградил дорогу сотрудникам РУОПа, когда те хотели провести обыск дома приёмов «ЛогоВАЗа» после убийства Листьева. Потом его отдел в ФСБ сотрудничал с Березовским во время многочисленных поездок в Чечню по проблемам заложников. По мнению осведомлённых наблюдателей, план ФСБ по устранению Березовского - чистый вымысел. (Год спустя Литвиненко будет арестован по обвинению в проведении незаконных обысков и других злоупотреблениях служебным положением.)

«Моё личное мнение, что это некоторый блеф, - говорит Сергей Кириенко, бывший во время этой скандальной истории премьер-министром. - Сомневаюсь, что ФСБ когда-либо планировала бы какие-то акции против Березовского. Поэтому мне кажется, что это просто его давняя борьба, которая у него была с Ковалёвым, и как бы нагнетание им своей собственной значимости, привлечение к себе излишнего внимания».

Так или иначе, вследствие этого скандала Ковалёв был уволен, а в июле 1998 года на пост главы ФСБ назначили Владимира Путина. Для сотрудников ФСБ это назначение было полной неожиданностью. Путин дослужился лишь до подполковника, оставил работу в органах десять лет назад - и вот теперь ему доверили руководить всей структурой! Он быстро укрепил свои позиции, уволив человек тридцать генералов из руководства ФСБ и начальников подразделений, и заменил их верными людьми. Вскоре он доказал свою политическую преданность шефу, президенту Ельцину, разрушив политическую карьеру генпрокурора Юрия Скуратова.

«Прокурор Скуратов, который вёл дела о коррупции и постоянно заявлял о

намерении искоренить коррупцию в России, неожиданно споткнулся, обнаружив ниточку, ведшую в Кремль, - замечает бывший генерал КГБ Олег Калугин. - Вместо того чтобы отдать распоряжение о прекращении расследования, он позволил его продолжать. В результате всплыли имена членов семьи Ельцина, самого Ельцина, имена его финансовых спонсоров и гарантов - всё оказалось зафиксировано на бумаге. Скуратову было велено прекратить расследование, но он уже ускользнул из-под контроля Кремля».

Деятельность самого Скуратова взялся расследовать Путин. В начале февраля 1999 года, когда Генпрокуратура объявила о ведении уголовных дел против Березовского и других приятелей Ельцина, российское государственное телевидение показало видеозапись обнажённого мужчины, похожего на Скуратова. Он резвился в постели с двумя проститутками. Кремль сразу же объявил об отставке Скуратова. Но генеральный прокурор нашёл поддержку в Совете Федерации, который имел право ратифицировать увольнение и назначение генерального прокурора и отказался утвердить его отставку. Весь следующий год как Ельцина неоднократно пытался уволить Скуратова и изгнать с занимаемой должности, но сталкивался с постоянным сопротивлением Совета Федерации.

«И всё же Ельцин был убеждён, что Путин - человек совершенно надёжный, преданный интересам семьи (клана Ельцина), - замечает Калугин. - Путин - это человек «яволь»: если президент велел, Путин сделает. Это качество сделало его незаменимым для президента Ельцина».

В августе 1999 года Путина назначили премьер-министром. Березовский и остальные представители ельцинского клана полагали, что они нашли человека, который не только не был запачкан скандалами ельцинского режима, но и послужил бы гарантом того, что после смены власти никаких репрессий против них не последует. Ельцин публично назначил Путина своим наследником на президентский пост. Клан Ельцина также создал прокремлёвскую политическую партию, «Единство» - разношёрстную совокупность преданных официальных лиц и знаменитостей, - чтобы принять участие в парламентских выборах в декабре 1999 года. Березовский и его кремлёвские союзники мобилизовали все ресурсы для того, чтобы набрать для «Единства» как можно больше голосов в ходе парламентских выборов, и впоследствии, в ходе президентских выборов, выдвинуть Путина в качестве основного кандидата.

Для решения этой задачи у Кремля были неограниченные возможности. Кремль распоряжался вооружёнными силами и милицией. Кремль контролировал государственный бюджет и денежные потоки богатейших российских компаний. Кремль владел радиоволнами, на которых вещали большинство телеканалов. Единственно, чего у Кремля не было, - это убедительной кандидатуры на пост президента. То, что Путина назначили такие крайне непопулярные в народе личности, как Ельцин и Березовский, могло ему только повредить; рейтинг популярности Путина летом 1999 года колебался от 2 до 5 процентов, куда ниже, чем у Евгения Примакова и Юрия Лужкова, лидеров ведущего политического блока «Отечество - вся Россия» и ярых противников Березовского.

Тесную группку клептократов, составлявших «семью», ждало мрачное будущее - дела об отмывании денег за рубежом, очень большая вероятность поражения на парламентских, а затем и президентских выборах. Березовский знал, что успех 1996 года повторить не удастся. Тогда миллиарды наличных долларов и убойная рекламная кампания в СМИ позволили Ельцину вырвать победу на финишной прямой. Но теперь у Кремля не было полной монополии на

средства массовой информации - целый ряд национальных газет и как минимум один телеканал (НТВ Гусинского) поддерживали союз Примакова и Лужкова. К тому же этот союз выглядел куда более привлекательной альтернативой, чем коммунисты в 1996 году. В любом случае, россияне не дадут одурачить себя ещё раз, они не будут голосовать за кремлёвского назначенца только потому, что им так сказали. Чтобы обеспечить победу Путину и «Единству», понадобится какой-то сильный внешний фактор. Понадобится война.

Вторая чеченская война

Год назад Березовский предупреждал российский политический истэблишмент насчёт Чечни и напоминал всем: остановить там разгул насилия удалось главным образом благодаря его усилиям. «Что касается войны в Чечне... опасное заблуждение сегодняшней власти считать, что этот вопрос исчерпан, - говорил Березовский журналистам весной 1998 года. - Когда Немцов и Чубайс просили меня убрать (осенью 1997 года), то должны были думать, кто будет этим дальше заниматься. Мы же видим, что с моим уходом ситуация в Чечне не улучшилась. Она медленно, но ухудшается. С этого момента я считаю, что за происходящее в Чечне полную ответственность несут Чубайс и Немцов».

Через два месяца после этого предсказания Березовского снова ввели в состав российского правительства и назначили исполнительным секретарём СНГ. Его отношения с различными чеченскими военачальниками и террористами снова обрели официальную основу. Березовский совершенно справедливо говорил о том, что Чечня является ключевым фактором, определяющим политический процесс в России. Чечня - это была его козырная карта. В течение целого ряда лет он продолжал оставаться заметной фигурой в межгосударственной игре именно благодаря своему влиянию в этой захваченной бандитами республике. Теперь, в 1999 году, когда приближался конец эры Ельцина, Березовский разыграл чеченскую карту по полной програме.

В начале марта 1999 года в аэропорту Грозного был похищен личный посланник президента Ельцина, генерал МВД Геннадий Шпигун. Сергей Степашин, в то время министр внутренних дел, заявил: сносить подобное оскорбление российское правительство не будет. Степашин, сначала в ранге министра внутренних дел, а потом и в ранге премьер-министра, разработал план бомбардировок учебных лагерей чеченских террористов; он также решил создать зону безопасности, для чего занять северную, прорусскую, часть республики до берегов Терека. Эта военная операция должна была состояться в августе и сентябре. Вопрос заключался в том, как добиться поддержки боевых действий со стороны населения России, как избежать массовой оппозиции, которая и подорвала военные усилия правительства в ходе первой чеченской войны в 1994-1996 годах.

Решение подсказали сами чеченцы. В первые дни августа 1999 года подразделение из нескольких тысяч чеченских боевиков вторглось в Дагестан, заняло несколько деревень и объявило о создании Исламской республики. Во главе этой бригады стояли двое. Во-первых, Шамиль Басаев, террорист со стажем, прославившийся кровавым налётом на Будённовск в 1995 году и захватом заложников в городской больнице. Во-вторых, некий загадочный Хаттаб, представитель исламского фундаментализма из Саудовской Аравии, участник ряда войн на территории Афганистана и Средней Азии, якобы связанный с саудовским террористом Осама бин Ладеном - главный подозреваемый в

организации взрывов на территории посольств США в Африке в 1998 году. Хаттаб был членом движения ваххабитов, эта секта исламских фундаменталистов получала деньги из Саудовской Аравии и быстро пускала корни в Чечне и Дагестане; ещё одним человеком, связанным с движением ваххабитов, был давний партнёр Березовского по переговорам об освобождении заложников - Мовлади Удугов. Дагестанские деревни, занятые Басаевым и Хаттабом, относились к движению ваххабитов с сочувствием, однако остальная часть населения Дагестана была решительно против набега чеченцев.

Вторжение в Дагестан развязало российскому правительству руки - теперь можно посылать на Северный Кавказ серьёзные силы. Ведь чеченцы повели себя как агрессоры, и Кремль просто защищает свою территорию, к тому же население Дагестана в подавляющем большинстве поддерживало россиян. Чеченское подразделение, напавшее на Дагестан, хотя и крупное и хорошо оснащённое, не было послано правительством Чечни: оно было крупнейшим среди независимых боевых групп, которые возникли по всей Чечне за счёт вливаний извне, выкупов за похищенных людей, операций на чёрном рынке и других преступных деяний.

Через месяц после нападения на Дагестан я позвонил президенту Чечни Аслану Масхадову, и он пытался заверить меня, что не имеет никакого отношения к боевым действиям. «Басаев - это рядовой гражданин Чечни, - заявил он. - Он может ехать в Дагестан, Косово, Боснию, но он представляет только себя, Шамиля Басаева. Он ни в коем случае не представляет чеченский народ, тем более чеченское правительство. Это десятка людей, которые отпустили бороды, и сторонники большого джихада. Это управляемые кем-то, откуда-то профинансированные, даже не без участия финансовой олигархии из Москвы, которая окружает Ельцина».

Масхадов намекал непосредственно на Березовского. Березовский передал Шамилю Басаеву миллион долларов наличными, если не больше. Позднее Березовский признал этот факт, хотя деньги якобы предназначались на «восстановление цементного завода». Разумеется, у Березовского были более устойчивые и долгосрочные финансовые отношения с Мовлади Удуговым, чей брат был одним из лидеров секты ваххабитов. Магнат переводил деньги Удугову неоднократно, внешне в рамках переговоров об освобождении заложников. Записанные на плёнку телефонные разговоры между Березовским и Удуговым, где речь идёт о том, как переправить деньги, судя по всему, состоялись в июле 1999 года - менее чем за месяц до нападения чеченцев на Дагестан. Газета «Московский комсомолец», опубликовавшая части этих телефонных бесед, предположила, что переговоры между Березовским и его чеченскими собеседниками касались нападения Басаева и Хаттаба на Дагестан, но из текста переговоров это не следует - вполне возможно, что речь опять-таки шла о чьём-то освобождении.

В определённой степени Березовский представлял в Чечне интересы ельцинского режима, и в этом смысле Кремль занимал всё менее умеренные позиции, оказывал экстремистам финансовую и политическую поддержку и, как следствие, сеял семена конфликта. В лучшем случае эта политика оказалась просто ошибочной: Березовский и его союзники из Кремля перемудрили, в итоге их двурушничество сыграло с ними злую шутку. Точно так же КГБ, финансируя частных предпринимателей и боссов организованной преступности, намеревался помешать распаду Советского Союза, но лишь его ускорил. В худшем случае можно говорить о том, что политика Березовского в отношениях с чеченскими

экстремистами - это намеренная попытка раздуть пламя войны. Но зачем Кремлю через посредство Березовского поддерживать исламских фанатиков и, в конечном итоге, проливать столько российской крови? Масхадов утверждал: таким способом клика Ельцина пыталась удержаться за власть.

«Скоро предстоят выборы в Госдуму и на пост президента, - говорил Масхадов. - Это, соответственно, для руководства России большая проблема. Больной президент. Его окружению не безразлично, кто придёт к власти. Если придёт человек другой (из лагеря оппозиции) - им не избежать тюрьмы. Поэтому любой ценой они должны привести кого-то к власти своего. Понимаете? А где найти лучшей полигон, чем в Чечне, чтобы объявить чрезвычайное положение и оттянуть выборы?»

Всего месяц потребовался на то, чтобы из далёкого Дагестана война перебросилась в самое сердце России. 9 сентября в пять часов утра под жилым домом в захудалом районе Москвы, на улице Гурьянова, взорвалась бомба. В доме спокойно спали сто человек. Здание было стандартной восьмиэтажной коробкой, такие дешёвые жилища во времена Леонида Брежнева строили тысячами. Здание рухнуло - и погребло под руинами всех жителей. По предварительным оценкам погибло девяносто четыре человека. Спаслось лишь несколько человек, их вытащили из-под обломков в изодранном и окровавленном нижнем белье.

Через четыре дня вскоре после полуночи Москву потряс новый, более мощный взрыв: рухнул ещё один жилой дом – на Каширском шоссе 6, корпус 3, похоронив под обломками 118 человек. На Россию обрушилась беспрецедентная волна терроризма - всего за три с небольшим недели в Москве и двух провинциальных городах прогремело пять взрывов, оборвавших жизни 300 человек.

Эти взрывы изменили политическую обстановку в России. Премьер-министр Путин объявил, что страна находится на осадном положении. Российские города были охвачены тревогой. Милиция и ФСБ ввели режим повышенной боевой готовности. Ужас и горе уступили место ненависти к чеченцам, которых официально обвинили во взрывах. В течение нескольких дней число голосов в поддержку войны против Чечни резко возросло, поднялся и рейтинг Путина. Молодой премьер-министр говорил жёстко, сурово заявлял о решимости «мочить» террористов даже в сортирах. В итоге он возглавил боевые действия против террористического государства, которое угрожало жизни мирных россиян.

Ответственность за взрывы никто на себя не взял. Кремль обвинил тех же боевиков-исламистов, которые вторглись в Дагестан, но чеченские командиры высшего эшелона, включая террориста Шамиля Басаева, отрицали свою или своих людей причастность к этим взрывам. Никаких улик, указывавших на виновность конкретных лиц или групп, найдено не было. Взрывы, произошедшие в канун судьбоносных выборов 1999-2000 годов, напомнили о загадочном взрыве в московском метро за неделю до президентских выборов в 1996 году. Тогда Кремль во всём обвинил «коммунистов-экстремистов», а режим Ельцина с новой энергией заявил о том, что только он является гарантом мира и стабильности в России.

Тот факт, что Березовский вместе с другими людьми из окружения Ельцина давно поддерживал тайные связи с чеченскими экстремистами, породил подозрения о том, что взрывы жилых домов в 1999 году - дело рук самого российского правительства. Во французской газете «Le Monde» появились сообщения: российские военные экспортёры поставляют людям Шамиля Басаева оружие, летом 1999 года в курортном городке Биаррице состоялась встреча

Березовского, Александра Волошина - шефа ельцинской администрации с чеченскими полевыми командирами. Позднее «Le Monde» цитировала Березовского: по его словам, в Биаррице он встречался не с чеченским командиром, а с Владимиром Путиным, в канун назначения Путина на пост премьер-министра. Покров тайны над взрывами жилых домов становился только гуще. 22 сентября, через шесть дней после второго взрыва в Москве, милиция нашла бомбу в подвале жилого дома в Рязани. Местное подразделение ФСБ решило, что здесь снова замешаны террористы, и собралось арестовать виновных. Но на следующий день московская служба ФСБ объявила: бомба ложная, призванная проверить, какова степень готовности и бдительности местных властей. Последовали противоречивые заявления местных и центральных властей, серьёзного расследования проводить не стали, в итоге суть происшедшего в Рязани так и осталась неясной. Ещё через неделю французская газета «Le Figaro» спросила бывшего секретаря Совета безопасности России Александра Лебедя: возможно ли, что российское правительство организовало террористические акции против своих граждан? «Я в этом почти уверен» - таков был ответ Лебедя.

Эти слова произвели сенсацию: впервые высокопоставленный чиновник сказал вслух о том, на что лишь намекали в российской прессе. Позднее служба Лебедя по связям с общественностью заявляла, что эта цитата была выхвачена из контекста. Чтобы поговорить с инакомыслящим генералом, в Красноярск полетел Березовский. О чём шёл разговор - неизвестно. Но после визита Березовского генерал Лебедь замолчал; он удалился с российской политической арены и держит паузу по сей день.

Обвинения Лебедя через несколько дней подхватил президент Чечни Аслан Масхадов. Он подчеркнул, как всколыхнулись политические надежды кремлёвского клана благодаря действиям террористов и последующей военной истерии. «Чечня - полигон для всех этих политических игр, разменная карта в этих предвыборных дебатах Москвы, - сказал мне Масхадов. - Сегодня действительно пахнет войной. Наверное, начнётся большая война, большой пожар. Но виноваты в этом будут только русские. Весь этот фундаментализм, экстремизм, терроризм искусственно раздуты».

Во всплеске терроризма Масхадов обвинял то Березовского, то российские спецслужбы. Безусловно, президент Чечни был враждебно настроен к Березовскому, хотя бы потому, что магнат не раз поддерживал чеченских экстремистов в ущерб президентской власти самого Масхадова. Более того, оказавшись втянутым в новую войну с Россией, Масхадов был заинтересован в том, чтобы ослабить российскую сторону и представить Кремль в виде некой злой силы, замышлявшей что-то за спинами собственных солдат. И всё же к его обвинениям следует относиться серьёзно: Масхадов хорошо знал, как действовали в Чечне Березовский и другие члены ельцинского клана в течение ряда лет.

Трудно поверить, что к взрывам мог иметь отношение премьер-министр Путин. Конечно, эти взрывы, как никакое другое событие, обеспечили Путину победу на выборах, но в прошлом этого человека нет даже намёка на то, что он мог бы совершить такое чудовищное злодеяние ради прихода к власти. Наоборот, вся прошлая карьера Путина говорит о необыкновенной преданности кодексу поведения, хоть и авторитарному; его прошлое никак не предполагает безграничного цинизма, каким нужно обладать, чтобы угробить сограждан ради карьеры. Если взрывы и были организованы российской стороной, вполне вероятно, что стоять за ними мог кто-то из зарвавшихся сторонников Путина. В

конце концов, в сентябре 1999 года новый премьер-министр не контролировал все рычаги власти в стране. Он в большой степени полагался на независимые политические фигуры, такие, как Березовский, которые действовали ему во благо или от его имени.

В некоторых российских газетах высказывалось предположение о том, что за взрывами мог стоять Березовский. Если сентябрьские взрывы действительно организовал Березовский, это преступление свяжет с ним Путина навсегда. Даже если Путин знал, кто стоял за взрывами, в тот момент он ничего не мог сказать. Новый премьер-министр тогда лишь нащупывал почву под ногами в Кремле; и потрясающее откровение о том, что взрывы террористов были инспирированы кремлёвской кликой, подкосило бы под корень и политические надежды Путина, и военную кампанию России в Чечне. Не мог Путин обнародовать и роль Березовского в этих взрывах (если, разумеется, магнат имел к ним отношение) позже, победив на президентских выборах: ему пришлось бы признать, что он замалчивал это преступление. Отсюда вывод: если Березовский и имел отношение к взрывам, эта тайна будет приковывать Путина к Березовскому железными цепями.

Но всё это - из области домыслов. Просто слишком мало улик в пользу той или иной версии. Наиболее вероятное объяснение - бомбы действительно подложили чеченские боевики либо исламские экстремисты, действовавшие от имени своих готовых к бою собратьев по религии. Шамиль Басаев и другие полевые командиры, Салман Радуев, например, в прошлом совершали террористические выпады против мирного населения России и хвастались своими подвигами. Командир ваххабитов Хаттаб был связан со зловещим международным террористом Осама бин Ладеном. Чеченские полевые командиры славились убийственной жестокостью по отношению к своему противнику. Они публично казнили российских военнопленных и гражданских заложников, отрезая головы охотничьими ножами и снимая всё на видеоплёнку. Ясно, что в недрах чеченского подполья хватало кандидатов на то, чтобы в 1999 году поднять на воздух жилые дома.

Как следствие взрывов, российская военная машина заработала на полную катушку. Речь уже не шла о приграничной войне, о карательных ударах по лагерям террористов. Прежний план Степашина об ограниченных боевых действиях, когда российские подразделения проводят быструю и относительно бескровную кампанию по укреплению границы вдоль Терека, уступил место полномасштабным боевым действиям, призванным усмирить всю Чечню. На территорию маленькой страны были введены российские войска численностью 100 000 человек. За несколько недель они перешли Терек и окружили Грозный.

С точки зрения военного искусства эта кампания оставляла желать лучшего - постепенный распад российской армии в период правления Ельцина не мог не сказаться. Хотя официальными врагами России были Шамиль Басаев, Хаттаб и другие экстремисты-командиры, первые удары были нанесены по тем районам Чечни, которые хранили верность умеренному президенту Аслану Масхадову. Экстремисты в основном остались нетронутыми. Например, очевидными мишенями для российских боевых самолётов были расположенные в Грозном дома Басаева и Хаттаба, превращённые в командные пункты. Именно по этим домам следовало бы нанести удары в первый же день войны, но российские самолёты оставили их без внимания, выбрав для обстрела другие объекты, например старый пропеллерный самолёт, находившийся в грозненском аэропорту, или центральный городской рынок. Корреспондент «New York Times» в то время даже посетил дом Басаева и

опубликовал статью, в которой писал, что дом кишмя кишит полевыми командирами. Но на этот дом сбросили бомбы лишь через несколько недель, когда главный террорист давно перебрался в бункеры Грозного.

Российские политики и военные лидеры утверждали, что это будет «умная» война, с минимальными потерями, но вскоре конфликт перерос в «войну на истощение», напоминавшую первую чеченскую кампанию. За стремительным продвижением российских войск по северу Чечни последовала тяжелейшая битва за Грозный - бесконечная череда наступлений россиян на хорошо укреплённые позиции чеченцев среди городских руин. Кровопролитие в Грозном продолжалось несколько месяцев, и лишь потом непокорные повстанцы оставили город и ушли на юг, в горы. С обеих сторон погибли тысячи, но война продолжалась.

Вторая чеченская война только укрепила ненависть, которая жила в сердцах многих чеченцев по отношению к русским. Перед Россией на обозримое будущее возникла реальная угроза терроризма - такая угроза заставит любую страну ужесточить режим внутренней безопасности и стать в большей степени полицейским государством. Я спросил Олега Сысуева, бывшего заместителя премьер-министра и консультанта избирательной кампании Путина, - повредит ли дамоклов меч терроризма нарождающейся российской демократии? «Безусловно, - ответил Сысуев. - Такая сильная поддержка Путина во многом связанна с войной, - это на самом деле проявление тревожное... Видимо, трудно будет избежать рецидивов проявления терроризма и трудно будет избежать очень жёстких ответов на это проявление, которое, безусловно, будет бить по демократии.

Алюминиевые магнаты

При новой администрации Березовский почувствовал себя достаточно уверенно и взялся за одну из крупнейших в своей карьере деловых операций. Осенью 1999 года он начал готовиться к приобретению крупнейших российских компаний по производству алюминия. Сделка прошла 11 февраля 2000 года. Нефтяная компания «Сибнефть» сообщила: некоторые «акционеры «Сибнефти» приобрели контрольные пакеты акций алюминиевых заводов в Братске и Красноярске - двух самых крупных в стране. В тот же день представитель владельца пятого по величине алюминиевого комбината в Новокузнецке объявил: контрольный пакет акций комбината выкуплен «ЛогоВАЗом». Одним ударом Березовский, Абрамович и ещё несколько партнёров завладели двумя третями российской алюминиевой промышленности. Это был гигантский трофей. Россия держит второе место в мире по производству алюминия - после США. Алюминий стабильно давал стране валюту. В то же время алюминиевая отрасль промышленности, как никакая другая, была наводнена бандитами.

Все три алюминиевых комбината, приобретённые Березовским с компаньонами, ранее контролировались международной торговой компанией «Trans-World Group», которая возникла из небытия в 1991 году и стала играть важнейшую роль в алюминиевой промышленности России. Подобно «ЛогоВАЗу» с его коммерческими набегами, компании «Trans-World Group» всегда удавалось оказываться в самых конфликтных точках российской металлургии и выходить из борьбы победительницей.

Ключевой фигурой в «Trans-World Group» был Лев Черной, коммерсант из Ташкента. Страдающий с детства полиомиелитом, Лев Черной вместе со старшим братом Михаилом занялся в начале 90-х торговыми операциями по продаже сырья, включая экспорт леса. В 1991 году братья Черные познакомились с Дэвидом

Рубеном, владельцем небольшой международной фирмы по продаже металла. Между ними установились отношения свободного партнёрства. Черные отвечали за поставки алюминия из России, их интересы за рубежом представляла зарегистрированная в Монте-Карло компания «Trans-CIS Commodities». Через свою лондонскую компанию «Trans-World Metals» Дэвид Рубен продавал алюминий иностранным фирмам. Это партнёрство стало известно как «Trans-World Group». В основе бизнеса лежал бартер (или толлинг, как его называют в отрасли). «Trans-World» поставляла на алюминиевые комбинаты сырьё, в основном переработанный глинозём, и кредитовала их деньгами для производства алюминия. Комбинат расплачивался готовой продукцией, которая шла на экспорт. «Trans-World» сумела получить почти все лучшие бартерные контракты в российской алюминиевой промышленности. К 1994 году ей принадлежало прямо и косвенно большинство блокирующих пакетов акций на крупнейших российских алюминиевых комбинатах, она контролировала две трети производства алюминия в стране. Ей принадлежали и значительные доли в других крупных российских металлургических компаниях. Если говорить о металлопроизводстве, «Trans-World» вполне могла считаться третьей по величине алюминиевой компанией в мире.

Успех «Trans-World» во многом зависел от деятельности российской стороны, конкретно от братьев Черных и компании «Trans-CIS». Чёрные имели хорошие политические контакты в Кремле. Их российским партнёром был Владимир Лисин, бывший заместитель первого заместителя премьер-министра Олега Сосковца. Но даже опека из Кремля не спасла братьев Черных от обвинений в сотрудничестве с организованной преступностью. Например, в 1995 году МВД сообщило, что оно расследует деятельность компании «Trans-CIS» в связи с делом о фальшивых авизо 1992-1993 годов. Из заявления МВД следовало, что «Trans-CIS» заработала свои первые деньги через банки-пустышки в Чечне, обманув Центральный банк. Но доказательных улик не нашли (архивы Центрального банка в Грозном были уничтожены в ходе первой чеченской войны), и никаких обвинений братьям Черным предъявлено не было.

Единственным трофеем, который никак не давался братьям Черным, был алюминиевый гигант в Красноярске. У «Trans-World» был с этим комбинатом бартерный контракт и 20 процентов акций, но осенью 1994 года генеральный директор комбината выступил против братьев, расторг контракт и попытался (неудачно) стереть строку об их доле из реестра акционеров. Перед братьями Черными возникла перспектива потерять один из их самых привлекательных экспортных контрактов, и они решили дать отпор. Главной фигурой в Красноярске был не генеральный директор комбината, а тридцатитрехлетний предприниматель Анатолий Быков. Бывший спортивный тренер, Быков в конце 80-х организовал в Красноярске ассоциацию спортклубов, наводившую на горожан страх. Вскоре он занялся бизнесом, взял под контроль местные гостиницы, казино, торговлю автомобилями. Но главным его достижением был Красноярский алюминиевый завод. Летом 1992 года спортсмен основал компанию по торговле металлом и следующие пять лет посвятил тому, чтобы взять завод в свои руки. Битва за Красноярский алюминиевый завод оказалась исключительно кровопролитной, даже по российским стандартам: по меньшей мере пять директоров были убиты в лучших традициях гангстерских войн.

Наиболее громкие убийства в связи с Красноярском пришлись на 1995 год. В том году банк «Югорский», расположенный в роскошном новом небоскрёбе в центре Москвы, решил выйти за пределы своего традиционного бизнеса - торговли нефтью - и заключить партнёрские отношения с Красноярским алюминиевым

заводом. В начале 1995 года вице-президентом банка «Югорский» стал Вадим Яфясов. Яфясов работал в Министерстве металлургии, в отделе, отвечавшем за выдачу лицензий на экспорт металла. Начав работать в банке «Югорский», Яфясов вскоре был назначен заместителем генерального директора Красноярского алюминиевого завода. 11 апреля 1995 года Яфясов по дороге домой был застрелен прямо в своей машине. Через три месяца пришла очередь президента банка «Югорский», Олега Кантора. Убийцы устроили ему засаду, сначала выстрелили из пистолета в голову охраннику, потом убили самого Кантора, нанесли ему множество ударов ножом и, в конце концов, выпотрошили тело. Кто и зачем убил руководителей банка «Югорский», неизвестно и по сей день.

У Красноярска были и другие контакты, сулившие независимость от братьев Чёрных - сотрудничество с нью-йоркской компанией по продаже металлов «AIOC». Во главе этой структуры стоял тридцатичетырехлетний южноафриканец Алан Клингмен; эта компания, явившись из небытия, стала одной из наиболее удачливых коммерческих структур на российском рынке металлов: она торговала алюминием, медью, никелем, цинком, сталью, ферросплавами, углём и драгоценными металлами. «Моя прибыль составляет до 100 процентов», - хвастался мне Клингмен в 1994 году. В 1995 году «AIOC» удалось установить особо плодотворные отношения с Красноярским алюминиевым заводом. «AIOC» приобрела небольшой пакет акций завода, но, самое главное, заключила бартерный контракт на экспорт красноярской продукции. В конце лета 1995 года главный представитель «AIOC» в России, Феликс Львов, заказал билет на заграничный рейс. Он прибыл в Шереметьево, прошёл таможенный и паспортный контроль и ждал вызова на рейс. К нему подошли двое, представились сотрудниками правоохранительных органов и попросили пройти с ними. Несколько дней спустя мужчина, ждавший автобус на остановке неподалёку от аэропорта, отошёл в кусты по нужде и обнаружил разлагающийся труп Львова. Убийство остаётся загадкой. Но «AIOC» восстановить свои позиции не удалось. Бартерный контракт с Красноярском был расторгнут, а менее чем через год компания объявила о банкротстве и исчезла.

Между тем «Trans-World» набирала в Красноярске обороты. В 1998 году она уже была партнёром Анатолия Быкова на заводе. Но правоохранительные органы не давали братьям Черным покоя. 21 февраля 1997 года министр МВД Анатолий Куликов выступил в Думе с удивительным заявлением: Россия должна сделать всё возможное, чтобы оградить стратегически важную алюминиевую промышленность от преступников. Он заявил, что почти все контракты на Братском и Красноярском алюминиевых заводах контролируются бандитами, и попросил Генеральную прокуратуру ускорить расследование деятельности братьев Черных. «Криминальные структуры монополизируют рынок, разрушают его, превращают экономические отношения в отношения между преступными группировками», - написал Куликов через три недели в письме в газету «Коммерсант». Но опять-таки, как и в 1995 году, расследование деятельности братьев Черных ни к чему не привело, и никаких обвинений предъявлено не было.

Возникает вопрос: почему после такого лихорадочного, но весьма прибыльного налёта на российскую алюминиевую промышленность «Trans-World Group» в 1999 году вдруг решила выйти из игры? Ни Лев Черной, ни Дэвид Рубен в официальной прессе ничего об этом не говорили. Но, судя по всему, выгодная для «Trans-World» сделка стала кому-то активно не нравиться. Основной партнёр компании по Красноярскому алюминиевому заводу, Анатолий Быков, попал в венгерскую тюрьму. «Trans-World» лишилась влияния над весьма важным для её

деятельности Ачинским глинозёмным комбинатом, а правительство Путина увеличило налоговое бремя по бартерным соглашениям, в прошлом ключевым источникам прибылей для «Trans-World». Разговоры о том, что в отношениях между лондонским шефом «Trans-World», Дэвидом Рубеном, и российским шефом, Львом Черным, возникла трещина, шли давно. Брат Льва - Михаил к тому времени вышел из дела и занялся Саянским алюминиевым заводом. Лондонское подразделение компании стремилось не запачкаться и никогда не вдавалось в детали того, как работал российский филиал. В этом отношении можно предположить, что инициатором раскола был именно Черной, решивший поменять малоэффективного компаньона Рубена на людей с мощными политическими связями - Березовского и Абрамовича.

Партнёрство с Березовским сулило Черному прекрасные перспективы. У Черного было очень много ликвидного капитала, но не хватало политического влияния, особенно после того, как летом 1996 году был отправлен в отставку Сосковец. Березовский же постоянно испытывал нехватку средств - его огромное богатство представляло собой преимущественно неликвидные активы, но мог обеспечить Черному политическую поддержку, в которой тот крайне нуждался. Так Березовскому с партнёрами удалось взять под контроль один из крупнейших в России источников валютной выручки.

Могло показаться, что вторжение в алюминиевый бизнес было со стороны Березовского полной неожиданностью. Но есть свидетельства: алюминий привлекал его внимание и раньше. В 1993 году ежегодник по нефти и газу, составленный лос-анджелесским торговым издательством совместно с крупной аудиторской компанией «Ernst & Young», перечислил основные контракты в сфере торговли сырьём в первые годы ельцинского режима; в ежегоднике фигурирует «ЛогоВАЗ», в 1992 году он провёл операции по экспорту 840 000 тонн алюминия. Это была гигантская поставка, тянувшая по тем временам на 1 миллиард долларов. Я не нашёл подтверждения этой операции в другом источнике; но если «ЛогоВАЗ» действительно экспортировал такое огромное количество алюминия, весьма вероятно, что он просто позволил кому-то воспользоваться своим правом на спецэкспорт, этот «кто-то» и провёл саму сделку. В любом случае, через два года лицензия на спецэкспорт у «ЛогоВАЗа» была отозвана, и больше в 90-е годы «ЛогоВАЗ» в операциях с алюминием замечен не был.

А вот Березовский поддерживал тесные отношения с ключевой фигурой в «Trans-World Group» - Львом Черным. Хотя помощники Черного утверждают, что два предпринимателя познакомились лишь в 1998 году, за многие годы деловые интересы Березовского и Черного не раз проявлялись в одно и то же время в одном и том же месте. К примеру, в 1992-1993 годах, когда Березовский только завязывал контакты с чеченцами на предмет «крыши» на рынке автомобилей, компания «Trans-CIS Commodities» якобы использовала регистрацию в Чечне для того, чтобы провернуть банковскую аферу. В 1994-1995 годах у Березовского и Черного были одни и те же политические покровители: в первую очередь первый заместитель премьер-министра Олег Сосковец. В 1997 году «ЛогоВАЗ» и «Trans-World» союзничали в борьбе с «Онэксим-банком» Владимира Потанина при проведении залоговых аукционов. В 1999 году их снова упоминали вместе - в контексте приобретения влиятельной газеты «Коммерсант». Но хотя карьеры Березовского и Черного во многом развивались синхронно, человеку со стороны невозможно определить, каковы истинные взаимоотношения этих людей.

Березовский последовательно брал в свои руки автомобильную,

телевизионную, авиационную и нефтяную отрасли промышленности, и алюминий - это его пятый серьёзный набег на мир бизнеса. Видимо, он полагал, что может считать Владимира Путина своим другом. Во многих отношениях Березовский оказывал новому премьер-министру покровительство. Летом 1998 года он сыграл важную роль в приходе Путина на пост главы ФСБ. Его роль была ещё важнее, когда год спустя Ельцин принял решение заменить Путиным премьер-министра Степашина. Кампания в средствах массовой информации в поддержку Путина перед выборами - и здесь Березовский как следует постарался. Но всё это не гарантировало Березовскому иммунитета от судебного преследования.

Иммунитет

Чеченская война всколыхнула волну национализма, и политический пейзаж перед парламентскими выборами 1999 года решительным образом изменился. Прокремлёвская партия «Единство», не успев возникнуть, стала одной из наиболее популярных политических организаций в стране. Одновременно партия Лужкова и Примакова «Отечество - вся Россия», в чьей победе на парламентских выборах (а потом и на президентских) ещё несколько месяцев назад никто не сомневался, неумолимо, по опросам общественного мнения, утрачивала свои позиции.

В этих событиях Березовский играл ключевую роль. Безусловно, его телеканал ОРТ не был единственным в стране, но основная часть населения именно его продолжала считать главным источником новостей и информации. Поколения россиян привыкли к тому, что официальную линию компартии им скармливали именно по первому каналу. Березовский позаботился о том, чтобы этот канал поддерживал войну против Чечни, восславлял Путина, продвигал партию премьер-министра. Одновременно звезда новостных программ канала, Сергей Доренко, взялся по воскресеньям вести обзор событий за неделю и в этих обзорах разносил в пух и прах Лужкова и Примакова. Московского мэра Лужкова Доренко стал обвинять в некомпетентности, подкупе и совершении убийства. Найти компромат на бывшего премьер-министра Евгения Примакова было гораздо сложнее, поэтому кремлёвские специалисты по связям с общественностью решили обыграть возраст Примакова - например, развешанные по Москве и другим городам плакаты изображали не что иное, как инвалидное кресло. Пропутинская пропаганда велась весьма эффективно, за ней, как и в 1996 году, определяя направления главных ударов и озвучивая их через Доренко, стоял Березовский. «Один Доренко смог решить результат парламентских выборов в декабре, - сказал мне позднее помощник Путина по избирательной кампании Олег Сысуев. - Возможно, это преувеличение, но большая доля правды тут есть».

Сам Березовский решил баллотироваться в Думу. Может показаться странным, что мастер кремлёвской интриги захотел выделить время и деньги на то, чтобы стать избранным членом парламента, но членство в Думе имело одно неоспоримое преимущество: оно давало неприкосновенность от судебного преследования. Вместо того, чтобы потребовать от официальных выборных лиц более высокого стандарта поведения по сравнению с рядовыми гражданами, поставить их в более жёсткие правовые рамки, российская Конституция поднимала парламентариев над законом.

В результате самые оголтелые преступники стали прятаться от закона в Думе. Например, Сергей Скорочкин, который, будучи парламентарием, убивал людей. Скорочкин признался, что лично застрелил двоих в своём округе (по его утверждению, это были «наезжавшие» на него бандиты); но из-за парламентской

неприкосновенности никто расследовать это дело не стал. Через несколько месяцев убили его самого. Другой пример - Сергей Мавроди, создатель хорошо известной пирамиды «МММ», попавший в тюрьму за то, что обманул миллионы вкладчиков. В ходе парламентских выборов 1995 года МВД объявило: по меньшей мере 83 кандидата на 450 мест ранее имели судимость. Среди избранных членов парламента были убийцы, сутенёры, богатые владельцы казино, наркодельцы. Неудивительно, что Дума стала сценой гангстерских разборок: убили как минимум троих депутатов парламента, плюс человек десять сотрудников аппарата.

С достойными и истинными парламентариями соседствовало большое количество шарлатанов и преступников. Дума превратилась в гигантский сарай, под крышей которого перед телекамерами резвились самые низменные экземпляры. Наиболее ярким воплощением парламентского духа был шут-националист Владимир Жириновский. Возможно, российская экономика лежала в руинах, а общество изнемогало под гнётом беззакония, но, по крайней мере, страна обрела свободу слова. Жириновский был выдающимся оратором. Россиянам нравилось смотреть на его чудачества: то он плеснул водой в лицо молодому реформатору Борису Немцову, то оттаскал за волосы парламентскую даму, делая вид, что отбивается от пытавшихся утихомирить его коллег. На следующий день он грозил Германии и Японии ядерным уничтожением, обвинял главу ФСК Сергея Степашина в том, что тот - агент «Моссада». Развлекать народ - такова была роль Жириновского в российской политике. Он показывал всей России: парламентская демократия - это дурная шутка. Когда в ходе предвыборной кампании 1999 года Жириновского спросили, почему в избирательном списке его партии так много заведомых бандитов, он ответил: это очень хорошо, потому что «лидеры теневой экономики представляют реальную власть в стране».

Неудивительно, что, за редкими исключениями, например, отказ ратифицировать кандидатуру Черномырдина на пост премьер-министра в сентябре 1998 года, Дума оказалась структурой весьма уступчивой. Часто она не могла воспользоваться даже теми ничтожными полномочиями, какие ей даровала ельцинская Конституция. Если голосование имело решающее значение, например, утверждение ельцинских кандидатов на пост премьер-министра или действия по импичменту, Кремлю всегда удавалось получить необходимое количество голосов: многих законодателей либо подкупали, либо шантажировали. Дума не могла защитить интересы России, зато она очень здорово защищала свой основной контингент: новый класс российских преступников. За многие годы парламент не сделал ничего, чтобы положить конец организованной преступности. Только в 1997 году - через четыре года после начала бандитской войны - Дума наконец провела закон по борьбе с организованной преступностью, дав власти правовые рычаги в сражении с бандитами. Закон об отмывании денег был принят только летом 1999 года, но президент Ельцин наложил на него вето.

Баллотируясь в Думу осенью 1999 года, Березовский остановил свой выбор на отдалённом избирательном округе: автономной республике Карачаево-Черкессия. Это обедневший уголок Северного Кавказа с населением 300 000 человек. Карачаевцы издавна поддерживали добрые отношения с чеченцами. Подобно чеченцам, карачаевцев подвергли массовой депортации во время сталинских репрессий: они якобы сотрудничали с нацистами. Губернатором Карачаево-Черкессии был Анатолий Семёнов. Этнический карачаевец, Семёнов во время первой чеченской войны стоял во главе Российских Сухопутных войск. Вскоре после окончания войны Семёнов был уволен из армии и попал под следствие: его обвинили в том, что с его ведома чеченцам продавали российское оружие. Во

время первой чеченской войны такое обвинение в адрес российских командиров не было редкостью, но ничего конкретного по делу Семёнова не доказали, и оно было закрыто.

19 декабря при поддержке генерала Семёнова Березовский легко прошёл в Думу и получил столь желанный парламентский иммунитет. Российская генпрокуратура продолжала вести дело Березовского, но теперь магнат чувствовал себя спокойнее: до суда дойдёт, лишь если Дума лишит его парламентской неприкосновенности. В парламент прошёл и компаньон Березовского по «Сибнефти» Роман Абрамович, он представлял избирателей Чукотки, насквозь промёрзшей пустоши, этот район в России известен, как один из самых бедных и слаборазвитых.

Парламентские выборы в декабре явились гигантской победой Путина и Кремля. Недавно сформированной партии «Единство» удалось собрать 23 процента голосов и почти догнать коммунистов (24 процента). Две партии оппозиционеров: «Отечество - вся Россия» Лужкова и Примакова и «Яблоко» Явлинского - выступили ужасно, набрав соответственно 13 и 6 процентов голосов.

Уверенная победа Путина над политическими противниками подтолкнула президента Ельцина к шагу, который в его окружении рассматривали давно. 31 декабря, обращаясь по традиции к народу, Ельцин объявил: он не будет оставаться на посту до конца срока; полномочия президента он слагает прямо сейчас и передаёт их Владимиру Путину. Президентские выборы состоятся через три месяца, 26 марта 2000 года.

Передача власти осуществилась скорее монархическим, нежели демократическим путём - царь уходит и назначает вместо себя наследника.

Прощальная речь Ельцина была пронизана нотками извинения. «Я прошу у вас прощения, - сказал Ельцин телезрителям, - за то, что многие наши общие мечты не сбылись, за то, что многое, казавшееся нам таким простым, оказалось мучительно сложным... Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, в моём сердце - бессонные ночи, мучительные раздумья о том, как сделать, чтобы народу жилось лучше и легче».

Через несколько дней, демонстрируя необычайную набожность, Ельцин с семьёй отправился в Иерусалим на праздник православного Рождества. С ним полетел и Березовский.

В тот же вечер, когда Ельцин произнёс прощальную речь, новый действующий президент России Владимир Путин подписал указ, по которому Ельцину и его семье давалась масса льгот и привилегий, в том числе и иммунитет от уголовного преследования.

Эпилог

Суть разрушительного наследия Березовского в том, что ради собственных интересов он украл само государство. В других странах могущественные бизнесмены лишь лоббируют в правительстве свои интересы. Березовский же подчинил себе людей, стоявших во главе правительства, и заставил государство вскармливать его бизнес-империю. К тому же он трубил об этом на весь мир.

Березовский, равно как и другие «приближённые» капиталисты, ничего не сделал для российских потребителей, для промышленности, для российской казны. Не создал нового богатства. Все его деловые начинания сводились к

захвату предприятий, которые уже были высоко прибыльными либо оснащены исключительными ресурсами. Компании, которые он приватизировал, не стали богаче, конкурентоспособнее. Наоборот, под его патронажем они постепенно разрушались. Его приход к власти на ОРТ не улучшил качество программ, не сделал канал более эффективным. ОРТ на сегодня - канал весьма серенький, скорее всего, без солидных государственных субсидий его ждало бы банкротство. Захват «Сибнефти», этого нефтяного гиганта, также не повлёк за собой заметного роста производительности, не улучшил управление финансами компании. «Аэрофлот», прежде монополист на весьма динамичном рынке, при Березовском расширялся очень вяло и постоянно испытывал нехватку средств. Грандиозный инвестиционный проект «АВВА» столь же грандиозно рухнул. Один крупный банк, к которому имел отношение Березовский, - «СБС-Агро» - с треском лопнул, отняв у вкладчиков их сбережения. Вся деловая карьера Березовского выстроена на подкупе государственных чиновников или крупных управленцев. Единственное стоящее предприятие, которое он выстроил с нуля, - это автодилерская система «ЛогоВАЗа». Но и здесь он преуспел не потому, что оказывал качественные услуги или умело использовал рыночную нишу - нет, в основе его прибылей был сговор с руководством «АвтоВАЗа», которое поставляло ему машины по цене ниже себестоимости.

Можно сказать, что по западным меркам Березовский - некомпетентный менеджер, зато в сфере политической интриги ему просто нет равных. С той минуты, как в 1993 году Березовский вошёл в ближний круг Ельцина, его взлёт был стремительным и неостановимым. Изобретательность в сочетании с безжалостностью - подобного деятеля Кремль ещё не знал. Березовский успешно провёл две президентские избирательные кампании (в 1996 и 2000 годах) и водрузил на трон своего кандидата. Он удержался на плаву, несмотря на скандалы с коррупцией, бомбу в машине, туманные кремлёвские интриги, рсследование дела об убийстве, даже ордер на арест. Периодически его противники вздыхали с облегчением, полагая, что уж тут-то ему конец, но ему удавалось их перехитрить и пускать их корабль ко дну.

Успехи Березовского на финансовом поприще, удачные попытки изобразить из себя ценного государственного деятеля во многом объяснялись его отношениями с крупными российскими преступниками. В нескольких случаях ему доводилось маневрировать между воюющими бандитскими группами - и выходить победителем. Но, в конечном счёте, если оставить в стороне необходимые отношения с чеченскими бандитами, ставшими в своей стране народными лидерами, Березовскому удалось уйти из мрачного мира бандитских разборок. Это был человек масштабных идей, разработчик стратегических планов, а исполнять грязную работу он позволял посредникам и подчинённым.

Открывая в апреле 1996 года специальные слушания в Конгрессе США по вопросу организованной преступности в России, конгрессмен Бенджамен Гилмен сказал: «Зачастую практически невозможно провести черту между российской организованной преступностью и российским государством. Во многом деятельность российского государства - это чистейшая клептократия, призванная обогатить власти предержащие и их помощников».

На этих же слушаниях у директора ФБР Луиса Фри спросили, а не возникает ли в России «перманентная уголовная культура»? Он ответил: «Пожалуй, суд ещё не вынес окончательный приговор. Думаю, в настоящее время они переживают критический период… в смысле, кому реально принадлежит власть - преступникам

или народным избранникам».

Фри говорил дипломатично. Организованная преступность в России отнюдь не была теневым кабинетом: она составляла основу ельцинского режима. А что же сам Борис Ельцин: гигант, разбивший коммунизм, положивший конец десятилетиям советского империализма? Всё его правление - это почти полный и безоговорочный провал. Проводимые им выборы были свободными, но вовсе не справедливыми. Рынок был свободным, но только для маленькой кучки игроков. Принесённая Ельциным свобода оказалась таковой в основном для горстки политических лидеров и «приближённых» капиталистов. Это был не капитализм, не свободный рынок, не демократия. Это была мафия. Для России эра Ельцина обернулась крупнейшей экономической, социальной и демографической катастрофой, какой страна не знала со времён нацистского вторжения в 1941 году.

Что касается свободы слова и демократических завоеваний, эти принципы в основном установились ещё в конце эпохи Горбачёва. Ожидалось, что Ельцин и дальше разовьёт идеи гласности и перестройки, но ни свобода слова, ни демократические завоевания серьёзного развития при Ельцине не получили. Слово «демократия» вообще стало бранным, по сути дела, синонимом слова «мошенник». Две концепции, призванные обеспечить России будущее на западный манер, - приватизация и демократия - были дискредитированы. На улицах российских городов стали говорить о «прихватизации» и «дерьмократии».

У поражения демократии и капитализма в России 90-х годов - далеко идущие последствия. Россия всегда была одним из крупнейших в мире полем идеологических баталий. В XIX веке она служила знаменосцем абсолютной монархии в её борьбе с парламентаризмом. В начале XX века в России зародились коммунизм и тоталитаризм. В 90-е годы XX века на российской почве была опробована «американская модель». После падения коммунизма США остались единственной в мире сверхдержавой, и перед ними встала историческая задача: передать свою идеологию бывшему геополитическому противнику. Американская модель состояла из разных компонентов: политического, экономического, социального и культурного. Могла ли эта модель сработать в такой большой стране, как Россия, в стране с такими устоявшимися традициями? История ельцинского режима даёт отрицательный ответ.

Едва ли Соединённым Штатам снова представится такая возможность насадить в России систему своих ценностей. Когда в 1991 году Ельцин пришёл к власти, идеологию в России можно было писать с чистого листа. Коммунизм себя полностью дискредитировал. Никакой другой идеологии под рукой не было. Россияне с надеждой смотрели на Америку. Им хотелось стать с американцами союзниками, друзьями, хотелось воспроизвести Америку у себя, жить «в нормальной стране». Негласным оправданием всех страданий, выпавших на долю россиян в эпоху ельцинских реформ, были именно американские ценности. И когда эти реформы провалились, безоглядное восхищение, с каким Россия смотрела на Америку, тоже умерло.

Возможно, проблема в том, что американская модель, как она была подана американскими идеологами и воспринята россиянами, являла собой искажённую версию модели подлинной. Западные идеологи и консультанты ошибочно полагали: чтобы выпихнуть Россию из коммунизма в светлое западное будущее, достаточно разрушить старую административно-командную систему и ввести рыночную торговлю и частную собственность. Они забыли, что к такой перемене

государство и общество нужно готовить.

Частная собственность и свободный рынок - это ещё не гарантия высокого уровня цивилизации. Свободный рынок и частная собственность есть и в самых бедных странах. Но там нет здорового государства и здорового общества. Сегодня именно эти две категории необходимы для цивилизованной жизни.

Есть несколько базовых характеристик, определяющих здоровое государство: надёжное законодательство и средства для правоприменения; равенство всех граждан перед законом и государством; прочная финансовая основа, без которой невозможны такие институты, как национальная оборона, правоохранение, транспорт, образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение; эффективный и действенный правительственный аппарат. Здоровое государство не коррумпировано богатыми гражданами, могущественными бизнесменами или группами, отстаивающими свои узкие интересы; оно стоит на страже интересов всего общества и разрешает возникающие в нём конфликты. Наконец, здоровое государство защищает слабых от нападок сильных.

Здоровое государство не следует путать с сильным. Советский Союз был страной сильной, но отнюдь не здоровой. Его сила зиждилась на страхе, безоговорочном подчинении, бюрократии, подкупе, произволе и отсутствии независимых местных властей или гражданских организаций. Роковая болезнь Советского Союза явилась результатом того, что при всей массированной пропаганде государству не удалось пробудить чувство долга и гражданской ответственности ни у рядовых граждан, ни у элиты. Государству не удалось воспитать граждан. Те, кто считает, что здоровое государство - это сильный центр, забывают об одном: сильный центр - это лишь вершина пирамиды. Фундамент - это местные власти и независимые общественные структуры, которые конкурируют с центральным правительством, решая местные и государственные задачи. Без такой мощной базы из местных и общественных учреждений сильный центр оказывается весьма хрупкой структурой - высокая башня, выстроенная на мелком фундаменте. Такой структурой и был Советский Союз. В течение семи десятилетий коммунистическая диктатура уничтожала церкви, независимые местные власти, подлинные профсоюзы, профессиональные ассоциации, благотворительные организации - другими словами, контролировала все независимые структуры, которые могли посягнуть на монополию коммунистической партии на власть. В конечном счёте, государственная власть пришла в состояние гипертрофии и Советский Союз рухнул.

Сила системы ценностей - вот что характеризует здоровое общество. Этот фактор чрезвычайно важен, хотя и с трудом поддаётся измерению. У страны, доставшейся Ельцину в наследство, этих ценностей не хватало, а ведь они - основа процветания и демократии. Как может развиваться частное предпринимательство, если общество пронизано завистью? О каком экономическом росте может идти речь, если добросовестный труд повсеместно презирается? Как расцветёт демократия, когда никто не хочет действовать во имя общего блага? Всепроникающий российский нигилизм - это результат того, что коммунистический режим разрушил такие важные кирпичики здорового общества, как семья, религия, независимые общественные организации. Борису Ельцину досталась не страна граждан, а масса раздробленных семей и разобщённых личностей. Россияне были не гражданами, а субъектами.

Именно потому, что Борис Ельцин унаследовал нездоровое государство и нездоровое общество, ему было так трудно провести реформы. В то же время

Ельцин и его министры и сами не предприняли никаких шагов, чтобы исцелить общество и государство. При них государство стало более коррумпированным, более тяжеловесным, более безответственным. Болезнь, какой российское общество страдало при коммунизме, стала ещё глубже. Семейные ценности и чувство гражданской ответственности ещё больше потеряли в весе. В ельцинскую вахту усилилось неуважение к людям, и без того сильное при коммунизме. Иногда казалось, что российская перевёрнутая шкала ценностей вознаграждала того, кто бросал камень в огород соседа. Это уголовное мировоззрение стало доминирующим, и если ты продолжал исповедовать принципы честности, порядочности и законопослушания, твоё поведение приравнивалось к нравственному диссидентству.

Без здорового государства и здорового общества либеральные западные принципы - приватизация и свободные цены - могли лишь ускорить распад России. Чубайс и другие молодые реформаторы, проводя макроэкономические реформы, наивно насаждали однобокий вариант американской модели, пренебрегая ролью хорошего правительства и здоровых общественных ценностей, а российские бизнесмены тем временем на микроэкономическом уровне руководились своим пониманием американского капитализма, пониманием весьма искажённым. Стоило мне спросить магнатов русского бизнеса о разгуле преступности, порождённом рыночными реформами, я неизбежно слышал в ответ историю о грабителях - воротилах американского капитализма. Российский бандитский капитализм, утверждали они, ничем не отличается от американского капитализма конца девятнадцатого столетия.

Коммунистическая пропаганда всегда поддерживала лозунг о том, что бизнес в условиях свободного рынка - деятельность в чистом виде хищническая и преступная. Детей в советских школах учили: в Соединённых Штатах, этом воплощении капитализма, всем заправляет кучка безжалостных супербогачей; все крупные финансовые и промышленные империи, занимающие ведущие позиции в американской экономике, выстроены на пороке: за каждым состоянием стоят воровство, обман, даже убийство. И флагманы американской промышленности, по сути дела, - те же мошенники и преступники. Новые русские магнаты полностью усвоили этот образ западного капитализма и, став бизнесменами, они действовали в соответствии с этим стереотипом.

«Возможно, наши преступники сегодня - самые могущественные люди в стране, но эта фаза пройдёт, - говорили они. - Как в Америке. Посмотрите на своих крупных капиталистов, Рокфеллер, Форд, Карнеги, Морган. Все они начинали как преступники».

Возможно, воротилы американского бизнеса былых времён порой вступали в противоречие с законом, но они не были преступниками или расхитителями. Рокфеллер не убивал своих соперников или должников. Морган не развивал свой банк за счёт обмана американской казны. Форд не подкладывал бомбы под своих конкурентов. Карнеги не подкармливал семью президента США. Наоборот, эти воротилы, при всех своих пороках, помогали превратить Соединённые Штаты в сильнейшую экономическую державу мира. Они строили железные дороги, которые делали страну более открытой. Карнеги построил крупнейшую в мире сталелитейную отрасль. Рокфеллер создал крупнейшую в мире нефтяную промышленность. Форд изобрёл поточное производство автомобилей для американского среднего класса. Морган вкладывал деньги в индустриализацию США, он превратил Уолл-стрит в рынок, на котором мелкий инвестор может не

бояться за свои деньги. Нет, Березовский и его коллеги никоим образом не выдерживают сравнения с воротилами бизнеса из американской истории.

А как насчёт Аль Капоне и других знаменитых гангстеров, которые щеголяли по Чикаго и другим американским городам в 20-30-е годы? Разве современный разгул преступности в России не является такой же промежуточной стадией в развитии государства? Но сравнивать сегодняшнюю Россию с Диким Западом или с Чикаго времён Аль Капоне - это вздор, основанный на незнании или самообмане. Конечно, гангстеров в Америке хватало, но организованная преступность никогда не контролировала страну и не навязывала государству свою политику. Американская организованная преступность существовала только на окраинах общества. Всегда, даже во времена худших «излишеств» 20-х годов, американское общество не теряло равновесия: преобладающее большинство граждан продолжало ходить в церковь, не утрачивало семейные ценности, занималось честным трудом, голосовало за правительства, которые заботились об их нуждах. Но в России люди, подобные Березовскому, получили возможность захватить страну и спокойно её разграбить.

Разграбление государства во времена правления Ельцина по масштабам и наглости было совершенно беспрецедентным - пожалуй, здесь подходит клише «ограбление века». Но кто же виноват? Кто-то должен за это отвечать. Столь велики были ошибки ельцинского режима, столь разрушительна его политика, что вспоминается знаменитый вопрос Павла Милюкова в Государственной думе в 1916 году: «Это глупость или измена?» Свой вклад в разрушение России внесли многие. Каждый российский гражданин, который недостаточно смело и последовательно отстаивал принципы цивилизованного общества, несёт свою долю ответственности за катастрофу. Каждый мелкий чиновник, который нарушал закон или порядок «в виде исключения» в свою пользу либо в пользу кого-то ещё, несёт ответственность за разрушительное беззаконие. Но больше всех виноваты «сильные мира сего» - те, которым была дана колоссальная власть и колоссальная ответственность. Их безжалостное честолюбие и погоня за самообогащением, когда вокруг соотечественники умирали от нищеты и тысячелетняя культура рушилась, - непростительны.

В основе катастрофы также лежала российская привычка исповедовать двойную шкалу ценностей, без стеснения вести нечестную игру. Таков российский менталитет: говорить одно, а делать другое. Привычки строго следовать предписанным правилам не было. Вот пример двойной игры: готовность КГБ финансировать в 80-е годы и преступные группировки, и новые коммерческие банки в надежде взять их под свой контроль и продлить существование Советского Союза. Ещё пример: режим Ельцина финансировал горстку «приближённых» капиталистов в надежде через их посредство создать подлинную рыночную экономику. Сюда же можно отнести длительные и запутанные отношения России с Чечнёй.

В двойной игре можно упрекнуть и Запад. На то, что ельцинский режим превратился в гангстерское государство, Запад обычно предпочитал закрывать глаза. Не ведавший законов российский рынок на Западе описывали, как «незрелый капитализм» или «капитализм освоения новых территорий», с явным намёком на США XIX века. В частности, администрация Клинтона, трубившая о принципах демократии и свободного рынка, не раз игнорировала свидетельства того, что режим Ельцина - это клептократия. В 1998 году крупнейший специалист по России из ЦРУ сообщил «New York Times», что администрация Клинтона

регулярно замалчивала сообщения о продажности ельцинского режима. Один такой отчёт, посвящённый премьер-министру Черномырдину (по материалам ЦРУ, его личное состояние в 1996 году составляло 5 миллиардов долларов), был возвращён вице-президентом Элом Гором с пометкой «вздор». Этот самообман со стороны администрации Клинтона подтвердил в 1999 году Фриц Эрмарт, давний специалист из ЦРУ по России и бывший председатель Национального совета по делам разведки. В своей статье Эрмарт писал, что американские политики «не желали анализировать коррумпированность российской политики и их российских партнёров». Это нежелание Эрмарт объяснял попыткой «подогнать разведданные под политическую повестку дня», а также «циничной привычкой Вашингтона… постоянно проецировать образ успешной внешней политики».

Правительство США многократно восхваляло режим Ельцина, как «демократический» и «реформаторский», чем нанесло существенный вред либеральным принципам, по которым живут на Западе. Этот вопрос встал ребром в ходе предвыборной кампании 1996 года в России, когда администрация Клинтона оказалась перед выбором: поддерживать Ельцина или же коммунистического кандидата Геннадия Зюганова. У США не было оснований поддерживать ни того, ни другого. Когда тебе предлагают выбор из двух зол, но выбирать на самом деле не обязательно, правильнее всего воздержаться. Но администрация Клинтона отошла от официальной американской политики не вмешиваться в демократические выборы, протекающие в других странах, и оказала Ельцину солидную помощь, поддержав его кампанию и лозунгами, и средствами.

Карьера Березовского в 90-е годы выглядит воистину головокружительной: он в центре событий, вокруг творится история - рухнул коммунизм, распался Советский Союз, провозглашены демократия и свободные рынки, люди зарабатывали бешеные деньги. Но каков итог? Россия оказалась изодранной в клочья и раздавленной. Миллионы россиян умерли раньше положенного срока. Во имя чего всё это было?

В 1913 году, когда в России был настоящий парламент и независимая судебная система, страна была громоздкой и распростёртой империей под властью царя. В экономическом смысле она далеко уступала более современным державам, таким, как Германия, Великобритания, Франция и США. По некоторым оценкам, Россия располагала вторым в мире по величине валовым национальным продуктом, чуть опережая Германию, Великобританию и Францию, но это во многом объяснялось масштабами населения и просторов России. На душу населения российский ВНП был равен трети немецкого и четверти американского. Это отставание России было источником серьёзных переживаний для царских министров и образованных россиян, источником осмеяния для Ленина и коммунистов. Будущие историки до бесконечности анализировали эту ситуацию. Через семьдесят лет, в 1980 году, несмотря на все гигантские жертвы, на которые страну обрекли пятилетки, экономика Советского Союза продолжала занимать второе место в мире, а валовой продукт на душу населения всё равно составлял треть от американского и немецкого.

Но как всё изменилось сегодня! Россия откатилась назад, далеко назад. Анализ Всемирного банка показывает: в 1997 году Россия по масштабам экономики занимала 13-е место в мире, пропустив вперёд такие страны, как Испания, Южная Корея и Бразилия. По валовому продукту на душу населения Россия была отброшена на 95-е место; средний американец или немец даёт экономике в 11 раз

больше, чем средний россиянин. Другими словами, в ходе двух последних десятилетий экономическая мощь России рассыпалась с такой скоростью, какой ещё не знала мировая история.

Пожалуй, никогда прежде в долгой и нередко трагической истории России картина не была более грустной и безнадёжной. В прошлом крупнейшие национальные бедствия - нашествие татаро-монголов, период смуты, Гражданская война и коллективизация, нацистская оккупация - удавалось преодолеть, потому что страна располагала гигантскими человеческими ресурсами. У страны была мощная растущая демографическая база и здоровая народная культура, что передавалось из поколения в поколение. Кроме того, на выручку России приходили миллионы скромных героев, помогавших выстоять новому поколению. Но сегодня всё иначе. Демографическое будущее представляется туманным. Народ полностью деморализован. Можно сказать, что россияне совершают коллективное самоубийство. Где те богатыри и святые, которые спасут Святую Русь? Конечно, они всё ещё есть, но они гибнут в безвестности, борясь с непреодолимыми препятствиями. Возможно, России уже не подняться. Ни одной стране, ни одной, пусть даже великой, цивилизации не дано жить вечно. Без сомнения, Россия, как географическое единство, будет существовать ещё долго. Константинополь существует по сей день - как место на карте, которое называется Стамбул, - но великая и славная Византийская империя живёт только в музеях и учебниках истории. Точно так же и существование России - как народа и культуры - вопрос очень спорный.

Принесёт ли катастрофа ельцинской эры фатальный результат? Это зависит от того, сумеет ли страна вовремя проснуться, услышит ли молодое поколение зов предков, захотят ли женщины посвятить себя созданию больших и здоровых семей, сумеют ли правительственные чиновники поступиться собственными интересами ради чувства долга, проснётся ли у российских бизнесменов гражданское сознание.

Скорее всего, эра саморазрушения в России всё-таки завершится, и страна предпримет трудную попытку всё построить заново. Возможно, что человеком, который впервые возьмётся за эту задачу, станет Владимир Путин. Ему нужно будет восстановить право закона, привлечь инвестиции из-за рубежа и начать исцеление российского общества. Но прежде он должен разобраться с коррупцией и лже-капитализмом, воплощением которого является Борис Березовский.